ТЕ РАНГИ ХИРОА (П. БАК)

МОРЕПЛАВАТЕЛИ СОЛНЕЧНОГО ВОСХОДА

ТЕ РАНГИ ХИРОА (ПБАК)

МОРЕПЛАВАТЕЛИ СОЛНЕЧНОГО ВОСХОДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА. 1959

ГЕОГРАФГИЗ

TE RANGI HIROA (P. BUCK)

VIKINGS OF THE SUNRISE

Перевод с английского
М. В. ВИТОВА И Л. М. ПАНШЕЧНИКОВОЙ

Под редакцией и с примечаниями
С. А. ТОКАРЕВА
Предисловие В. М. БАХТА

Советским читателям широко известна книга норвежца Т. Хейердала «Путешествие на Кон-Тики», где доказывается теория заселения островов Тихого океана со стороны Америки. Идея данной книги противоположная—доказать, что заселение тихоокеанских островов шло с запада на восток.

Автор этой книги, уроженец Новой Зеландии, в жилах которого течет маорийская кровь, превосходно знал маорийский язык и языки полинезийцев. Знание местных языков позволило ему стать и знатоком истории этой части земного шара, знатоком легенд и преданий жителей далекой Океании. Основываясь на блестящем знании фольклора, а также на археологических материалах автор рассказывает о замечательных мореплавателях-полинезийцах, умевших преодолевать тысячи километров на своих крохотных суденышках.

Книга написана превосходным языком и читается с огромным интересом.

Оформление художника Б. В. ШВАРЦА

ТЕ РАНГИ ХИРОА И ЕГО КНИГА

Автор книги «Мореплаватели солнечного восхода» известен далеко за пределами южных морей, по волнам которых предки его народа направляли сотни лет назад свои суда в поисках новых земель, затерянных в безбрежных океанских просторах. Те Ранги Хироа родился 15 августа 1880 г. в небольшом городке Уренуи на Северном острове Новой Зеландии. Его отец, Вильям Генри Ниил, был ирландцем, а в жилах его матери текла кровь вождей маорийского племени Нгаги Мутунга. В тех местах, где они жили, В. Г. Ниил был больше известен как «Бак» Нил («Buck» — «красавчик» или «франт» Нил), а его жена — как миссис «Бак». Впоследствии это прозвище стало европейской фамилией будущего ученого. Свое второе имя по старинной маорийской традиции он унаследовал от единственного брата матери. Но Те Ранги Хироа был наполовину маори не только по крови и имени. В значительной степени он был также маори по языку и по культуре. Его тесное знакомство с культурой маори началось в раннем детстве, когда, примостившись на земляном полу хижины у ног своей старой бабки, маленький мальчик узнавал от нее древние маорийские легенды и историю племени своей матери. Впоследствии, получив высшее медицинское образование, он стал работать среди маори врачом; затем в течение нескольких лет возглавлял ведомство по здравоохранению маори. По роду своей деятельности он бывал в самых различных уголках Новой Зеландии и широко знакомился с положением маори с их бытом, с тем, что еще сохранилось от их самобытной и своеобразной культуры. В 1927 г. он связал свою судьбу с этнографическим музеем имени Бернис П. Бишоп в Гонолулу и навсегда покинул Новую Зеландию. С 1936 г. до конца жизни Те Ранги Хироа оставался директором музея Бишоп.

Этнограф, фольклорист и археолог, Те Ранги Хироа изъездил вдоль и поперек всю Полинезию и бесспорно до конца своих

дней оставался лучшим и авторитетнейшим знатоком полинезийской культуры. Из-под его пера вышло немало солидных монографий, среди которых наибольшую известность получили: Vikings of the Sunrise (1908), Introduction to Polynesian Anthropology (1945), Coming of the Maori (1948).

Он умер в 1951 г., почти закончив последнюю крупную работу Explorers of the Pacific (1953), которая была напечатана уже после его смерти.

Те Ранги Хироа был не только выдающимся ученым, но и крупным общественным деятелем. Подобно своим полинезийским предкам, он досконально знал прошлое своего народа и, так же как бесстрашные кормчие солнечного восхода, смело смотрел вперед, пристально вглядываясь в загадочную даль будущего. Те Ранги Хироа глубоко верил в творческие способности народов Полинезии и был твердо убежден в том, что в будущем мире им будет принадлежать почетное и заслуженное место.

Своеобразен и необычен мир Океании. На безграничных просторах Тихого океана рассыпано бесчисленное множество мелких и мельчайших островов, архипелаги и скопления которых отстоят друг от друга порой на многие сотни и тысячи километров. И что самое удивительное — эти острова были заселены задолго до того как к их берегам приплыли первые каравеллы испанских и португальских мореплавателей; заселены людьми каменного века, людьми, которые не знали ни металлов, ни письменности, ни карт, ни компаса. Зато над их головами светило солнце или сверкали звезды и ветер надувал паруса их хрупких ладей. В истории человечества не так уж много других примеров, где бы с такой очевидностью и убедительностью раскрывалось нам величие и торжество человеческого дерзания. А может быть, никакого подвига и не было? Может быть, полинезийцы — всего лишь остатки древнего населения материка, опустившегося ныне на дно Тихого океана? Действительно, подобные фантастические предположения делались не один раз. Но в настоящее время эта гипотеза оставлена всеми сколько-нибудь серьезными исследователями, тем более что она не встретила поддержки и у геологов.

Культура полинезийцев далеко не так примитивна, как это казалось ранее некоторым ученым. Действительно, полинезийцы не знали металлов, гончарного ремесла и ткачества, не употребляли лука и стрел и ходили полуголыми. Но, с другой стороны, они были искусными земледельцами, применяя на некоторых островах искусственное орошение и удобрения. Раскопки последних лет показывают, что полинезийцы были также прекрасными зодчими: их каменная архитектура монументальна и впечатляюща. Смелые и опытные мореплаватели, полинезийцы были также виртуозными судостроителями. Каждая их мореходная лодка была подлинным произведением искусства, хотя ее изготовляли при помощи каменных тесел, а части ее корпуса скрепляли шну-

рами из растительного волокна. Неудивительно, что предания полинезийцев хранят не только имена выдающихся вождей и кормчих, но и имена лодок и даже собственные имена рулевых весел и парусов.

Если же некоторые привычные для нас стороны их культуры задержались в развитии, то это вполне объясняется особенностями географической среды: на коралловых и вулканических островах Полинезии нет металлических руд, нет и глины; лук и стрелы были здесь не нужны, так как островитянам не на кого было охотиться, а для военных целей у них было немало другого оружия — палиц, пращей и др.; мягкий тропический климат позволял обходиться без одежды. Что же касается общественного строя и духовной культуры полинезийцев, то они при более внимательном исследовании оказались отнюдь не примитивными. Общественный строй полинезийцев ко времени появления на их землях первых европейцев находился на грани образования классов и государства, а их религия и мифология не уступали по сложности религии и мифологии народов античной Европы.

Но вернемся к вопросу о происхождении полинезийцев. Если гипотеза об их автохтонности не выдерживает критики, то это значит, что полинезийцы откуда-то приплыли на острова, которые они в настоящее время заселяют. Но откуда? Вопрос этот давно уже волнует умы ученых, исследователей и путешественников. Очередной попыткой ответа на этот вопрос является и предлагаемая читателю книга Те Ранги Хироа. Как и большинство современных исследователей, Те Ранги Хироа, убежденный сторонник «азиатской» теории заселения Океании и, в частности, Полинезии. В чем суть этой теории?

Невозможность переселения человека из Америки в Океанию на первый взгляд кажется очевидной. Коренные народы Америки, и прежде всего народы, заселившие побережье американского материка, не обладают ни сколько-нибудь развитой техникой судостроения, ни искусством мореплавания в открытом море. И язык полинезийцев, и их культура, по авторитетному мнению крупнейших исследователей, ведут свое происхождение из Юго-Восточной Азии. В какой-то мере об этом говорит и антропологический облик полинезийцев.

Кроме того, от американского побережья до ближайших островов Полинезии несколько тысяч километров, тогда как от берегов Юго-Восточной Азии до самой Полинезии тянется непрерывная цепь архипелагов и отдельных островов и атоллов. Неудивительно, что сторонников «американской» теории всегда было значительно меньше, нежели приверженцев «азиатской» теории. Более того, еще 10—12 лет назад многим казалось, что «американская» теория заселения Полинезии может уже считаться оставленной окончательно. Немалую роль в этом сыграла и настоящая книга, изданная еще в 1938 г.

В основу своей научной аргументации Те Ранги Хироа положил туземные предания о переселениях их предков. Эти удивительные предания являются в то же время родословными, охватывающими нередко не один десяток поколений. Впервые эти предания исследовал А. Форнандер (1877—1880), который прожил на Гавайских островах много лет и хорошо знал язык гавайцев. Несколько позже, в конце XIX в., новозеландскому ученому Перси Смиту удалось установить, что генеалогические предания полинезийцев на разных островах совпадают между собой в именах предков и в счете поколений. Таким образом, Перси Смит установил историческую достоверность полинезийских генеалогий. Увлеченный своим открытием, Перси Смит слишком доверился полинезийским преданиям и пустился в малообоснованные поиски прародины полинезийцев в Индии и даже Месопотамии.

Те Ранги Хироа относится к преданиям своего народа гораздо более критически. К тому же он проверяет сделанные на основании исследования полинезийских генеалогий выводы данными антропологии, археологии, языкознания. Не менее хорошо знает Те Ранги Хироа и современную культуру островитян.

Суть защищаемой автором гипотезы заключается в следующем: предки полинезийцев отправились навстречу солнечному восходу от берегов Индонезии, вытесненные оттуда какими-то монголоидными племенами. Их мореходное искусство и судостроительная техника совершенствовались вместе с их продвижением на восток. Через острова Микронезии предки полинезийцев достигли архипелага Таити. Один из островов этого архипелага Раиатеа и стал легендарной прародиной полинезийцев «Гаваики», упоминаемой во всех полинезийских преданиях. Именно здесь сложился облик собственно полинезийской культуры и сформировались религия и мифология полинезийцев. Отсюда, как из центра, шла по всем направлениям колонизация других островов Полинезии, в том числе и западных — Самоа, Тонга и других. На карте Те Ранги Хироа образно изображает заселение Полинезии в виде спрута, голова которого находится в Таити, а восемь щупалец протянулись по всем направлениям к различным островам Тихого океана. Такова гипотеза, защищаемая Те Ранги Хироа. Надо прямо сказать, что «Мореплаватели солнечного восхода» — лучшая книга, когда-либо написанная в защиту «азиатской» теории заселения Полинезии. И книга эта убедила многих. Конечно, споры не умолкли и после ее появления. Но это были в основном уже споры о частностях: двигались ли предки полинезийцев через Микронезию, как утверждает автор, или южнее, вдоль берегов Новой Гвинеи; были ли заселены острова Западной Полинезии переселенцами с Таити или значительно раньше, еще при движении предков полинезийцев на восток и т. п.

Казалось, вопрос был окончательно решен в пользу азиатской прародины полинезийцев. Но не прошло и десяти лет

после выхода в свет «Мореплавателей солнечного восхода», как отплыв из порта Кальяо (Перу), норвежский исследователь Тор Хейердал пересек на плоту, построенном точно по древнеперуанским образцам, Тихий океан с востока на запад и достиг Полинезии. Хейердал предпринял свое крайне рискованное путешествие не ради спортивного подвига, но для того, чтобы доказать американское происхождение полинезийцев. Плаванию на плоту предшествовала долгая исследовательская работа. Дело в том, что «азиатская» теория, несмотря на всю свою убедительность, все же не объясняла некоторых фактов, которые говорят о глубоких исторических связях полинезийцев с американскими индейцами. Эти связи так же несомненны, как и связи полинезийцев с древним населением Юго-Восточной Азии.

Здесь не место излагать аргументацию Хейердала, однако важно отметить, что его исследования явственно обнаружили односторонность «азиатской» теории. В построениях Хейердала много спорного и даже неприемлемого; такова, в частности, его гипотеза о белокожих рыжебородых «культуртрегерах», которые пришли из Европы и, пройдя через Америку, высадились в Полинезию, всюду на своем пути насаждая высокую культуру. Но главная заслуга Хейердала в том, что он снова ставит на повестку дня современной науки вопрос об «американском» пути заселения Полинезии.

Кто же все-таки прав, Те Ранги Хироа или Тор Хейердал?

Видимо, правда лежит где-то посередине. Многое говорит за то, что этнический состав населения Полинезии гораздо сложнее, чем это обычно полагают. В частности, исследования лингвистов, и в том числе Уильяма Черчилля, позволили обнаружить в полинезийских языках какую-то иную примесь, чуждую малайско-полинезийской языковой семье. Естественно думать, что это остатки языков какого-то древнего населения, предшествовавшего полинезийцам. Генеалогические предания полинезийцев полны свидетельствами о столкновениях новых пришельцев с уже бывшими там островитянами. Можно ли утверждать, что на всех островах этими островитянами всегда были такие же полинезийцы, как и те, кто приплыл позже? Последние раскопки Т. Хейердала на острове Пасхи убедительно свидетельствуют по крайней мере о двух этнических компонентах в составе коренного населения; очень вероятно, что одним из этих компонентов — более поздним — были пришельцы с американского континента. А второй компонент?

Так или иначе, но одно ясно: существуют факты, правдоподобно объяснить которые можно только опираясь на аргументацию сторонников «американской» теории; а также существуют факты, которые объясняются лишь «азиатской» теорией.

Окончательное решение сложной и увлекательной проблемы заселения Океании принадлежит будущему.

Как бы то ни было, теперь, когда автор «Путешествия на Кон-Тики» возбудил всеобщий интерес к прошлому далекой Полинезии, советский читатель прочтет книгу Те Ранги Хироа с особенным увлечением.

К тому же, книга Те Ранги Хироа привлекает внимание не только в силу вышеуказанных соображений. На первый взгляд, книга посвящена только «делам давно минувших дней, преданьям старины глубокой». В ней масса имен богов и героев, множество географических названий, которые почти невозможно удержать в памяти. Но в то же время автор в живой и образной форме рассказывает о своих многочисленных поездках по островам Полинезии, о людях, с которыми он встречался, об их жизни, об их культуре и их судьбах.

Конечно, нельзя забывать, что автор — либерально настроенный буржуазный ученый. Нарисованная им картина жизни современных островитян Полинезии выдержана в розовых тонах. Автор не видит или не хочет видеть ни колониального гнета, ни экономической необеспеченности островитян, благополучие которых во многом зависит теперь от игры цен на мировом капиталистическом рынке, ни низкого культурного уровня и фактического бесправия основной массы современных полинезийцев. Жизнь в Океании далеко не так идиллична, как ее рисует Те Ранги Хироа. И это нужно постоянно помнить*. Но вопреки этому существенному недостатку мы должны быть благодарны автору за то, что он раскрыл перед нами неисчерпаемое богатство самобытной культуры полинезийцев, показал нам истоки той душевной щедрости, внутреннего благородства и радушия, которые так свойственны островитянам южных морей. Вместе с Те Ранги Хироа мы верим, что у народа с таким славным прошлым должно быть и будет не менее славное будущее. Но мы знаем и больше: то, что это будущее придет только в борьбе с колониальным гнетом, борьбе, которая с каждым днем разгорается все ярче и яростнее. И только с уничтожением системы колониализма станет возможным плодотворное сотрудничество между полинезийцами и потомками переселенцев из Европы, сотрудничество, о котором автор «Мореплавателей солнечного восхода» мечтал до конца своих дней.

---

* О действительном положении коренного населения Полинезии см. хотя бы: Keesing F. The South Seas in the modern world New York, 1946. Народы Австралии и Океании, М., Изд-во АН СССР, 1956; Бутинов Н. А. Маори, «Океанийский этнографический сборник», М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 87—173.

В. Бахта

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Музей имени Бернис П. Бишоп[1] предпринял этнографическое исследование Полинезии, проводившееся под руководством директора музея профессора Грегори. Проведение исследовательских работ оказалось возможным благодаря финансовой поддержке, оказанной Байардом Домиником, Иельским университетом, фондом Рокфеллера и различными великодушными друзьями музея на Гавайях[2]. Музей также финансировал экспедицию из собственных средств. Было постановлено, чтобы ее доклады публиковались как можно быстрее.

Этот план так много говорил человеку, в чьих жилах текла полинезийская кровь,[3] что я оставил свой пост директора ведомства здравоохранения маорийцев в Новой Зеландии и поступил сотрудником в музей Бишопа в качестве этнографа для участия в полевых исследованиях. Сообщения полевых работников по необходимости носят несколько технический характер и не доходят до широкого круга читателей, хотя и представляют вели-

[1] Музей имени Бернис П. Бишоп был основан в Гонолулу (Гавайи) в 1889 г. некиим Чарльзом Бишопом, который почти полстолетия прожил на Гавайских островах и был большим любителем местной старины. Он основал этот музей в память своей жены, гавайки, принцессы Пауахи (по мужу Бернис Пауахи Бишоп), последнего отпрыска королевской династии Камехамеха, свергнутой в 1893 г. происками американских захватчиков; музей и теперь носит ее имя. В нем хранится богатейшее собрание этнографических коллекций по Полинезии. Директором музея являлся автор книги.

[2] Пожертвование Байарда Доминика (американский миллионер, окончивший Иельский университет) и фонд Рокфеллера, неоднократно упоминаемые автором,—очень показательный пример того, как американский капитал использует все методы для проникновения в стратегически важные для него области.

[3] Автор, хотя и метис по происхождению, сознает себя маорийцем, то есть полинезийцем, что и подчеркивает многократно в своей книге. Он, видимо, прав, ибо, несмотря на английское образование, английский язык не стал для него родным.

чайшую ценность для науки. Настоящая работа является попыткой ознакомить широкую публику с некоторыми преданиями о заселении Полинезии людьми каменного века, достойными стать в один ряд с самыми великими мореплавателями.

Я старался исходить из тех сведений, которые имеются в полинезийских мифах о сотворении людей и островов, а также в легендах и преданиях о знаменитых предках-мореходах и их плаваниях. Хотя моя книга и не предназначена для специалистов антропологов, я все же упомянул о различных обычаях и традициях, которые, по моему мнению, представляют интерес как для специалистов, так и для других читателей. Я старался, по возможности, вводить в повествование личные впечатления, придающие изложению более живой колорит.

Мной широко использовались работы, опубликованные музеем, и я в высшей степени обязан сотрудникам музея за их помощь и более всего за их критику. Завидно пользоваться сведениями от столь многих советчиков, но я должен выразить свою особую признательность Фр. Э. Вильямс, заведующей издательством музея; ей помимо прочего, приходилось исправлять ошибки в применении времен и наклонений, происходившие от того, что мне приходилось, думая на полинезийском языке, писать по-английски.

В написании полинезийских слов и собственных имен я старался придерживаться орфографии данной островной группы, употребляя гамзу или апостроф на месте выпавших согласных, даже если современный письменный язык этого не отмечает. Включение знака твердого затвора в название Hawai'i более ясно указывает на родство этого слова с центральнополинезийским Havai'i, чем современное общепринятое написание[1].

Для полинезийцев закат символизировал смерть, страну, в которую возвращались духи, восход же был символом жизни, надежды и новых земель, ждущих своего открытия. Я исполнен надежды на то, что «Мореплаватели солнечного восхода» попадут к моим соплеменникам на разбросанные по океану острова Полинезии, и это свяжет нас узами духовного родства. Перед нами встают все новые задачи, но мы обладаем славным наследством, ибо в наших жилах течет кровь тех, кто завоевал Тихий океан на судах каменного века, неудержимо стремившихся в сторону солнечного восхода.

---

[1] Ввиду важности для полинезийских языков знака гортанного затвора (') в настоящем издании он сохранен, кроме случаев общеупотребительных названий, как «Гавайи» (правильно «Гаваи'и).

Глава I

ВЕЛИКИЙ ОКЕАН

Никогда не затмится слава ваших лодок,
Лодок, бороздивших пучины океана,
Пурпурное море, Великий Океан Кива,
Который лежал распростертый перед ними.

(*Маорийская погребальная песнь*)

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ, подобно озеру, со всех сторон ограничено сушей, если не считать узкого западного пролива между Геркулесовыми Столбами, однако древним европейцам оно казалось огромным. На берегах «Пурпурного моря», как его называл Гомер, возникали и рушились древние цивилизации. Финикийцы, самые искусные в этих краях мореплаватели древности, не подвергались опасности затеряться в широких просторах суровых волн. В самых отважных своих плаваниях они лишь огибали западные берега Испании и Франции и проскальзывали через Ламанш к оловянным рудникам Корнуэлла. Возможно, что в незапамятные времена они сделали попытку отыскать путь вокруг Африки, однако и в этом случае вряд ли эти Одиссеи теряли когда-либо из виду землю. В любое время они могли пополнить запасы пищи и воды и бросить якорь вблизи берегов, пока не минует буря. Финикийцы придерживались берега, и им не приходилось ориентироваться по звездам в открытом море. Владея металлическими орудиями для постройки морских судов, они, однако, оставались каботажными моряками.

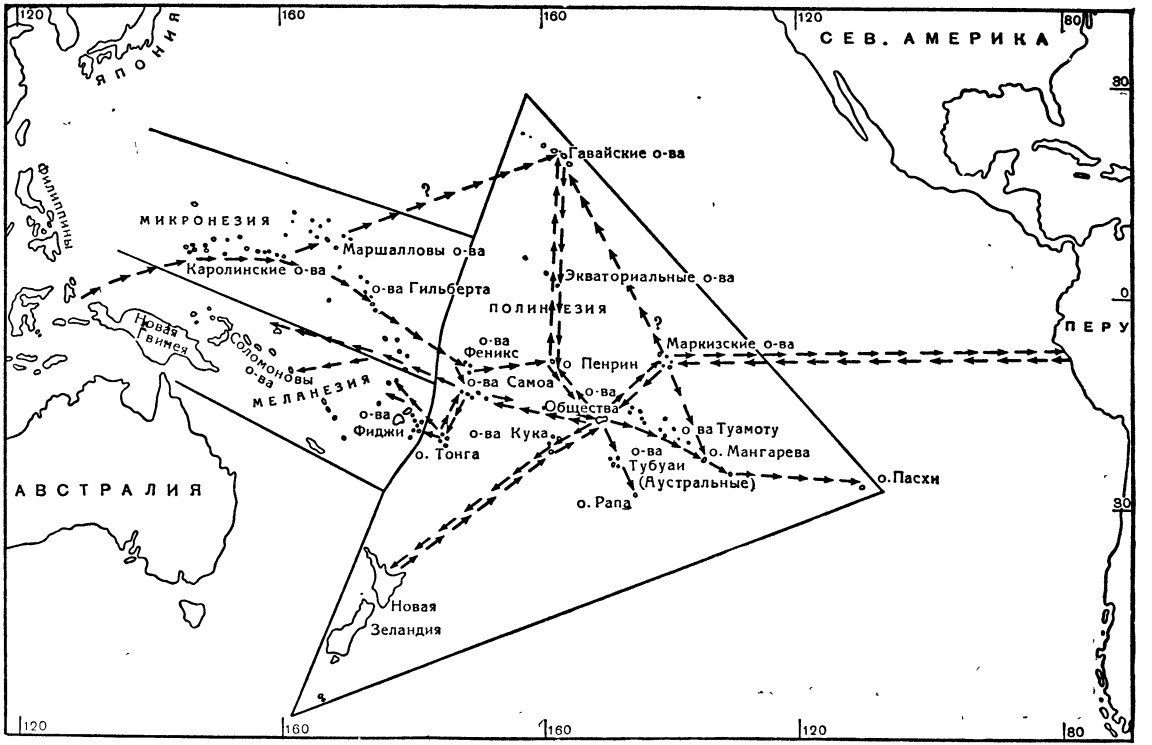
Когда заря истории забрезжила над берегами Северного моря, там обитал суровый народ отважных мореходов, который смело устремился в холодные воды Севера. Викинги в крылатых шлемах, вооруженные металлическими боевыми топорами, повели свои длинные ладьи вдоль западного побережья Северного моря, опустошая берега Британии и Шотландии. Открытый океан они оставляли за правым бортом, отказываясь от прямого пути.

Более отважные викинги выходили из замкнутых морей в неизведанные просторы северной части Атлантики. Они открыли

и заселили Исландию и Гренландию. Один из викингов по пути в Гренландию был отнесен к западу; он рассказал, что видел остров, на который, однако, не высадился. Сын Эрика Рыжего Лейф Эриксон, увлеченный рассказом о западной земле, в 1003 г. нашей эры отправился в плавание и достиг восточного побережья Северной Америки. Он высадился несколько южнее современной Новой Англии и назвал эту местность Винланд. Это был блестящий успех. Однако при всем мужестве, свойственном дальним мореплавателям, викинги придерживались знакомых северных морей; их не манили звезды широких южных просторов.

Только в 1492 г. Христофор Колумб пересек самую широкую часть Атлантики. Рассказы о богатстве Великого Хана, о сокровищах Чипангу и далекого Катая привлекли внимание европейцев. Перевозка товаров по суше отнимала слишком много времени, и поэтому Колумб, вдохновленный блестящей идеей о том, что земля представляет собой шар, попытался сократить путь и поплыл на запад через Атлантику в надежде достичь далекого Востока. Он отправился в плавание с письмом к Великому Хану от Фердинанда и Изабеллы Испанских, предлагавших завязать торговые отношения между Индией и Испанией. Матросы не разделяли убеждений своего командира относительно шарообразной формы земли, и по мере того как корабль удалялся все дальше и дальше от суши, страх оказаться на краю света едва не привел экипаж к мятежу. Чтобы успокоить команду, Колумб был вынужден давать неправильные сведения о пройденных расстояниях за день до тех пор, пока замеченный остров не принес своевременного успокоения. Остров находился вблизи побережья материка, о котором никто и не подозревал; он лежал на пути между Европой и Индией, бывшей целью их исканий. Само название Вест-Индия, данное первому открывшемуся острову и окружающим его островам, свидетельствует об ошибке мореплавателей, считавших, что они прибыли в Индию.

При всей знаменательности и важности открытия огромного нового материка, подтверждавшего теорию Колумба, европейцы только еще начинали завоевание океана. Между Америкой и Азией простирался величайший из всех океанов; по сравнению с его исследованием открытия в других океанах кажутся просто ничтожными. И когда позднее Бальбоа стоял «молча на одной из вершин Дариена» и взирал, «обуреваемый дерзкими догадками», на Тихий океан, гордость его была вполне оправдана,— он был первым европейцем, который обозревал этот океан, простиравшийся в бесконечность от берегов нового континента. Однако еще задолго до великого плавания Колумба люди каменного века на быстроходных судах пересекли Тихий океан в самом широком месте от материка до материка и заселили на его огромных просторах каждый пригодный для человеческого обитания остров.



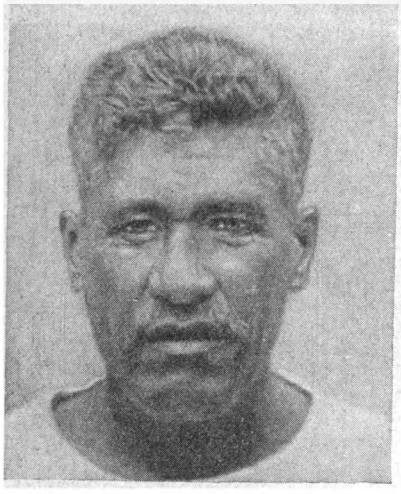
Полинезийский треугольник. Северный микронезийский путь и теоретический южный путь переселения полинезийских предков

После открытия Америки началось исследование, заселение и освоение нового континента европейцами. Америка представляла собой убежище для переселенцев, жаждавших избавиться от притеснений в странах Старого Света. Рассказы о сокровищах и богатых природных ресурсах соблазняли также и искателей приключений, купцов и пиратов. Наряду с освоением более старых, изобиловавших золотом колоний Южной Америки началось заселение новых земель на восточном побережье Северной Америки. По мере развития торговли основные морские пути, в свое время переместившиеся со Средиземного моря в Северное, теперь передвинулись в Атлантический океан.

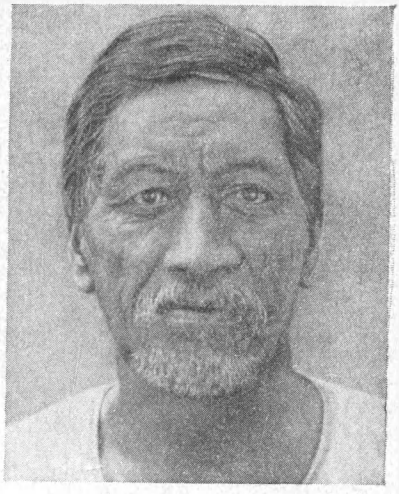
Лишь значительно позднее экономические интересы и любознательность европейцев устремились к западу и распространились на Тихий океан. Запоздалое исследование Тихого океана европейскими моряками, которые по меньшей мере были вооружены компасом и секстантом, открыли новые перспективы для развития торговли. Испанцы, португальцы, голландцы, американцы, британцы — все они сделали вклад в эти европейские открытия и присвоили новые имена островам, которые уже ранее получили названия от туземных мореплавателей. Колонизовав Австралию, Тасманию и Новую Зеландию, Великобритания распространила границы современного общественного строя на южную часть Тихого океана. Голландия установила свое господство над многочисленным туземным населением островов, расположенных между Австралией и Азией. Великобритания и Франция установили свое владычество на юго-восточной оконечности азиатского материка. Испания колонизовала Филиппины и Марианские острова, которые позднее стали владениями Соединенных Штатов. Западная граница Азии оставалась под властью коренных монголоидных поселенцев, но все же Россия медленно продвигалась на Крайний Север. Западное побережье Южной Америки было наводнено народами испанского происхождения. Западные берега Северной Америки были заселены англо-саксами, которые проникли сюда от Атлантики, установив железнодорожную связь с восточным побережьем.

В настоящее время берега Тихого океана заселены столь густо, что по сравнению с ними Европа постепенно теряет свое значение[1]. Развитие международной торговли и все увеличивающееся население Восточной Азии послужили причиной перемещения центра тяжести мировой экономики из Атлантики в Тихий океан. Небольшие острова, разбросанные по его огромным просторам, приобрели исключительное значение для воздушного флота благодаря своему выгодному стратегическому положению. Великие державы осознали, что эти острова Тихого океана могут

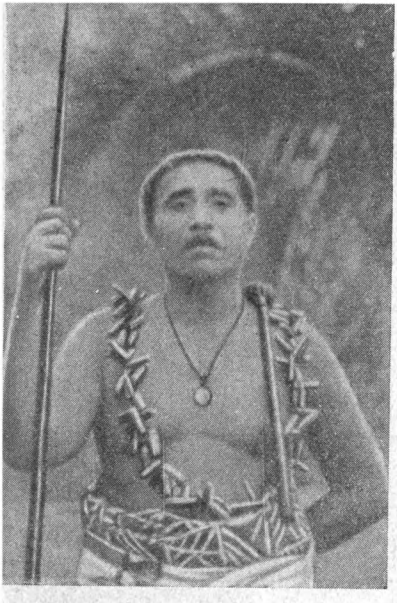
[1] Автор, видимо, разделяет довольно распространенное, особенно в американской буржуазной науке, но глубоко ошибочное мнение, что историческая роль народов Европы — в прошлом.



а



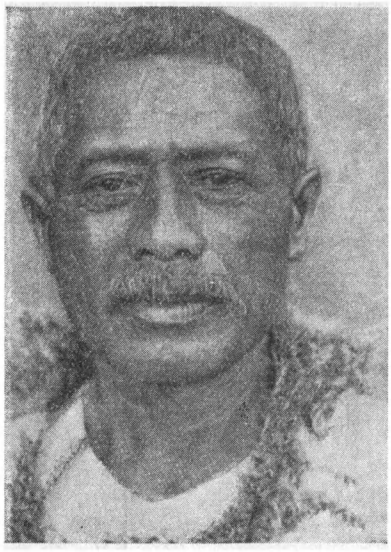
б



в

г

Типы полинезийцев:
а — Таити; *б* — Такакото (острова Туамоту); *в* — вождь, произносящий речь (острова Самоа); *г* — Руруту (Австральные острова)



а

б

в

г

Типы полинезийцев:
а — Гавайи; *б* — Гавайи; *в* — Хао (острова Туамоту);
г — Аманау (острова Туамоту)

быть использованы как аванпосты для защиты их огромных континентальных владений[1]. Тихий океан приобрел величайшее значение. Оглядим же его побережье.

Тихий океан ограничен на западе материком Азии, а на юго-западе — компактной группой островов Индонезии и большим островом Новая Гвинея. К югу от Новой Гвинеи лежит Австралия, а к юго-востоку тянутся высокие острова Меланезии, которые простираются в Тихий океан примерно на расстояние 2000 миль и оканчиваются островами Фиджи. Геологи считают острова Индонезии, Новую Гвинею и Меланезию континентальными островами; они представляли собой юго-восточное продолжение древнего материка Азии, с которым они были связаны в отдаленные эпохи. Острова неоднократно поднимались и опускались, а на заре человеческой истории образовали раздробленный Азиатский перешеек в Тихом океане.

Восточную границу Тихого океана образует западное побережье Северной и Южной Америки, которое тянется, не прерываясь, от Берингова моря до мыса Горн. Берингов пролив на севере представляет собой только 36-мильную водную преграду [2] между Азией и Америкой. Возможно, что в предшествующие эпохи и эта океаническая щель перекрывалась сухопутным мостом; возможно, что подпорки этого рухнувшего моста представлены Диомидовыми островами. Южнее — полуостров Аляска, цепь Алеутских островов, Командорские и Беринговы[3] острова образуют переходные ступени от Азии к Америке. Но даже без этих материковых мостов зимнее замерзшее море, возможно, представляло широкий путь для миграции древнего человека[4], благодаря чему не было нужды прибегать к судоходству.

С тех пор как на нашей планете появился человек, он развивался и размножался. Когда в области первоначального расселения пищевые ресурсы становились недостаточными для возросшего населения, людские группы были вынуждены отважиться на дальнейшие странствования. Одни вынуждались к передвижению, преследуемые лавиной враждебных орд; другие добровольно отваживались на рискованные переселения, соблазняясь заманчивыми перспективами. Они охотились на рыб, птиц, животных и собирали листья, плоды, семена и корни, которые находили съедобными. Постоянный голод заставлял людей изобретать усовершенствованные способы добывания пищи. С течением времени человек научился разводить съедобные рас-

[1] Как известно, империалисты всех стран всегда утверждают, что они ведут политику «защиты» своих владений. Под флагом этой «защиты» делаются все новые и новые захваты.

[2] Автор допустил ошибку; 36 морских миль равны примерно 64 км. Фактически ширина Берингова пролива составляет около 90 км.

[3] У автора неточность: остров Беринга — один из Командорских островов.

[4] Это утверждение спорно, ибо Берингов пролив замерзает целиком в очень редкие зимы.

тения и приручать животных. Когда людские группы оттеснялись дальше в еще не заселенные территории, они брали с собой культурные съедобные растения и домашних животных.

Родина первобытного человека находится, по-видимому, где-то в древней Азии; для нас еще не ясны причины, которые обусловили образование различных человеческих типов. Выделены три главные ветви: монголоиды, негроиды, европеоиды (кавказцы). Монголоиды полностью заселили все восточное побережье Азии; затем они распространились к северу и, пройдя сухопутным путем по узкому перешейку через северную часть Тихого океана, колонизовали Северную и Южную Америку, от Аляски до мыса Горн[1]. В вековых странствованиях они продвигались вдоль больших рек и горных хребтов, пока не были заселены южные пределы материка. Все страны, которые им суждено было заселить, они прошли пешком. Таким образом, пешие переселенцы монголоидной расы первыми заселили материки, растянувшиеся на тысячи миль по обе стороны Тихого океана.

Негроиды издавна разделились на две ветви: континентальных негроидов, которые двигались на запад и юг в Африку, и океанических негроидов, которые передвигались на восток и под натиском соседних народов дошли вплоть до Азиатского перешейка в Тихом океане. Каждая из основных подразделений негроидной расы имеет карликовую (пигмейскую) ветвь. Предполагают, что карликовая ветвь океанических негроидов была древнейшей группой, вытесненной с азиатского материка. Они были оттеснены позднейшими миграционными волнами народов и сохранились до наших дней на Малайском полуострове, Андаманских островах и в горной части Филиппин и Новой Гвинеи[2].

Следующим народом, который прошел по упомянутому выше перешейку, были австралийские аборигены, которые достигли Новой Гвинеи и перебрались в Австралию. Они принадлежат к дравидийской семье, и их ближайшие сородичи — ведды Цейлона[3]. У представителей этой группы прямые или волнистые

[1] Автор безоговорочно относит все коренное население Америки к монголоидной расе. Это очень спорно. Советские антропологи склоняются к теории о наличии нескольких расовых типов среди коренных племен Америки; монголоидные черты среди них преобладают, но нерезко и не у всех в одинаковой степени. Напомним о высокой спинке носа («орлином носе») американских индейцев и об отсутствии у многих «монгольской складки» века (эпикантуса) и пр. Однако автор бесспорно прав, полагая, что основной путь миграции человека в Америку проходил через Северо-Восточную Азию.

[2] Большинство советских антропологов не разделяет этого взгляда «Негритосы», низкорослая разновидность негроидного населения Индонезии и Океании, являются, по-видимому, не остатками древнейшего населения, а своеобразным локальным вариантом той же расы, сформировавшимся на месте под воздействием особых условий среды.

[3] Антропологическое родство австралийцев с дравидами Индии и с «веддоидными» группами Юго-Восточной Азии признается многими исследователями. Этот «веддо-австралоидный» расовый тип действительно имеет много общих черт с европеоидами.

волосы; людей с жесткими мелковьющимися волосами среди них не встречается. Исследованиями групп крови окончательно установлено, что австралийские аборигены не являются негроидами, несмотря на темную пигментацию. Они больше всего напоминают расы, обитающие в северной и западной части Средиземноморья. Обобщая все собранные факты, Вуд Джонс утверждает, что примитивные животные, однопроходные и сумчатые, появились в Австралии, когда она была соединена с азиатским материковым массивом. Эти материки разделились «до того, как высшие млекопитающие — кошки и олени, кролики и обезьяны — появились в южной Азии». Поэтому Австралия была уже «изолированным континентом до того, как человек или его животные сородичи смогли бы воспользоваться материковым мостом». Австралийские аборигены, мужчины и женщины, со своими собаками, вероятно, достигли Австралии морем, «оказавшись выброшенными на берег не случайно, а намеренно, как мореплаватели на морских судах». Достижения этих туземцев древнего каменного века достойны всяческого признания.

Вслед за ними по Азиатскому перешейку прошли океанические негроиды. Наводнив Новую Гвинею, они оттеснили негритосов в труднодоступные горные области[1] и, возможно, способствовали окончательному уходу отсюда австралийских туземцев. Вынужденные искать новые земли, группы негроидов устремились вдоль цепи континентальных островов, известных сейчас под названием Меланезии, на юго-восток от Новой Гвинеи. Те, которые остались на старых местах, называются теперь папуасами, а те, которые двинулись дальше,— меланезийцами[2]. Водные пространства, разделяющие гористые вулканические острова, сравнительно невелики; их можно было преодолевать на простейших судах, не дерзая выплывать на широкие океанские просторы. Таким образом, то двигаясь по суше, то переправляясь на короткие расстояния по морю, меланезийские переселенцы достигли островов Фиджи, этой восточной окраины раздробленного Азиатского перешейка.

Самая подвижная ветвь негроидов намеренно или случайно перебралась на остров Тасманию, расположенный к югу от Австралии. Для тасманийцев характерны мелковьющиеся волосы, и они происходят не от одной ветви с австралийцами. По физическому облику к ним ближе всего меланезийцы Новой Каледо-

---

[1] См. прим. к стр. 18.

[2] Различие между папуасами и меланезийцами — не географическое, а языковое. Меланезийцы говорят на диалектах большой «малайско-полинезийской» языковой группы, распространенной на островах, раскинутых от Мадагаскара до восточной Полинезии; папуасы же — на совершенно обособленных, ни в какую большую семью не входящих, притом весьма разнообразных языках. Большинство папуасских племен населяет Новую Гвинею, но папуасские языки встречаются и на других островах Меланезии. С другой стороны, чисто меланезийские племена живут и на Новой Гвинее — в восточной ее части.

нии. Факты опровергают гипотезу о том, что тасманийцы якобы пересекли сухопутным путем весь австралийский континент вплоть до Бассова пролива, отделяющего Тасманию от Австралии. Невероятным представляется также и долгое морское плавание от Новой Каледонии до Тасмании. Вполне возможно, однако, что тасманийцы достигли на лодках восточного побережья Австралии, отправившись в плавание с какого-нибудь меланезийского острова. Короткими переходами вдоль берега они, вероятно, достигли Бассова пролива, пересекли его и попали на еще не заселенный остров Тасманию[1]. Успешно выдержав все испытания в борьбе с морской стихией, они были жестоко истреблены европейцами, которые появились здесь через много столетий[2].

Европеоиды распространились из Азии на запад в Европу; они поселились также в Индии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Если не считать австралийских аборигенов и столь же загадочных по своему типу японских айнов, европеоиды, по-видимому, не принимали никакого участия в древнем заселении побережья Тихого океана. Основные массы европеоидов повернулись спиной к Востоку и устремились на Запад. Так, Восток остался Востоком, а Запад стал Западом[3].

Таким образом, как западные, так и восточные побережья Великого океана были заселены континентальными народами. Континентальные народы заселили также Азиатский перешеек; они совершали только каботажные плавания. Ничто не толкало их в открытое море, простиравшееся за островами Фиджи: ни натиск сзади, ни внутреннее стремление двигаться вперед. Спорное утверждение, что меланезийцы проникли в центральную и восточную части Тихого океана, основано на ископаемых скелетных остатках, хотя еще не доказано, что они действительно принадлежат меланезийцам. Острова, широко разбросанные между Фиджи и Южной Америкой, оставались неизвестными человеку вплоть до более поздних этапов мировой истории. Острова эти расположены в пределах огромного треугольника, вершинами которого являются Гавайские острова на севере, Новая Зеландия на юге и остров Пасхи на востоке. Эта область ныне носит название

---

[1] Проблема происхождения тасманийцев — одна из труднейших в океанистике. Излагаемая здесь автором гипотеза переселения тасманийцев с одного из меланезийских островов мало правдоподобна, если учесть весьма низкий уровень культуры туземцев Тасмании, незнакомых с мореплаванием. Вопреки Хироа более правдоподобен взгляд на тасманийцев как на остаток древнейшего населения, обитавшего некогда и на материке Австралии.

[2] Бесчеловечное истребление коренного населения Тасмании — одна из позорнейших глав истории британской колониальной политики. За несколько десятилетий колонизаторы начисто уничтожили слабых, почти не могших оказать сопротивления аборигенов острова. Английская колонизация Тасмании началась в 1803 г., а в 1876 г. сошла в могилу последняя тасманийка — Труганини.

[3] Игра слов, построенная на ходячем значении слова «Запад» в смысле «европейская культура».

Полинезийского треугольника. Основание его гостеприимно обращено к западу, а вершина расположена далеко, в краях восходящего солнца, на расстоянии 2030 миль от Южной Америки. Разбросанные внутри треугольника зернышки земли — океанические острова, разделенные бездонными глубинами. Они никогда не были связаны друг с другом во времена человеческих миграций и никогда не образовывали сухопутного пути для переселенцев.

В течение несчетных столетий после того, как люди заселили Тихоокеанское побережье, эти острова оставались изолированными и необитаемыми; на них не было других живых существ, кроме панцирных, насекомых, пресмыкающихся и птиц. Даже местная растительность была настолько скудной, что не могла служить источником пищи для человека. Кокосовая пальма, бананы и хлебное дерево, столь характерные в настоящее время для островной флоры, не были еще занесены сюда человеком. Над пустынными морями гуляли только западные ветры и постоянные пассаты, потому что ни один первобытныйкороход не решался еще направить свой плетеный парус к пустующим островам. Годы сменяли друг друга в бесчисленной веренице столетий, но никто не приветствовал плясками и песнями восход Плеяд как знак Нового года. В небе восходили и двигались звезды, но ни одно судно не прокладывало с их помощью свой путь в неведомых водах. Луна росла и убывала, но фазы ее проходили никем не замеченные. Рыбы метали икру, размножались и беспрепятственно проходили по проливам между рифами в молчаливые и сумрачные лагуны. Разгневанная морская богиня направляла свою ярость лишь на неодушевленные скалы и рифы, потому что ни один завоеватель не оставлял еще на ее вздымающейся груди следа проплывшей ладьи и не бороздил ее податливого тела сверкающими от брызг лопастями глубоководных весел. Передвигавшиеся по суше люди достигли восточной окраины Азиатского перешейка и не смогли двинуться дальше. Никто еще не проникал за небесную завесу к востоку от Фиджи. За восточным горизонтом земля, море и небо ждали прихода новой породы людей, которые не только владели морскими судами, но и обладали мужеством, чтобы дерзать, волей и искусством, чтобы побеждать. Ненанесенные на карту острова ждали появления полинезийских мореплавателей.

Глава II

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ

Волны океана разбиваются носом ладьи,
Волны людей преодолеваются человеческим мужеством.
(*Маорийская пословица*)

КТО ЖЕ были эти люди, которые превзошли достижения финикийцев в Средиземном море и викингов в Северной Атлантике, заслужив тем самым право называться лучшими мореходами в истории?

В вопросе о расовых отличиях нельзя полагаться на заключения путешественников, так часто основанных на личных впечатлениях. Человеческие существа заслуживают того, чтобы их изучали с таким же вниманием, с каким изучают растения, насекомых, рыб, птиц и низших млекопитающих. Как бы мы отнеслись к ботанику, который утверждал бы, что данное растение представляет собой новый вид определенного рода, не давая подробного описания этого растения и не объясняя причин, по которым он отводит ему то или иное место в растительном царстве? Тем не менее, в одном официальном справочнике утверждалось, что наиболее чистую ветвь полинезийцев представляют самоанцы. Кто сознает всю необходимость предварительной огромной тщательной работы для такого утверждения, не может не быть поражен тем доверием, которое оказывают обывательским суждениям, возникающим, очевидно, из непроверенных слухов. Вдумчивый человек не может согласиться ни с одним определением антропологического типа, если оно не основано на достаточном количестве измерений человеческого тела и тщательном изучении особенностей волос, глаз, носа, цвета кожи и прочих общих признаков.

Много внимания уделялось так называемому головному указателю. Этот указатель является отношением наибольшей ширины головы к наибольшей ее длине. Если ширина составляет 75% длины или меньше, то голова считается длинной. Если ширина составляет 80% длины или больше, то голова, соответ-

ственно, считается короткой или, что то же самое,— широкой. Таким образом, людей подразделяют на длинноголовых (долихокефалов) и короткоголовых (брахикефалов). Головы с указателем между 75 и 80% занимают промежуточное положение и могут быть отнесены к той и к другой группам. Классификация устанавливается в результате точных измерений, проделанных опытными исследователями при помощи специальных, предназначенных для этого инструментов. Такая же тщательность требуется при измерении носа, лица и других частей человеческого тела. В любой группе людей наблюдаются значительные различия, и поэтому необходимо производить измерения достаточно большого числа индивидуумов, чтобы индивидуальные отклонения не повлияли на общие выводы. Мнения неподготовленных людей, не владеющих научной техникой, не представляют никакой ценности. Только при помощи измерений, измерений и еще раз измерений мы можем достигнуть понимания физической природы человека[1].

В результате бесчисленных измерений и тщательных наблюдений, проделанных опытными учеными, люди могут быть подразделены на три уже упомянутые группы: негроидов, монголоидов и европеоидов. Не вдаваясь в утомительные подробности, рассмотрим несколько специфических черт, отличающих каждую группу.

Для негроидов характерна длинная голова, мелковьющиеся волосы, черная кожа, короткий, широкий нос с приплюснутой спинкой и худые икры ног. Монголоиды широкоголовы, с прямыми жесткими черными волосами и плоским лицом; кроме всего прочего, монголоиды характеризуются складкой верхнего века, образованной дополнительной тканью; она нависает над внутренним углом глаза и, таким образом, закрывает маленькую красную железу, выделяющую слезы. Европеоидную расу раньше называли кавказской; она представляет собой, по-видимому, удобную категорию для включения всех тех, кого нельзя отнести ни к монголоидам, ни к негроидам. По форме головы европеоиды варьируют от длинноголовых до короткоголовых, по размерам тела — от высокорослых до низкорослых, по пигментации — от

[1] Советская антропология не придает такого исключительного значения измерениям в качестве метода антропологических исследований. Не меньшую важность имеет изучение «описательных» признаков, особенно мягких частей лица, а также общего внешнего облика исследуемых. Что касается головного указателя, которому, как известно, придавала такое большое значение немецкая фашистско-расистская лженаука, то роль этого признака в расовой диагностике в действительности весьма невелика. Головной указатель — один из наиболее изменчивых антропологических признаков. Первым, кто блестяще доказал это, был замечательный русский путешественник и ученый Н. Н. Миклухо-Маклай. Советские антропологи отводят головному указателю при характеристике расовых типов весьма подчиненную роль, особенно когда дело идет о разграничении основных или так называемых «больших» рас — монголоидов, европеоидов и негроидов.

светлых до темных. Их легче охарактеризовать, перечисляя черты, которые у них отсутствуют. Так, у европеоидов не встречаются мелковьющиеся волосы и широкие носы, типичные для негроидов, плоские лица и развитые складки верхнего века, типичные для монголоидов.

Вплоть до недавнего времени наши сведения о расовых особенностях полинезийцев были чрезвычайно скудны. Исследователи принуждены были опираться на изучение сравнительно незначительного числа черепов, которые были тайно выкрадены из могильников и доставлены в современные мавзолеи, организованные при музеях. В 1893 г. профессор Скотт написал статью, основанную на изучении скелетов с Новой Зеландии и острова Чатам, хранящихся в коллекции Медицинского института в Отаго. Я прекрасно помню, как, войдя впервые в закрытые фонды Медицинского института вместе с моим товарищем, маорийским студентом, я заметил наверху, на лестнице, объявление, предлагающее различные цены за маорийские черепа, тазовые кости и целые скелеты. С ужасом прочтя объявление, мы чуть было не отказались от изучения западной медицины.

Приобретая познания по анатомии человека, я решил сделать вклад в полинезийскую соматологию, измерив некоторое количество голов моих здравствующих земляков. Шестилетняя деятельность в качестве члена парламента и четырехлетняя служба в новозеландских войсках в качестве военного врача во время мировой войны отвлекли меня от выполнения этого решения. Я получил возможность произвести ряд измерений голов полинезийцев только после окончания войны, когда был назначен врачом на военный корабль, который должен был отвезти на родину Первый маорийский батальон. С большими трудностями мне удалось получить краниометр Флауэра, и по пути в Новую Зеландию я измерил головы 424 чистокровных маорийцев.

Первым научным учреждением, которое организовало измерение современных полинезийцев в крупном масштабе, был музей Бишопа в Гонолулу, на Гавайских островах. Для выполнения программы исследовательской работы среди полинезийских туземцев полевые работники были снабжены инструментами и бланками, а также был выработан единый метод измерения. Эта работа была начата в 1920 г. на средства фонда Байарда Доминика и впоследствии продолжена на средства Рокфеллеровского фонда и местных покровителей. Результаты экспедиционной работы обрабатывались доктором Салливаном, а после его смерти в 1925 г.— доктором Шапиро. Все труды, опубликованные до настоящего времени, включая и мой материал по маорийцам, были основаны на измерениях 2500 человек, представлявших различные районы Полинезии. С тех пор были проделаны дополнительные измерения, но материалы их пока не опубликованы.

Полевые измерения представляют собой значительную трудность для исследователей, специализировавшихся в какой-либо

другой области науки о человеке, например функционализме[1]. Нужно собрать людей и поддерживать их интерес к работе в течение долгого и однообразного процесса, пока происходят измерение и запись. Субъекты с очень темной кожей и необычно широким носом подвергаются насмешкам ожидающих. Интерес, который первоначально вызывает необычайная процедура, слабеет, и туземцы, удовлетворив свое любопытство, предпочитают отправиться на рыбную ловлю, не дожидаясь измерений. На острове Мангайа (группа островов Кука) я временно занимал должность мирового судьи, что давало мне возможность собирать жителей с помощью туземной полиции в здании суда и производить там измерения. Они показали, насколько велики могут быть индивидуальные отклонения головного указателя внутри группы, однородной в культурном отношении. У всех измеренных в суде мангайцев были длинные головы с небольшой шириной, около 156 мм, в то время как измеренные раньше туземцы той же группы на соседнем острове Атиу очень широкоголовы, и поперечный диаметр некоторых голов превышает 160 мм. Моя жена заносила на бланки имена, возраст, пол, место рождения и происхождение туземцев, но я не прислушивался к этому предварительному опросу. Привыкнув к незначительной ширине, я был удивлен, когда мой толстотный циркуль при одном измерении раздвинулся до 163 мм. Я спросил у туземца: «Судя по ширине вашей головы, вы, должно быть, с Атиу?» — «Да, я с Атиу»,—ответил он.

В результате обследования жителей всех частей Полинезии становится ясным, что главные завоеватели Тихого океана должны быть европеоидами[2], поскольку для них не характерны мелковьющиеся волосы, черная кожа и худые, низко расположенные икры негроидов, а также плоское лицо, небольшой рост и развитая складка верхнего века монголоидов. Как и у всех европеоидов, у полинезийцев сильно варьирует форма головы. Шапиро указал на удивительную однородность некоторых особенностей. Так, сравнительно узкий и высокий лоб сочетается у полинезийцев с широким лицом. Однако, в общем, туземцы с широкими головами преобладают в Центральной Полинезии, на Гавайях и до некоторой степени на Самоа и Тонга; самыми длинными головами отличаются туземцы Новой Зеландии, несколько короче головы туземцев на Мангайе, на атоллах Манихики и Ракаханга, на островах Кука, на Маркизских остро-

[1] Функционализм — одно из наиболее реакционных направлений в современной буржуазной этнографии, распространенное особенно среди этнографов Великобритании и ее доминионов. Суть его — изучение «функций» отдельных сторон культуры населения колоний с целью поставить их на службу интересам колонизаторов. Ведущие теоретики «функционализма»—Малиновский, Радклифф-Браун, фельдмаршал Смэтс.

[2] Советские антропологи относят полинезийцев не к европеоидам, а к промежуточному расовому типу, в котором сочетаются черты европеоидов, монголоидов и негроидов.

вах, в восточной части островов Туамоту и Мангарева; а крайне длинные головы снова встречаются у туземцев на восточной окраине Полинезии — острове Пасхи. В прошлом делались попытки объяснить наличие длинноголовых типов среди полинезийцев смешением их с негроидным населением Меланезии, а наличие короткоголовых — общением с монголоидами Индонезии. Однако маловероятно, чтобы смешение сказалось только на форме головы и не коснулось прочих физических черт. Если бы новозеландцы имели негроидную примесь, у них были бы более жесткие и мелковьющиеся волосы и более широкие носы, чем у их соплеменников из Центральной Полинезии, испытавших монголоидное влияние; между тем именно у маорийцев самые узкие носы во всей Полинезии. Существование среди современных полинезийцев длинноголовых групп рассматривается как доказательство того, что часть меланезийцев предшествовала полинезийским мореплавателям в заселении широко разбросанных тихоокеанских островов и проникла вплоть до острова Пасхи, где преобладают длинноголовые жители. Это предположение, однако, основывается только на измерении черепов и не подтверждается никакими другими физическими или культурными особенностями[1].

По утверждению Хэддона, изучение смешанного населения Индонезии указывает на то, что в гуще широкоголового монголоидного населения попадается определенное количество длинноголового элемента. Этот длинноголовый элемент, представленный баттаками и даяками, принято называть индонезийским. Возможно, что индонезийцы ведут свое происхождение от предков, обитавших в нижней части долины Ганга, откуда они через несколько столетий после переселения австралийских туземцев двинулись в Индонезию. Возможно, что несколько позднее на юг переселились короткоголовые монголоиды, которые благодаря численному и военному превосходству взяли верх над индонезийцами. Предполагали, что в результате смешения между длинноголовыми индонезийцами и короткоголовыми монголоидами произошли протополинезийцы — предки тихоокеанских мореходов.

Можно согласиться с тем, что такое смешение действительно произошло во время массового нашествия монголоидов в Индонезию. Возможно даже, что передовые группы монголоидов последовали за полинезийцами в Микронезию; однако на физических чертах полинезийцев это смешение сказалось поразительно мало. Можно согласиться и с тем, что произошло смешение между меланезийцами и полинезийцами. Нам кажется все же, что оно происходило не столько в результате общения меланезийцев с исходной группой полинезийских переселенцев во время пути последних через Меланезийские острова, сколько в процессе

---

[1] Вопрос о наличии среди населения Полинезии меланезийской (негроидной) примеси остается спорным.

более позднего движения полинезийцев с островов Тонга и Самоа на запад.

Что касается формы головы, то предоставим судить об этом специалистам, когда они смогут проанализировать измерения, произведенные на всей территории Полинезии. Как длинные, так и короткие головы могли быть унаследованы от различных европеоидных предков. В настоящий момент нам достаточно знать, что высокие, атлетически сложенные люди, для которых не были характерны ни жесткие мелковьющиеся волосы, ни монголоидная складка верхнего века, обладали достаточным умением и мужеством, чтобы пройти по неизведанным доселе морским путям центральной и восточной части Тихого океана[1]

[1] Хироа, видимо, склонен объяснять выдающиеся мореходные способности полинезийцев и их поразительные достижения в мореплавании расовыми свойствами, а именно: происхождением от «европеоидных» предков. В действительности, во-первых, полинезийцы, как уже говорилось, не могут быть причислены к европеоидной расе. Во-вторых, расовые свойства здесь вообще ни при чем. Негроидное (меланезийское) население островов Фиджи стояло по технике судостроения и мореплавания не ниже, а, пожалуй, выше полинезийцев. Сам Хироа, в другом месте дает более правильное объяснение развитию морской культуры полинезийцев, связывая ее с условиями окружающей среды и с многовековой тренировкой.

Глава III

ОТКУДА ОНИ ПРИШЛИ?

Мы пришли с Гаваики Великого,
Гаваики Длинного, Гаваики Далекого.
(*Маорийская легенда*)

ГАВАИКИ — это легендарное название далекой родины, откуда пришли предки первых исследователей центральной части Тихого океана. Только народы, обитающие вдоль западной стороны Полинезийского треугольника, на Самоа и Тонга, хранят предание о Пулоту — стране, в которую возвращаются души умерших «по скользкой и зыбкой тропе смерти». Большинство же племен, которые проникли в глубь этого треугольника, лелея память о далекой родине, называют ее Гаваики. Из Гаваики их предки устремились навстречу восходящему солнцу, на Гаваики возвращаются души умерших по золотой дороге, начертанной в море гаснущими лучами заходящего солнца. Так уж повелось: утреннее солнце для юности и приключений, закат для старости и покоя.

Не дано нам знать, когда возвратились души наших предков, как говорит маорийский поэт, «они ушли дорогой, которая увела тысячи людей, дорогой, которая поглотила мириады жизней, дорогой, с которой не присылают вестей». От Самоа до острова Пасхи, от Гавайев до Новой Зеландии, почти на каждом острове отведено священное место, откуда, по преданиям, души умерших начинают свое последнее путешествие на запад. Создатели полинезийских мифов никогда не заставляли усталых духов своих предков устремляться дальше на неизведанный восток. Они считали, что тоска по родине побуждала их совершать обратное путешествие на запад.

Такое неопределенное представление о первоначальной родине не удовлетворяет людей иной культуры, которые изучали полинезийцев. Пользуясь возможностью широкого сравнительного изучения, они могут анализировать наш язык, мифы, традиции,

генеалогии, исторические сказания при помощи такого метода, который недоступен для туземных исследователей, оказавшихся в изоляции благодаря отсутствию письменных источников. Откуда могли бы мы, полинезийцы, знать, что наше название солнца «ра» совпадает с именем египетского бога солнца Аммона Ра и что это может считаться доказательством нашего переселения из Египта? Упоминание в маорийской легенде о стране Уру, где пребывали предки, рассматривалось как указание на то, что они жили в халдейском городе Уре, в Месопотамии. Заметим, кстати, что «уру» на диалекте этого предания обозначает просто запад. То обстоятельство, что в древнем царстве Ирана названия округа Ора и порта Мана созвучны с полинезийскими словами, использовалось в качестве доказательства давнего пребывания полинезийцев в Белуджистане. Легендарное свидетельство о том, что полинезийцы жили в Ирихии, переносит родину предков несколько дальше на восток, в Индию, часть которой в древности называлась «Врихия». Легенда туземцев острова Раротонга гласит, что предок по имени Ту-те-ранги-марама жил в стране «Атиа-те-варинга-нуи», что означает: «Атиа, где изобиловал вари». Слово «вари» на диалекте Раротонги означает «ил». Однако некоторые ученые усматривали связь этого слова с южноиндийским словом «пади», что значит «рис». Отсюда делается вывод, что предки полинезийцев жили в стране, где рис выращивался на илистых землях, и что, покинув страну рисовых плантаций, словом «вари» они стали называть ил затопляемых плантаций таро. Перси Смит, основатель «Полинезийского общества», полагал, что Атиа находилась в долине реки Ганга. Возможно, что это предположение правильно; однако название Атиа подозрительно напоминает полинезийское обозначение Азии. Таким образом, сопоставляя отдельные слова и названия местностей, ученые пытались доказать, что из страны фараонов полинезийцы переселились в Индию на своем пути к Тихоокеанскому побережью.

Другим методом воссоздания прошлого является научное толкование полинезийских генеалогий. Пожалуй, ни один народ не гордится так своим происхождением, как мореходы Тихого океана. Согласно полинезийской мифологии, бог Тане вылепил первую женщину из земли, оживил ее при помощи магической силы и сделал матерью первых человеческих существ. Потомки этой первой пары, таким образом, приобрели божественную силу путем непосредственной физиологической наследственности. Это выглядит неразумным с точки зрения ученых, считающих, что человек произошел от антропоидных обезьян, но вселяло большую уверенность в сердца племенных вождей, которые в тяжелые минуты могли взывать о помощи к своим божественным предкам, в то время как человек Запада едва ли может рассчитывать на помощь своих далеких прародителей. Вера в божество придает уверенность и рассеивает страх; это, собственно, и необ-

ходимо человеку, когда он вступает в область неизвестного. Европеец прибегает к вере, направляясь в свой последний путь на небеса, а полинезиец обращается к вере, чтобы при жизни черпать мужество во время путешествий по неизвестным морям.

Устная передача и заучивание генеалогий составляли традиционную часть полинезийской системы воспитания. Наследование власти вождя было основано на первородстве по старшей мужской ветви, потому что в родословном дереве она ближе, чем младшая ветвь, к знаменитым предкам, культурным героям и к самим богам. Общий термин родства, объединявший родителей, дядей и теток, старших двоюродных братьев и сестер, имел целью связать людей общностью трудовых усилий и кровного родства. Для различения более тонких оттенков родственных взаимоотношений служило знание родословий. Таким образом, термины родства и родословия составляют одно неразрывное целое в структуре полинезийского общества. Даже простой человек мог проследить свою родословную и установить семейные связи с такой уверенностью, которой позавидовали бы знатные семьи западного общества. Вожди и жрецы возводили свою родословную по прямой линии к богам. Знатоки родословных гордились своими публичными выступлениями перед народными сборищами, и такое проявление «классического образования» неизменно вызывало восхищение слушателей. На Новой Зеландии выступавший иногда прибегал к помощи жезла, изящно украшенного резьбой. Касаясь по порядку выступов на жезле, он перечислял предков в хронологической последовательности. Для этой же цели на Маркизских островах употреблялись шнуры из волокон кокосовых пальм, покрытые узлами, причем каждый узел обозначал определенного предка. Обычно рассказчик перечислял имена предков, загибая пальцы вытянутой руки.

В общественной жизни полинезийцев повторение родословий стало укоренившимся обычаем; последовательное перечисление предков помогало устанавливать хронологию исторических событий. В какой мере мы можем довериться этой последовательности в отношении более отдаленных времен, зависит не только от естественных пределов человеческой памяти, но и от возможных перерывов в традиционном порядке передачи исторических имен. На большинстве островов местные генеалогии охватывают приблизительно пять столетий, прошедших после окончательного заселения островов предками современных жителей. Этому окончательному заселению предшествовал миграционный период неопределенной длительности, когда отдельные предки полинезийцев прокладывали свой путь от острова к острову, исследуя морские просторы. Имена этих предков, обитавших некогда в странах, известных под названиями Гаваики, Таити, Вавау, Упору, Манука, Ива и пр., совпадают в родословиях таких далеко расположенных друг от друга групп островов, как Новая

Зеландия, острова Кука, Общества[1], Туамоту, Южные, Маркизские, Гамбье и Гавайи, что указывает на общее происхождение всех народов Полинезии в исторические времена.

Генеалогии, относящиеся к более древней эпохе, чем героический период морских странствований, уводят нас в царство чистой мифологии. Родословные героев и полубогов восходят к богам. Родословные самих богов приводят нас в определенной последовательности к различным явлениям природы, которые олицетворялись и превращались в человеческих предков. Так олицетворились такие представления, как Пустота, Бездна, Ночь, Мрак, Заря, Свет, Мысль, Зачатие и различные другие. Они вошли в родословные не потому, что образованные люди считали их действительно предками человека, а потому, что генеалогические рассказы были литературной формой для передачи не только исторических событий, но и для обьяснения того, каким образом по их представлениям создавалась природа.

Однако мы не можем довериться данным родословных, относящимся к эпохе, предшествующей периоду заселения и миграций, для установления точных или даже приблизительных дат высадки предков полинезийцев на различных материках и островах по пути из Азии в Полинезию. Даже в данных, относящихся к периоду заселения, встречаются противоречия. По раротонгским генеалогиям Тангиа, видимо, последний предок, прибывший на эти острова, обосновался там за 26 поколений, считая от 1900 г. Принимая 25 лет за среднюю продолжительность жизни поколения, мы приходим к выводу, что Тангиа поселился на Раротонге около 1250 г. нашей эры. Генеалогии соседнего острова Мангайя повествуют, что сыновья бога Ронго впервые заселили этот остров 17 поколений назад, считая от 1900 г. Это относит появление человека на Мангайе ко времени на два с четвертью столетия более позднему, чем окончательное заселение соседней Раротонги. Из приведенного примера явствует, что забытые времена заполнялись эпохой богов, которая тем самым удлинялась, приближаясь к периоду появления смертных.

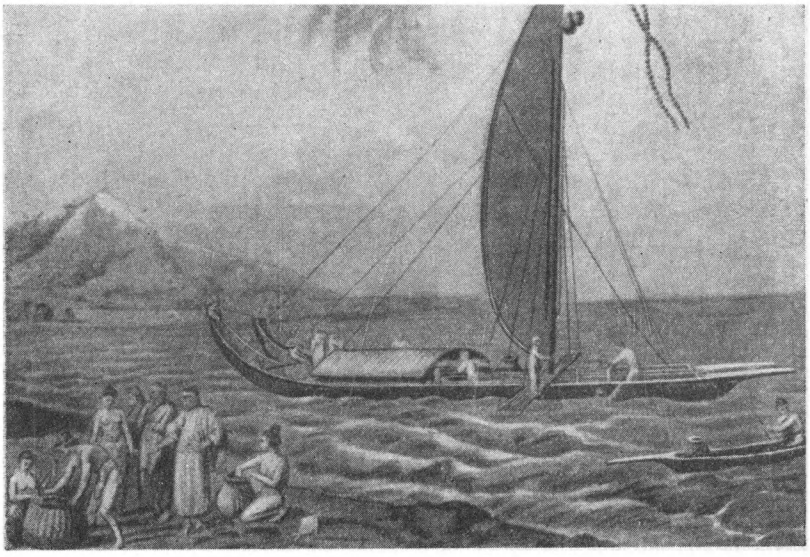
Европейские ученые при изучении более растянутых генеалогий полностью доверялись безошибочности памяти туземцев. Это привело их к тому, что они проглядели некоторые искажения в хронологическом порядке перечисления предков. В некоторых генеалогиях, вероятно по ошибке, олицетворены названия различных земель, где обитали предки полинезийцев. Различные эпитеты, вроде: длинный, короткий, большой, маленький, после-

[1] Острова Общества — название архипелага в Центральной Полинезии с главным островом Таити. Название это было дано Куком, открывшим в 1769 г. несколько северо-западных островов архипелага, в честь Королевского общества (Royal Society), которое снарядило его экспедицию, и вначале относилось только к этим небольшим островкам, но впоследствии было распространено на весь архипелаг. На русских картах иногда неверно писали «Острова Товарищества». Теперь нередко весь архипелаг называют по имени главного острова — островами Таити.

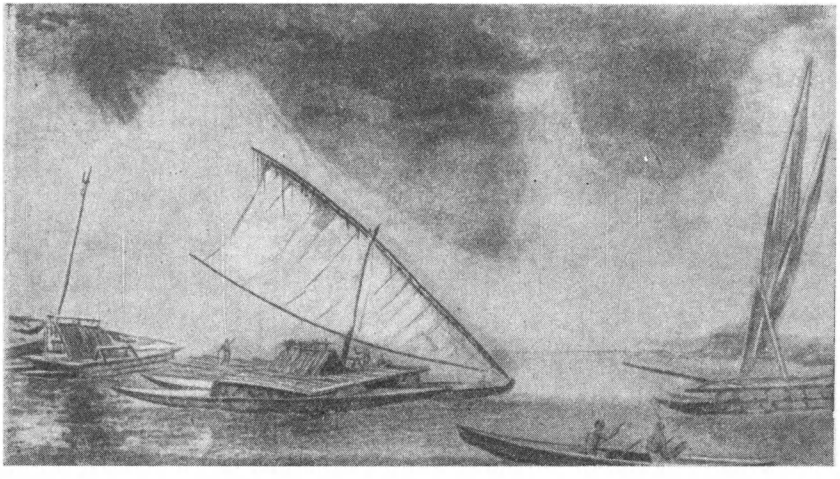
довательно добавлявшиеся к одному и тому же имени, позднее рассматривались как отдельные поколения. Такой прием был чрезвычайно удобен для удлинения генеалогий. В других родословиях в перечне человеческих имен фигурировали силы природы, олицетворенные мифологией. Отдельные лица умышленно искажали свои родословные или для поднятия общественного престижа своих семей, недавно пришедших к власти, или для того, чтобы скрыть темные злодеяния, без которых не обходятся длинные генеалогии. Гавайский историк Дэвид Мало справедливо заметил, что специалист по родословным был как бы очистителем верховного вождя. Люди, воспитанные на книгах, вряд ли могут полностью оценить те великие подвиги памяти, которые совершали люди, воспринимающие рассказ только на слух. Тем не менее надо все-таки учитывать естественные пределы человеческой памяти даже у такого одаренного народа, как полинезийцы.

От предка Ту-те-ранги-марама генеалогии острова Раротонга насчитывают 92 поколения. Страну, где жил этот предок, Перси Смит считает Индией. Условно принимая 25 лет на одно поколение, считают, что он жил около 450 г. до нашей эры. Девяносто два поколения захватывают период в 2300 лет, в течение которых было покрыто расстояние от Индии до острова Раротонга в архипелаге Кука. Трудно предположить, чтобы какой бы то ни был народ, подвергаясь различным бедствиям — наводнениям, неурожаям, войнам, которые происходили в течение более 2000 лет, и преодолевая огромное пространство в несколько тысяч миль по суше и по морю, смог бы по памяти передавать из поколения в поколение точные устные хронологические сведения о предках. При всей моей любви к племени моей матери критический ум, унаследованный от моих предков по отцовской линии, заставляет меня усомниться в этом.

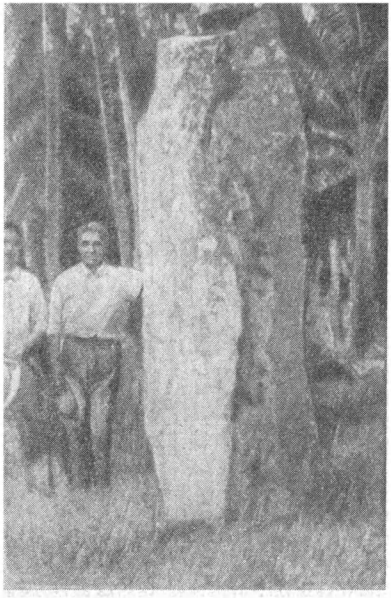
Подводя итог тому, что мы знаем об этой проблеме в настоящее время, мы можем сказать, что в глубокой древности предки полинезийских народностей, вероятно, действительно жили в какой-то части Индии, откуда начался их исход на восток; однако передаваемые из уст в уста мифы и легенды не простираются так далеко в прошлое. Прежде чем проникнуть в Тихий океан, полинезийцы должны были жить в Индонезии; полинезийский язык имеет родственную связь с индонезийскими диалектами. За время жизни в Индонезии морская соль пропитала кровь предков полинезийцев и превратила их в народ мореходов. И когда натиск монголоидных народов из глубинных областей материка усилился, предки полинезийцев устремили свои взоры к восточному горизонту и пустились в одно из самых дерзновенных плаваний.



Таитянское двойное каноэ с вертикальным парусом
(*Первое путешествие Д. Кука*)



Двойное каноэ, оснащенное латинским треугольным парусом с вершиной внизу; острова Тонга (*по Д. Куку*)



Столб для посвящений у Тапутапу-атеа, носящий название «Те Папа иаруеа» Слева от столба автор

Верховный вождь о. Реннелл (*Меланезия*)

Верховный вождь о. Реннелл во время приема гостей

Глава IV

СУДА И СУДОСТРОИТЕЛИ

Проденешь ее изнутри—она выйдет снаружи,
Проденешь ее снаружи — она выйдет изнутри,
Туже затяни ее, крепче завяжи ее!

(*Песня строителей лодок*)

КОГДА предки современных полинезийцев покинули материк и двинулись на восток, переселяясь с острова на остров, они были вынуждены создать свою морскую культуру. Занимаясь рыбной ловлей, они уходили все дальше и дальше от берега; и по мере того как расширялся их горизонт, лодки рыболовов превращались в морские суда, на которых отважные исследователи со своими семьями отправлялись на сотни миль в открытое море. Успехи в области материальной культуры, технические достижения в строительстве лодок, предназначенных для дальних плаваний, шли параллельно с интеллектуальным развитием предков полинезийцев, с перерождением их психики. Этот морской народ не ведал страха — жажда приключений гнала его вперед.

У нас нет никаких сведений о типах судов, которыми на первых порах пользовались предки полинезийцев в своем продвижении на восток. Однако можно не сомневаться в том, что известные нам полинезийские суда, в основном, строились по тем древним образцам, которые оказались удачными. Полинезийцы строили суда двух типов: лодки с балансиром и двойные лодки.

На первый взгляд, выдолбленная из дерева лодка, с которой соединен поддерживающий ее балансир, представляет собой простое сооружение. Но если принять во внимание, что для постройки такого судна надо повалить дерево, разрезать его на куски определенной длины, а затем придать им внешнюю форму и выдолбить их изнутри каменным теслом, то проникаешься уважением к сооружению даже самого простого челнока. Выдолбленные из целых стволов маленькие рыболовные лодки были так узки, что они легко переворачивались. Для того чтобы придать

корпусу бóльшую устойчивость, стали применять балансир в виде длинного куска легкого дерева, державшегося на поверхности воды на небольшом расстоянии от лодки. Обычно балансир соединялся с корпусом лодки при помощи двух поперечных перемычек, которые прикреплялись одним концом к верхним краям обоих бортов лодки, а другим — к балансиру. Чтобы такой поплавок держался на поверхности воды, перемычки должны либо изгибаться по направлению к балансиру, либо, если они прямые, соединяться с ним при помощи особых деревянных скреплений. В Полинезии отмечается большое разнообразие и изобретательность в способах прикрепления балансира.

Лодки, выходившие в открытое море на лов бонитов[1] и глубоководной рыбы, нуждались в надежной защите от морских волн, перекатывавшихся через борт. Для этого на верхнюю часть борта долбленого челнока нашивались доски, благодаря чему увеличивалась его надводная часть. Для перевозки людей с запасами пищи и воды строились более крупные суда; в этих случаях на борта нашивалось несколько ярусов досок. При дальних плаваниях и переправе военных отрядов с острова на остров балансир заменялся второй лодкой. Так возникли двойные лодки, на которых полинезийцы завоевали острова Тихого океана.

Небольшой долбленый челнок, необходимый каждой семье, чтобы добывать пищу на море, кормильце полинезийцев, мог выдолбить любой туземец, но только опытный ремесленник мог расколоть дерево на доски, придать им форму, пригнать их друг к другу и ошвартовать более крупные лодки. Эта работа требовала большой тщательности и специальной сноровки. Однажды самоанский мастер-плотник перечислял мне различные типы самоанских лодок. При этом он не упомянул обыкновенный долбленый челнок, называемый «паопао». «Вы пропустили паопао»,— сказал я. Он бросил на меня презрительный взгляд: «Да разве паопао — лодка?»

Мало-помалу с продвижением предков полинезийцев на восток, из области больших островов и внутренних морей Индонезии в открытый океан, они совершенствовали свое мастерство в постройке судов и управлении ими. К тому времени, когда полинезийцы достигли центральной части Тихого океана, судостроение стало жизненно необходимым делом и опытные строители заняли высокое положение в обществе. На островах Самоа и Тонга они находились под покровительством бога Тангароа — первого строителя лодок и жилищ, а в Центральной Полинезии считали своим покровителем бога Тане. Для религиозных собраний строителей лодок были отведены особые места «марае», где они проходили через определенный ритуал, прежде чем присту-

[1] Бонит (Thunnus pelamys)—рыба из рода тунцов, семейства макрелевых; водится во всех тропических морях; длина до 80 см. У рыбы красивая голубовато-стальная окраска с красно-зеленым отливом, серебристое брюхо и бока с продольными полосами.

пить к такой ответственной задаче, как постройка судна для морских путешествий. Если учесть, какую сложную работу приходилось им выполнять простыми каменными орудиями, мы поймем стремление первобытных строителей найти поддержку у незримого божества.

С психологией древнего мастера-лодочника мы можем познакомиться, читая описание строительства лодок на Таити, составленное Теуира Генри. Когда вождь предпринимал постройку нового большого судна для предстоящего плавания, он приказывал своим подданным отвести добавочную площадь под посевы, чтобы прокормить мастеров, которых он собирался пригласить. Для них изготовлялась одежда из коры, плелись циновки и собирались красные перья как вознаграждение за труды. Когда бывал собран достаточный запас продовольствия, вождь нанимал одного или нескольких искусных мастеров и поручал им приступить к строительству лодки. Он отправлялся с ними в лес, где отбирались деревья, предназначавшиеся для выделки различных частей судна. Если подходящего дерева не находили в лесах, принадлежащих вождю и его племенной группе, поиски продолжались на соседних землях. Чтобы получить нужные деревья с земель других вождей, прибегали к дипломатическим переговорам и торговым сделкам, которые скреплялись соответствующими дарами. Я полагаю, что целесообразно употреблять термин «дары», потому что полинезийцы подходили к деловым сделкам окольным путем. Вождь посылал дружественному вождю дар в виде продовольствия и имущества. Если этот последний принимал дар, он тем самым обязывался удовлетворить просьбу и предоставить нужное дерево. В случае отказа он терял уважение не только в глазах соседних племен, но также и в глазах своего собственного народа.

Когда заканчивались предварительные процедуры, строители приступали к работе. Каждый мастер имел собственный набор инструментов, состоявший из тщательно отбитых и прекрасно отшлифованных тесел и резцов, сделанных из базальта. Инструментам придавали разнообразные формы в соответствии со специальным назначением и привязывали их шнуром, сплетенным из кокосового волокна или травы, к деревянным рукояткам. Разнообразие и сложность способов прикрепления указывают на то, что ремесленники очень гордились своими орудиями. В последнюю ночь лунного месяца ремесленники брали с собой тесла в храм божества-покровителя и осторожно «клали их спать» на всю ночь в особых тайниках. При этом они взывали к богу Тане:

Положи ты тесло в священное место,
Чтобы прониклось оно божественной силой,
Чтобы стало легким в руках работника,
Чтобы искры летали вокруг.

Затем на храмовой земле устраивалось пиршество в честь искусных мастеров. Закалывали откормленную свинью и, прежде

чем класть ее на огонь, вырывали клочья щетины в качестве жертвы богу Тане. В это время ремесленники произносили заклинания:

Работая, бдительным взглядом
Следи за мелькающими теслами.

Так Тане отдавалась первая часть убитой свиньи. После того как зажаривалась целая туша, еще до ее дележа, для божества оставляли хвост. Так доставался Тане последний кусок свиньи. Эти жертвоприношения клали в его святилище. Воздав должное божеству — покровителю ремесла, почитатели его продолжали пиршество в твердой уверенности, что они проникнутся божественной силой для предстоящей работы.

С ранней зарей полинезийцы будили спавшие тесла, погружая их в море — стихию, по которой будет плавать плод их труда. Когда холодная вода касалась рабочей части тесла, они произносили заклинание:

Проснись для работы в честь Тане,
Великого бога ремесленников.

Еще до восхода солнца ремесленники в своих рабочих набедренных повязках, убежденные в том, что тесла, как и они сами, проникнуты божественным духом, разыскивали заранее отобранные деревья. Тане был богом леса, а деревья были его детьми. Поэтому, прежде чем подступить с теслом к дереву, нужно было вымолить прощение у Тане за то, что у него отнимали ребенка. Некоторые породы деревьев принадлежали другим богам, у которых также приходилось с особым ритуалом испрашивать разрешение.

Все полинезийцы знают сказание о Рате, который повалил дерево без разрешения богов. Обрубив ветви и ободрав кору, Рата отправился на ночлег. Когда он вернулся на следующий день, дерево стояло как ни в чем не бывало, будто его и не касалась рука человека. Озадаченный, он все же снова повалил дерево и спрятался невдалеке. Тогда явились эльфы и лесные феи, прислужники божественного хозяина дерева. Они окружили упавшего лесного гиганта и горестно запели хором:

Слетайтесь сюда, слетайтесь туда,
О куски моего дерева!
Вы, ветки, займите свои места,
Древесный сок, устремись наверх,
Клейкая смола, восстанови и залечи раны!
Встань, дерево! Вот оно уже поднимается!

На глазах у потрясенного Раты листья, щепки и ветки заняли свои прежние места, ствол поднялся на исцеленном корне и снова вершина дерева гордо вознесла свою крону над зелеными соседями. Рата не в силах был сдержать свой гнев, увидев, что труд его вновь оказался напрасным. Он выскочил из своего

убежища и принялся укорять фей. На эти упреки феи бесстрашно возразили ему, что он не имел права трогать чужую собственность без согласия божественного владельца. Рата признал свою вину, и тогда ополчившиеся на него сверхъестественные существа смилостивились и стали помогать ему. Феи сделали за ночь чудесную большую лодку и, совершив под проливным дождем обряд посвящения, стащили ее по радуге в лагуну перед домом Раты.

Полинезийцы рубили деревья как в долинах, так и на возвышенностях; облегчая свой труд песнями и заклинаниями, они тащили отесанные стволы деревьев под плотничий навес. Они раскалывали бревна и придавали им различную форму; одни сорта древесины шли на изготовление килей, другие — на доски для корпуса и настила. Когда «быстро мелькающие» тесла плотников раскалялись и становились хрупкими от трения, их загоняли в сочные банановые стволы, чтобы они там остывали. Время от времени тесла точили на глыбах песчаника. Доски корпуса подгоняли плотно друг к другу и располагали одну над другой, образуя гладкую обшивку, причем верхний край каждой нижележащей доски обмазывался мокрым илом. При этом обнаруживались все шероховатости, отпечатываясь грязными пятнами на верхней доске; затем они стесывались и оба края точно подгоняли друг к другу; швы промазывались толченой кокосовой шелухой, смешанной с клейким соком хлебного дерева. По краям смежных досок просверливали по паре отверстий, пользуясь при этом раковинами «теребра», острыми прутьями твердых пород дерева или каменными резцами. Через эти отверстия продевалась веревка, сплетенная втрое из волокна кокосовой кожуры. Так соединялись отдельные части лодки. И этот плетеный шнур и доски, которые он связывал, считались атрибутами бога Тане.

При постройке судна две пары мастеров работали по обеим его сторонам, располагаясь симметрично по отношению к килю. По преданиям, когда строили знаменитую «Хохоио» для великого таитянского мореплавателя Хиро, главным мастером был Хуту. Он работал над внешней стороной правого борта лодки, тогда как Тау-мариари, его помощник, работал над внутренней стороной того же борта. Мемеру, королевский мастер из Опоа, работал над внешней стороной левого борта, а его помощник Маи-хае — над внутренней. Продергивая шнур, чтобы скрепить доски, они распевали:

Что у меня, о Тане,
Тане, бог красоты!
Это бечева,
Это бечева от сил небесных,
Это твоя бечева, о Тане!
Проденешь ее изнутри — она выйдет снаружи,
Проденешь ее снаружи — она выйдет изнутри,
Туже затяни ее, крепче завяжи ее!

Эта песнь рассказывает о той роли, которую выполняла бечева, скрепляя части лодки, с тем, чтобы «можно было плыть и по мелкой зыби и по большим морским валам, проникать в ближние страны и открывать далекие горизонты». Сама лодка считалась собственностью Тане, что было отнюдь не простой любезностью, так как обязывало бога заботиться о своем имуществе. Особое значение процесса скрепления досок бечевой вновь подчеркивается в заключительных словах песни:

Это твоя бечева, о Тане,
Сделай ее прочной, сделай ее прочной.

После скрепления досок корпус лодки омывался чистой водой, сушился и раскрашивался снаружи и изнутри красной глиной, смешанной с древесным углем. При сооружении большой лодки приходилось раздвигать плотничий навес, чтобы могли поместиться поплавок-балансир, настил, снасти лодки, украшения на корме и рубка. Процессу скрепления балансира с лодкой полинезийцы придавали огромное значение; снова песнопениями призывался на помощь бог Тане, чтобы скрепления были достаточно прочными:

То не может ослабнуть,
То не может развязаться,
Что связано священной бечевой,
Твоей священной бечевой, о Тане!

Отстроенной лодке присваивалось имя, и обычно она посвящалась Тане. Спуск на воду большой лодки был более важным событием в жизни полинезийцев, чем спуск с европейских или американских верфей океанского лайнера или военного корабля. На Западе за этим событием равнодушно наблюдает несколько избранных гостей, тогда как в Полинезии в спуске судна на воду принимало участие все население округи. Для праздничного пиршества заранее готовились различные угощения. Украшенные цветами и ароматичными травами, наряженные в свои лучшие одежды и украшения, собирались полинезийцы на морском берегу и с восхищением следили за спуском на воду крупного судна. Под киль его помещали круглые бревна, и по этому настилу, по мере того как перетаскивали вперед бревна, мужчины продвигали лодку, держа ее за борта. При этом главный мастер взывал к многочисленным богам, чтобы те помогли людям тянуть ладью по бревнам. Наконец, сопровождаемая оглушительными криками толпы, лодка соскальзывала на воду. Там она изящно покачивалась, и вздымающиеся волны приветствовали ее. В Европе существует обычай «крестить» корабль, обливая нос судна шампанским. В Полинезии же новую лодку заставляли хлебнуть морской воды («ину таи»), так как полинезийцы считали великий океан «алтарем богов». На этом гигантском алтаре ладью раскачивали, чтобы волны захлестывали то нос, то корму. После того как вода покрывала дно лодки, ее начинали быстро

вычерпывать специально изготовленными для этого ковшами. Так и ковши приучались к своим будущим обязанностям. Лодка, хлебнувшая морской волны, считалась посвященной Тане, и, самое главное, она знакомилась со стихией, которую ей было суждено завоевывать.

Ладья оснащалась мачтой, парусами, веслами-гребками, ковшами и каменными якорями. На некоторых ладьях устанавливали до трех мачт. Паруса изготавливали из циновок, сплетенных из пандануса, которые сшивали, придавая форму треугольника, и натягивали на деревянные реи, чтобы укрепить длинные стороны паруса. Ладьи оснащались иногда парусом-шпринтовом с вершиной треугольника у основания мачты, или «латинским» парусом с реями, укрепленными на мачте причем вершина находилась впереди на носу. В то время как длинные ладьи скандинавских викингов были снабжены веслами в уключинах, для лодок мореходов Тихого океана были характерны весла-гребки. Преимущество обычных весел заключалось в том, что уключины превращали их в рычаги; но у них был тот недостаток, что гребцам приходилось сидеть спиной к движению лодки. Полинезийские же гребцы смотрели вперед на надвигавшиеся волны и убегающий горизонт. Широко открытыми глазами они пристально глядели на развертывавшиеся перед ними океанские просторы.

Немало было написано о том, что из-за сопротивления балансира полинезийцы по преимуществу дрейфовали по ветру и при этом недостаточно принимали в расчет действие весел-гребков, которыми они пользовались в открытом море. Вместо настоящего руля полинезийцы применяли рулевое весло, которому придавалось такое большое значение, что обычно ему давали собственное имя. Полинезийские легенды сохранили не только имена мореплавателей, названия больших лодок, но и названия рулевых весел. Маорийские легенды упоминают даже о лодках богов, причем они неизменно указывают имена рулевых весел. В древней песне о жившем на десятом небе боге Рехуа воспевается и его весло:

Те хое о Рехуа
Ко Рапапарапа-те уира.
(Было у Рехуа весло
«Блеск молнии»).

Несмотря на то, что полинезийцы смолили лодки, течь бывала очень сильной, и поэтому в плаваниях кто-нибудь постоянно занимался вычерпыванием воды; на больших ладьях ковш, служивший для этой цели, также получал собственное имя; так ковш бога Рехуа назывался «Вакавахатаупата». В далекие морские плавания брали каменные якоря, в них просверливали отверстия для каната. Во время штормов носовые якоря бросали за борт, чтобы ладья всегда была обращена носом к волне, а легкие якоря — чтобы определить направление течения.

Якоря наиболее крупных лодок имели собственные имена; так, лодка «Арава», совершившая плавание к Новой Зеландии в 1350 г. нашей эры, имела два каменных якоря: один назывался «Токапароре», другой — «Ту-те-рангихаруру».

Существенные особенности в строении различных полинезийских судов были описаны Джемсом Хорнеллом[1]. В настоящей работе я обращаю больше внимания на то, как отразилось отношение полинезийцев к судам на их мыслях и чувствах.

На Таити в течение целого исторического периода бога Тане представляли в виде тонко сплетенной бечевы. По преданию, когда культ Тане сменился культом бога Оро, жрец Тане поместил изображение своего божества в скорлупу кокосового ореха, закупорил его и пустил по воле волн в открытый океан, чтобы бог искал себе другое пристанище. Потом жрец отправился вслед за богом в лодке, чтобы выяснить, куда он поплыл, и после долгих поисков, наконец, выловил кокосовую скорлупу в лагуне на острове Мангайя, ловя сетью рыбу. Когда он вынул затычку, бог в образе сплетенной бечевы издал чирикающий звук («кио»). С тех пор этот бог под именем Тане-кио обосновался на новой земле. На Мангайе богом ремесленников был Тане-мата-арики, или «Тане с царственным лицом». Он олицетворялся в виде прекрасно отшлифованного базальтового тесла с искусно вырезанной деревянной рукояткой. Они были связаны изящно переплетенной бечевой, которая образовывала сплошной узор. Таким образом, из основных материалов ремесленников — камня, бечевы и дерева — возникало изображение, достойное бога, чья помощь вдохновляла строителей в их ремесле. Дерево, принадлежащее Тане, обрабатывали божественными теслами и связывали священной бечевой — так строилось судно, наделенное мистической силой. На самой лодке воздвигался алтарь в честь Тане, и ритуалы и жертвоприношения обеспечивали его ежедневную помощь. Команда черпала свою уверенность в божественной поддержке и смело шла навстречу неизвестности. Полинезийским морякам был чужд страх, побуждающий к мятежу, которым были одержимы команды Колумба и более поздних европейских мореплавателей. В случае гибели какой-либо ладьи и людей другие мореходы не винили в этом ни богов, ни море. Погибший мореход был сам «кругом» виноват в том, что неправильно истолковал приметы погоды или пренебрег каким-либо обрядом. Последующие поколения мореплавателей завершали то, что не сумели сделать их предшественники. Вера в своих богов, в свои суда и уверенность в своих силах вела полинезийцев к открытиям и заселению Тихого океана.

Несмотря на то что двойные лодки вмещали больше людей, провизии и воды, из преданий видно, что в дальних плаваниях

[1] J. Hornell. Canoes of Oceania; vol. 2. «Canoes of Melanesia, Queensland and New Guinea, B. P. Bischop Mus. Spec. Pub. 28, Honolulu, 1937.—*Прим. автора.*

полинезийцы пользовались также лодками с балансиром. Известно, что лодка «Хохоио», на которой Хиро совершил свое последнее плавание, была снабжена поплавком («ама»), сделанным из дерева «таману». Дерево предварительно вымачивалось в воде, чтобы уничтожить червоточину, а затем выскабливалось коралловыми скребками. Ладья с балансиром, оказывая меньше сопротивления воде, двигалась быстрее; в том случае, когда ветер дул со стороны балансира, лодка наклонялась и балансир оказывался на поверхности воды. Моряки настороженно следили за балансиром, и как только поплавок поднимался слишком высоко, взбирались на него, он опускался под тяжестью и не давал лодке опрокинуться. Однажды я плавал на китобойном судне в просторной лагуне острова Аиту-таки в архипелаге Кука и увидел, как мимо нас пронеслась маленькая лодка с балансиром, высоко поднятым над водой. Владелец этой лодки громко восхищался скоростью своего парусника. Он то пропускал нас вперед, то снова перегонял, чтобы дать нам насладиться представлением. Неожиданно в лагуне воцарилась тишина. Мы обернулись и увидели перевернутую лодку. Очевидно, поплавок был поднят слишком высоко. По европейским понятиям, мы должны были бы вернуться, чтобы оказать помощь, но здесь все только весело рассмеялись, и мы отправились дальше. Владельцу лодки достаточно было стать на балансир, надавить на него обеими ногами, перевести за отвесную линию,— и корпус лодки стал на свое место. Несколько резких толчков освободили от воды корму и нос. После этого полинезиец забрался в лодку, выплеснул за борт остатки воды лопастью весла и продолжал свой путь. От этого происшествия не пострадало ничего, кроме гордости моряка. И в прошлом полинезийцы чувствовали себя на воде не хуже, чем на суше, а потому мало страдали от крушений.

По преданию, когда Нуку отправился из Таити на Новую Зеландию, чтобы сразиться с Минаиа, он располагал двумя двойными лодками и одной лодкой с балансиром. Для этого поединка ему пришлось совершить плавание на расстоянии более 2000 миль. Наконец, он заметил двойную ладью Манаиа, продвигающуюся вдоль берега, и пустился за ней в погоню. Как быстроходный крейсер, лодка с балансиром обошла Манаиа с моря и прижала его к берегу, в то время как двойные лодки, своего рода «линейные корабли», тяжело тащились позади. Наконец, Нуку принудил Манаиа выйти на берег, и битва разгорелась на суше. После жестокой схватки храбрые воины заключили мир. Нуку решил вернуться на Таити, но сезон подходил к концу, и чтобы совершить плавание в более короткий срок, он переделал свои двойные лодки в ладьи с балансирами.

Хотя дальние морские плавания прекратились несколько столетий тому назад, но на основании описаний, сделанных ранними европейскими мореплавателями, можно представить себе в общих чертах размеры полинезийских судов того времени.

Обычно их длина, судя по различным сообщениям современников, колебалась от 60 до 80 футов, но встречались суда длиной свыше 100 футов. На побережье залива Каухиа в Новой Зеландии в священной роще есть голое пространство. По преданию, здесь некогда вытащили на берег знаменитую лодку «Таинуи». Она отдыхала возле жертвенника Ахуреи после исторического плавания по Центральной Полинезии в 1350 г. нашей эры. Здесь эта лодка превратилась в прах, но растительность не возродилась на священной почве. Две каменные подпорки указывают на места, где были когда-то нос и корма судна. По расстоянию между ними можно судить о том, что длина лодки была 70 футов.

Две лодки длиной от 70 до 80 футов, соединенные палубой, могли вместить значительное число людей. Некоторые военные таитянские суда выдерживали до сотни воинов, когда те отправлялись в один из своих военных набегов. Во время переселений, когда вместе с мужчинами в плавание пускались также женщины и дети и приходилось везти продовольствие, семена и клубни растений, свиней, собак и домашнюю птицу, крупные двойные лодки вмещали более 60 человек. Такое количество было вполне достаточным, чтобы образовать ядро для заселения острова; однако из преданий различных островов мы знаем, что заселение не ограничивалось партией, прибывшей на одной лодке.

Обыкновенно для плавания заготовлялись запасы продовольствия. На коралловых островах они состояли из спелых плодов пандануса, которые варили, сушили, растирали в грубую муку и клали в пакеты цилиндрической формы из высушенных листьев пандануса. Подобная упаковка и сейчас еще распространена на Гильбертовых и Маршалловых атоллах. Как установил Бичи, несколько туземцев с Туамоту, которые потерпели крушение и были отнесены к востоку, прежде чем отправиться в обратный путь на поиски родины заготовляли запасы на дорогу в виде муки из сушеных панданусов и вяленой рыбы. Гораздо бóльшими возможностями в этом отношении располагали жители вулканических островов. Самоанцы рассказывали мне, что они берут с собой в плавание заготовленные впрок печеные плоды хлебного дерева, которые укладывают в большие корзины. Маорийцы считают основной пищей во время путешествий печеный и сушеный сладкий картофель. Сушеные моллюски, например тридакна, могли сохраняться довольно долго. В плавание брали также домашнюю птицу. Ее кормили сушеной мякотью кокосового ореха и резали, когда возникала нужда в пище. Везли с собой также и дрова, причем огонь разводили в лодке на подстилке из песка. Искусные рыбаки успешно ловили глубоководную рыбу, в том числе и акул. Короче говоря, обеспечение лодок продовольствием во время плавания не представляло сложной задачи.

Запасы свежей воды везли в особых сосудах из кокосовых орехов, в тыквах и бамбуковых стволах. Современные гавайские

ловцы глубоководной рыбы иногда погружают тыквы в море, чтобы вода в них оставалась холодной, однако в прежние времена при дальних плаваниях люди не были так прихотливы. Из гавайских и новозеландских преданий мы узнаем, что участники больших морских походов заранее воспитывали в себе способность стойко переносить голод и жажду. При суровой дисциплине можно было легко прокормить любую команду в течение 3—4 недель, а этого времени было достаточно, чтобы пересечь самые широкие морские расстояния между двумя архипелагами Полинезии.

Судно и его строитель играли известную роль, но возглавляли открытие дальних островов вождь, жрец и мореплаватель.

Глава V

ВОСТОЧНЫЙ ГОРИЗОНТ

Рукоять моего рулевого весла рвется к действию,
Имя моего весла — Кауту-ки-те-ранги.
Оно ведет меня к туманному, неясному горизонту,
К горизонту, который расстилается перед нами,
К горизонту, который вечно убегает,
К горизонту, который вечно надвигается,
К горизонту, который внушает сомнения,
К горизонту, который вселяет ужас.
Это горизонт с неведомой силой,
Горизонт, за который еще никто не проникал.
Над нами — нависающие небеса,
Под нами — бушующее море.
Впереди — неизведанный путь,
По нему должна плыть наша ладья.

(*Полинезийская морская песня*)

ВПРОЧЕМ, рулевое весло, о котором упоминается в этой песне, стало рваться к действию лишь после того, как многочисленные азиатские орды хлынули с континента в Индонезию. Дороги к западным землям были закрыты, перед предками полинезийцев был только один путь — открытое море. Рыбачьи лодки и суда для переездов между прибрежными деревнями превратились в морские ладьи, и смуглые моряки начали завоевание величайшего из океанов. Сменилось много поколений, пока, совершая короткие переезды с многочисленными остановками, они продвигались вперед «с острова на остров к вратам зари». Новые горизонты раскрывались перед мореплавателями; все новые и новые корабли отправлялись в путь. Все дальше плыли сменяющие друг друга поколения; кровь их все больше пропитывалась морской солью. Штормы грозили опрокинуть ладьи, а море стремилось поглотить их, но рулевые твердо держали курс на восток.

Как бы ни были мужественны и выносливы мореплаватели, продолжительность путешествия ограничена величиной судов и тем запасом продовольствия и воды, который они могут вместить. Одни мореходы, истощив свои пищевые ресурсы, погибали в открытом море, другие достигали земли, где они поселялись или пополняли свои запасы. Поэтому в Полинезии плавания были возможны только по тем направлениям, где на пути встречалось много островов, и таких путей было два — южный и северный.

Раньше этнологи считали, что полинезийцы, в основном, двигались южным путем, который ведет мимо расположенных компактной массой островов Индонезии, вдоль северного побе-

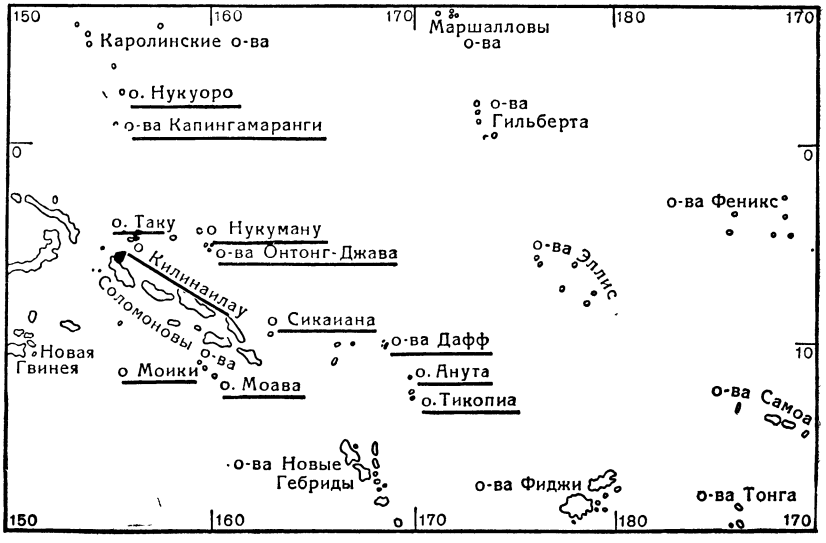
режья Новой Гвинеи, огибая восточную кайму Меланезийской цепи к Фиджи. Этот архипелаг считался тем исходным местом, откуда полинезийцы направлялись на восток, север и юг, исследуя и заселяя острова, широко разбросанные внутри Полинезийского треугольника. Савai'и — название самого большого острова в архипелаге Самоа — является диалектологическим вариантом названия легендарной родины полинезийцев Гаваики. Поэтому раньше этнологи считали Самоа тем архипелагом, куда прежде всего попали мореплаватели-полинезийцы после того, как они покинули острова Фиджи.

Однако в свете новейшего сравнительного изучения материальной культуры и социальной организации Меланезии и Полинезии представляется невероятным, что великое переселение в Тихий океан шло через Меланезию. По своему антропологическому типу полинезийцы, в общем, очень резко отличаются от меланезийцев. Если бы они останавливались на Меланезийских островах, чтобы починить суда и пополнить запасы пищи, по всей вероятности, происходило бы расовое смешение. В таком случае негроидные черты постоянно наблюдались бы среди полинезийцев. Раньше, например, сложный траурный наряд, распространенный на Таити, и характерные для этого же острова организации типа «Общества Ариои» считались доказательствами меланезийского влияния; однако эти отдельные особенности могут быть и часто бывают местного происхождения.

Приводилось также много лингвистических аргументов, подтверждающих миграцию полинезийцев с запада на восток через Меланезию. В настоящее время на основании тех же данных считают, что переселение происходило из Полинезии на запад, к соседним островам Меланезии. Вилльям Черчилль, изучая элементы полинезийских языков в Меланезии, определил несколько миграционных путей из Новой Гвинеи в различные части Полинезии. Хедли установил, что полинезийские языки распространены в восточной части Меланезии на островах, прилежащих к Полинезии. Дальнейшие исследования Тилениуса и Рейя доказали, что эти языки особенно близки к диалектам Самоа и Тонга, т. е. ближайшим к Меланезии островам. Те же исследователи отмечают, что полинезийские языки в Меланезии не содержат архаизмов, что имело бы место при медленном продвижении полинезийцев через Меланезию на восток. Кроме того, в полинезийских языках почти не встречается словарных заимствований из языков Меланезии.

Риверс, изучая историю меланезийского общества, пришел к заключению, что некоторые элементы культуры обязаны своим происхождением взаимодействию двух этнических волн, которые прокатились через Меланезию с запада на восток. Обычай погребения скорченных покойников он связывал с более ранней волной, а погребения мертвецов в вытянутом положении относил к более поздней волне. Поскольку обе формы погребения засви-

детельствованы в Полинезии, Риверс заключил, что сюда докатились обе волны и образовали собой ту этническую группу, которую мы называем теперь полинезийцами. Он считал, что обычай взаимного избегания между братьями и сестрами, а также неограниченные права племянника на имущество дяди с материнской стороны были заимствованы меланезийским обществом у полинезийцев в то время, когда те переселялись через Меланезию. Однако эти особенности социальной организации были широко распространены во всей Меланезии, между тем как в Полинезии они встречались только на островах Самоа и Тонга.



Окраинные острова Меланезии (подчеркнуты), на которых обитают племена, говорящие на полинезийских диалектах

непосредственно по соседству с Меланезией, и в полинезийской общине Тикопия в самой Меланезии. Какие же основания, спросим мы, считать, что вся Меланезия восприняла полинезийские обычаи, которые сохранились только в трех полинезийских областях? Следовательно, мы должны заключить, что они имеют исконное меланезийское происхождение и были занесены на восток только на окраины Полинезийского треугольника[1].

На первый взгляд, наиболее веским доказательством в пользу переселения по южному пути является наличие цепи мелких

[1] Чрезвычайно слабую концепцию Риверса не разделяет ныне даже никто из буржуазных историков и этнографов. Однако критика ее автором нисколько не усиливает его собственных позиций. То обстоятельство, что у меланезийцев свои обычаи, а у полинезийцев — свои, нимало не говорит против движения предков полинезийцев «южным путем».

островов, протянувшихся от Новой Гвинеи до Фиджи по северной границе Меланезии. Хэддон удачно называет эти острова «окраинными общинами северо-восточной Меланезии». К ним он причисляет Тикопиа, Анута (Вишневый остров), острова Дафф, остров Реннелл (Мо Нгава), остров Беллона (Мо Нгики), Сикаиана, Ндаи, Онтонг-Джаву со включением Леуаниуа, Нукуману (остров Тасмана), Таку (острова Маркин), Килинаилау (острова Картерет), Ниссан, Танга и Нугуриа. Жители этих островов говорят на полинезийских диалектах, очень близких к диалектам Тонга и Самоа. В физическом отношении они непохожи на темнокожих курчавых меланезийцев, однако многие особенности материальной культуры перечисленных выше островов были заимствованы из Микронезии. Исторические предания островов Эллис, Гильберта и Каролинских повествуют о плаваниях отдельных моряков к необитаемым островам юга. Считается, что искусство плетения циновок на островах Леуаниуа и Нугуриа заимствовано с Тарава на островах Гильберта, а умение пользоваться ткацким станком на Нугуриа, Таку, Онтонг-Джаву и Сикаиану было занесено с Каролинских островов. В лодках с балансиром перекладины соединяются с поплавком при помощи особой развилки, которая применяется также на островах Сикаиана, Онтонг-Джава и Нукуману и распространена по всей Микронезии. И, наконец, Шапиро, на основании измерений, произведенных Хогбином, считает, что антропологический тип жителей Онтонг-Джавы крайне близок к типу населения Каролинских островов в Микронезии. На основе этих данных мы должны заключить, что «форпосты Полинезии» возникали не на стоянках по пути из Новой Гвинеи на острова Фиджи, а, скорее, были колонизованы с востока и с севера.

Во время своего переселения с запада на восток древние полинезийские мореплаватели следовали, вероятно, по северному пути, который ведет через Микронезию, или «страну мелких островов». Восточная часть этого пути вела по низким каралловым атоллам, которые резко отличались от гористых островов Меланезии, хотя среди них и было рассеяно несколько островов вулканического происхождения. Вначале был возможен только один северный путь, пролегавший через острова Яп, Палау и Каролинские. Далее он разветвлялся на две дороги: одна вела на северо-восток, через Маршалловы острова к Гавайям, а другая — на юго-восток, через Гильбертовы острова и острова Феникс в собственно Полинезию, севернее Самоа.

Веским аргументом в пользу микронезийского пути являются те же самые соображения, которые говорят против пути через Меланезию. Правда, первоначальное население Микронезии было ассимилировано монголоидными племенами, проникшими в эту область после полинезийцев. Но, хотя на всей этой территории произошла смена языка, встречающиеся и теперь многочисленные полинезийские слова указывают на следы древних

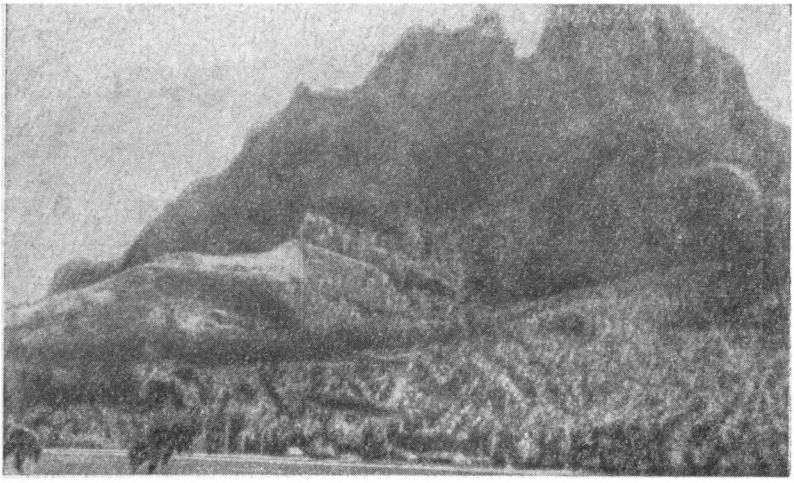
мореплавателей. Полинезийское влияние отразилось и на мифологии Микронезии.

В своем исследовании по мифологии островов Тонга Гиффорд приводит 27 элементов, общих с Микронезией, и 10, общих с Меланезией, причем некоторые из последних обязаны своим происхождением позднейшим связям с островами Фиджи. На этом основании Гиффорд считает, что мифология Тонга пришла сюда из Микронезии, а не из Меланезии. Итак, мы имеем еще одно доказательство тому, что «божественные» предки полинезийцев проникли в центральную часть Тихого океана северным путем, ибо мифология часто отражает фактическую историю далекого прошлого[1].

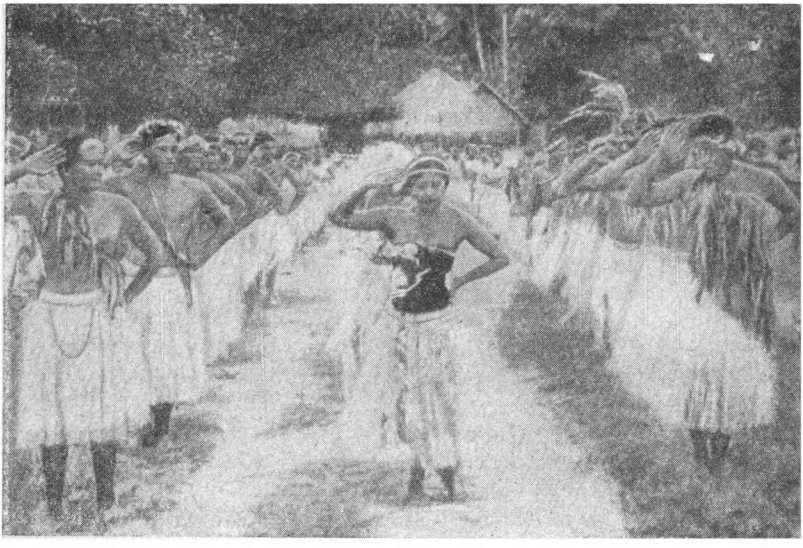
Но как бы ни было стойко сердце кормчего, он не мог вечно находиться в плавании. Мореходы достигали одного из коралловых атоллов и поселялись на нем. Так основывалась новая колония. Молодые люди последующих поколений перехватывали и несли дальше дерзкий факел. Многие элементы культуры, развившиеся на родине, в вулканической области Индонезии, исчезли, вероятно, позднее на коралловых атоллах. Это объяснялось или тем, что отдельные особенности культуры не соответствовали изменившейся среде, или отсутствием необходимых природных богатств.

Было много написано об упадке искусств и ремесел в Полинезии, причем в этом видели доказательство общего вырождения или неполноценности полинезийцев. Однако следует иметь в виду, что развитие того или иного ремесла зависит не только от нужды в нем и от технических знаний, но и от наличия сырья. Многие поверхностные критики осуждали наших предков полинезийцев за то, что они не знали ни гончарного искусства, ни ткачества, не принимая при этом в соображение распределение сырья на земле. Если гончарное ремесло было известно на Фиджи, то почему же тогда, спрашивают наши критики, его не знали на Тонга и Самоа? Ответ на этот вопрос до смешного прост: ни на Тонга, ни на Самоа нет глины. А без глины тонганцы и самоанцы, так же как и их восточные соседи, не могли, разумеется, производить гончарных изделий. Глина, как известно,— продукт химического процесса, происходящего в течение длительных геологических периодов, и поэтому она распространена только на древних массивах. Распространение глины на островах Тихого океана не идет далее континентальных островов Фиджи. Ее нет ни на коралловых островах Микронезии, ни на геологически молодых вулканических островах Полинезии. Возможно, что предки полинезийцев были знакомы с гончарным делом у себя на роди-

[1] Это «доказательство» более чем слабо. Мифология — не импортный товар, который непременно должен откуда-то «прийти» к людям, как предполагают диффузионисты, в том числе и наш автор. Сходства мифологических мотивов встречаются часто даже у народов, очень далеких друг от друга, но объясняются они отнюдь не так просто.



Древний Вавау (*Порапора*); первый гористый вулканический остров на восточном пути в Центральную Полинезию



Танцы жителей Порапора (*острова Вавау*)

Алтарь храма Фаратаи в Маева на Хуахине, напоминающий Тапутапу-атеа

Маорийское речное каноэ; на берегу видны заросли новозеландского льна из которого изготовляют одежду

не в Индонезии, но и в этом случае они должны были забыть свое ремесло, переселяясь через Микронезию, где не было глины. Переселенцы вынуждены были приспособляться к новым условиям. Для приготовления пищи они пользовались земляными печами, при сооружении которых требовались только камни и дерево. Всю посуду заменяли скорлупа кокосового ореха и деревянные чаши. Задолго до того, как предки полинезийцев достигли Полинезии, у них пропала всякая необходимость в гончарном ремесле и поэтому не сохранилось о нем никаких воспоминаний. Когда маорийцы достигли Новой Зеландии, где глина была в изобилии, ее значение в качестве сырья было уже давно забыто.

Ткацкий станок — детище средних широт, однако он проник в Индонезию, а оттуда, по северному пути,— на Каролинские острова, в окраинные общины северо-восточной Меланезии и на соседние острова Санта-Крус. Но на остальных островах Меланезии с ткачеством не были знакомы и, следовательно, по южному пути оно не могло проникнуть в Полинезию. Возникает вопрос, почему же полинезийцы, если они прошли по северному пути и останавливались на Каролинских островах, все же не принесли с собой ткачества в Полинезию? Возможно, что ткачество развилось на Каролинских островах после того, как полинезийцы прошли через эту страну. Однако наиболее правильное объяснение заключается в том, что на Гильбертовых островах, этом мостике между Каролинскими островами и Полинезией, население не знает ткачества. На Каролинских островах для ткани использовалось волокно дикого хибискуса. На Гильбертовых островах этого растения не было, и поэтому предки полинезийцев могли позабыть о ткачестве в течение долгой эпохи, пока они там обитали. Когда, наконец, мореплаватели попали на гористые вулканические острова Полинезии, где рос хибискус, искусство ткачества было уже давным-давно забыто ими. Народ, владеющий письменностью, может по записям восстановить забытое ремесло. Человеческая же память никогда не станет обременять себя теми техническими подробностями, которые не имеют применения. Отсутствие сырья на островах Гильберта оказалось непреодолимым препятствием для распространения ткачества в Полинезии.

Изучение истории метательного оружия дает нам дальнейшие сведения о переселении полинезийцев на восток. Военным оружием в Меланезии были лук и стрелы, а в Микронезии — праща. В Полинезии лук со стрелами был известен, но его не использовали во время войн нигде, кроме Мангаревы. Как на Тонга, так и на Самоа лук использовали для спортивной стрельбы по голубям и рыбе. На островах Общества стрельба из лука затупленными стрелами в отдаленную цель была развлечением вождей. Они занимались этим, стоя на треугольных каменных площадках. На Гавайях для спорта практиковалась также стрельба из лука

по крысам. Не раз ученые, придерживавшиеся как неоспоримой истины теории переселения через Меланезию, выражали недоумение по поводу того, что лук и стрелы не использовались в Полинезии как военное оружие. Трудно было понять, почему полинезийцы не научились от меланезийцев пользоваться луком для убийства людей, даже если они не были раньше знакомы с этим оружием. Однако самый факт, что лук использовался в Полинезии лишь для спортивных игр, служит лишним опровержением теории длительного пребывания полинезийцев в Меланезии. Луки на Тонга повторяют фиджийские образцы; вероятно, с Фиджи лук проник на Самоа и Тонга, а оттуда в качестве спортивного оружия распространился в Центральной Полинезии[1].

Самым распространенным метательным оружием в Полинезии была праща. Она встречается во всей Полинезии, за исключением Новой Зеландии. Маорийцы сражались врукопашную; распространение, которое получила среди них палица, свидетельствует о том, что предварительная перестрелка на большом расстоянии при помощи метательного оружия давно ими не применялась. Тем не менее знаменательно, что на Кермадекских островах, к северу от Новой Зеландии, были также найдены камни для метания из пращи. По-видимому, первые поселенцы, появившиеся на этих островах, пользовались пращой. Часто полинезийские метательные камни заострены с обоих концов и тем самым напоминают найденные в Микронезии. Употребление пращи как в Микронезии, так и в Полинезии служит еще одним доказательством в пользу северного пути миграции полинезийцев.

О прошлой связи между жителями островов Гильберта и Центральной Полинезии свидетельствует распространение среди них одинаковых боевых шлемов. По форме они напоминают турецкую феску и изготовлялись из уложенных кольцами шнуров

---

[1] Приводимые автором доказательства в пользу его теории «северного пути», каким будто бы должны были идти предки полинезийцев,—мало убедительны. Он полагает, что полинезийцы могли отвыкнуть от употребления лука и стрел, забыть гончарное и ткацкое ремесло только на коралловых островах Микронезии, где вместо лука употребляется праща, а для ткачества и гончарного ремесла нет необходимых материалов. Но автор упускает из виду, что и на островах Меланезии ткачество тоже неизвестно, хотя хибискус там растет; гончарным ремеслом на большинстве островов Меланезии также не занимаются, хотя глина там имеется и во многих местах обнаружены следы прежнего гончарства. Наконец, и лук употребляется далеко не по всей Меланезии. Неупотребление лука многими меланезийцами и полинезийцами (хотя лук им, как показывает сам Хироа, был прекрасно известен) объясняется отнюдь не воображаемым пребыванием их отдаленных предков на коралловых островах, а просто тем, что на мелких, бедных фауной островах восточной Океании это оружие оказалось ненужным. То же самое надо сказать о гончарстве и ткачестве: гончарную посуду полинезийцам отлично заменяли скорлупа кокосовых орехов и калебассы, пищу они варили в земляных печках, а ткани в мягком тропическом климате им были не нужны. Маорийцы, попав на Новую Зеландию с ее более прохладным климатом, самостоятельно создали технику тканья-плетения из волокон местного льна.

кокосовых волокон. Подобные шлемы найдены и на островах Кука и на Южных островах в Центральной Полинезии. На островах Кука они служили для защиты от метательных камней. На Гильбертовых островах шлем применялся наряду с особыми боевыми доспехами — штанами и курткой из кокосового волокна. На затылке к шлему пришивался продолговатый щиток. Эта одинаковая специфическая форма заставляет нас предполагать, что шлемы Микронезии и Полинезии не могут иметь различного происхождения[1].

При взгляде на карту вы убедитесь, что Полинезийский треугольник напоминает наконечник копья с острием, направленным к солнечному восходу. Наконечник копья насажен на древко, которое составляют южная цепь вулканических островов, именуемых Меланезией, и северная цепь атолловых островов, получивших название Микронезии. Как мы покажем в дальнейшем, культурные растения и домашние животные завезены в Полинезию южным путем, но предки полинезийцев прошли сюда северным путем, ведя свои ладьи от одного атолла к другому, навстречу восточному горизонту, за который до них никто еще не проникал.

---

[1] Автор прав, указывая на целый ряд сходных черт в культуре полинезийцев и микронезийцев. Сходства эти находят себе подтверждение в родстве языков. Есть общие черты и в антропологическом типе населения Полинезии и Микронезии. Все это свидетельствует о глубокой исторической общности обеих областей. Вероятно, есть доля истины в теории Те Ранги Хироа относительно «северного пути»: какая-то часть предков полинезийцев действительно могла попасть в восточную Океанию через микронезийские острова. Но это нисколько не мешало другому, и, вероятно, основному потоку переселенцев направляться «южным путем»—через архипелаги Меланезии.

Глава VI

ПЕРВЫЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Внутри морского круга
Находится замечательная рыба,
Замечательная рыба,
Над которой вздымается радуга,
Стягивающая необъятный океан.
Это моя страна.

(*Заклинания острова Аитутаки*)

СМЕЛЬЧАКИ, направившие свои ладьи по неизведанному Тихому океану, умели не только водить суда. но и ловить рыбу в открытом море. Они выходили на лов рыбы и при этом вылавливали новые острова. Мифы придают рыболовному снаряжению древних рыбаков магическую силу, которая якобы давала возможность поднимать острова из морских глубин. Величайшим рыболовом всей Полинезии был легендарный герой Мауи, древний открыватель новых земель. О ряде его героических подвигов спустя столетия любящие деды рассказывали своим благоговейно внимающим внукам. На каждом архипелаге существует свой особый вариант этого предания, с местными особенностями; к древнему мифологическому «улову» Мауи стали относить даже и те острова, которые он никогда не видел.

Привожу маорийский вариант легенды. Таранга родила четырех сыновей, а когда зачала в пятый раз, то разрешилась от бремени до срока и, завернув зародыш в пелену, опустила его в море. Тангароа, бог моря, сжалился над семенем жизни, которое, не достигнув зрелости, было обречено на гибель, и лелеял его, лаская водорослями и убаюкивая на тихих океанских волнах. Наперекор всем законам природы, зародыш ожил и превратился в крепкого мальчишку. По совету заботливого бога, мальчик ночью незаметно прокрался в материнский дом и улегся среди спящих братьев. Когда утром Таранга окинула материнским взглядом спящую детвору, она была изумлена, увидев незнакомого ребенка. В детстве я особенно любил, когда моя бабушка, рассказывая это предание и изображая Тарангу, загибала четыре пальца, от большого до безымянного, говоря:

«Мауи — впереди, Мауи — внутри, Мауи — с одной стороны, Мауи — с другой стороны». Потом она обычно смотрела с притворным изумлением на мизинец, который не имел имени и восклицала: «А это кто? Это не мой ребенок». Тогда раздавался писк не по годам развитого пятого младенца: «Но я же твой сын! Ты бросила меня, недоношенного, в огромный океан, но мой предок Тангароа сжалился надо мной и вырастил меня». Тогда мать прижалась носом к носу ребенка и сказала: «На самом деле, ты мой младший сын, и поэтому я назову тебя в честь пучка волос на моей макушке — Мауи-тикитики-а-Таранга».

Когда Мауи возмужал, он совершил много удивительных подвигов, но в течение всей своей жизни оставался злым проказником и обманщиком. В припадке зависти из-за того, что его шурин наловил больше рыбы, Мауи придавил его носом рыболовной лодки, когда они приставали к берегу. Вытянув затем нос, уши и позвоночник, он создал, таким образом, первую собаку, которую маорийцы называют Иравару, а жители Туамоту — Ри. Мауи достал огонь в Махуики (преисподней) и научил людей добывать его при помощи трения кусков дерева, в котором был запрятан огонь. Овладев огнем, человек получил возможность варить пищу, которую он прежде ел сырой.

Мауи отправился к восточным воротам дня и с помощью скользящей петли из человеческих волос поймал Ра (Солнце) в то время, когда оно появилось из глубины ночи и собиралось начать свой некогда слишком быстрый дневной путь. С палицей в руке Мауи заставил Ра согласиться впредь медленнее двигаться по небесному своду. Так люди стали пользоваться более длинным днем, в течение которого могли добывать и производить пищу.

Братья Мауи завидовали удаче героя и однажды, собравшись на рыбную ловлю, отказались взять его с собой. Согласно новозеландскому варианту предания, Мауи ночью спрятался в лодке под циновкой, а по варианту острова Мангаревы — превратился в крысу и скрылся под связкой веревок. Когда лодка далеко отплыла от берега, Мауи появился перед братьями и, невзирая на их протесты, заставил их плыть все дальше в море, пока они не достигли места, где водилась крупная рыба. Здесь, правда на очень короткое время, братья смогли отомстить проказнику. У Мауи не было приманки, и, как ни просил он своих братьев, они отказались поделиться с ним своими запасами.Тогда, как повествует новозеландское предание, Мауи ударил себя по носу с такой силой, что хлынула кровь. Образовавшийся сгусток Мауи наживил на свой крючок. Мангаревцы, очевидно, привыкшие к более основательным приманкам, рассказывают, что Мауи для этой цели оторвал себе ухо. Удочка с необычной приманкой опустилась и достигла дна моря. Однако добыча оказалась такой тяжелой, что ее с трудом вытащили из воды, действуя в такт магической песне. Наконец на поверхности воды появился чудесный остров, представлявший часть океанского

дна. Так были подняты из морских глубин и установлены на определенных местах Северный остров Новой Зеландии, Тонга, Ракаханга, Гаваи'и и прочие крупные острова.

Участвуя в экспедиции музея Бишопа, я посетил атолл Ракахангу, где мне удалось присутствовать на представлении, изображавшем вылавливание острова. Сценой служила усыпанная гравием улица перед домом нашего хозяина. Мы занимали передние места на веранде. Жители деревни сидели с поджатыми ногами, расположившись по обеим сторонам улицы. Оркестр, состоявший из огромного барабана и двух расщепленных деревянных гонгов, отбивал такт. Участники хора расположились напротив нас на открытом дворе и пропели гимн в честь появления предка полинезийцев — Хуку. Глаза всех зрителей были устремлены на домик без крыши, расположенный поодаль; там, очевидно, находились артистические уборные. Наконец из-за угла домика появился рыбак. На нем была жалкая набедренная повязка и вместо обычной жирной краски тело было покрыто серой грязью, а на голове возвышался конус из коры, вроде того бумажного колпака, который надевают ленивым ученикам в американских школах. Из волокна кокосового ореха были сделаны бакенбарды, борода и усы, торчавшие самым неестественным образом. Рыбак стоял в центре разрезанного листа кокосовой пальмы, прикрепленного к его телу спереди и сзади и изображавшего рыболовную лодку. В руках у него были весло и короткая удочка с большим деревянным крючком. Останавливаясь время от времени, чтоб забросить удочку, он греб к кокосовому ореху, лежавшему посреди сцены. Рыбак внимательно разглядывал его из-за борта своей воображаемой лодки и восклицал: «А, вот он, нарост земли, на дне моря, который дорастет до его поверхности!» Под шум оркестра хор сообщил нам, что рыбак этот — предок Хуку из Раротонги, который, ловя рыбу, обнаружил наращивание суши. Хуку повернул лодку и поплыл обратно к Раротонге. Во время пути ноги его, высовываясь сквозь дно лодки, отбивали ритм по «дну океана» в такт музыке, ибо оркестр провожал его в обратный путь. Хуку захватила непогода: нос его кокосового листа то вздымался на головокружительную высоту, то падал в бездонную пропасть. Вдруг Хуку упал и барахтаясь пополз по земле. Мы решили было, что рыбак погиб, но лодка все же выпрямилась и в конце концов завернула за угол разрушенного дома в спокойную гавань на Раротонге.

Тогда на сцене появилась молодая девушка, изображавшая старуху. Из нескольких кокосовых листьев она соорудила беседку и, войдя в нее, превратилась в Хине-и-те-папа, Хозяйку глубин, обитавшую на дне моря. Вот из-за угла появился другой рыбак в такой же, как у Хуку, лодке. Хор оповестил нас, что это Мауи Младший пришел навестить Хозяйку глубин. Мауи пригреб к беседке, отбросил от себя кокосовый лист и как бы погрузился на дно океана. Актер внес в представление элемент

современности, постучав пальцем по продольной жилке одного из кокосовых листьев, образующих беседку. Затем Мауи сообщил Хозяйке глубин, что ей следовало делать на следующий день, когда он с братьями приедет сюда удить рыбу. После этого рыбак забрался в кокосовый лист, лежавший на дне океана, выплыл на поверхность и пустился в обратный путь.

После короткого перерыва из-за угла показался более длинный кокосовый лист, в котором разместились на этот раз три рыбака. Хор объявил, что три брата — Мауи Старший, Мауи Средний и Мауи Младший — отправляются на рыбную ловлю. Вблизи дома Хозяйки глубин их лодка встала на якорь. Насадив на крючок приманку, Мауи Старший забросил удочку. Хозяйка глубин послушалась Мауи Младшего и, прицепив к крючку рыбу определенной породы, дернула за удочку. Мауи Старший закричал от восторга и предложил братьям отгадать, какую рыбу он поймал. В этом состязании на сообразительность без труда выиграл Мауи Младший, которому все было известно заранее. Мауи Средний насадил на крючок другую приманку и поймал другую рыбу, причем Мауи Младший опять заранее правильно определил породу. Наконец, Мауи Младший насадил на свой крючок маленький кокосовый орех и ветку с зелеными листьями. Увидев эту приманку, Хозяйка глубин опять выполнила наставления и нацепила на крючок нарост земли, который заметил Хуку. Почувствовав, что крючок застрял, Мауи Младший принялся тянуть изо всех сил. Земля поднялась на поверхность в виде горы, вершина которой оказалась под серединой челнока. Мауи Младший соскочил с кормы на твердую землю. Тотчас вслед за этим лодка разломилась на двое, и два старших брата, находившиеся в носовой части лодки, рухнули в морскую пучину.

Я слишком увлекся содержанием и забыл об его интерпретации актерами. По ходу действия Хозяйка глубин воткнула крючок в кокосовый орех, лежавший посреди сцены. Мауи Младший, поднимая его на «поверхность», изображал процесс вылавливания земли очень выразительной мимикой. Когда кокосовый орех достиг уровня борта, Мауи Младший разорвал кокосовый лист и ступил на сушу. Что же касается старших братьев, то они упали с носа лодки и, дрыгая ногами, уползли со сцены.

В постановке было еще три акта, но о них не стоит подробно рассказывать. Возвратившись с Раротонги, Хуку узнал, что коралловый нарост достиг поверхности воды и им завладел Мауи. Началось сражение за новый остров. Сильно упершись ногами в землю, чтобы поднять противника, Мауи расколол нарост. Так образовались два атолла — Ракаханга и Манихики. Мне показали одну скалу во внешней лагуне на Ракаханге, где якобы отпечатался след Мауи. Разве можем мы теперь сомневаться в достоверности предания, располагая таким доказательством.

Поскольку остров считался выловленным со дна океана, то, естественно, к нему и относились, как к рыбе. Поэтому части

островов обычно получали названия, соответствующие названиям различных частей рыбы. Нередко так поступали и с теми островами, происхождение которых не связывалось с преданиями о рыбной ловле. Так, остров Аитутаки хотя и не напоминает по форме ни одну из известных рыб, тем не менее подразделяется его обитателями на части, именуемые головой, туловищем, плавниками и хвостом. Как рассказывается в предании, остров-рыба прикреплен к океанскому дну крепкой лианой, словно якорем; устойчивость острова зависит от прочности узла, которым связан этот канат.

Эпиграф в начале этой главы настраивает на поэтические размышления, связанные с преданием. Стоя на самом высоком холме острова Аитутаки, я понял то поэтическое чувство, которое породило легенду. Склоны холмов одеты местными дикими деревьями; внизу, у подножья горы, они сменяются рощами кокосовых пальм, бананов и хлебных деревьев. На ровных участках у берега виднеются поля таро, а между деревьями просвечивают соломенные крыши хижин. И далеко от берега и вблизи него простираются мелкие лагуны Крутая, волнистая линия рифов отделяет остров от глубин Тихого океана. Вода сверкает гаммой цветов от зеленого в лагуне до глубокого пурпурного в открытом море за рифами. С вершины холма взгляд охватывает замкнутое кольцо рифов, а за ними — пурпурное водное пространство до самого горизонта. И невольно вспоминаешь слова поэта, изображающие остров как земную песчинку «внутри морского круга». Этот круг так велик, а остров-рыба так мал, что оставалось только надеяться на крепость узла каната, привязывающего его ко дну моря.

Картина дополняется еще и радугой, так что вы, жители городов, наверное, позавидуете поэту, который мог петь: «Это моя земля».

Имена Мауи и других героев, превращенных легендами в полубогов, связываются с ранней стадией открытий. Они путешествовали так давно, что теперь уже трудно точно установить местоположение открытых ими островов; возможно, что они расположены за пределами Полинезии, в современной Микронезии, вдоль пути, по которому предки полинезийцев продвигались на свою новую родину. Можно с уверенностью сказать, что Мауи не достиг Новой Зеландии. Рассказы о его подвигах занесли с собой позднее первые полинезийские переселенцы и они же придали легенде местный колорит.

Сказания о подвигах более поздних мореплавателей, Раты и его непосредственных предшественников, связаны с некоторыми островами, которые как бы радиусами расходятся по направлению от Центральной Полинезии. Эти героические мореплаватели, несомненно, исследовали моря и острова Центральной Полинезии. Древние сказители и певцы, воспевая их достижения, особенно отмечали открытия необитаемых земель. Так,

Купе открыл Новую Зеландию и, возвратившись из этой далекой южной земли в Центральную Полинезию, рассказывал: «Я видел там лишь порхающих голубей и слышал размеренное постукивание птицы-колокольчика, доносившееся из глубины леса».

Атиу-мури, открывший Атиу, назвал эту землю Энуа-ману, или «Царство птиц». Посетив в 1929 г. этот остров, я спросил у туземного вождя, почему первоначально его назвали Энуа-ману. Он ответил: «Когда Атиу-мури пристал к берегу (Энуа), здесь обитали только ману (птицы)». Зная, что птиц на острове очень мало, я спросил на местном наречии: «Какие же именно ману?» — «О,— ответил вождь,— мотыльки и жуки». Слово ману означает любое живое существо, за исключением людей и четвероногих. Таким образом, упоминая о ману как о единственных обитателях островов, древние сказания стремились ярче оттенить деяния тех отважных героев, которые первыми преодолели огромный океан и среди его простора обнаружили новые земли.

Невозможно переоценить достижения древних открывателей новых земель, которые переселились в Полинезию с соседней Микронезии. Но как восстановить их имена, чтобы воздать им должную славу? Память об этих путешественниках стерлась в ходе веков, а отрывочные сведения, дошедшие до нас, либо приняли фантастический характер мифов, либо искажены позднейшими историками. Эти историки различных архипелагов интересовались в основном сказаниями о переселенцах, которые отплыли из Центральной Полинезии после XI—XII вв. нашей эры, и всячески воспевали вождей, от которых якобы вели свое происхождение. Однако они признают, что острова были заселены еще до появления там мореплавателей более поздних поколений.

Если предположить, что Гильбертовы острова были тем последним архипелагом цепи Микронезийских островов, откуда древние мореплаватели попали в Полинезию, то можно сделать вывод, что на своем пути они могли заселить три группы вулканических островов: Гавайские на северо-востоке, острова Общества на юго-востоке и Самоа на юге. Коралловые атоллы, встречавшиеся на этом пути, служили удобными стоянками; однако они не могли стать центрами поселений из-за незначительных размеров и скудных природных ресурсов. Знаменательно, что предания о древних поселенцах сохранились на всех упомянутых выше группах островов.

Гавайские мифы повествуют, что ко времени появления там предков современного населения острова были заселены карликовой расой менехуне. Менехуне упоминаются в легенде о вожде по имени Гаваи'и-лоа, который встретил их до того, как попал в Полинезию, отклонившись где-то от Микронезийского пути по направлению на северо-восток. Возможно, что менехуне были потомками древних переселенцев, которые во время своих странствий были отнесены к Гавайям ветрами и течениями с Гильбер-

товых островов или с какого-либо другого острова, расположенного еще далее на запад. Эта теория подтверждается тем, что древние гавайцы, судя по преданиям, не знали о продовольственных культурах, между тем, если бы они прибыли сюда из Центральной Полинезии, то, конечно, им были бы известны культурные растения, которые позднее завезли с собой переселенцы с Таити.

Острова Общества в Центральной Полинезии были заселены древней группой манахуне, о существовании которых упоминается как в преданиях, так и в исторических документах. Манахуне, вероятно, жили здесь в то же время, что и менехуне на Гавайских островах. Переселенцы могли легко переплыть с Гильбертовых островов на атоллы Феникс, Манихики, Ракаханга и Пенрин, а оттуда — на подветренную группу островов Общества.

В самоанских мифах упоминается о том, что какие-то древние люди жили на островах еще до прихода туда потомков Тангалоа, происходя якобы от червей, расплодившихся в гниющей виноградной лозе. Хотя фантазия приписывает древним обитателям островов местное происхождение, мы все же склонны предположить, что это были потомки мореплавателей, которые опередили более поздних переселенцев и попали на свою новую родину с Гильбертовых островов, миновав по пути Токелау. С островов Самоа эти «потомки червей» направились дальше к югу и заселили Тонга, где они уже известны под человеческими именами.

Первые поселенцы знали мало видов продовольственных культур и разводили лишь ограниченное число домашних животных. Вероятно, они происходили от той же исходной группы, что и более поздние полинезийцы. Однако, находясь на более низкой ступени развития, древние жители были вынуждены предпринимать новые миграции, когда возросшее население уже не соответствовало количеству продовольственных ресурсов, которыми они располагали на коралловых атоллах. Подобные переселения, по свидетельству местных преданий, происходили не раз на атоллах Туамоту и Мангарева. В Новой Зеландии поселились племена, у которых не было ни культурных растений, ни домашних животных; возможно, они были когда-то вытеснены с Тонга или каких-либо других более северных островов. Во время этих переселений экономически более слабые группы, которым недоставало пищи, по-видимому, раньше пускались в путь, а самые обеспеченные задерживались дольше.

Итак, мы можем допустить, что древнейшими жителями Гавайских островов, островов Общества и Самоа были экономически наиболее слабые члены первобытного общества. Вынужденные оставить Гильбертовы острова, они в поисках пристанища расселились по радиусам к северу, югу и востоку. Переселенцы заняли ближайшие к Гильбертовым вулканические острова и приспособили свою культуру к новым природным условиям. Эти рядовые члены общин не только уступали людям

из высших слоев в экономическом и культурном отношении, но были также слабее физически. Различия в росте и телосложении между вождями и рядовыми членами общества вызывались не только воспитанием и естественным отбором, но и разной пищей, соответствующей социальному положению каждого. Не приходится удивляться тому, что лучше вооруженные племена с такой легкостью подчинили себе этих более ранних поселенцев[1].

Отбросим же, однако, вопрос о происхождении и судьбе древних поселенцев и отдадим им должное как первым людям, которые проникли в бурные, неизведанные просторы Тихого океана.

Выдвигалась теория, что некоторые острова были заселены рыбаками, чьи суда были отнесены ветрами в сторону во время рыбной ловли. Однако это предположение необоснованно, ибо нам известно, что полинезийские женщины не выходили в открытое море на ловлю рыбы. Поле рыболовной деятельности женщин ограничивалось лагунами, не выходя за пределы окаймляющих остров рифов. Они покидали прибрежные воды только в исключительных случаях, когда вся семья отправлялась в гости на ближайший остров, или во время больших походов. Ладьи, где были только рыбаки-мужчины, могли сделать остров обитаемым только на протяжении жизни одного поколения. Между тем даже на самом отдаленном острове проживало как мужское, так и женское население. Совершенно ясно поэтому, что первые поселенцы намеренно отправлялись в плавание, захватив с собой продовольствие и воду. Они могли, конечно, и отклониться от ближайшей цели своего плавания и заблудиться в просторах океана; в этом случае продолжительность странствования зависела от запаса пищи и воды, а когда они истощались — от выдержки людей. Команда опытных рыболовов, везшая с собой все снаряжение, могла пополнить свои продовольственные запасы в родном для них океане: взяв с собой свои рыбачьи снасти, они ловили бонитов, акул и других рыб. Во время своего путешествия Блай проплыл в открытой лодке расстояние в 3000 миль от островов Тонга в Полинезии до Тимора в Малайском архипелаге; для полинезийцев самым удивительным было то обстоятельство, что рыба кишела за бортом, а Блай и его спутники страшно нуждались в пище и не могли поймать ни одной рыбы, так как у них не было ни лесок, ни крючков[2]. Бичи рассказывает

[1] В истории заселения Полинезии могли быть случаи, когда пионерами освоения новых островов были наиболее слабые общинники, принужденные покинуть родину. Но считать эти случаи общим правилом нельзя. Судя по преданиям, на поиски новых островов отправлялись нередко младшие сыновья вождей с дружиной, различные недовольные элементы общества, воинственные и предприимчивые люди. Очень вероятно, что ранние насельники некоторых островов стояли на более низком уровне культурного развития, чем позднейшие поселенцы, и последние их побеждали. Но вряд ли это всегда было так.

[2] О капитане Блае см. ниже, главу XVI и примечание к стр. 172

о встретившейся ему полинезийской лодке, которая во время сильного западного ветра была отнесена на 600 миль к востоку от родного острова. Один из находившихся в лодке полинезийцев согнул железный скребок, придав ему форму крючка, и поймал большую акулу, которая преследовала лодку. Так загадка Самсона была разрешена: «Из самого пожирателя вышло мясо»[1].

Многие этнографы придерживались нелепой теории, что будто бы при господствующих пассатах полинезийцы не могли плыть на восток. Основываясь на этом вымысле, они выдвигали предположение, что родиной полинезийцев является Америка и якобы в Тихий океан они проникли с востока. Мы сейчас докажем, что эта теория — сплошная чепуха. Достаточно сказать, что бывают сезоны, когда преобладают западные ветры, достигающие большой силы. Миссионер Джон Вилльямс проплыл по прямой линии на восток от Самоа до островов Кука, не меняя курса. Кроме того, капитаны, плавающие на шхунах в южных морях, подтвердят вам, что если бы им нужно было отправиться в исследовательское плавание, они предпочли бы плыть против господствующих ветров. В этом случае после истощения продовольственных запасов они могли бы, подгоняемые попутным ветром, быстрее вернуться домой.

Жизнь древних полинезийцев была тесно связана с морем; поэтому они знали, какие ветры преобладают в течение года. Страны света, или «кавеинга», получали у них название от различных ветров, дующих якобы из «отверстий» в горизонте. Во время продолжительных путешествий на помощь призывался бог ветров — Рака, которого просили заткнуть отверстие неблагоприятного ветра. На Новой Зеландии богом ветров был Тауириматеа. Поэтому в своем заклинании новозеландский мореплаватель Каху-кока умоляет бога закрыть свой глаз, обращенный на юг, чтобы благополучно совершить плавание с запада на восток.

Приводим слова заклинания:

Вот я направляю нос моей ладьи
В открытые просторы, откуда выходит Солнечный бог
Тама-нуи-те-ра, Великий сын солнца.
Не дай же мне отклониться от задуманного пути,
Направь меня прямо к земле, на Родину.
Дуй, дуй, о Тауири-матеа, бог ветров!
Разбуди свой западный ветер, чтобы он понес нас
По морской дороге, прямо на Родину, Гаваики.
Закрой, закрой свой глаз, который смотрит на юг,
Чтоб мог спать твой южный ветер.
Позволь нам проплыть через море Мауи
И не ставь препятствий на нашем пути.
Ладья встрепенулась, она двинулась, она поплыла!
О, теперь заспешит Тане-каха,

---

[1] Автор намекает на библийское сказание о Самсоне, загадавшем загадку филистимлянам: «Из ядущего вышло ядомое, из сильного вышло сладкое». Разгадка — пчелиный мед, найденный им в трупе убитого льва.

Доблестная ладья Каху-кока,
Назад, к бухтам Гаваики-нуи,
Назад — домой.

Из песни видно, что Каху-кока просил бога послать западный ветер и задержать юго-восточный. Ясно также, что Каху-кока ни в коем случае не стал бы готовиться к плаванию и призывать на помощь бога до тех пор, пока не убедился, основываясь на своем собственном опыте и на совете старших, что наступает сезон западных ветров.

Вслед за более древними поселенцами на Тихом океане появились новые народы. Вероятно, они имели общее происхождение с первыми переселенцами, но находились на более высокой общественной ступени; предводительствовали ими знатные вожди и ученые жрецы. Мы не знаем точно, что заставило их покинуть восточную Микронезию. Возможно, причиной послужил усилившийся натиск других народов; переселение могли вызвать также внутренние раздоры или жажда приключений. Но как бы то ни было, могущественные вожди направили свои суда на юго-восток, в Полинезию; путь их лежал севернее Самоа и, возможно, пролегал через заброшенные в настоящее время атоллы Феникс или даже через архипелаг Токелау. Эти маленькие коралловые острова со скудной растительностью служили лишь временным пристанищем и не могли, конечно, стать постоянной родиной честолюбивых вождей. Мореплаватели продолжали свой путь до тех пор, пока их суда не достигли высоких вулканических гор подветренной группы островов Общества, четко вырисовывающихся на горизонте. Здесь они поселились, назвав новые острова по имени своей старой родины — Вавау, 'Упору и Гаваи'и. По мере того как постепенно росло население и совершенствовалось судостроение, новые исследователи с островов Общества отправлялись на дальнейшие подвиги и вновь открывали острова, уже заселенные более ранними мореплавателями. Они подчинили себе местное население, которое уступало им как в военном, так и в культурном отношении. Так острова Общества превратились в центральное ядро, откуда велись открытия по всей Центральной Полинезии и распространялась новая культура.

Глава VII

ЦЕНТР ТРЕУГОЛЬНИКА

Гавай'и — фанаураа́ фенуа...
(Гаваи'и — родина земель....)
(Таитянская песенка)

СЛЕДУЯ за передовым отрядом манахуне, группа полинезийцев, отправившаяся на поиски новых земель, достигла подветренных островов вулканического архипелага; эти острова лежали на их пути с запада на восток. Судьба, удача, зов бесстрашных сердец двигали полинезийцами, когда они пробирались к самому центру широко разбросанных океанических островов. Спустя столетия вся область стала называться Полинезией (множество островов), а потомки первых поселенцев и открывателей новых земель — полинезийцами.

Заселение этой группы островов Центральной Полинезии произошло примерно в V в. нашей эры. Более чем через тысячу лет честь первого открытия этих островов была приписана британскому исследователю Уоллису. Другой английский путешественник, Джемс Кук, присвоил архипелагу название островов Общества в честь Королевского общества в Лондоне, по поручению которого он вел наблюдения за перемещением Венеры, причем остров Таити был основной базой, откуда велись исследования. Так исследователи другой расы, появившиеся на Тихом океане менее 200 лет тому назад, заслуженно прославили свои имена а первоначальные открыватели островов Океании, жившие на тысячу лет раньше, незаслуженно забыты, ибо они не оставили после себя письменных документов. Только сами полинезийцы, превратив своих предков в богов, выразили свое преклонение перед их отвагой.

Среди островов Общества различают наветренную и подветренную группы. Еще первые путешественники дали некогда имена подветренным островам, но прошли века и переменились названия. Старые классические названия встречаются только

в легендах и песнях, а более поздние употребляются в разговорной речи и поэтому были усвоены европейскими картографами. Приводим древние названия, а в скобках — соответствующие им современные названия основных островов подветренной группы: Вавау (Порапора; в европейской передаче Борабора), 'Упору (Таха'а), Гаваи'и (Ра'иатеа) и Фуахине. Таити, главный остров наветренной группы, расположен на расстоянии более 100 миль от Ра'иатеи. Мо'ореа, известный некогда как Эимео, отстоит от Таити на 7 миль. К группе подветренных относится еще ряд более мелких островов.

Таити, большой и плодородный остров, мог прокормить самое густое на островах Общества[1] население; в более поздние времена он стал политическим центром вместо Гаваи'и. Еще позднее Таити стал резиденцией колониальных властей Французской Океании, включающей, кроме островов Общества, Маркизские острова, острова Туамоту, Южные и Гамбье. Говоря о мифах и легендах островов Общества, мы будем в дальнейшем называть их таитянскими, что гораздо проще и короче.

Центр полинезийской культуры образовался на самом большом острове подветренной группы — Гаваи'и, который получил свое название по имени древней прародины. Из этого центра различные группы полинезийцев впоследствии расселились на другие острова. Пришельцы принесли с собой свой язык, единую религию и единую культурную основу мифов и традиций, а также захватили продовольственные культуры и домашних животных. Поэтому культура во всех уголках огромного Полинезийского треугольника имеет сходные черты, происхождение которых восходит к общему периоду ее перестройки в Центральной Полинезии.

По всей Полинезии господствует единый в своей основе язык Постоянно встречаются те же самые гласные — «а», «е», «i», «о», «u», которые произносятся так же, как во французском или

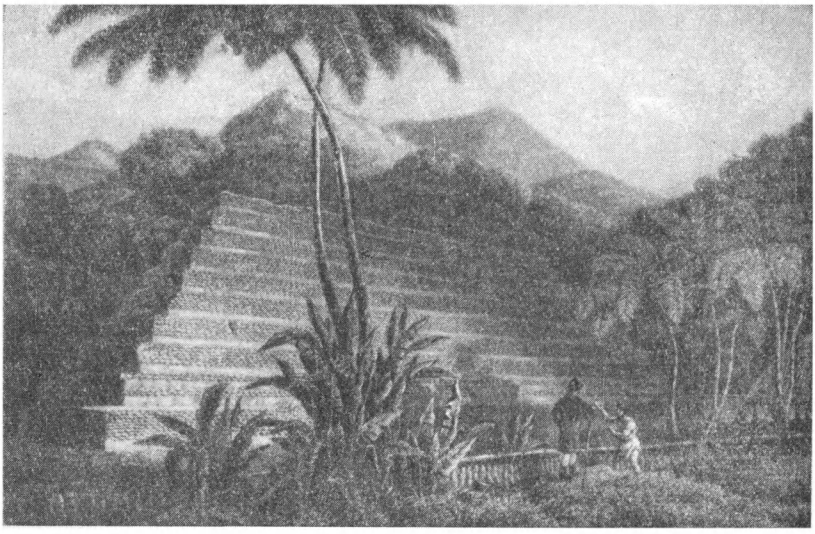
---

[1] Острова Общества (на некоторых русских картах неправильно называемые островами Товарищества), иначе Таити, раньше и глубже других архипелагов были затронуты европейской колониальной политикой На Таити уже в конце XVIII в. началась усиленная проповедь миссионеров, сначала британских, а позднее (с 1836—1837 гг.) и французских, католических. Архипелаг в дальнейшем стал центром миссионерской пропаганды в Океании: попы готовили здесь проповедников христианства из среды самих новообращенных полинезийцев. Так называемые «тичеры» (учителя, наставники) рассылались затем по разным островам. На самом Таити миссионеры, совместно с агентами европейских правительств, разжигали смуты и усобицы. Дело кончилось тем, что в 1843 г. над архипелагом был установлен протекторат Франции, который местная королева (из династии Помаре, объединителей Таити) была вынуждена признать, хотя она и держалась британской ориентации. В 1880 г. последний таитянский король Помаре V «добровольно» отказался от власти в пользу Франции, и архипелаг стал французской колонией. С 1903 г. архипелаг Таити стал центром «французских поселений в Океании» (Établissements Français). Старый быт и культура островитян, столь романтически описывавшиеся прежними путешественниками и воспевавшиеся поэтами, совершенно разрушены.

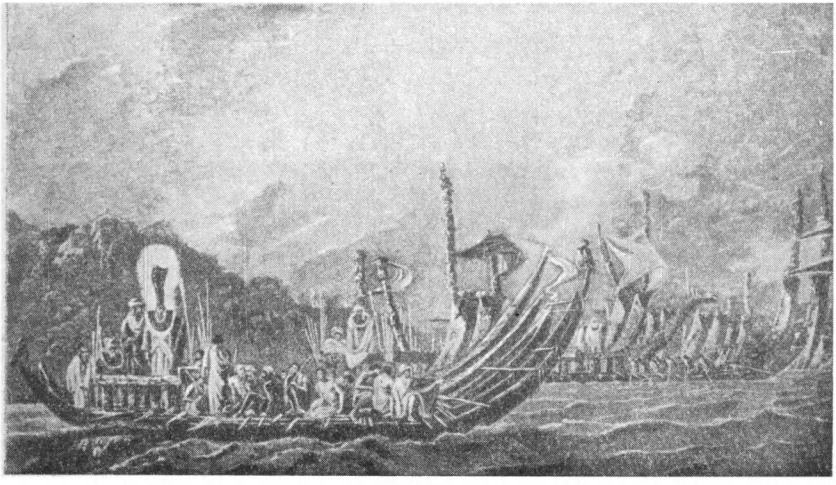
немецком языке[1]; за каждым согласным звуком в полинезийских языках обычно следует гласный. В диалектах, развивавшихся на отдельных архипелагах, произошли изменения в произношении согласных звуков. Для Центральной и Восточной Полинезии характерны звуки «r» и «v» в тех словах, где в Западной Полинезии произносятся «l» и «w». В нескольких диалектах неполно выговариваются отдельные согласные; они передаются в письме, или, вернее, должны передаваться апострофом над местом этого звука в слове. «K» и «ng» пропали в диалектах островов Общества; так, например, древнюю родину называют здесь Гаваи'и, в то время как на других диалектах Центральной Полинезии это слово произносят Гаваики. В Новой Зеландии, где «v» заменено «w», древняя родина называется Гауаики, а на островах Кука, где опускается «h», это слово произносят как 'Аваики. На Гавайских островах, где произносят «w» и опускают «k», самый большой остров архипелага произносится как Гауаи'и (Гавайи). На Самоа вместо «h» произносят «s», «v» употребляют чаще, чем «w», а «k» опускается. Поэтому крупнейший остров называется там Саваи'и.

Съедобные растения, домашние животные, сырье и орудия, на основе которых была построена материальная культура полинезийцев, вероятно, прежде всего развились и были испытаны на подветренных островах, а уже оттуда переселенцы разнесли их по остальной Полинезии. Можно представить себе восторг и удивление первых пришельцев с Микронезии, когда перед ними предстали высокие холмы, широкие долины с быстрыми потоками и плодородные почвы большого вулканического острова. Все это было совсем непохоже на неприветливые пески коралловых островов, где в течение веков их предки влачили жалкое существование. Окружающая их среда чудесно изменилась. Мы можем лишь смутно представить себе, с каким интересом старики знакомились с многочисленными растениями, узнавая уже известные ранее и давая названия новым видам, как проверяли они полезные свойства древесины, коры, листьев. Здесь изобиловали деревья для постройки домов и лодок и было много коры растений, из которой получали волокно для тканей и веревок. Особенно полезными оказались базальтовые скалы, которых не было на коралловых атоллах. На атоллах приходилось готовить пищу в земляных печах; в них нагревали куски коралла и раковины тридакны, крошившиеся после каждой топки. На вулканических островах для этой цели использовали базальтовые камни. Их можно было употреблять для приготовления пищи в течение длительного времени. Базальт служил также для изготовления тесел и резцов, которые намного превосходили орудия, сделанные из раковин. Огромные возможности открылись перед

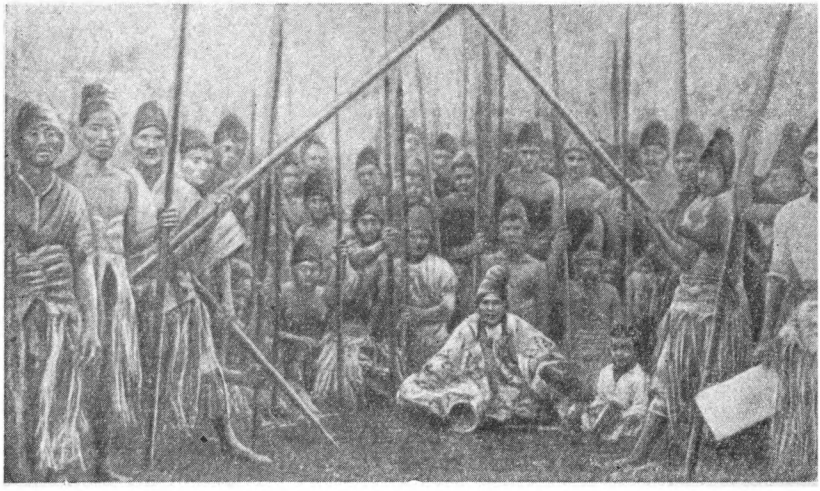
[1] Автор допускает неточность: произношение полинезийских гласных надо сравнивать не с французским и немецким, а с итальянским и русским языками.



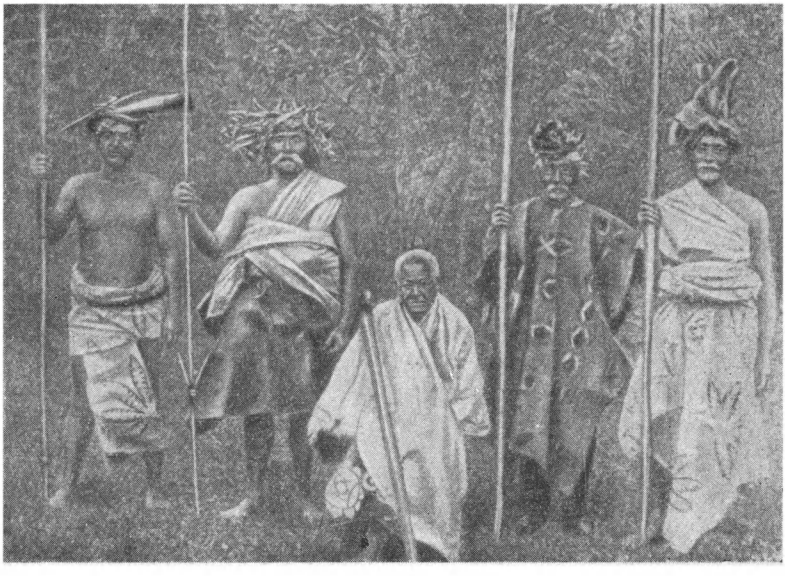
Своеобразный храм Махаиатеа, воздвигнутый в 1769 г.; он послужил основанием для ошибочных теорий о родственной близости полинезийской и египетской культур
(*Первое путешествие Д. Кука*)



Таитянская флотилия в полном сборе перед отплытием в экспедицию
(*Путешествия Д. Кука*)



Атауанцы в боевых шлемах; в середине женщина-вождь Паруа-арики



Вожди из племени макеа-карика на острове Раротонга в одежде из лубяной материи

искусствами и ремеслами; началось быстрое развитие новых и совершенствование старых ремесел.

Богатые долины с плодородными почвами, на которых возделывались культурные растения, могли прокормить увеличивающееся население. Все съедобные растения, разводимые на этих островах (за исключением сладкого картофеля), и все домашние животные были еще в древности завезены в Центральную Полинезию с Самоа[1]. О том, как они распространились, будет сказано ниже. Обилие пищи на вулканических островах явилось материальной основой для дальнейшего культурного развития.

В Центральной Полинезии началась новая, более обеспеченная жизнь; это способствовало не только расцвету искусства и ремесел, но и прогрессу в области социальной организации и религии. По-видимому, знатные семьи и наиболее образованные жрецы поселились в местности Опоа на Гаваи'и, которая и превратилась в культурный центр архипелага. Там была основана школа, а с течением времени в ней были собраны разрозненные отрывки преданий и исторических сведений, которые еще помнили многие переселенцы из Микронезии. Судя по мифам и легендам, систематизация имела только местный характер и была связана с ограниченной областью. Создававшиеся здесь образцы на различных ступенях формирования мифологии постепенно разносились мореплавателями в самые отдаленные уголки Полинезийского треугольника. Таитянская мифология или теология продолжала, однако, тем временем развиваться своим чередом. Предания, списанные Теуира Генри с рукописи миссионера Орсмонда, содержат некоторые изменения, сделанные уже после того, как моряки дальнего плавания покинули свою ближайшую родину — Гаваи'и.

По этим преданиям, Та'ароа, Создатель, сам произвел себя на свет, ибо у него не было ни отца, ни матери. Бесчисленное множество лет он просидел в раковине Румиа, напоминающей по форме яйцо. Вокруг расстилалось бесконечное пространство, в котором не было ни неба, ни земли, ни моря, ни месяца, ни звезд. Это было время длительной, бесконечной тьмы (по тинитини) и густой непроницаемой тьмы (по та'ота'о). Наконец, Та'ароа сломал раковину и вышел на свободу. Стоя на раковине, он громко взывал во все стороны, но ни одного звука не раздалось из пустого пространства ему в ответ. Тогда бог вновь вошел

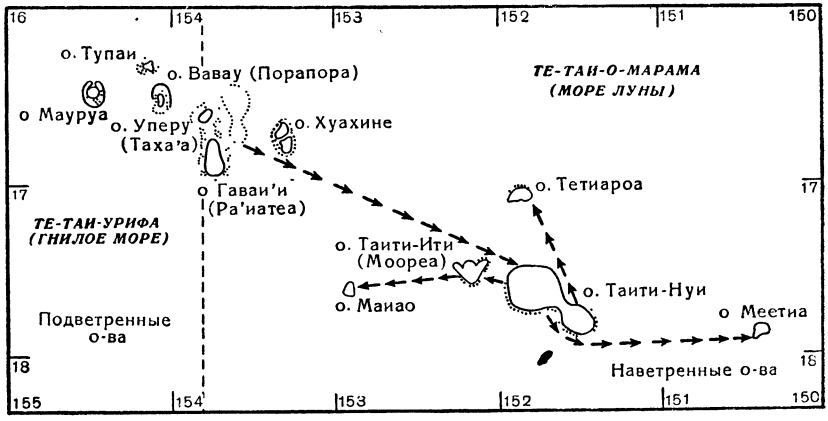
[1] Сам того не замечая, автор подрывает этими рассуждениями свою собственную аргументацию в пользу северного пути переселения. В главе V Хироа пытался доказать, что раз полинезийцы не употребляют лука и стрел и не знают гончарного и ткацкого ремесел, следовательно, их предки не могли пройти через Меланезию, а шли через Микронезию. Здесь же оказывается, что важнейшие свои культурные блага они все-таки получили через Самоа,—а значит, через ту же Меланезию. Более подробно автор развивает эту же мысль в главе XXI. Ясно, что и домашние животные и культурные растения не могли прийти этим путем сами, без людей.

во внутреннюю скорлупу раковины Таму-ити (Малое основание) и пролежал там в оцепенении еще несказанно долгий период. Наконец, Та'ароа решил, что пора действовать. Выйдя из раковины, он превратил ее внутреннюю оболочку в основание скал и землю, а из внешней сделал низкий и тесный небесный свод. В основание скал он вдохнул частицу самого себя, превратив его тем самым в олицетворение мужа — Туму-нуи; таким же способом из верхних пластов горных пород он создал олицетворение жены — Папа-рахараха. Каждый из этих элементов занимал определенное место на земной поверхности, с которого ни за что не хотел сходить, отказывался исполнить приказание Та'ароа и приблизиться друг к другу. Тогда бог сотворил камни, песок и землю и вызвал к жизни Ту — величайшего из ремесленников, чтобы тот помог ему осуществить сотворение мира. Вдвоем они создали несметное число корней. Затем свод Румиа был поднят на столбах, и пространство под ним увеличилось. Оно получило название Атеа и было заполнено духом, олицетворенным под тем же именем. Земля и пространство над ней выросли, а подземный мир отделился. Зацвели деревья и растения; на суше и в воде появились живые существа. Позади выросли горы, олицетворенные под именем Ту-моу'а; по горам устремились ручьи и реки. Впереди простирался океан; над ним и над морскими скалами властвовал бог океана Тино-руа. Итак, наверху был Атеа (Пространство), а внизу — Руа (Бездна), посередине же находилась земля Гаваи'и — родина всех земель, богов, царей и людей.

Первоначально под тесным сводом Румии царила тьма. В темноте Та'ароа сотворил или вызвал заклинаниями богов Ту, Атеа, Уру и всех других. Позднее родились звезды и ветры. Атеа в ранний период мифологического творчества был существом женского пола. От Та'ароа и Атеа родился бог Тане, который представлял собой первоначально живую массу неопределенных очертаний. Чтобы придать ей форму, были призваны искусные мастера. Они приходили парами, неся на плечах связки каменных орудий, однако при виде величественной Атеа в ужасе разбегались. Тогда Атеа сама взялась за создание Тане и с успехом оформила человеческое тело, не упустив никаких подробностей, вплоть до внешних отверстий уха, которые она проделала при помощи тонкой спирально закрученной раковинки. После многочисленных пластических операций, которые подробно перечисляются в предании, Тане вышел таким совершенным, что он стал богом красоты (Те атуа о те пуроту). Та'ароа наделил его особой силой, сделав богом ремесла. Другой из высших богов Ро'о родился из тучи и стал соратником и вестником Тане. В более поздний период, в мифологии других архипелагов, Атеа обменялась полом с Фа'ахоту и превратилась в мужчину.

В Таитянском мифе о сотворении человека нет многих из приведенных выше подробностей. Та'ароа с помощью великого ре-

месленника Ту сотворил Ти'и—первое человеческое существо. В мифе употребляется слово «раху», что значит сотворить; однако одним из имен Ти'и было Ти'и-аху-оне (Ти'и, сделанный из земли); отсюда следует, что Ти'и был создан из земли. Ти'и вступил в брак с богиней Хиной, дочерью Те-фату (Господин, Сущность) и Фа'ахоту (Начало мироздания). Дети Ти'и и Хины в период тьмы вступали в брак с различными богами. Дети от этих браков считались предками знатных вождей, которые имели право носить пояса из красных перьев, что служило знаком высокого



Центр треугольника с Гавай'и (Ра'иатеа)— Матерью земель

общественного положения. Дети, которые были вызваны к жизни заклинанием, считались прародителями простых людей.

Согласно другой версии, Ти'и создал на Атиауру женщину из земли и сделал ее своей женой. Чтобы зачать первого мужчину, он совершил кровосмешение со своей дочерью. В третьем варианте говорится о том, что Та'ароа вступил в брак с Хине-ахуоне (Девушка, сделанная из земли) и дал жизнь Ти'и — первому мужчине. Здесь упоминаются все три варианта, поскольку в дальнейшем мы к этим преданиям не возвратимся.

В период, когда еще царили теснота и тьма, родилось знаменитое семейство полубогов Мауи. У Ру была дочь Руахеа, которая вышла замуж за Хихи-ра (Солнечный луч) и родила пятерых сыновей и дочь Хину. Всех сыновей Руахеа назвала Мауи с теми или иными добавлениями. Младший Мауи родился до срока и был выброшен в море. Боги сжалились над ним, выращивали его в коралловой пещере на дне океана до тех пор, пока он не достиг зрелости. Поскольку у младшего Мауи выросло восемь голов, его стали называть Мауи-восьмиголовый (Мауи-упо'о-вару). Став взрослым, он совершал чудеса; однако на Таити, в противоположность другим архипелагам, его имя не связывают с вылавливанием островов.

Чтобы раздвинуть небеса и осветить мир, были призваны ремесленники с их каменными орудиями, однако все они разбежались, увидев под сводом Румии страшное лицо Атеа, бога Пространства. Первым решился подпереть небо Ру, дед великого Мауи. Ему удалось поднять небеса до горных вершин и укрепить их на листьях арроурута, которые от этого стали плоскими. От такого физического напряжения Ру стал горбатым, и ему пришлось отступиться от своей задачи. Затем за дело принялся Тинору а, повелитель Океана, но он тоже не достиг цели. Поразмыслив над этой задачей, один из Мауи под именем Мауи-ти'ити'и решил, что нужно убрать столбы, на которых покоилась Румиа, и разорвать щупальца Великого Осьминога, которые придерживали небо; кроме того, нужно было заставить Атеа, зацепившегося за землю, ослабить свою хватку. Не добившись успеха, Мауи обратился за помощью к Тане, который жил на десятом небе. Действуя режущими и сверлящими инструментами из раковин и большими бревнами, которые служили рычагами и подпорками, Тане отделил Атеа и подбросил его далеко вверх. Так свет вошел в мир и кончилась длинная ночь, господствовавшая в Румиа. После этого Тане попросил Ра'и-тупуа, обитавшего на Млечном Пути, восстановить порядок в верхней части небес, потому что Атеа, поднявшись наверх, чтобы занять свое настоящее положение, сдвинул все со своих мест. Наконец солнце, луна и звезды заняли отведенные им места, и в небесах воцарились мир и порядок. Внизу, на земле, были выстроены храмы и дома; человек приспособился к окружающему миру, который давал ему пищу на суше и в море.

Земля, созданная таким образом, была названа Гаваи'и; таитянские барды, по-видимому, убеждены в том, что Гаваи'и—тот самый остров, который теперь называется Ра'иатеа. Океан, расположенный к западу от Гаваи'и, назывался Гнилым морем, а океан на востоке — морем Луны. Древний поэт так описывает рождение новых земель, которые, как и Гаваи'и, были вызваны на свет заклинаниями:

Пусть больше земель растет из Гаваи'и.
Из Гаваи'и родины земель.
Быстрый дух утренней зари
Несется на улетающих облаках в безбрежные просторы.
Несись же вдаль! Откуда доносятся звуки барабана?
Они доносятся из-за Западного моря,
Где море бурлит и выбрасывает Вавау,
Вавау—первенца в семье,
С флотилией, нападающей с двух сторон.

Так, под однообразный грохот прибоя из глубины появился Вавау (Порапора). Таким же образом, под бой морского барабана, быстро следуя друг за другом, всплыли более мелкие острова: Тупаи, Мауруа (Маупити), Мапиха'а (остров лорда Хоу), Путаи (остров Силли) и Папаити (остров Беллинсгаузена).

Продолжая свое сказание, певец обычно оборачивался лицом к востоку и пел:

Несись же вдаль! Откуда доносятся звуки барабана?
Они доносятся из-за Восточного моря,
Где под монотонный грохот прибоя извергается из пучины Хуахине,
Страна, почитающая своих вождей,
Страна, расположенная в море Луны.

Вздымающееся море извергло Маиао-ити, а затем Туамоту, Маркизские острова и Гавайи — отдаленные земли, на которых здесь мы не будем останавливаться. Все острова, образующие подветренную группу, выросли вокруг материнской Гаваи'и.

Согласно мифу, группа наветренных островов была создана после того, как на Гаваи'и в Опоа сложился религиозный центр. В то время еще не было пролива между Гаваи'и (Ра'иатеа) и 'Упору (Таха'а). В ожидании предстоящих событий в Опоа были наложены священные запреты на людей и животных. Петухи не должны были кукарекать, собаки — лаять, люди — выходить из дома. Ветер затих, и море успокоилось. В наступившей страшной тишине красивая девушка по имени Тере-хе тайно пробралась к речке, которая протекала у ее дома, и начала купаться. Чтобы покарать девушку, нарушившую табу, боги потопили ее. Огромный угорь проглотил Тере-хе целиком и, оказавшись во власти ее духа, взбесился, причем сдвинул с места кусок суши между Гаваи'и и 'Упору. Оторвавшийся кусок превратился в огромную рыбу, спокойно поплывшую по поверхности моря. Когда голова рыбы достигла Опоа, хвост ее вытянулся до' Упору. Пока рыба плыла по направлению к горизонту, боги на Опоа продолжали свои священные обряды, однако Ту, великий ремесленник Та'ароа, обратил на нее внимание. Он встал на голову рыбы и направил ее на юго-восток, к горизонту нового неба, где она превратилась в остров Таиарапу. Туловище рыбы Таити-нуи (Великий Таити) осталось во власти духа девушки Тере-хе. Первый спинной плавник рыбы поднялся и образовал самую высокую гору Орохена. Отделившийся второй спинной плавник последовал за туловищем, превратившись в Таити-ити (Малый Таити) и в остров 'Аи-мео, который теперь называется Мо'ореа. От громадной рыбы отпали другие части, образовав маленькие острова Мети'а и Те Тиароа. От маленькой рыбки также отпал кусочек, который превратился в Маи'ао-ити. Таким образом, Великий Таити и более мелкие острова наветренной группы образовались из рыбы-земли, которая отплыла от Гаваи'и, матери вемель. Ту выполнил свой долг кормчего и возвратился в священное собрание богов на Опоа.

Обратитесь к карте и вы увидите, насколько полно отражается в мифе географическое расположение островов. То, что Таити вышел из расщелины между Ра'иатеа и Таха'а, вовсе не нужно принимать на веру, как и западную теорию о появлении луны

из Тихого океана. Впрочем, голова этой рыбы (Таиарапу) действительно как бы указывает, в каком направлении она двигалась, а остров Мо'ореа как будто расположен на ее следе. Мне приходилось жить в Папеэте, главном городе острова Таити, посещать Таиарапу, обозревать скалистые горизонты Мо'ореа; я неоднократно объезжал эту область на океанских пароходах, но никогда я не осознавал, какое значение имело расположение отдельных островов, образующих архипелаг Общества, пока вновь не рассмотрел карту под углом зрения таитянской мифологии. Эти предания возникли из устных описаний пути мореплавателей, выходивших в открытый океан. Картина взаимного расположения острова настолько соответствует действительности, что кажется, будто перед глазами сказителей лежала современная карта.

По преданию, когда остров Таити доплыл до своего теперешнего местоположения, на нем уже жили смелые воины. Но из более поздних сказаний мы узнаем, что среди них не было знатных вождей божественного происхождения. Ту вернулся в Гаваи'и и на Таити не осталось богов, во всяком случае тех, которым поклонялись на Опоа. Древние обитатели Таити назывались «манахуне», а управляли ими «фату» — военные вожди. Поскольку последующие поколения вождей официально не возводили к ним свое происхождение, то слово «манахуне» стало обозначать простонародье. Отсюда Таити получил название Таити-манахуне, т. е. Таити, лишенный королей и богов. Так, позднее верховные вожди начали преуменьшать подвиги древнего народа, герои которого послужили прообразами для полинезийских богов. Вернемся все же к изложению местной легенды. Прошло немало времени с тех пор, как Таити встал на свое место. На острове рождались все новые поколения, зрели бананы, наливались горные смоковницы, петушиные крики оглашали леса, лай собак раздавался на берегу, у кабанов заворачивались клыки, растение ава широко распространило свои корни, цвели посевы таро, зеленели стебли сахарного тростника, плоды хлебного дерева заквашивали в ямах, по острову раздавались песни, сопровождавшие удары колотушек по коре при выделке одежды.

Однако, несмотря на полное довольство, военные вожди беспокоились о том, останется ли их рыба-остров неподвижной. Поскольку она некогда приплыла с Гаваи'и, она могла отправиться и в более далекие плавания. Воин Тафа'и предложил перерезать жилы рыбы, чтобы она больше не двигалась. Несколько воинов, имена которых олицетворяют различные состояния океана, начали рубить землю каменными теслами, но безуспешно. Тогда Тафа'и воззвал к помощи богов неба, моря и луны; но ни один из них не откликнулся на его мольбы. Тафа'и поплыл за помощью к королю Марере-нуи на остров Тупуа'и (Южные острова). Король осведомился, кто из богов помогал закрепить остров, на что Тафа'и отвечал: «Никто! Таити-манахуне дер-

жится без помощи богов». После некоторого размышления король вручил Тафа'и каменное тесло по имени «Те-па-хуру-нуи-мате-ваи-тау», с помощью которого жилы рыбы были, наконец, успешно перерублены. Вначале горная цепь шла вдоль всего Таити, но волшебное тесло разрубило ее таким образом, что возник перешеек, называющийся Таравао. Он связывает теперь Таиарапу, голову рыбы, с ее туловищем. Горло рыбы было перерезано, и с тех пор остров стал неподвижным.

Наконец, наступило время, когда на Таити при помощи западных ветров перенеслись боги. Они явились сюда из Опоа на Гаваи'и, а люди в ужасе разбежались по пещерам и глубоким горным ущельям. В те времена запасы пищи у людей были не многим больше, чем у птиц. Первоначально боги обосновались на Мо'ореа, но позднее захватили Таутира на Таити и стали вести себя, как деспотические правители. Боги потребовали вначале головы всех воинов, и люди в страхе бежали с острова, где остались только одни птицы. Позднее люди умолили богов не губить их. Постепенно боги расселились по всему Великому Таити, и люди, не испытывая больше страха перед ними, возвратились к своим очагам. В честь богов были воздвигнуты храмы, и возникла новая вера.

Подробно излагая мифы и предания, я хочу передать своеобразие таитянского представления о событиях, которые произошли так давно, что покрылись налетом сверхъестественного.

Если к художественному творчеству народа подойти критически, то можно восстановить основной ход событий, скрытых в тумане прошедших веков.

Из мифа о происхождении Таити ясно, что жрецы на Опоа донимали народ суровыми религиозными запретами. Рассказ о том, что табу молчания было наложено даже на петухов и собак, что ограничениям подвергались и свиньи и люди, что затихали даже ветры и море, указывает на тираническое правление. Протест девушки Тере-хе может быть истолкован как мятеж манахуне, восставших против этих ограничений. Имя Тере-хе в переводе значит «Уплывающая вдаль из-за своего греха». Давая своим героям подобные имена, полинезийцы тем самым облегчали себе запоминание событий. Гибель девушки и бешенство морского угря, в которого вселился ее дух, указывают на расправу и последовавшее за ней восстание.

В результате восстания некоторая часть воинственных манахуне, поклонявшихся богу Ту, отправилась в лодках на поиски новой родины. Более поздние сказители-историки подчеркнули связь бога Ту с манахуне, предоставив этому божеству направлять движение рыбы. Однако позже они похитили Ту у манахуне и вернули его на Опоа, оставив мятежников без богов.

Отделившаяся от Гаваи'и рыба символизирует манахунскую флотилию, которая привезла на Таити первых переселенцев. Поэтому первоначальным названием Таити было Таити-манахуне,

что означает Таити, где живет народ манахуне. Боги, которые, по преданию, проникли на Таити, были воинами, находившимися под управлением жрецов из Опоа.

Вначале они обосновались на ближайшем острове Мо'орea, а затем—на самом Таити в области Таутира. Требование богов выдать головы манахунских воинов указывает на массовое истребление манахуне и их покорение. Мир с «богами» был заключен после того, как побежденные подчинились власти победителей и заимствовали их религию.

Так жрецы и ученые на Опоа, связав воедино разрозненные свидетельства и мифы, составили своего рода Книгу бытия новой родины и ее океанских соседей. Вожди, возглавлявшие первые походы, были позднее обожествлены и с течением времени превратились в верховных богов: Та'ароа, Ту, Тане, Ро'о и других. В качестве богов они принимали участие в сотворении небесного свода, земли и живых существ на земле и под водой. С помощью генеалогий человек породнился с богами, и это не противоречит истине, потому что сами предки полинезийцев были обожествлены потомками. Наряду с людьми, превращенными в богов и полубогов, к пантеону были причислены также некоторые олицетворенные явления природы и отвлеченные понятия, например Атеа (Пространство), Папа (Сотворение земли), Те Туму (Источник, Причина), Фа'ахоту (Начало мироздания).

Заклинатели домашних духов постепенно превратились в могущественных жрецов, которые создали соответствующие обряды и пышный ритуал. Под их влиянием развилась храмовая архитектура. Простейший тип храма представляет собой свободное пространство перед каменным столбом. Позднее стали сооружать возвышенную каменную площадку, перед которой расстилался вымощенный или усыпанный гравием двор. В Опоа был воздвигнут большой храм («марае») Тапутапу-атеа, посвященный новому богу 'Оро, сыну Та'ароа. Слава об этом храме разнеслась далеко. Новые храмы воздвигались также и на островах Общества, причем, чтобы повысить их престиж, привозились камни из Тапутапу-атеа и вставлялись в новые здания. Такая закваска обеспечивала насыщение всего строения «мана» (божественной силой).

Многие годы я лелеял надежду совершить паломничество в Тапутапу-атеа. Из маорийских преданий мне было известно, что часть моих предков происходила из Ра'иатеа. Я чувствовал, что наше богословие в значительной степени исходит из Опоа и его главного святилища. К счастью, в 1929 г. во время экспедиции музея Бишопа на острова Кука я очутился на северном атолле Тонгарева (Пенрин). Ближайший обратный путь к моей базе на Раротонге проходил через острова Общества.

Пока дымил наш пароход, направляясь на юго-восток, я не мог не ощутить тех огромных изменений, которые принесли с собой прошедшие столетия. Мы находились на борту закованного

в броню британского военного судна. Оно шло по компасу; за луной и солнцем наблюдали при помощи точных приборов; положение судна заносили на карту, на которой были тщательно обозначены все острова. Можно было с абсолютной точностью отмечать, сколько миль мы проходим за день; мы даже знали точно час нашего прибытия в Ра'иатеа. А столетия тому назад по этому же пути плыли манахунские пионеры, плыли в деревянных лодках, сработанных орудиями из раковин, под парусами из циновок или на веслах, плыли без компаса, без секстанта, без карты, но с непоколебимой верой, что где-нибудь они пристанут к земле.

«Порапора с бесшумными веслами» круто вздымалась перед нами из моря — великолепное зрелище для того, кто хотя бы лишь месяц провел на атолловых островах. На глазах вырастали Таха'а и Ра'иатеа, а за ними виднелся Хуахине. Здесь перед нами в Гнилом море и море Луны предстал великий остров, с которого началась история полинезийцев. Мы достигли Ра'иатеа, древней Гаваи'и и, пройдя по широкому проливу, усеянному множеством рифов, и глубокой лагуне, причалили у древней Утуроа. Капитан должен был сойти на берег, чтобы сделать официальный визит местным властям, и я высадился вместе с ним. Мне хотелось при первом же шаге на берегу с благоговением поднять немного священной земли Гаваи'и, но осуществить это было совершенно невозможно, ибо мы причалили к современной пристани, окруженной деревянными постройками. В своем воображении я воскрешал древний дух Гаваи'и — родины земель. Но эти мечты были безжалостно разбиты видом современной французской торговой деревушки. Все здесь преобразилось.

Знакомый голос прервал мое меланхолическое раздумье. Предо мной, приветливо улыбаясь, стоял Эмори, сотрудник музея Бишопа. Он должен был руководить экспедицией на архипелаг Туамоту, для которой на Таити был сооружен моторный баркас. Постройка судна была завершена, и его испытывали в плавании между Таити и Ра'иатеа. Шлюп был назван в честь древней полинезийской ладьи «Махина-и-те-пуа» (Волна, которая, набегает на нас и разбивается в клочья пены, подобные цветам). Эмори было известно, когда я должен прибыть на Ра'иатеа, и он сообщил мне: «Я прибыл сюда, чтобы испытать лодку и взять вас с собой в Тапутапу-атеа».

Жители Ра'иатеа собрались в Утуроа на национальный французский праздник — день падения Бастилии. Вечером многочисленные группы деревенских жителей соревновались друг с другом в пении и постановках исторических преданий и легенд. Одна из них была посвящена рождению небольшого созвездия Пипири-ма (звезды-близнецы в созвездии Скорпиона). В этой легенде рассказывалось о том, как эгоистичный рыбак и его жена съели весь улов рыбы, а двух детей отправили спать без ужина. Голодные дети убежали на высокую гору. Родители догнали их и, пока дети стояли на вершине горы, упрашивали вернуться

домой. Но дети отказались. Когда отец с матерью взобрались за ними на вершину, дети прыгнули прямо на небо и превратились в созвездие Пипири-ма. Актеры точно следовали легенде. Перед горящим листом кокосовой пальмы, изображавшим костер для приготовления пищи, сидели довольно тучный мужчина и его жена. Двое детей лежали на земле и поглядывали сквозь пальцы на своих родителей, которые жестами изображали, что они едят рыбу. Наконец, родители улеглись спать, а оба ребенка осторожно пробрались к высокому шесту, который стоял на переднем плане. Он изображал собой легендарную гору. У подножья горы находились два стула, прикрепленные к вершине шеста при помощи каната и системы блоков. Проснувшись, родители испустили пронзительный вопль и бросились преследовать детей. Когда они приблизились к «горе», дети были подтянуты на стульях и очутились на «небе». Тучный отец, обхватив подножье шеста, умолял детей вернуться. Тогда дети зажгли карманные электрические фонарики и с явным удовольствием ослепили их лучами обращенные кверху глаза раскаявшегося отца. Пучки света современных электрических фонариков изображали мигающие лучи созвездия Пипири-ма.

На следующее утро мы переплыли залив и посетили опустевшее Опоа. Старики и старухи, которые могли хотя бы в некоторой степени передать торжественное религиозное настроение древних жителей, были все еще на празднестве в Утуроа. Тапутапу-атеа расположен на плоском широком мысу, окаймленном с обеих сторон живописными заливами. Дворик перед храмом порос сорной травой, но алтарь («аху») длиной в 141 фут и шириной в 25 футов еще сохранял следы былого величия. Каменная площадка была некогда обнесена стеной из плит кораллового известняка, врытых в землю. Пространство внутри ограды было заполнено камнями. Когда-то между ними были раскиданы или собраны грудами в тайниках черепа. Так было до тех пор, пока жителям не пришлось прятать их в других местах, чтобы уберечь от жадных лап чужеземных грабителей. Некоторые плиты возвышались над землей на 12 футов. Часть из них упала и обнажила внутренний ряд более низких стенных плит. Это показывает, что большая площадка была выстроена вокруг меньшей и над ней. Так разрушение позволяло мысленно восстановить ход развития храма в прошлом. Древний храм Феоро превратился сначала в Ваи'отаха, а под конец, по размерам и по значению, — в общеплеменной марае Тапутапу-атеа. Вблизи храма находился вертикальный каменный столб, доходивший до 9 футов. Его называли «Белой скалой церемонии посвящения» (Те Папа-теа-иаруеа). Здесь над главой царского рода Опоа совершалась церемония посвящения. Опоясанный повязкой из красных перьев, он восседал на почетном деревянном кресле. Часть посвятительного обряда заключалась в том, что его поднимали на вершину столба. У самого берега, находилось другое марае. Здесь привезенные

в лодках люди, предназначенные в жертву богам, лежали в ожидании своей очереди, чтобы принять страшное участие в обрядах храма Тапутапу-атеа.

Мы сфотографировали безмолвные камни и безжизненные скалы. Я совершил паломничество к Тапутапу-атеа, но безмолвные мертвецы ничего не поведали о себе. Мне было горько до слез. Я испытывал глубочайшее сожаление, но о чем именно — не знал и сам. Сожалел ли я о том, что не бьют большие храмовые барабаны и не раздаются крики толпы, когда возносят короля? Сожалел ли я о человеческих жертвоприношениях, совершенных в давние времена? Нет, я не сожалел ни о чем в частности, но о чем-то общем, что было скрыто за всем этим, я сожалел о жизнеспособном духе и о божественной отваге, царивших в древние времена, безмолвным символом которых был Тапутапу-атеа. Я сожалел о том, что мы, полинезийцы, потеряли и чего не можем найти; чего мы жаждем, но не можем возродить. Основа, породившая этот дух, безвозвратно исчезла. Холодные ветры забвения гуляют над Опоа. Чужими сорняками порос заброшенный двор, и камни упали со священного алтаря Тапутапу-атеа. Уже давно боги покинули святилище. Чтобы подавить охватившее меня волнение, я сказал резко, по-американски: «Пошли!»

Глава VIII

СЕРДЦЕ ПОЛИНЕЗИИ

Они заплывали на восток до Мангаревы,
На юг до островов длиннохвостых
попугаев,
На запад до Самоа
И на север до пылающего Ваихи...

(*Таитянская легенда*)

МАТЕРЬ ЗЕМЛИ Гаваи'и стала ядром полинезийского мира. Отважные мореплаватели провели свои суда за неведомые горизонты в самое сердце Тихого океана. За это-то потомки оказали им высшую почесть, превратив древних мореходов в богов. Из мифологии и исторических преданий жрецы Опоа сплели свою богословскую ткань. Отцом богов считался Атеа (Пространство) или Те Туму (Источник), матерью — Папа (Основание земли) или Фа'ахоту (Начало мироздания). Их детям были отведены особые сферы деятельности. Тане получил в свое ведение лес и ремесло, Ту — войну, Ро'о — мирную жизнь и сельское хозяйство, Та'ароа — мореходство и рыболовство, Ра'а — погоду. Однако наибольшим почитанием пользовался, несомненно, Тане. Ему приписывалось сотворение из земли первой женщины и порождение первых человеческих существ. С течением времени на некоторых островах архипелага Общества стало распространяться почитание других богов. Более поздние переселенцы, проникшие на своих ладьях за незнакомые горизонты в отдаленные уголки Полинезии, разнесли повсюду единообразное почитание отца — Неба, матери — Земли и их божественных детей, которые ведали различными явлениями природы и общественной жизни. На окраинах Полинезии, однако, сохранились основы древней религии, с которыми позднее ознакомились последующие поколения.

Уже после того, как древняя религия распространилась даже на отдаленных островах, опоанские жрецы провозгласили Та'ароа верховным божеством. Его объявили творцом всех вещей, создателем не только своих божественных братьев и смертных людей, но даже и явлений природы. Поскольку самые знатные вожди

и их советники-жрецы вели свою родословную непосредственно от Та'ароа, то невольно приходит в голову, что здесь именно и кроется причина особого почитания этого божества. Культ Та'ароа проник на некоторые соседние острова архипелага Кука

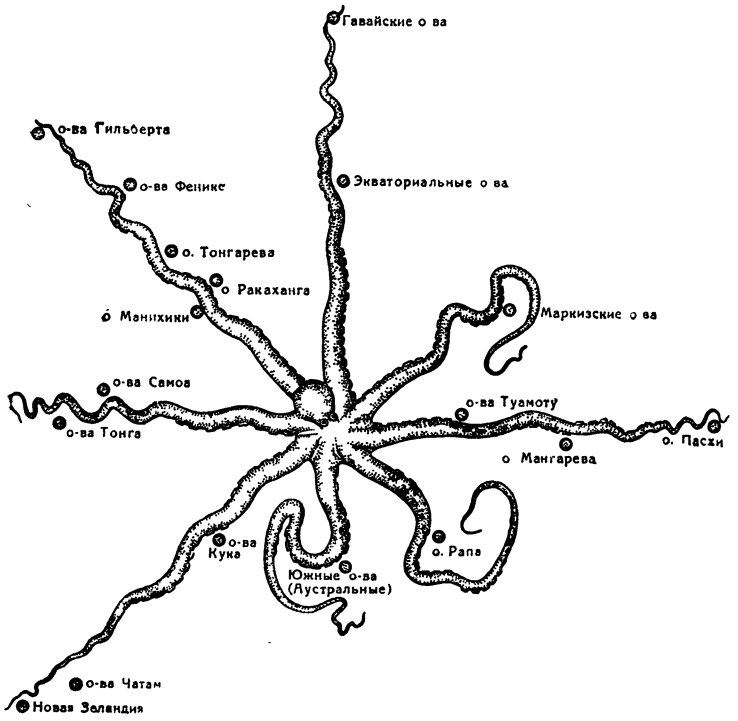


Схема расселения из Центральной Полинезии

и Туамоту и, вероятно, на Мангареву, но дальше не распространился. На далекой Новой Зеландии и Гавайских островах Та'ароа сохранил свою первоначальную роль.

Между тем опоанские жрецы продолжали усложнять религию и сотворили сына Та'ароа по имени 'Оро. Этот новый бог был провозглашен верховным божеством большого храма Тапутапуатеа. Та'ароа был вынужден отступить перед своим сыном и перестал принимать непосредственное участие в мирских делах Чтобы распространить новый культ на Таити, хитрые опоанские жрецы образовали Союз странствующих актеров 'Ариои[1],

[1] Даваемое автором объяснение происхождения союза 'Ариои, конечно, односторонне упрощено и спорно. Вполне возможно, что этот союз содействовал распространению культа новых богов, особенно 'Оро, и что

который избрал 'Оро своим божеством-покровителем. Некоторые исследователи считали, что эта своеобразная организация являлась тайным обществом, вроде тайных союзов Меланезии. В действительности 'Ариои отнюдь не был тайной организацией: представления происходили под открытым небом или в общественных зданиях, куда допускали как мужчин, так и женщин. Возможно, что 'Ариои представлял собой организацию, направленную на ограничение рождаемости, поскольку женщины — члены союза — давали обет не иметь детей, а те из них, которые уже были матерьми, должны были умертвить свое потомство. Известно, однако, что в Европе актриса также не может позволить себе роскоши иметь детей, когда ей нужно выполнять подписанный контракт. Возможно, что и к таитянской актрисе относились с неодобрением, если она не могла из-за детей своевременно появиться на сцене. Поэтому, если все предохранительные меры оказывались тщетными, актриса вынуждена была убивать своего новорожденного ребенка.

Союз 'Ариои был могущественным средством пропаганды нового культа и вербовки его сторонников. О его деятельности можно судить по аналогии с деятельностью некоторых позднейших маорийских сект, которые обычно специализировались на лечении внушением или травами. Для всех этих сект характерна вера в мана (магическую силу), которой обладал их глава, якобы общавшийся с умершими предками. Глава секты и его последователи, среди которых были хорошие певцы и танцоры, странствовали от поселка к поселку. Они лечили больных и вербовали сторонников, при этом их угощали и вознаграждали за услуги. Представления, устраиваемые членами секты, помогали вербовать паству лучше, чем все иные способы пропаганды. Подобно маорийским организациям, союз 'Ариои правильно учитывал особенности полинезийской психологии.

Но не так-то легко оказалось обратить жителей Таити в новую веру: они упорствовали в приверженности к своему богу Тане. Между 'Оро и Тане разгорелась жестокая война. В конце концов Оро одолел Тане и был окончательно признан как верховное божество на всех островах Общества. На Таити был построен храм, который стал главным религиозным центром для почитателей нового божества. В честь храма на Опоа он был тоже назван Тапутапу-атеа. Тот факт, что 'Оро неизвестен на

жрецы этих богов извлекали пользу из деятельности союза. Но исторические корни его гораздо глубже. Союз 'Ариои, несомненно, связан генетически с известными «мужскими» (или «тайными») союзами. Происхождение и расцвет последних относятся к более ранней стадии общественного развития, к эпохе ломки общественного строя при переходе от материнского к отцовскому роду и началу распада первобытнообщинного уклада. Мужские союзы сохранились до наших дней на некоторых островах соседней Меланезии. Деятельность союза 'Ариои (Ареои) не раз описывалась европейскими путешественниками и исследователями: Куком, Дюмон-Дюрвиллем и др.

окраинах Полинезии даже в качестве сына Та'ароа, свидетельствует о том, что этот бог был создан в более поздние времена. Интересно отметить, что жители острова Раротонга имели весьма смутное представление о том, что происходило в Опоа. Когда в 1823 г. миссионер Джон Вилльямс прибыл к ним с Ра'иатеа, его спросили, все ли еще Коро ('Оро) властвует над этим островом. Некоторые верные почитатели Тане, отказавшиеся признать 'Оро, покинули некогда Таити и заселили окраинные острова архипелага Кука. Так нетерпимость в вопросах веры сыграла свою роль в заселении новых земель не только на Атлантическом, но и на Тихом океане.

Однако оставим жрецов, строивших козни на суше, и вернемся к соленым морским брызгам. Вслед за обожествленными предками были созданы полубоги. К их числу относятся уже упоминавшиеся Мауи и Ру. Мы уже встречались с Мауи раньше и встретимся с ним опять на различных морских путях, которые расходятся из Центральной Полинезии. Возможно, что Ру — мореплаватель и Ру, подпиравший небо, является одним и тем же лицом. В таитянских преданиях и заклинаниях он выступает в роли отважного мореплавателя, который направил свое судно «Те Апори» к подветренным островам архипелага Общества. Согласно преданию, сестра героя Хина взобралась на колеблющийся над пенящимися волнами высокий нос судна и стала всматриваться в распростертый горизонт. Чувствуя, что земля уже близко, Ру пропел своему судну:

Я веду тебя,
Я влеку тебя к земле,
О мое судно, Те Апори.

Смотревшая вперед Хина воскликнула: «О Ру, что это за земля поднимается над горизонтом?» Ру ответил: «Это Мауруа, которая будет отныне великой навеки» (Мауруа, или Маупити,— маленький остров, расположенный к западу от Вавау, или Порапора).

Вскоре Хина заметила еще один остров, а Ру пропел:

Это Порапора; пусть он называется отныне
Порапора великий перворожденный.
Порапора с флотом, нападающим с двух сторон,
Порапора с тихими бесшумными веслами,
Порапора с розовыми листьями,
Порапора — сокрушитель кораблей.

Порапора был первым вулканическим островом, который предстал перед полинезийцами, плывшими на юго-восток от островов Гильберта, за что он получил название «перворожденный». В более поздние времена жители Порапора предпринимали морские набеги на соседние острова. Они совершали нападения в тихие ночи и чтобы заглушить удары своих весел, обертывали их в древесную кору. Во времена Ру этот остров носил древнее

название Вавау. Очевидно, желая приукрасить свое произведение, поэт сделал этого древнего героя свидетелем событий, происшедших фактически намного позднее.

Снова раздалось восклицание Хины, и Ру, поэт-мореплаватель запел:

Это Гаваи'и; пусть его именем будет:
Гаваи'и, восходящий в несравненной славе,
Гаваи'и, всегда готовый защитить свою честь.

Покинем Ру на Гаваи'и и от полубогов перейдем к героям. Появление героев относится к эпохе, когда Центральная Полинезия была уже окончательно заселена и жрецы Опоа плели первые узоры полинезийской теологии. Герои человечнее полубогов, ибо относятся к более позднему периоду; их уже не обожествляют, хотя и наделяют чудесной силой. К героям относятся мореходы, совершавшие дальние плавания за пределы Центральной Полинезии. Великие открыватели новых земель героического периода делятся на четыре поколения: Хема, Тафа'и, Вахиероа и Рата. Ограниченность места не позволяет нам рассмотреть более одного цикла. Выше, в связи со строительством лодок, мы уже упоминали о Рате. Здесь мы обратимся к таитянскому преданию о великом плавании Раты и о событиях, которые его вызвали

В северной части Таити жил царь Туму-нуи. Его сестра Мамае-а-рохи вышла замуж за Вахиероа и родила от него сына по имени Рата. У Туму-нуи была дочь. Она вышла замуж за Ту-и-хити, вождя далекой восточной земли Хити-ауререва. В положенный срок Ту-и-хити оснастил свое судно «Каре-роа» и вместе со своей женой возвратился на родину. Туму-нуи сильно затосковал по дочери и решил отправиться к ней, чтобы уговорить ее вернуться с мужем на Таити. Он построил большую ладью под названием «Матие-роа» и лодку «Матие-пото». Назначив временным правителем своего брата 'Иоре-роа, царь с отборной командой поплыл на восток.

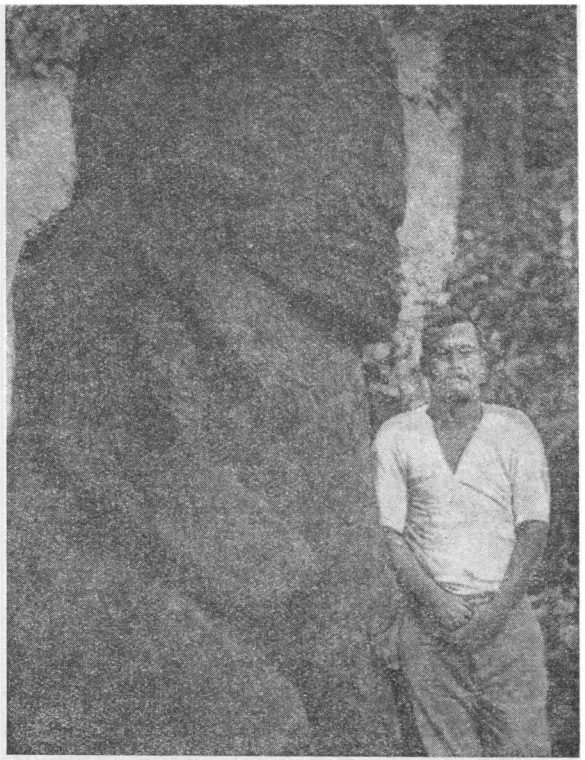
Совершенно естественно, что древние мореплаватели рассказывали удивленно внимающим слушателям о многих трудностях, которые встречались на их пути. Позднее сказители олицетворяли различные препятствия и превращали их в чудовищ, наделенных магической силой.

В далеких восточных морях насчитывалось восемь таких чудовищ: Пу'а-ту-тахи — Одинокий коралловый утес; Ахифа-тумоана — Морское чудовище; 'Аре-мата-пороа — Длинная волна; 'Аре-мата-попото — Короткая волна; 'Анае-мое-охо — Рыбья стая; Тупе-'и'о-аху — Зверь с огненной плотью; 'Оту'-ха'амана-а Та'ароа — Журавль, наделенный магической силой Та'ароа; Пахуа-нуи-апи-та'а-и-те-ра'и — Гигантский моллюск[1].

[1] Прообразом мифического Гигантского моллюска послужила тридакна — род моллюсков класса и отряда пластинчатожаберных. Особенно выделяется самый крупный из них — гигантская тридакна (Tridacna

Угловой столб в храме Раухара
(*остров Тонгарева*)

Рототонганский верховный жрец
храма Араите-тонга
и посвятительный столб Таумакева



Каменное изваяние (*Маркизские острова*)

Каменное изваяние из Раивавае около музея
в Папаэте на острове Таити
Справа автор книги — Те Ранги Хироа

Все они встречаются в сказании о плавании Туму-нуи. Должным образом выполнив все обряды, которые должны были предохранить его от различных опасностей, царь обрел веру в свою силу. В течение дня он благополучно миновал Коралловый утес, Морское чудовище, Длинную волну и Короткую волну. Вняв его мольбам, боги усмирили этих чудовищ. Но в облачную ночь он въехал прямо в раскрытые створки раковины Гигантского моллюска. Большая ладья и лодка были проглочены чудовищем. Жители Таити узнали от богов о судьбе своего царя.

Регент 'Иоре-роа решил разыскать останки своего брата и для этого снарядил в плавание большую ладью под названием «Туму-нуи-мате» и лодку «Меи'а-роа». Регент набрал команду смельчаков и, сопутствуемый Вахиероа, отцом Раты, пустился в путь. Предварительно он принес в жертву своему богу свинью. Одно за другим встречались ему на пути Коралловый утес, Морское чудовище, Длинная волна, Короткая волна, Рыбья стая, Журавль Та'ароа и грозили поглотить ладью. 'Иоре-роа отвечал им, что принес в жертву свинью, и тем самым обезопасил себя от враждебной силы на воде и под водой. Тогда Коралловый утес и Морское чудовище пропустили его суда, Длинная и Короткая волны опустились под носом ладьи, Рыбья стая отошла в сторону. Журавль Та'ароа скрылся из виду. Однако Гигантский моллюск затянул корабль в свою зияющую пасть потому, что 'Иоре-роа слишком поздно крикнул ему, чтобы он посторонился. Между тем лодка «Меи'а-роа» отстала, и благодаря этому ее экипаж спасся и рассказал на Таити о случившемся несчастье.

Три царских брата 'Иоре-пото, 'Иоре-муму и 'Иоре-вава один за другим снаряжали суда и отправлялись в плавание, пытаясь отомстить за гибель царя, регента и их команд. Все они были также поглощены Гигантским моллюском. Так малолетний Рата стал царем Таити, а правление царством перешло в руки его матери Маемае-а-рохи. Она приказала своим подданным: «Возделывайте землю, разводите растения, пусть люди будут крепкими, пусть их потомство заменит тех, кто спит на морских дорогах». Пока страна богатела, Рата превратился в юношу огромного роста. Тогда царица решила, что настала пора отказаться от царствования и передать власть сыну. Чтобы отпраздновать принятие власти молодым царем, были устроены пир и охота на диких кабанов. Мать царя уговаривала сына ни в коем случае не вмешиваться в состязание между двумя партиями, каждая из которых представляла по два округа из четырех округов царства. Но, несмотря на предостережения, Рата ринулся в гущу охотников на стороне одной из партий. Он сшибал с ног противников из другой партии, которые попадались ему на пути,

---

gigas), створки раковины которой достигают более 1,5 м в длину; некоторые экземпляры весят до 250 кг. Раковина тридакны употребляется островитянами на разные поделки.

а сила его была настолько велика, что поверженные либо были убиты, либо получили тяжелые ранения. Праздник кончился трагедией. Мать горько упрекала Рату за убийство подданных и, несмотря на его раскаяние и слезы, решила отправиться со своей сестрой на отдаленную землю Хити-ау-перева, чтобы навестить племянницу. «Тахири-а-вароваро-и-те-ра'и», большая двойная лодка, была спущена на воду и отправилась в плавание мимо длинной цепи атоллов архипелага Туамоту. По-видимому, команда выбрала такое направление, где не было морских чудовищ, и лодка благополучно достигла Хити-ау-перевы.

Рата так глубоко раскаивался в своем проступке, что вернул себе расположение соплеменников. Он решил достать из чрева Гигантского моллюска кости погибших. Ремесленники доложили Рате, что лучшие деревья на равнине уже срублены для постройки судов его предшественников и что подходящий строевой лес он может найти только в горах. Нехватка строевого леса привела Рату во владения эльфов, к лесистым холмам и скалам, окутанным горным туманом. В главе IV мы уже описали приключения Раты в стране эльфов.

Постройкой судна для Раты руководили выдающиеся мастера Туои-папапапа и Феуфеу. Когда строительство было закончено, мастера посвятили бечеву Та'ароа, и бог ниспослал проливной дождь, чтобы судно могло хлебнуть воды, как полагалось по обряду. Ладья получила название «Ва'а-и-ама». Горный ветер перенес судно по воздуху вместе с находившимися на его борту эльфами и осторожно опустил его на поверхность моря. Мечты об обещанном судне не давали Рате спать; он рано проснулся и спустился к берегу. Восходящее солнце перебросило великолепную радугу через облака, и под самой серединой дуги появилось волшебное судно в полном снаряжении, с невидимой командой на борту. Оно гордо вошло в лагуну, где опустило паруса, бросило якорь и стало ждать на борт своего земного владельца.

Располагая таким судном, можно было не сомневаться в успехе. Рата составил команду из отборных воинов и, прежде чем пуститься в путь, совершил необходимые жертвоприношения, возложив рыбу и кораллы на алтарь богов, населявших землю; затем в океанские волны были заброшены длинные ленты из лубяной ткани, чтобы умилостивить морских богов. Немедленно появились большие акулы и передали о благоволении морской стихии. За рулевое весло сел искусный кормчий по имени Хоапахи, что означает друг корабля. Качества кормчего вполне соответствовали его удачному прозвищу, и благодаря его умению судно благополучно обходило предательские рифы и преодолевало вздымающиеся волны. Все шло благополучно до тех пор, пока рулевой не воскликнул: «Смотрите, вот он, Гигантский моллюск!» Перед мореплавателями предстало ужасное зрелище. Верхняя створка раковины поднималась дугой высоко над горизонтом; нижняя была погружена в воду. Над нижней створкой

и поверхностью покрытого рябью моря раскачивался багровый отросток громадного моллюска. Он злорадно ожидал приближения ладьи. Но Рата и его вооруженная команда гордо и бесстрашно стояли на носу корабля. Морская дорога привела их к конечной цели.

Когда корабль проскальзывал через край нижней створки, багровый отросток вытянулся вперед, подобно чудовищным щупальцам, и присосался к краям судна. Верхняя створка со сверкающей внутренней поверхностью и пилообразным краем, похожим на огромные зубы, стала грозно опускаться на судно. Но прежде чем раковина сомкнулась, Рата и его воины одновременно ударили копьями под багровый отросток вдоль внутренней поверхности нижней створки и перервали большую мышцу, которая скрепляла верхнюю и нижнюю створки. Огромная верхняя створка, вздымавшаяся над мачтой судна, неподвижно и бессильно замерла в воздухе.

Тело Гигантского моллюска было разрезано и в его недрах найдены непереваренные кости Туму-нуи и последовавших за ним братьев, а также тела матери Раты и сопровождавших ее моряков. Всего несколько часов тому назад, возвращаясь с Хитиау-ререва на Таити, они были проглочены Гигантским моллюском. Тела были еще теплыми, и жрецы с помощью бога Та'ароа вернули их к жизни. Так между бессильными створками Гигантского моллюска повстречались живые и мертвые. Кости погибших и тела возвращенных к жизни были перенесены на стоявший поодаль корабль Раты. Воины своими копьями сдвинули огромного двухстворчатого моллюска с его коралловой подпорки. Чудовище, издав булькающий звук. опустилось на дно океана. Никогда уже больше не будет оно угрожать путешественникам, бороздящим восточные моря.

Рата возвратился на Таити. Он вернул народу царицу, передал кости мертвых плачущим родственникам, а сам отправился в плавание, чтобы освободить пути мореходов от поджидавших их врагов. Рата убил Морское чудовище, обитавшее на Коралловом утесе, после чего и сам Коралловый утес стал безвреден. Затем Рата убил Зверя с огненной плотью и уничтожил Рыбью стаю. Журавль Та'ароа был опасен только для злых людей; поэтому он ласково приветствовал Рату, пролетев над судном, и скрылся в тихой лагуне. Больше его никто и никогда не встречал. Длинная волна и Короткая волна остались главными препятствиями на великих океанских путях и поныне подвергают испытанию искусство мореплавателей.

Чтобы истолковать легенду, возвратимся на сушу и отметим изменения, которые произошли в социальной организации. В полинезийском обществе семья управлялась старшим мужчиной, а наследовал ему старший сын. По мере того как семья превращалась в более широкую родственную группу, старейшина становился вождем. Власть вождя росла вместе с увеличе-

нием численности населения, подчинявшегося ему в мирное и военное время. Разросшаяся семейная группа развилась в племя[1]. Для повышения престижа вождю стало необходимо вести свое происхождение от древнего рода. О вождях и племенных предках складывались исторические предания; устанавливались социальные церемонии. Правящий в Опоа род претендовал на старшинство над всеми остальными родами архипелага Общества, и его притязания были удовлетворены. Членов этого рода стали почитать как богов. По требованию вождей, человеческими жертвоприношениями богу 'Оро отмечались рождение наследника и различные периоды его юности, до тех пор пока его не облачали в почетный пояс из красных перьев в храме Тапу апуатеа. Красные перья длиннохвостых попугаев стали знаком отличия верховных вождей и богов. С течением времени изображения богов из дерева стали делать только жрецы, которые наряжали фигуры, затейливо оплетая их лыком кокосовой пальмы. Богов обвешивали шнурами из кокосовых волокон, к концам которых были прикреплены красные перья. Подобное изображение великого 'Оро хранится в Британском музее. Этот великолепный образец полинезийского мастерства умер духовно, потому что уже давно пропали красные перья, которые были символом божественности 'Оро. Члены царской семьи на Порапора носили пояса из желтых перьев. Это означало, что по происхождению они уступают царскому дому на Ра'иатеа.

Взаимные браки способствовали тому, что оба типа поясов распространились среди вождей таитянских родов. Таити превосходил соседние острова по природным богатствам и плотности населения. Его вожди становились все более могущественными. Поэты изменили плебейское название острова Таити на Таитинуи-море'аре'а, что значит Великий Таити в золотом тумане.

Одновременно с развитием религии и укреплением социального строя усовершенствовались искусства и ремесла. Развитие строительства морских лодок было описано в главе IV. За Ратой последовали другие мореплаватели. Они возвращались на родину с рассказами о своих открытиях и указывали направления, по которым следовало плыть к новым землям. Открыватели земель плыли вперед, ориентируясь по новым звездам неведомых горизонтов, но они постоянно оглядывались назад на звезды родины, и когда случался попутный ветер, они возвращались к исходным местам.

Среди мореплавателей более позднего периода выделяются Хоно'ура и Хиро. По преданию, Хиро родился на Гаваи'и,

---

[1] Автор придерживается «патриархальной» теории социального развития, согласно которой первоначальной формой общества была якобы патриархальная семья; разрастаясь, она превращалась в род, потом в племя и т. д. Марксистская наука давно отбросила эту ложную теорию (см. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства).

откуда его отправили на воспитание к деду со стороны матери Ана, жившему на Таити. Его не приняли в школу, потому что он был слишком мал, но жажда знаний была у Хиро так велика, что мальчик забирался на крышу школы и оттуда слушал и запоминал все, о чем рассказывал детям его дед. Хиро прославился не только своими морскими приключениями. Ему приписывается сооружение первого судна из досок, заменившего выдолбленный челнок.

Рассказы об открытиях новых земель приводили к заселению соседних островов; в течение некоторого времени между новыми колониями и Гаваи'и поддерживалась связь. Теуира Генри утверждает, что полинезийские колонии делились на две группы. Первая называлась Ао-теа (Светлый мир), вторая — Ао-ури (Темный мир). Во главе каждой группы стоял верховный жрец, которого величали соответственно Па'оа-теа и Па'оа-ури. Обе группы заключили между собой Дружественный союз. С различных островов в Опоа съезжались паломники, чтобы совершать жертвоприношения богам в храме Тапутапу-атеа. Совершение священного ритуала сопровождалось грохотом огромного барабана Та'и-моана (Звуки моря). Однажды во время богослужения, если верить преданию, возникла ссора и были убиты оба верховных жреца. Люди в смятении возвратились на свои острова. На этом кончилась связь между далекими колониями и родиной. На Раротонге еще сохранилась память о Дружественном союзе. Когда Джон Вилльямс заехал на этот остров с Ра'иатеи, раротонганцы расспрашивали его, почему жители Ра'иатеи убили верховного жреца Па'оа-теа и что случилось с великим барабаном Танги-моана (Та'и-моана).

Через некоторое время после открытия новых островов в пределах Полинезии началось переселение с центральных островов на окраинные. Оно было вызвано, с одной стороны, ростом населения, а с другой — неизбежной борьбой вождей за власть. Походы обычно организовывались и возглавлялись младшими членами правящих семей, чье честолюбие не удовлетворялось второстепенным положением на родине. Используя свое общественное положение, они сооружали большие суда и набирали команду отважных мореходов. Их обычно сопровождали жрецы, искусные в морском деле и хорошие знатоки преданий, сложившихся ко времени отплытия. Изучение религий и традиций далеких колоний, вроде Гавайских островов и Новой Зеландии, приводит нас к выводу, что полинезийцы начали расселяться уже после того, как в Опоа были разработаны первые образцы богословия, а рассказы о приключениях Хема, Тафа'и, Вахиероа и Рата уже обросли вымыслами и превратились в легенды.

Период особенно активной колонизации, по-видимому, продолжался с XII по XIV в. Колонизация происходила не в виде единовременного массового переселения, а путем медленного и разновременного просачивания на отдельные острова небольших

партий, прибывающих на нескольких лодках. Бесспорно, что Маркизские острова были заселены также в отдаленные времена, ибо они превратились во вторичный центр расселения. Дерзновенные мореходы предпринимали оттуда плавания на восток и колонизовали Мангареву и остров Пасхи. Возможно, что Маркизские острова служили также временным пристанищем для некоторых переселенцев, по крайней мере для тех, которые направляли свой путь на север, к Гавайям. Разумеется, переселенцы, отправляясь на самые отдаленные острова Полинезии, запасались на родине не только одними мифами, легендами и обычаями, но и везли с собой также большое количество съедобных растений, а также домашних животных. Это обеспечивало им создание экономической базы на новом месте. Более поздние колонисты нередко обнаруживали, что некоторые острова были уже заселены их соплеменниками. Вначале между обеими группами переселенцев возникали столкновения, но со временем они смешивались и образовывали единые племена.

Так новая культура распространялась из Гаваи'и, этого сердца Полинезии, на самые отдаленные острова. Ее переносили смелые мореплаватели, по звездам направлявшие свои корабли к тихим гаваням. Но многих таких же мужественных и верящих в свою звезду моряков дороги завели лишь в пустынные моря. Эти неудачники спят под этими морскими дорогами, по которым они странствовали так безуспешно. Если когда-нибудь море возвратит свои жертвы, сколько полинезийских моряков строем выйдут из морских глубин на звук раковины-трубы, зовущей их на последнюю перекличку! Само число их будет свидетельствовать об отваге тех, кто дерзал, но так и не смог достичь земли. Не людские песни слышатся им; они внемлют лишь монотонному реквиему моря и понимают его язык.

Глава IX

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ПУТЬ

Как радуга стягивает горизонты,
Так ладья Уи-те-рангиора
Пересекает открытое море
Между ними.

(*Песнь Уи-те-рангиора*)

КАК ПОВЕСТВУЕТ предание, Ру был одним из тех мореплавателей, которым удалось ухватиться за счастливую спицу в колесе фортуны. Жил он на 'Аваики (Гаваи'и). Убедившись, что родная его местность слишком перенаселена, он собрал всю свою семью и сказал: «Я вижу, что долина уже переполнена и даже в горах стало слишком много людей. Я нашел звезду, которая светит над новой землей, и эта земля станет нашей счастливой родиной». Была построена и нагружена припасами большая ладья, которую назвали «Те Пуа-арики». Кроме своей семьи и близких родственников, Ру для заселения острова своей мечты отобрал еще 20 молодых женщин знатного происхождения. Когда в 1926 г. я посетил остров, который по преданию был открыт Ру, в одной деревне был устроен пир в честь меня и моей жены. В заключение вождь, который руководил пиршеством, сказал: «Вы кровь от крови и кость от кости нашей. Выслушайте рассказ о нашем предке Ру». Под звуки барабанного боя и хоровое пение мимо нас прошла процессия из 20 молодых женщин с веслами. Они выстроились по обеим сторонам листьев кокосовой пальмы, привязанных концами друг к другу и изображавших большую ладью. На ее носу несли вахту четверо мужчин, исполнявших роли братьев героя; сам Ру с замужними гостьями находился на корме. Он ориентировался по своей звезде и управлял лодкой с помощью рулевого весла. Хотя лодка и оставалась неподвижной, но удары весел создавали впечатление, что она быстро несется вперед по неведомым морям и под незнакомыми небесами. Вдруг один из наблюдателей отпрянул назад и с волнением доложил Ру, что на пути находится водоворот,

который может поглотить лодку. Изображая тревогу, команда перестала грести. Но Ру гордо воскликнул: «Или я не Ру, опоясанный алым поясом, который приличествует вождям, и познавший все вещи воздуха и моря? Мы не погибнем. Гребите дальше!» Наблюдатель возвратился на свой пост, и приободрившаяся команда продолжала грести в такт песне.

Позднее, когда были замечены скала и водяной смерч, Ру вновь ободрил свою команду речью и тем вернул ей спокойствие. Роль Ру исполнял наш поваренок, но пока шло представление, я забыл о его скромной профессии — настолько хорошо изображал он близких ему по духу предков-мореплавателей. Хор возвестил о том, что разыгрался шторм. Небо затянулось тучами, и Ру потерял из виду свою путеводную звезду. Буря продолжалась три дня и три ночи. И только тогда обратился Ру к помощи Тангароа, бога Океана. Стоя во весь рост на корме ладьи, Ру поднял вверх правую руку и торжественно воззвал к своему богу:

О Тангароа, в безбрежном пространстве
Разгони ты дневные тучи,
Разгони ты ночные тучи,
Пусть увидит Ру звезды на небе,
Чтобы привели они его в страну его желаний.

Тучи рассеялись, и засверкали звезды. Славное судно «Пуарики», направляясь по звезде Ру на юго-запад, пристало к Аитутаки, самому северному острову архипелага Кука. Интересно отметить, что Ру не просил бога благополучно высадить его на остров, к которому он так стремился. Герой стремился только к одному: снова увидеть свою звезду. В жилах Ру текла кровь мореходов, и он чувствовал в себе достаточно силы, чтобы самому справиться со всеми остальными трудностями. Вера предводителей в собственные силы вселяла бодрость в членов команды.

В подлиннике вступительные строчки заклинания Ру звучат так:

Тангароа и те тити,
Тангароа и те тата.

Записывая эти слова, я мысленно переводил их: «Тангароа в тити, Тангароа в тата». Это показалось мне бессмысленным набором звуков. Обернувшись к старшему из присутствующих, я спросил его: «Что означают тити и тата?» Старик поднялся, обвел рукой весь горизонт и, указывая наверх, ответил: «Это!» Заметив мой недоумевающий взгляд, он спросил: «Разве мы можем подыскать для этого слова? Разве тити и тата хуже остальных слов выражают то, чего мы не можем передать?» Я сообразил, о чем идет речь, и пробормотал по-английски: «Безбрежное пространство». «Что?»— спросил старик. «Да,—ответил я,— Тангароа в тити, Тангароа в тата. Это нельзя выразить другими словами».

Как уже упоминалось по другим преданиям, остров Аитутаки первоначально был прикреплен ко дну моря с помощью узловатой лозы. У рыбы-острова Таити были в свое время перерезаны жилы, чтобы не дать ей возможности уплыть. Раротонга в старину называлась Нуку-тере (Плавающий остров), якобы потому, что этот остров плавал в различных направлениях, пока богиня Ари не снизошла на него и не закрепила его основание. Все эти предания являются отзвуками той романтической эпохи, когда древние полинезийцы, исследуя Тихий океан, открывали новые острова. Фактически иллюзорные острова плавали в безбрежном море фантазии до тех пор, пока мореходы не превратили их в реальную действительность и тем самым не закрепили их географического положения.

Вслед за знаменитой ладьей Ру другие мореплаватели также повели свои суда на юго-запад. Отклоняясь от прямого пути, они открыли острова Атиу, Мауке, Митиаро, Мангайа и Раротонга. Через несколько столетий капитан Джемс Кук вновь открыл те же самые острова и назвал их островами Гервея в честь первого лорда британского адмиралтейства. Позднее они были официально переименованы в острова Кука. Этот архипелаг управляется новозеландским правительством через комиссара-резидента на острове Раротонга.

Первым тропическим[1] островом, который я посетил, был Раротонга. В 1909 г. я был членом новозеландского парламента от Маорийского избирательного округа. Чтобы увеличить свое скудное жалованье, я добился во время каникул командировки на Раротонгу. Там я должен был помочь местному чиновнику в борьбе с эпидемией тропической лихорадки. Мне никогда не забыть первого впечатления от аромата тропических растений, от вида пышной листвы и всего живописного пейзажа. Я навсегда запомнил необычайные лодки с балансиром и дома, крытые пандануса; но особенно запечатлелись в моем сознании приветливость, радушие и искреннее гостеприимство красивых туземцев с коричневой кожей. Они приходятся родней моему народу. Их диалект напоминает маорийский, так как он сохранил звуки «k» и «ng»; подобно моим соплеменникам, раротонганцы произносят «h» без придыхания.

В первый же день, когда я проходил по главной деревне, два почтенных вождя преградили мне путь и проводили меня на веранду своего дома, который находился неподалеку. Вокруг меня собралась улыбающаяся семья. Все пожимали мне руки и приветствовали словами: «Киа орана!» (Да будет с вами доброе здоровье!). Передо мной поставили деревянную тарелку с очищенными зелеными апельсинами и молоко кокосового ореха. Я позднее узнал, что один из стариков, с которым я

[1] Новая Зеландия, родина Те Ранги Хироа, лежит вне тропической зоны.

разговаривал, был потомком древнего рода верховных жрецов. Он протянул мне кокосовый орех со словами: «До сих пор на Новой Зеландии вы пили воду из земли, а здесь, на родине своих отцов, вы выпьете воду из дерева». С того дня я выпил немало кокосовых орехов на разных островах Тихого океана, но этот первый глоток, сделанный под дружелюбным взглядом старого жреца, был чем-то вроде возлияния в честь теней моих предков.

Я уже встречался раньше со многими раротонганскими вождями, когда за два года до моего посещения Раротонги они приезжали на Международную выставку на Новой Зеландии. Мы жили вместе в показательной маорийской деревне, куда я был назначен санитарным врачом. Теперь мои старые друзья и некоторые другие вожди, соперничая друг с другом, устраивали празднества в честь меня и моей жены. Верховный вождь (арики) из деревни Ароранги прислал за нами своего сына. Он приехал в четырехколесном экипаже, увенчанном балдахином с каймой из кисточек. В экипаж была запряжена всего одна лошадь. Сбруя пришла в ветхость, и кожаные постромки были заменены веревками. Небольшая лошадка нашла, что все втроем мы слишком тяжелы. После некоторого вразумления длинной палкой она, наконец, резко рванула, чтобы сдвинуться с места. Веревочные постромки лопнули, и мы остановились. Сын вождя выпрыгнул из экипажа и обследовал порванные веревки. Они оказались слишком коротки, их нельзя было связать.

Новозеландские маорийцы удивляются тому, что необходимый для всевозможных скреплений лен еще неизвестен их родичам. Я недоумевал, что же будет делать наш провожатый. Без малейшего колебания он вынул из задка экипажа большой нож для расчистки кустарников и направился к одному из деревьев местной породы хибискуса, которые росли вдоль дороги. Надрезав ствол высоко от земли, раротонганец отодрал длинную и широкую полосу коры, с помощью которой соединил концы постромок, и мы поехали дальше. Так я узнал, что жителям вулканических островов кора дикого хибискуса заменяла лен маорийцев.

Пища для празднества была заготовлена семьей вождя и его подданными, которые платили за право пользования землей частью урожая. Для пира были запасены сладкий картофель, ямс, таро, плоды хлебного дерева, бананы, кокосовые орехи, домашняя птица, свиньи и рыба. Предназначавшаяся для трапезы пища шла непосредственно в земляные печи, а остаток складывался грудой, чтобы создать впечатление изобилия. Заранее в обертках из листьев приготовили разнообразные пудинги из толченого таро и плодов хлебного дерева, смешанных с кремом из кокосовых орехов. По приезде в деревню мы застали живописную сцену: все деревенское население было разукрашено гирляндами из цветов и ароматных листьев. Наши шеи они также немедленно обвили самыми лучшими венками. Вокруг толпились люди; они протягивали нам руки и с улыбкой приветствовали

нас: «Киа орана». В былые времена они, наверное, прижали бы свои носы к нашим. Я протянул свой нос для приветствия, к которому привык на родине, но ответного движения не последовало. Повсюду в тропической Полинезии уже отказались от древней манеры здороваться; я был в одно и то же время и разочарован и обрадован этим.

На наших глазах с дымящихся печей быстро сняли покрывавшие их листья, и под ними открылись свиные туши, целиком зажаренные на горячих камнях. Перед грудой сырой пищи на земле расстелили листья кокосовой пальмы и бананов. На них положили зажаренные туши свиней и прочие блюда, вынутые из печи.

Оратор вождя, стоя возле груды припасов, обратился ко мне со следующей речью: «Вот печь для приготовления пищи верховного вождя Тиноманы и его народа. Здесь свиньи, птица, рыба, здесь сырое таро, плоды хлебного дерева и другая еда. Все это — в честь вашего приезда». Указывая на каждый род пищи, он называл его. Он продолжал: «Мы с вами одного происхождения. Мы приветствуем вас как родственника на той земле, через которую прошли ваши предки, направляясь на юг. В ваши руки мы передаем всю эту еду».

Раротонганский диалект очень похож на новозеландский. Я поднялся со всем достоинством, на которое только был способен, в соответствующих выражениях поблагодарил за оказанную честь и произнес нараспев маорийское заклинание. Это произвело на раротонганцев впечатление, хотя они не все поняли Свою речь я закончил словами: «Разделим же пищу, чтобы съесть ее сообща, как и подобает людям одной крови».

Свинину разрезали на отдельные порции. В каждой полинезийской общине имеются особые специалисты, умеющие делить пищу на порции, так что каждая семья получает положенную ей долю. Затем все принялись за трапезу, а оставшуюся пищу каждый должен был унести себе домой вместе со своей долей сырых продуктов. После того как мы поели, послушали песни и полюбовались танцами,— все, что мы не доели, было положено в экипаж, который отвозил нас домой.

На одном пиру я забыл традиционные заключительные слова ответной речи. Воцарилась мертвая тишина. Тягостное ожидание затягивалось. Оратор вождя тихо подошел ко мне и прошептал: «Мы положим всех жареных свиней и всю еду в вашу повозку, таково ваше желание?» С чисто полинезийским радушием они послали бы мне домой все съестные запасы, заготовленные для пиршества, если бы я не отказался. Я быстро поднялся с таким видом, будто и не думал усаживаться, и произнес забытые слова: «Разделим же пищу, чтобы съесть ее сообща»[1]

[1] Рассказ Хироа о его первом посещении тропической Полинезии имеет целью, вероятно, не только оживить изложение—этой цели он вполне достигает. Другая цель — создать у читателя впечатление о «благоден-

Я несколько отклонился от темы, надеясь, что мои первые полинезийские впечатления помогут читателю понять, почему 18 лет спустя я отказался от медицины и поступил в музей Бишопа, который приступал к исследованию Полинезии. Только через 20 лет после первого посещения Раротонги мне удалось побывать на всех островах архипелага Кука.

Сведения о заселении островов Кука мы черпаем уже не из мифов и легенд, а из устных исторических преданий. На каждом острове хранится свое предание о первых открывателях земель и о тех, кто последовал за ними. После того как Ру открыл остров Аитутаки, вслед за ним отправились в плавание Те Эруи и его брат Матарека. Те Эруи плыл на судне «Вирипо», которое во время шторма потеряло мачту. Мореплаватель был глубоко озадачен тем, что ураган разыгрался в такое время года, которое, как ему было известно, наиболее благоприятствовало глубоководному плаванию. Возвратившись на 'Аваики, он решил выяснить у жреца причину своей неудачи. Лукавый жрец спросил: «А как ты назвал свое судно?» «Вирипо»,— отвечал Те Эруи. «Ну вот,— сказал жрец,— в этом-то и заключена причина твоего несчастья! Ты должен был бы назвать какую-нибудь часть своей ладьи по имени бога». Те Эруи соорудил другое судно, дав ему имя Те Ранги-пае-ута, и, следуя советам того же жреца, назвал две мачты в честь богов Тангароа и Ронго. Таким образом паруса были обеспечены поддержкой богов и Те Эруи вторично отправился в плавание. Он высадился в западной части острова Аитутаки. Там он встретил потомков Ру, которые сказали ему: «Эту землю открыл Ру и оставил ее детям своих детей. Перед тобой лежит пурпурное море 'Иро. Плыви дальше и ищи свою землю». Но Те Эруи, убив местных жителей, силой высадился на острове. Своим знаменитым теслом Хаумапу, он якобы вырыл пролив через риф, которым окружен остров, чтобы его корабль смог проникнуть в лагуну. Этим проливом на Аитутаки и двумя проливами на Раротонге пользуются в настоящее время китобойные суда, посещающие острова Кука. В наши дни они представляют большое удобство для швартовки и погрузки кораблей. Вполне понятно, что жители Аитутаки, гордясь своим предком Те Эруи, приписывают ему в качестве подвига создание пролива на благо своему острову.

Третьим предком-мореплавателем, переселившимся на Аитутаки, был Руатапу, который ранее пытал счастье на многих островах. Во время своего долгого плавания он не раз менял название судна; к тому времени, когда он прибыл на Аитутаки, судно называлось

ствии» туземцев островов Кука и польстить этим правительству Новой Зеландии, под чьим управлением находятся острова. Но впечатление это обманчиво. Хотя в 1909 г., к которому относится рассказ, народы Океании еще не испытали всех бедствий, связанных с первой и второй мировыми войнами и послевоенным кризисом, однако и тогда они далеко не благоденствовали.

«Туеху-моана» (Морские брызги). По преданию, Руатапу привез на остров кокосовую пальму и гардению. Последняя известна здесь под именем тиаре маори (Gardenia tahitiensis). Место, где он якобы впервые посадил этот цветок, и до настоящего времени называется Тиаре (Цветок). В то время островом правил вождь Таруиа, и Руатапу завязал с ним дружественные отношения, втайне раздумывая над тем, как бы самому стать вождем. Он разбудил любопытство Таруиа рассказами о виденных им островах и убедил верховного вождя принять участие в морском путешествии, чтобы полюбоваться на прекрасных женщин других островов. Каждый из них снарядил большую ладью, но Руатапу с умыслом отправился в плавание, когда другая лодка не была еще готова. В ответ на просьбу Таруиа подождать его, чтобы отплыть вместе, Руатапу сказал: «Я направляюсь на Раротонгу и буду встречать тебя там на берегу». После этого Руатапу отъехал на противоположную сторону небольшого острова Ма'ина, откуда наблюдал за Таруиа. Заметив, что его судно отплыло от берега, Руатапу намеренно опрокинул свою лодку. Вскоре после этого появился Таруиа. Руатапу попросил его подождать, пока он приведет в порядок ладью. На это Таруиа ответил со злорадством: «Нет, я поеду на Раротонгу и буду встречать тебя там на берегу». Руатапу подождал, пока Таруиа скроется из виду, а затем возвратился на Аитутаки, где и захватил власть. Таруиа же случайно обнаружил атолл Тонгарева (Пенрин) и поселился на нем. Его имя включено в генеалогии этого острова.

Сравнение генеалогий и преданий Новой Зеландии и островов Кука показывает, что Руатапу жил около 1350 г. нашей эры, то есть в то время, когда совершались уже последние путешествия на Новую Зеландию. Между тем из родословных острова Аитутаки следует, что Те Эруи жил за три столетия до этого периода, а Ру — еще раньше. Хотя потомки этих трех предков вступали между собой в брак, группы, которые ведут прямое происхождение по мужской линии от каждого из них, составляют отдельные племена и живут в различных деревнях. Во время празднеств каждая деревня устраивает представления, в которых изображаются эпизоды из устных преданий о жизни своего предка.

Так, во время моего пребывания на острове потомки Ру инсценировали эпизод «плавание Ру», потомки Руатапу разыгрывали сцену «Ссора на рыбной ловле между Руатапу и его сыном Кирикава», а потомки Те Эруи исполняли «Песню тесла Хаумапу». Никому из жителей не может прийти в голову устраивать представление из жизни чужого предка. Даже сюжеты, не основанные на исторических преданиях, признаются собственностью отдельных деревень.

В одной деревне я расспрашивал о ходулях. Мой информатор ответил: «Ходули! Да, у нас есть ходули, но они составляют собственность деревни Ваипае. Когда вы будете в Ваипае, спросите у жителей. Они исполняют пляску на ходулях». Позднее в

Ваипае я снова спросил о ходулях. «Да,— ответили жители,— у нас есть ходули. Мы исполняем пляску на ходулях. Вы хотите посмотреть на нее?» «Конечно, хочу»,— ответил я. Мужчина средних лет быстро подошел к большому барабану европейского образца, но местной работы, подвешенному к крыше открытого навеса. Он ударил в барабан и закричал: «Хо, ходульные плясуны! Идите сюда танцевать для нашего гостя». Появилось четверо молодых мужчин с ходулями в руках. В ряд были поставлены четыре ящика. Взобравшись на свои ходули с ящиков, танцоры проделывали разнообразные движения под звуки большого барабана и маленького деревянного гонга. Они прыгали на одной ходуле, вертелись, щелкали ходулями одна о другую, становились на ящики и изображали разные походки, а потом снова соскакивали на землю и проделывали целую серию правильных движений, слаженных с музыкой. Ходули были распространены по всему острову, но в деревне Ваипае впервые стали исполнять публичные пляски на ходулях. Поэтому жители Ваипае получили авторское право на пляску, причем его охранял не закон, а прирожденная вежливость.

Ближайший к Аитутаки остров Атиу был заселен выходцами из центральной части 'Аваики. Первых переселенцев привезли сюда Марири и его младшие братья: Атиу-муа и Атиу-мури. Их отцом был Тангароа, которому присвоен эпитет «Источник, не имеющий отца» (Туму-метуа-коре); этим намекается на божественное происхождение как самих предков, так и их потомства. Марири присвоил острову название Энуа-ману, что значит страна насекомых, чтобы подчеркнуть, что до него на острове не было человеческих существ. Согласно наиболее надежным генеалогиям, первое заселение острова произошло около 1300 г. нашей эры. Несмотря на то, что современные жители включают в свои генеалогии как одного из предков Марири, главная линия ведет происхождение от Атиу-муа; в его честь название острова было впоследствии изменено на Атиу.

Примерно в это же время был заселен и остров Мауке. Жители считают первым переселенцем на этом острове предка по имени Уке, дочь которого вышла замуж за сына Атиу-муа. Предки приплыли на больших ладьях из центральной части 'Аваики.

Атиуанцы были грозными воинами. Примерно в 1820 г. нашей эры они завоевали соседние острова Мауке и Митиаро. Для защиты от метательных камней во время боя они надевали веревочные шлемы спирального плетения. Во время моей экспедиционной работы в 1929 г. несколько атиуанцев показали мне свои военные фамильные шлемы и живо описали обстоятельство, при которых они сослужили службу в последний раз.

«Однажды на остров Митиаро в большой ладье прибыл таитянский воин, который был радушно принят местным населением. Таитянин стал подстрекать жителей Митиаро вызвать на бой нас, воинов Атиуа. Он научил их строить оборонительные

укрепления на возвышенной внутренней части острова, посреди коралловой скалы Макатеа. Когда в ответ на вызов наши военные лодки приплыли на Митиаро, воины обнаружили, что деревни опустели. Однако наши разведчики вскоре отыскали каменную крепость в центре Макатеа. Разделившись на три группы по числу правящих верховных вождей Атиу, воины немедленно бросились в атаку. Почетное место в центре занимал отряд, возглавляемый военным вождем Ронго-ма-тане. В скале Макатеа было слишком много острых выступов, и атиуанцы не могли взять крепость стремительным натиском. Положив на острые выступы свои длинные палицы из железного дерева, мы поползли по ним. Когда воины достигали конца своих палиц, они перекладывали их вперед и продолжали ползти. Пока мы медленно продвигались, жители Митиаро поливали нас каменным ливнем из своих пращей, стоя на площадках, построенных на каменных стенах. Мы не имели возможности выпрямиться, чтобы ответить врагам тем же. Нам оставалось только наклонять головы так, чтобы камни не проломили черепа, задерживаясь веревочным шлемом. Вы видите, шлем плотно облегает голову с боков, но он довольно высок и поэтому между макушкой и вершиной шлема имеется промежуток. Удар камня по верхушке шлема, таким образом, ослабляется. Наклоняя шлемы под соответствующим углом, мы продолжали ползти вверх. Некоторые получили ранения корпуса, но упорно продолжали ползти, чтобы вступить в рукопашную схватку. Передовой отряд возглавлял вождь Ронго-ма-тане. Это был испытанный воин с великой боевой славой, и мы знали, что если мы достигнем стен крепости, то победа будет за нами. И вот на нас обрушилось несчастье. Митиароанский воин метнул в нас огромный камень из белой породы, которая встречается в пещерах (сталагмит). Это самый лучший камень для метания из пращи, потому что при ударе о скалу он образует множество осколков, которые с большой силой разлетаются во все стороны. Этот метательный камень попал в выемку в твердой коралловой породе поблизости от нашего предводителя. Посыпались осколки. Один большой осколок попал в глаз вождю, и тот, тяжелораненый, сорвался со своей палицы. Ликующий вопль раздался из-за стен укрепления. Атака воинов Атиу была остановлена. Мы решили, что наш предводитель убит. Младший сын верховного вождя Ронго-ма-тане находился в резервном отряде за цепью наступающих. Он был настолько молод, что ему впору было находиться не среди взрослых воинов, а среди женщин. Воины почти не знали его, но в его жилах текла смелая кровь. Никем не замеченный, он проскользнул во вспомогательный отряд.

Чтобы воодушевить обороняющихся жители Митиаро повесили на шест изображение своего бога Те Паре. Они все еще вопили, воздевая руки к Те Паре и благодаря его за то, что он помог вывести из строя вождя осаждающих. В самый опасный момент, когда атиуанцы были готовы отступить, младший сын

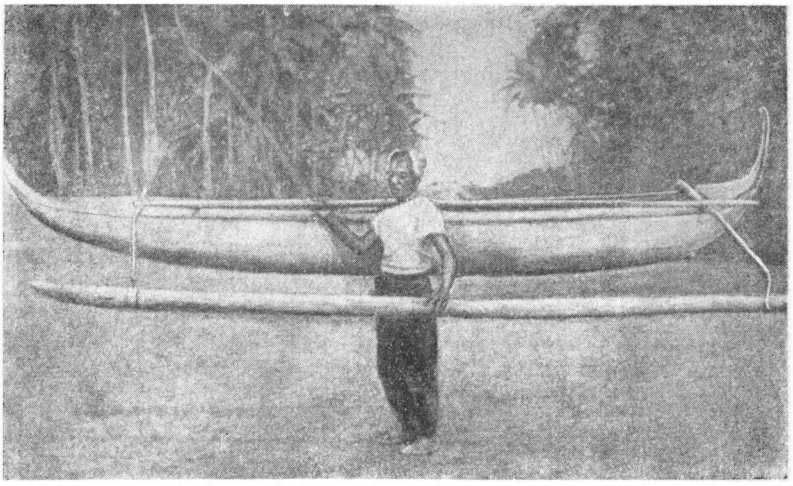
Ронго-ма-тане, находившийся во вспомогательной цепи, встал во весь рост на выступе Макатеа. В руках у него была праща. Приготовившись метнуть камень, юноша произнес заклинание, чтобы удар вышел метким и сильным. Он был молод, но его воспитывали, как подобает воспитывать сыновей верховного вождя. Враги глумились над ним: что может сделать один юноша с пращой против такого множества воинов? Но велика боевая мудрость вождей. Юноша воззвал к своим богам, чтобы они направили метательный камень в Те Паре, бога, покровительствовавшего врагам, и метнул его со всей ловкостью и силой, на какую он был способен. Боги услышали юношу и направили его камень так точно, что он попал в то место, где голова Те Паре была привязана к шесту. Сила удара была так велика, что бечева порвалась и бог рухнул на землю. Крик ужаса раздался за стенками укрепления, ибо вражеские воины сочли случившееся за зловещее предзнаменование. В наступающем отряде и вспомогательной цепи атиуанцев падение божества вызвало восторг. Раздался победный крик наступающих, и они все как один, не обращая больше внимания на острые выступы, быстро перебежали пространство, отделявшее их от стен. Атиуанцы хлынули на коралловые стены и захватили укрепление».

В мифологии Атиу и Мауке встречаются таитянские божества Те Туму (Первоисточник) и Папа (Земная поверхность). Они дали жизнь Тане, богу лесов, птиц и диких съедобных растений. Тане, в свою очередь, породил Ронго-ма-тане, бога мира, и Ту, бога войны. Тангароа выступает как охранитель материальных богатств и защитник от противных ветров и морских бурь. Согласно раротонганской мифологии, Те Туму вступил в брак с Папой после нескольких стадий рождения, олицетворенных в образах Те Уира (Боль от молнии), Те Аа (Растирания) и Те Кинакина (Амниотическая жидкость), Папа родила богов Тане, Ронго, Ту, Тангароа и Руануку. По-видимому, подобные представления были заимствованы с Гаваи'и еще до того, как в Опоа культ Та'ароа получил дальнейшее развитие.

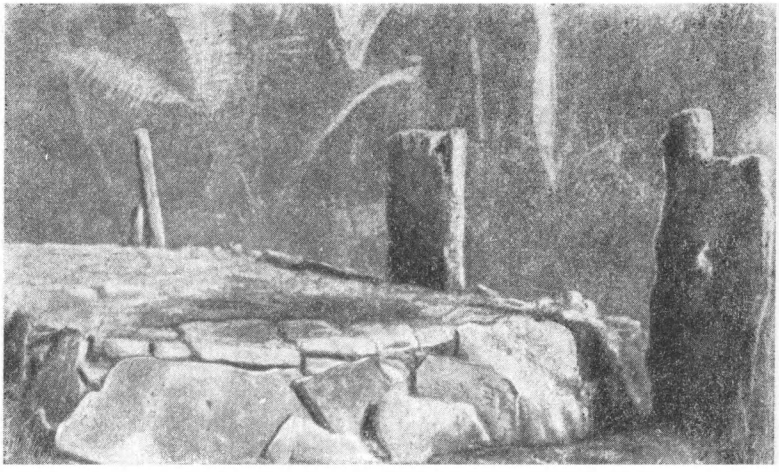
На острове Мангайа некий Ватеа, в котором мы узнаем таитянского Атеа, занимает место Те Туму. Он вступил в брак с Папой и произвел на свет богов Тангароа, Ронго, Тане, Тонгаити и других. Любопытно отметить, что среди богов не было еще бога войны Ту, который известен на других островах. Когда Ватеа обдумывал, как бы поделить наследство между сыновьями, он решил отдать все продовольствие своему первенцу Тангароа. Папа же предлагала отдать Тангароа только пищу вождей, отличительным признаком которой был красный цвет, а все остальное оставить Ронго, второму сыну. Тайной причиной поведения Папы был запрет перворождения, согласно которому мать не могла есть вместе со старшим сыном. На второго же сына это ограничение не распространялось. Ватеа удовлетворил желание Папы. Вскоре после этого устроили большое пиршество. Перед

Изваяние с острова Пасхи на склонах Рановараку

Древний татуированный воин с трубкой из раковины (*Маркизские острова*)



Переноска рыболовной лодки с балансиром
(*Митиаро, острова Кука*)



Алтарь храма Те Реинга (*Остров Пенрин*)

Тангароа положили несколько красноватых кокосовых орехов, таро, раков и рыбу. Вся остальная пища досталась Ронго. Количество пищи, сложенное перед Ронго, было так велико, что часть продуктов скатывалась вниз и их топтали ногами.

В припадке зависти Тангароа покинул Мангайю, а Ронго остался верховным божеством этого острова. Передав в ведение Ронго бóльшую часть продовольствия, жители Мангайи сохранили тем самым древний вариант мифа, согласно которому Ронго является богом земледелия. Позднее они сделали его богом войны, что противоречит более древнему положению этого божества в таитянском пантеоне, где Ронго выступает как бог мира. Ронго посвящали человеческие жертвоприношения, причем после храмового ритуала тела убитых бросали в лес. Предполагалось, что там они будут служить пищей для голодной Папы. Древний бог войны Ту выступает в мифах Мангайи как храбрый воин подземного мира. Он научил жителей острова военному искусству, хотя Ронго и отобрал у него позднее портфель военного министерства.

Период первоначальной тьмы олицетворяется под именем Потанготанго и По-керекере. Такое представление было распространено в центре, на севере, востоке и юге Полинезии — везде, за исключением запада. Небо, согласно мифологии, покоится на плоских листьях арроурута, после того как оно поднято руками Ру-те-токо-ранги (Ру, подпиравший небо).

Миф о происхождении Мангайи в отличие от типичных полинезийских сказаний о заселении повествует, что остров появился из подземного мира —'Аваики, уже населенный первыми жителями. Эти древние люди были сыновьями Ронго от его собственной дочери.

В Мангайе было отброшено представление о том, что человек был сотворен из земли и приплыл на остров в большой лодке. Среди богов Мангайи фигурируют Тангиина и Моторо, которые в генеалогиях соседнего острова Раротонга выступают в качестве предков человека. Генеалогии острова Мангайа перечисляют до Ронго 17 поколений, отсчитывая их назад от 1900 г., а генеалогии острова Раротонга, ведя такой же счет, насчитывают 26 поколений до мореплавателя Тангиии, жившего примерно в XIII в. Следовательно, Мангайа была заселена переселенцами с Раротонги спустя некоторое время после эпохи Тангиии. По-видимому, жители Мангайи для поднятия своего престижа позднее выкинули из своей истории рассказы об открытии и заселении острова, переделали мифологию и стали вести свое происхождение непосредственно от богов. Господствующее племя нгарики заявило об автохтонном происхождении своих предков как непосредственных потомков Ронго. Племенам тонга'ити и нгатитане пришлось согласиться с тем, что их предки приплыли на остров позднее. Жители Мангайи были отчаянными вояками. Поэтому они изобрели особую, привилегированную страну Тиариа, где обитали

души воинов, погибших в битвах. Все остальные души опускались по дереву пуа в подземное царство, где людоедка Миру поджаривала и пожирала их.

Раротонганские генеалогии — самые длинные во всей Полинезии, если не считать генеалогий Гавайских и Маркизских островов. Перси Смит основывается на этих генеалогиях как на исторических документах, свидетельствующих о движении населения из Индии в Индонезию и дальше — в Полинезию. Но в тексты генеалогий попало так много включений, уже относящихся к периоду проникновения европейцев в Полинезию, что я никак не могу признать их ни достоверными, ни древними. Раротонганские мифы повествуют об отдаленных предках, которые в туманном прошлом пускались в морские приключения. Одним из этих предков-мореплавателей был 'Уи-те-рангиора, который жил в первой половине VII в. На своем судне «Те Иви-о-Атеа» он поплыл далеко на юг; там он увидел скалы, вырастающие из моря (Таируа-коко) и длинные волосы, которые колыхались на поверхности. Море было покрыто пеной, подобно арроуруту, животные ныряли в глубину. Солнца не было видно, царила тьма, и над водой возвышались высокие белые скалы, лишенные растительности. Все эти чудесные явления, упоминавшиеся в легенде, позднее истолковывались как описания моря к югу от острова Рапы, гигантских водорослей, замерзающих морей, морских львов, полярных ночей и айсбергов.

Спустя три с половиной столетия на зов моря откликнулся другой отважный мореплаватель Те Ара-танга-нуку. Когда он решил покинуть свою родную землю Купору, его дяди взвалили тесла на плечи и направились в покрытые лесом горы на поиски дерева для киля будущей ладьи. По пути они встретили белую цаплю и морскую змею, которые дрались насмерть, подстрекаемые своей застарелой враждой. Белая цапля была тяжело ранена и обратилась за помощью к двум братьям, которые шли впереди, однако они не отозвались и прошли мимо. Отставший третий брат пришел на помощь цапле и своим теслом убил змею. Благодарная цапля направила своего спасителя Оро-таере к нужному дереву. Оро-таере и его спутники повалили и обтесали дерево, а затем, прикрепив к нему веревку, за которую позднее собирались тащить ствол, отправились домой.

Когда строители ушли, владелец леса Тангароа-и'у-мата посетил это место и нашел поваленное дерево. Он позвал своих сторожей, в том числе Рату-Лесника, но никто не смог сказать, кто же срубил дерево. С помощью магического заклинания Тангароа поднял древесный ствол и придал веткам, коре и листьям их прежнее положение.

Когда на следующий день Оро-таере со своими спутниками возвратился на старое место, только веревка, при помощи которой они собирались волочить ствол, свисала с ветки одного из деревьев и свидетельствовала о вчерашней работе. Они обыскали

весь лес и, наконец, узнали срубленное накануне дерево по белому пятну на стволе, остававшемуся потому, что они унесли домой кусочек коры. Оро-таере понял, что дерево было восстановлено только потому, что тесло его, освященное для выполнения особой задачи, было осквернено убийством змеи. Вместе со своими помощниками Оро-таере спустился к морю, чтоб совершить очистительный обряд над своим теслом. Вернувшись в лес с осбященными теслами, они снова срубили дерево, обтесали его и притащили к дому, где жил верховный жрец. Вдохновенный мастер с четырьмя помощниками у каждого борта построил судно в течение одной ночи. Отсюда получило оно свое первоначальное название — «Тараи-по» (Построенное ночью). Атонга, верховный жрец, приходившийся отцом Те Ара-тангануку, послал гонца к белому журавлю, чтобы тот собрал всех птиц и помог перенести ладью на берег.

К бортам судна слетелись морские и лесные птицы. Под песню одной из птиц они подняли судно на свои крылья и, перенеся его по воздуху, опустили перед специально выстроенным навесом. После этого судно было переименовано и получило название «Те Ману-ка-рере» (Полет птиц).

Когда судно спустили на воду, все жители Купору собрались на берегу по случаю такого торжества. Под водительством Те Ара-танга-нуку судно совершило плавания к различным островам, объединенным легендой под общим названием Ива. Корабль был снова переименован в «Те Орауроа-ки-Ива» (Долгое плавание на Ива). Позднее Те Ара-танга-нуку отправился на юг, чтобы убедиться в тех чудесах, о которых рассказывал 'Уи-терангиора. Если описания этих двух путешествий на юг действительно относятся к доевропейскому периоду, то их следует признать величайшими подвигами полинезийцев, особенно если учесть, какие скудные одежды защищали их тела. Что касается меня, то я не верю, чтобы какой-нибудь полинезийский мореплаватель смог заплыть далеко на юг, в серые, холодные, негостеприимные моря.

В преданиях различных островов упоминается опасное южное море, которое все они называют Таи-коко. Предполагаю, что исходное раротонганское предание упоминало лишь о плаваниях 'Уи-те -рангиора и Те Ара-танга-нуку в море Таи-коко, а более поздние поэты, наслушавшись рассказов европейских китоловов и миссионеров, приукрасили старые предания новыми подробностями[1].

[1] Автор еще раз демонстрирует заслуживающую похвалы критическую осторожность в оценке полинезийских преданий. Тем не менее вполне правдоподобно, что раротонганские рассказы о плаваниях предков в диковинные южные моря с их ледяными «белыми скалами» отражают действительные подвиги древних мореходов. В таком случае смелые полинезийские мореплаватели впервые в истории человечества проникли в далекую Антарктику. Это произошло, если верить генеалогиям, в VII—X вв. С тех пор человечество не знало ничего о южных полярных странах,

По преданиям, остров Раротонга, носивший ранее название Нуку-тере (Плавающий остров), был, наконец, закреплен на постоянном месте богом Тонга-'ити. Для этого бог наступил на остров, а его жена Ари нырнула в глубину, чтобы сделать неподвижным основание Раротонги. Они назвали остров Тумутевароваро. Однако позднее явился бог Тоутика и хитростью лишил власти Тонга-'ити и его супругу.

Первые люди приплыли на этот остров с Ивы под предводительством вождя Ата. Позднее, во главе с 'Апопо, явилась вторая волна переселенцев с 'Ату-'апаи. 'Апопо фигурирует в широко распространенном сказании об Апакуре. Чтобы отомстить за убийство сына, Апакура повела войну против своих восьми братьев. 'Апопо был единственным из братьев, которому удалось спастись. После поражения он бежал на Раротонгу. Это произошло в конце IX в. Во время войны против пришельцев с Ивы его ватага была разгромлена, а сам он убит.

Великими предками жителей Раротонги считаются Тангиия и Карика. По преданию, Тангиия приходился прямым потомком 'Уи-те-рангиора и Те Ара-танга-нуку и жил на Таити примерно в середине XIII в. Тангиия как-то поссорился со своим сводным братом Тутапу из-за раздела плодов хлебного дерева и других запасов, оставленных их отцом, главным вождем Поу-вананга. В первых боях Тангиия одерживал победы, но впоследствии потерпел поражение и, преследуемый своим братом, бежал на другие острова. Победителю было присвоено прозвище Тутапу — Безжалостного Преследователя. Изгнанник Тангиия во время своих странствий заплывал на запад, на острова Самоа, Уоллис и Фиджи. Он посетил 'Аваики-те-варанга, который, по мнению Перси Смита, представляет собой один из островов Индонезии. На 'Аваики-те-варанге религиозные церемонии, по преданию, совершались в храме, где Тангиия беседовал со жрецами, обращаясь при их содействии к помощи богов. Жрецы наделили его чудесной силой (мана) и всевозможным добром, в том числе барабанами и трубами из раковин; они научили Тангиия ритуальным танцам и познакомили с различными богами. На обратном пути Тангиия встретил прославленного таитянского мореплавателя 'Иро (Хиро) и предложил сделать его сына вождем части своего народа, потому что родные сыновья Тангиии были убиты Тутапу. 'Иро ответил, что его сын находится на Рапе; в местном предании рассказывается о том, как Тангиия поплыл на Рапануи (остров Пасхи), нашел там юного сына 'Иро и вернулся с ним на Таити.

Тангиие приписывается ряд отважных морских путешествий. Он будто бы совершил плавание из Таити в Индонезию; вернувшись оттуда, Тангиия проплыл до острова Пасхи и обратно.

пока через тысячу лет русские моряки Беллинсгаузен и Лазарев в своем замечательном плавании 1819—1821 гг. не открыли берега антарктического материка.

В общей сложности этот мореплаватель покрыл расстояние, превышающее 20 000 миль. Вполне правдоподобно, что Тангиина проплыл от Таити на запад до Самоа и на восток до Рапы. Но, чтобы преодолеть расстояние до Индонезии в одну сторону и до острова Пасхи в другую, ему пришлось бы заходить в гавани дружественных народов для пополнения запасов пищи и воды; кроме того, необходимо было бы обладать таким знакомством с огромным пространством Тихого океана, какое едва ли было доступно полинезийцу того времени.

Мне кажется, что остров 'Аваики, откуда Тангиина вывез своих богов и ритуальные принадлежности, в действительности находился не в далекой Индонезии, а был островом Ра'иатеа, расположенным в центральной части Тихого океана. Зачем было плыть за богами в Индонезию, если они обосновались на Опоа еще задолго до рождения Тангиина? Очень возможно также, что 'Ити, где Тангиина повстречал 'Иро, не имеет никакого отношения к Фиджи, а представляет собой древнее название Таити. Вероятно, Тангиина, играя в прятки с Тутапу, плавал вначале по Центральной Полинезии, а затем скрылся на Раротонге.

По преданию, направляясь из Таити на Раротонгу, Тангиина повстречал судно Карики, который плыл из Мануа на восточное Самоа. Преодолев возникшие вначале раздоры, они оба поселились на Раротонге. Тутапу — Безжалостный Преследователь — оправдал свое прозвище. Он последовал за Тангиина на Раротонгу, где и был убит во время боя.

В те времена в различных местностях острова сооружались храмы (марае); в том числе и храм Тапутапу-атеа, названный так в честь главного храма на Опоа. Кроме храмов, появились дворы почета, где на каменных сиденьях восседали верховные вожди и жрецы. Самым знаменитым среди этих дворов был Араите-тонга. Там находился Таумакева, высокий каменный столб, на котором совершался посвятительный обряд.

Заселялись новые области, племена разрастались, племенные вожди (метаиапо) и верховные вожди (арики) стали править уже целыми группами островов. Тангиина был родоначальником династии верховных вождей Паарики, живших в Нгатангийе и правивших над Такитуму. Карики был арики[1] более низкого ранга. От династии верховных вождей Карики и ведется род Макеа. Верховные вожди этой династии жили в Аваруе. Их власть распространялась на Ау-о-Тонга. Один из первых Макеа был изгнан с острова за тираническое правление и скрылся на Арораги, где он был признан как арики, а его потомки получили титул Тиномана.

Произошло разделение власти, присвоенной Макеа. Она стала осуществляться двумя родами: Макеа Тинирау и Макеа Карика.

Арики (ари'и, алии и т. п.)—распространенный по всей Полинезии титул вождей или лиц высшего сословия.

Расстояние между Раротонгой и Таити составляет примерно около 700 миль, следовательно, острова Кука были легко достижимы с 'Аваики.

Прославленные предки-мореплаватели высаживались на различных островах, где они воздвигали марае и совершали благодарственные обряды в честь богов. Чтобы организовать хозяйство на новой родине, они привозили с собой разнообразные съедобные культурные растения и животных. На Раротонгу, Атиу, Мауке и Митиаро были завезены свиньи. Символическое изображение свиньи на этих островах означало принадлежность к светской и жреческой знати.

Мифы, религия и социальная организация на архипелаге Кука тесно связаны с культурой старой родины 'Аваики в Центральной Полинезии. Хотя в преданиях островов Кука замечаются отклонения, пропуски и добавления по сравнению с преданиями 'Аваики основа их остается неизменной. В материальной культуре также наблюдается много общих черт: формы деревянных чаш, каменных тесел с рукоятками и способами скрепления. Что касается оружия и изображений богов, то на островах Кука наблюдается крайнее разнообразие. На каждом острове выработалась своя особая манера резьбы по дереву и различные мотивы орнамента. Обрядовые тесла, рукоятки которых украшались резным орнаментом в виде буквы К, ошибочно считают особенностью культуры всего архипелага Кука; на самом деле они распространены исключительно на Мангайе. Хотя полинезийский художник был связан в известной мере религиозными и общественными традициями, однако, повинуясь вдохновению, он работал над своим произведением до тех пор, пока сам не приходил к заключению, что оно действительно хорошо исполнено.

Глава X

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ АТОЛЛЫ

Море бурлит,
Море убегает,
Вот показывается земля,
И Мауи вступает на нее.

(*Песня с Ракаханги*)

КОГДА самые древние мореходы Тихого океана совершали свое длинное плавание с островов Гильберта на острова Общества, они встретили на своем пути архипелаг Феникса. Еще до наших дней остатки храмов из кораллового известняка свидетельствуют о давних поселениях. Далее на юго-восток расположены обитаемые атоллы Манихики, Ракаханга и Тонгарева (Пенрин). Эти маленькие низменные острова, по-видимому, не привлекали к себе древних поселенцев, которые лишь на время занимали их. Мореходы лелеяли мечты о лучших землях, что лежали впереди. Однако, когда численность населения Центральной Полинезии настолько выросла, что пришлось вновь искать необитаемые земли, на эти атоллы вторично прибыли люди с Раротонги и Таити. Только на Тонгареве еще сохранилась легенда о древнем заселении острова до появления таитянских мореплавателей.

В 1929 г. я посетил Манихики и Ракахангу вместе с судьей Эйсоном, постоянным комиссаром на архипелаге Кука, и его сотрудниками. Мы отплыли от Раротонги на шхуне «Тиаре Топоро» под умелым управлением капитана Виго Расмуссена. На Ракаханге судья Эйсон провел заседание суда, с целью выяснить генеалогии различных семейств и их предков. Это должно было послужить основанием при разборе претензий на землю, которые могли со временем возникнуть. Воспользовавшись любезностью суда, я присутствовал на заседаниях и составил полную систему местных генеалогий.

Как Манихики, так и Ракаханга представляют собой маленькие атоллы, в основании которых лежат коралловые рифы, окаймляющие внутренние лагуны. Ни на одном из атоллов не имеется

прохода через риф, доступного для судна. Чтобы произвести разгрузку, шхуна приближается к рифу насколько это возможно, а лодки с балансирами перевозят на берег пассажиров и грузы. Старый тип ладьи исчез; современные лодки делаются из привозного распиленного леса. Хотя им стали придавать плоскодонную форму с острым носом и кормой, балансир все-таки сохранился. Туземцы подгребают вплотную к рифу и терпеливо ждут, пока набежит достаточно высокая волна. Тогда они начинают ожесточенно грести. Волна поднимает лодку над верхним краем рифа, и, если глубина достаточна, лодка переносится через риф во внутреннюю лагуну. Если волна недостаточно велика, лодка садится на риф, а команда вылезает и придерживает суденышко, чтобы его не унесло обратно убегающей волной. Когда вода убывает, с отвесного внешнего края рифа видна зияющая и бурлящая внизу пропасть. Рассказы о смельчаках, которых морские волны навеки погребли в коралловых пещерах, разумеется, не способствуют успокоению вновь прибывших путешественников.

На этих атоллах, поднимающихся над уровнем моря всего на 10—20 футов, не было ни съедобных растений, ни животных, ни сырья, которыми изобилуют вулканические острова Центральной Полинезии. Тем с бóльшим уважением должны мы отнестись к древним поселенцам, которые прибыли сюда с цветущих, возделанных земель Таити и Раротонги. Обосновавшись на этих негостеприимных островах, они скоро приспособились к неблагоприятной среде. На коралловых атоллах нет ни хлебного дерева, ни бананов, ни пизангов, ни сладкого картофеля, ни ямса, ни арроурута, а также не разводятся домашние животные. Только кокосовые пальмы пышно разрослись здесь и стали основным источником растительной пищи. В глубоких расщелинах и широких искусственных рвах, заполняющихся солоноватой подпочвенной водой, выращивается пурака — разновидность таро. На коралловых островах широко употребляются в пищу плоды панданса, которыми на вулканических островах обычно пренебрегают. Едят здесь также плоды нони (Morinda citrifolia), но они издают сильный и неприятный запах и могут показаться съедобными только во время сильного голода. На атоллах не растут также дикий хибискус и разновидности крапивы, которые на всех других островах служат сырьем для снастей. Лески и сети изготовляются из волокнистой коры пальмового ствола, а обычные веревки — из главной жилки листа кокосовой пальмы.

Однажды, когда я еще начинал знакомиться с местными условиями жизни, мне довелось наблюдать, как молодой человек забрался на кокосовую пальму, чтобы сорвать несколько орехов и выпить их содержимое. Он срезал лист молодой кокосовой пальмы и вырезал несколько жгутов из средней жилки. Затем, чтобы размягчить жгуты, он похлестал ими по стволу дерева и даже пожевал их. Связав концы прямым узлом, юноша прикрепил петлю к ноге и быстро влез на дерево.

Высокого строевого леса на этих островах было очень мало, и до того как сюда стали завозить распиленные доски для постройки лодок, использовали только два вида деревьев. Чтобы избежать потери древесины при выдалбливании челноков, местные жители раскалывали деревья на доски. Как уже упоминалось выше, из-за отсутствия базальта инструмент здесь изготовляли из раковин тридакны.

Для выделки одежды служили листья кокосовой пальмы или переплетенные листья панданyса, потому что на атоллах нет бумажной шелковицы, которая в остальной Полинезии дает сырье для лубяной одежды. Здесь не хватает даже дров: чтобы приготовить пищу на костре, собирали скорлупу кокосовых орехов, а также сухие цветы и кору все той же кокосовой пальмы.

Только в одном отношении природа оказалась благосклонной: рыба изобилует здесь как в лагуне, так и в открытом океане. В океане водится множество летающей рыбы и бонитов; в лагунах — неистощимый запас ракообразных, моллюсков и устриц-жемчужниц. Однако последних ели лишь при очень затруднительных обстоятельствах. Съестные припасы пополнялись бесчисленным количеством лангустов, а также наземных и кокосовых крабов.

На Ракаханге мне довелось принять участие в охоте на кокосовых крабов. Когда наши хозяева заметили, что мне понравилась та часть краба, которую чужестранцы обычно находят слишком жирной, — они сняли табу с ловли крабов на одном из островов. Мы охотились на них ночью с факелами из пучка сухих листьев кокосовой пальмы. С наступлением темноты крабы вылезают из своих щелей и расползаются во все стороны; некоторые из них забираются даже на стволы деревьев. Кокосовые крабы — противные жирные твари пурпурно-синего цвета. Своими громадными клешнями они могут начисто отхватить палец, если вовремя не остережешься. Местные жители ловко хватают крабов и связывают их жгутами из жилок кокосовых листьев таким образом, что клешни не могут раздвинуться для нападения.

Мы ловили рыбу за пределами лагуны также при свете факелов. Рыба собирается на свет, и ее бьют копьями или полосовым железом. В мелких местах морских раков давят ногой, затем хватают руками и переворачивают вверх брюхом, чтобы избежать ударов их сильных хвостов; улов собирают в привязанную к поясу корзинку.

Ночью же мы вышли на лодках во внутреннюю лагуну рыбачить при свете факелов.

На носу лодки стоял опытный рыбак. Он держал сачок с длинной рукояткой, а другой рыбак с факелом стоял позади него. Где бы ни появлялась рыба: на поверхности ли, глубоко внизу, справа или слева от лодки, — сачок опускался в воду и всегда вытаскивал добычу. Все движения были точны и уве-

ренны. Понятно, что такая высокая ступень мастерства возникла из необходимости наиболее полно использовать все возможности, которые предоставляла здесь неблагоприятная природа.

Выше уже приводилась легенда о том, как Мауи выудил землю и как во время битвы с Хуку он наступил на нее и отделил Манихики от Ракаханги. Первым человеком на Ракаханге, по преданию, был Тоа — вождь, потерпевший поражение на Раротонге. Оттуда он прибыл примерно в середине XIV в.

Этого Тоа, судя по преданию, мало занимали жреческие обряды, и, высадившись на острове, он не воздвиг обычного храма, чтобы отблагодарить богов, которые помогли ему благополучно добраться до берега. С ним приехали только члены его семьи, и, чтобы обеспечить мужское потомство и продолжение человеческого рода на острове, он вступил в кровосмесительную связь со своими дочерьми.

Спустя полтораста лет Тангихоро и Нгаро-пурухи отправились с Ракаханги в плавание к чужим землям. Нгаро-пурухи привез оттуда домой двух похищенных богов — Те Пуа-ренга и Те Уру-ренга. Он построил один храм на острове Манихики для поклонения Те Пуа-ренга, а другой — на Ракаханге, в честь Те Уру-ренга; считается, что это были два первых храма на атоллах. Нгаро-пурухи, по-видимому, познакомился со своими богами у второстепенных таитянских жрецов; если бы он побывал в Опоа, то вернулся бы с более богатыми ритуальными принадлежностями и с более сложной мифологией.

Здесь не знакомы с главными богами и героями островов Кука. Однако Тангароа все же известен здесь в качестве хранителя огня в подземном царстве. По преданию, Мауи, внук Тангароа, победил своего деда в рукопашной схватке и узнал тайну огня. В местном варианте легенды рассказывается о том, как Мауи старался добыть огонь при помощи трения. Две ручные морские птицы, принадлежавшие Тангароа, якобы сидели на нижнем куске дерева, который благодаря этому оставался неподвижным, пока Мауи двигал верхнюю палку взад и вперед по желобу. Когда работа была закончена, неблагодарный Мауи, верный своей коварной натуре, ударил обуглившимся концом палки по головам обеих птиц. С тех пор все семейство этих птиц носит на головах черные метки.

Через несколько поколений потомки Тоа образовали две группы, причем во главе каждой стоял вождь — арики. Одного из них звали Уаинга-аиту, другого — Уака-хео. Эти имена не встречаются ни в одном из преданий остальной Полинезии.

С течением времени жители Ракаханги стали посещать остров Манихики и посадили там кокосовые пальмы; установились периодические ежегодные переселения жителей с одного атолла на другой. Через год поочередно на каждом из островов кокосовые пальмы оставались неиспользованными, земля лежала под паром, а крабы и рыбы жили в полной безопасности. У предводи-

теля Уака-хео была якобы чудесная власть над стихиями, и, сидя в своей быстрой двойной лодке, он руководил всей флотилией во время переселений с острова на остров. Несмотря на это, все же иногда случались несчастья, когда во время 25-мильного переезда неожиданно разыгрывался шторм. Уже после того как в 1849 г. здесь обосновались миссионеры, во время одного урагана погибла масса людей. Чтобы прекратить ежегодные миграции, миссионеры убедили жителей разделиться на две группы и создать постоянные поселения на обоих атоллах.

Хотя центральнополинезийская мифология выступает на Манихики и Ракаханге в сокращенном виде (природа атоллов вообще многое ограничила), все же в основном культура населяющих их племен родственна культуре Центральной Полинезии. В диалекте островов звук «wh» вытесняет таитянское «f», и он больше напоминает диалект Новой Зеландии, чем архипелагов Кука и Общества. В основе лунного календаря, где каждая ночь месяца имеет особое название, лежит центральнополинезийский образец. Названия почти всех ночей совпадают с установившимися на Раротонге и Таити.

Остров Тонгарева расположен на 9° южной широты и на 157°10′ западной долготы. Это самый большой и самый северный из атоллов, находящихся в ведении администрации архипелага Кука. Он состоит из рифа, образующего отдельные маленькие островки, рассеянные по рифу на 40 миль в окружности. Внутри кольца заключена лагуна площадью в 108 квадратных миль. В отличие от Ракаханги и Манихики на Тонгареве есть три пролива через риф, по которым проходят в лагуну небольшие суда. Ширина самого большого западного пролива — 40 ярдов, при глубине 21 фут. Благодаря этим проходам во внутреннюю защищенную лагуну Тонгарева служит портом-убежищем для торговых шхун архипелага Кука в период ураганов, который тянется с ноября по апрель.

«Тиаре Тапоро» проделала прекрасную прогулку и подошла к Тонгареве сквозь западный пролив в рифе. Судно подошло к пристани у главной деревни Омока. Местное население, которое знало о нашем приезде, собралось на набережной перед навесом. Впереди стоял Па, самый старый туземец. Как только мы ступили на берег, Па поднял руку и жестом попросил нас остановиться. Он произнес заклинание, чтобы умиротворить незримые силы земли и снять табу с чужестранцев. Потом приблизился и сказал: «По древнему обычаю Тонгаревы, я не мог подойти к тебе и ты не мог подойти ко мне, пока обряд не был выполнен».

Мы пожали друг другу руки и обменялись приветствиями, каждый на своем диалекте. Хотя мы и не поняли друг друга дословно, но уловили, что каждый из нас выразил другому доброжелательные чувства. Остальные жители также подошли к нам, и, обменявшись с ними рукопожатиями, мы переступили порог тонгаревского общества.

На следующий день после нашего приезда судья Эйсон провел судебное заседание с целью выяснить генеалогии туземцев. Мне довелось слышать, как один из наиболее влиятельных вождей Омоки — Тупоу Исаиа рассказывал свою родословную, которой предшествовало вступление. Привожу отрывок из его вступительной песни:

Родословная ведет в прошлое,
В прошлое, под небо наших предков.
Происхождение восходит к прошлому,
К прошлому, к роду Атеа.
Надежно свяжи нить своих знаний,
Пусть связь будет прочной,
Пусть узел будет крепким,
Пусть нить не развязывается.
Родословная ведется от далеких времен,
От семейства Ики,
От детей Атеа и Хакахоту

Хотя мифология Тонгаревы сохранилась не во всех подробностях, из этой песни все же удается установить тот важный факт, что и здесь Атеа и Хакахоту считались первыми создателями вселенной. Хакахоту — это местный вариант таитянской богини Фа'ахоту, которая оспаривает у Папы роль первоначального женского элемента. С Хакахоту связано представление о развитии мира из кораллового отростка. Поэтому вполне естественно, что ее предпочли здесь Папе, которая выражает представление о созидании большой земли. Хакахоту характерна для мифологии коралловых атоллов, а Папа — для легенд вулканических островов.

Согласно тонгаревской мифологии, союзу Атеа и Хакахоту обязаны своим появлением на свет 11 отпрысков. Среди них фигурируют Тане, Тангароа и Ронгонуи — главные боги островов Общества и Кука, которые заимствованы из теологии Центральной Полинезии. Остальные божества местного происхождения. Главный среди них — Те Пороуранги, от которого ведет свое начало человеческий род.

Среди прославленных предков тонгаревцев числится мореплаватель Махута. По преданию, он жил ранее на Ракаханге, но из-за семейных неурядиц отправился на Таити, где женился на дочери туземного вождя по имени Ту-те-коропанга. Другого предка, мореплавателя Таруиа, считают тем самым вождем с острова Аитутаки, которого некогда обманул Руатапу. Таруиа высадился на острове Токерау, где воздвиг марае и оставил на постоянное жительство сына Титиа с несколькими спутниками. Сам он поплыл на Таити, где повстречал Махуту и указал ему, как добраться до Тонгаревы. Для путешествия на Тонгареву Махута снарядил большую ладью «Ваимеа». Судно было якобы настолько велико, что, когда оно проплывало через западный пролив, достигающий 40 ярдов в ширину, балансир ударился о большую скалу, которая возвышалась на берегу. Более ве-

роятно, что причиной аварии был ветер или течение. Махута считается потомком Ики, о котором упоминалось во вступительной песне к генеалогии вождя. Этому предку приписывается разведение на острове кокосовой пальмы и пандануса.

Первые поселенцы, якобы происшедшие от Атеа и Хакахоту, так долго жили на восточных островках атолла, что позднейшие мореплаватели считали их появление здесь одновременным с возникновением самих островов. И то и другое они отнесли ко временам Атеа. По преданию, Махута вступил в дружественные отношения с древними поселенцами и выдал свою дочь Покироа за их вождя Пуруа. От времен Махуты и Таруии до 1900 г. нашей эры генеалогии насчитывают 18 поколений. Таким образом, вторичное заселение этого острова с Таити произошло в середине XV в. По генеалогиям архипелага Кука Руатапу, современник Таруии, жил на столетие раньше. Возможно, однако, что из-за трудности запоминания генеалогии острова Тонгаревы были сокращены. Короткие родословные свидетельствуют о том, что генеалогии не играли большой роли до тех пор, пока не началось расслоение общества и вожди не испытали потребности укрепить свое положение при помощи длинных родословных, доказывающих их происхождение от богов.

Итак, по преданиям, потомки Атеа и мореплавателей Махуты и Таруии заселили несколько атоллов; здесь образовалось три различных центра развития культуры и последующего расселения. По мере того как увеличивалось население, полинезийцы заселяли все годные для обитания острова. Большой остров, где расположена Омока, начал заселяться с двух противоположных концов независимыми группами, которые продвигались навстречу друг другу. Когда они сошлись на середине острова, между двумя округами — Омока и Моту-кохити — была установлена пограничная линия. Каждая округа возглавлялась вождем, и они часто воевали между собой. Плавая по лагуне, я заметил в роще кокосовых пальм широкую просеку и удивился, почему здесь понапрасну пропадает много земли. Мне объяснили, что эта широкая вырубка существовала в течение многих поколений и служила границей между округами. Когда одна из сторон пыталась засадить часть просеки кокосовыми пальмами, жители другой округи немедленно вырывали деревья. Дальнейшие попытки истолковывались уже как основание для начала войны и влекли за собой враждебные действия. Ни одной округе не удалось полностью покорить другую, и поэтому остров не имеет единого названия. Да и к чему было единое название для острова, состоящего из двух, никогда не объединявшихся округ?

Чтобы сторожить кокосовые орехи, местные жители обитали на своих участках, разбросанных по многочисленным островкам. После того как в 1854 г. население было обращено в христианство, оно стало группироваться в поселках вокруг церквей, выстроенных на четырех островах. В 1864 г. бесчеловечные перуан-

ские работорговцы внезапно напали на этот атолл. Местные пастыри помогли работорговцам уговорить жителей отправиться за море, чтобы заработать там деньги и воздвигнуть лучшие церкви во славу божью. Не менее 1000 туземцев бросили свои очаги и погибли на чужбине. Население настолько сократилось, что две деревни совсем обезлюдели, а оставшиеся жители разместились в деревнях — Омока и Таутуа.

Ко времени моего посещения архитектура жилищ деревни Омока не представляла исторического интереса. Все дома были выстроены из досок, укрепленных на столбах, и крыты гофрированным железом. Все мои сведения о постройке домов в прежние времена я почерпнул исключительно из устных рассказов. Заинтересовавшись типом судов, я обнаружил, что старые лодки были совершенно вытеснены парусниками, сделанными из ввозного строевого леса.

«Не сохранилось ли у вас старого корпуса или какой-нибудь части лодки, которую я бы мог посмотреть?» — спросил я у своего хозяина.

«Нет, — ответил он, — после того как появились парусники, старые лодки стали разбирать на столбы для новых домов. Столбы вот этого дома были сделаны из старой лодки».

Весь остаток дня я провел вместе с Па под крышей этого дома. Па распространялся о каждом столбе, опознавая в нем часть киля или доску из корпуса лодки. Я слушал его с рулеткой и записной книжкой в руках и был рад даже тем крохам сведений, добыть которые мне удалось. Не считая зарисовок, сделанных художником Хорисом во время экспедиции Коцебу в 1815 г.[1], эти столбы являются единственным материальным свидетельством о старинных ладьях Тонгаревы.

Значительную часть времени, проведенного на Тонгареве, я посвятил археологическому изучению храмов — марае. На различных островах было расположено 24 марае, названия которых жители еще помнили. Из базы на Омока я объездил все окрестности атолла.

Марае представляли собой прямоугольные площадки длиной от 70 до 110 футов и шириной от 60 до 100 футов. На некотором расстоянии друг от друга вдоль четырех ее сторон воздвигались прямоугольные столбы из кораллового известняка. Чтобы оградить прямоугольную площадку, пространство между столбами заполняли оградой из небольших глыб коралла высотой до 10 дюймов. В большинстве случаев марае располагались невдалеке от побережья на обращенной к морю части острова. К морю выходила задняя часть марае с самыми высокими столбами. Внутри площадки невдалеке от задней стенки возвышалась платформа,

[1] Хорис Логгин Андреевич (1795—1828)—русский художник, участник плавания на корабле «Рюрик» под командой О. Е. Коцебу (1815—1818). Сделанные им на островах Океании зарисовки отличаются оригинальностью и реализмом.

сложенная из известняковых плит, которые ставились на ребро и образовывали прямоугольную ограду высотой около 2 футов. Внутреннее пространство заполняли кусками коралла. Земля на площадке была усыпана коралловым гравием.

Помимо марае, на некоторых островах мы видели многочисленные развалины домов. Основание дома обычно ограничивал низкий барьер из плит кораллового известняка, поставленных на ребро, чтобы предохранить от распыления измельченный коралловый гравий, которым засыпали пол. Коралловый известняк, применявшийся для оград домов и столбов в марае, напоминал по своему виду искусственный материал. Это вызвало к жизни теории об угасшей древней цивилизации, носителям которой был известен цемент. Если бы авторы этих ошибочных высказываний взглянули на берега островов, окруженных коралловыми рифами, они увидели бы естественные напластования кораллового известняка, из которого полинезийцы высекали свои плиты.

Исследуя различные атоллы, я добрался до маленького островка Те Кази конусообразной формы, с впадиной посередине. Поверхность углубления пересечена тропинками, выложенными большими плоскими камнями; некоторые тропинки выходят за пределы впадины и спускаются вниз к воде. Здесь встречаются также небольшие прямоугольные площадки, выложенные коралловым гравием, который заметно отличается от острых ветвистых кораллов, намытых на берег во время штормов. Торговец Ламонт, потерпевший крушение у Тонгаревы в 1853 г., увидел эту впадину с расходящимися от нее тропинками и написал позднее, что это место служило, вероятно, для отправления каких-то особых таинственных культов.

Однако мой спутник Тупоу Исаиа дал мне простое и правильное объяснение происхождения этой впадины.

«Те Кази был когда-то важной стоянкой для рыболовных лодок. Вы видите по самому положению острова, что здесь можно ловить рыбу в море, проливе и лагуне. Для защиты от солнца рыбаки приносили с собой листья кокосовых пальм. Прежде чем прилечь отдохнуть, они рассыпали по земле коралловый гравий, чтобы их сон не тревожили острые углы ветвистых кораллов. Так как передвигаться по острым выступам было очень трудно, рыбакам пришлось также выложить тропинки плоскими коралловыми плитами. Вы видите, что тропинки от края впадины ведут к морю, северо-западному проливу и лагуне. Рыбаки проложили удобные тропинки ко всем тем местам, где в различное время в зависимости от ветра и прилива было больше рыбы. Дорожки протянулись также и в четвертом направлении — к соседнему острову, куда рыбаки могли пройти к своим временным жилищам, находившимся в защищенной от ветров впадине».

«Благодарю вас, — сказал я, — все это очень просто, правдоподобно и опровергает предположение о происходивших якобы здесь отправлениях особых культов».

Здесь я обнаружил, что часть жителей помнила меня как доктора со времени моего прошлого пребывания на Раротонге, когда я помогал постоянному врачу. Поэтому по утрам, прежде чем приступить к своим обычным этнологическим занятиям, я принимал процессии больных.

День отъезда с островка Те Кази настал очень быстро. Жители деревни Таутуа, расположенной на другом берегу лагуны, пригласили меня навестить их перед отъездом. Население собралось перед домом вождя.

На веранде стоял стол. На него положили оловянную тарелку. Воздев руки, вождь закричал так, чтобы все могли его слышать: «Вот две жемчужины, великолепные по форме и по цвету. Каждая из них стоит по крайней мере пять фунтов». Он положил жемчужины на тарелку и начал перекатывать их во все стороны. На лице его было написано неподдельное восхищение.

«А теперь,— сказал вождь,— проявите уважение к своему сородичу и благодарность врачу. Наполните это блюдо ровно катающимися жемчужинами».

Толпа подалась вперед. Все развязывали уголки носовых платков или открывали спичечные коробки. Они выкладывали свои дары на оловянную тарелку, а вождь бегло подвергал их критическому осмотру. Некоторые из них просили прощения за бедность своих приношений, объясняя это тем, что им не везет. Я чувствовал себя скверно, но условности тонгаревского гостеприимства связывали меня по рукам и ногам.

В деревне Омока жители подходили ко мне поодиночке и вносили свою долю в мои жемчужные запасы.

Па сказал мне: «Эти жемчужины не так хороши, как я хотел бы, но я теперь уже слишком стар, чтобы нырять».

Я с благодарностью пожал ему руку и отвечал: «Вы одарили меня жемчужинами из глубины своей мудрости. Они намного превосходят любые жемчужины, которые можно добыть из глубины моря».

На прощание мы потерлись носами с Па и Ма. Их морщинистые добрые лица были только как бы связующим звеном со старым миром, который уступал место новому. На корабль нас сопровождала лодка, нагруженная зелеными кокосовыми орехами. «Чтобы было что пить в дороге»,—говорили провожающие.

Когда мы миновали западный пролив, я махнул на прощание рукой большой скале, возвышавшейся над рифом. Эта скала как страж стояла над островом; это она отломила когда-то балансир у большой ладьи предка Махуты.

Хотя жители Тонгаревы не так искусны в ремесле, как их южные соседи, но по натуре они так же честны и добродушны. Жемчужное ожерелье, которое носит моя жена, я высоко ценю как знак внимания моих родственников с отдаленного острова, что стоит на древнем пути, ведущем в сердце Полинезии.

Глава XI

СЕВЕРНЫЕ ЭКВАТОРИАЛЬНЫЕ ОСТРОВА

Поплывем, но куда же нам плыть?
Поплывем на север, под Пояс Ориона.

(*Таитянское предание*)

РАССТОЯНИЕ между центром и северным углом Полинезийского треугольника достигает 2400 миль. На этом северном направлении расположено, как показывает современная карта, множество небольших островов. Если бы полинезийские мореплаватели плыли прямо на север, то эти острова служили бы им удобными стоянками вдоль всего пути. Брус Картрайт высказывает предположение, что полинезийцы, эти естествоиспытатели, практически могли в своих плаваниях следовать за полетом золотых ржанок, материковых птиц, зимой переселяющихся с Аляски на юг, а летом возвращающихся обратно, на земли северных морей. Не знаю, позволяли ли господствующие ветры ладьям полинезийских мореплавателей следовать без отклонений по маршруту птиц, но известно, что они все же достигли Гавайских островов в северном углу треугольника, где образовались постоянные поселения. Известно также, что полинезийцы открыли острова, лежавшие на их пути. Хотя древние мореплаватели там и не задерживались, они посадили на этих островах кокосовые пальмы и соорудили долговечные памятники из коралловых глыб, оставшиеся единственными свидетельствами полинезийских открытий и временных поселений.

Вдоль северного пути вытянулись острова: Рождества, Фаннинга, Вашингтона и Пальмира. Они расположены к северу от экватора, по направлению с юго-востока на северо-запад. В длину они покрывают пространство примерно в 400 морских миль. Самый северный — остров Пальмира — находится на расстоянии 1000 морских миль от Гавайских островов. Фаннинг в настоящее время приобрел значение как промежуточная станция кабеля. Остров Рождества, площадь которого достигает 300 000 акров,

считается самым большим атоллом. Южнее экватора на 250 миль к юго-западу от острова Рождества расположен остров Джарвиса, который, хотя и не является атоллом, также характеризуется очень скудной природой. Далее к югу находятся острова Молден и Старбак. Не очень далеко на юго-запад от Старбака расположен остров Тонгарева. Мы уже упоминали об этом самом северном атолле северо-западной группы.

Острова, расположенные с северу и к югу от экватора, раньше носили собирательное название островов Лайн, но в последние годы их стали обозначать, как Экваториальные острова. К ним причислены также острова Хауленд и Бейкер, расположенные дальше на запад. На Хауленде растет дерево коу и имеется ров, возможно, вырытый полинезийцами, чтобы выращивать в нем таро. Однако, вероятнее всего, острова Хауленд и Бейкер не были заселены полинезийцами при их миграциях на северо-запад, теперь же они получили практическое значение для Соединенных Штатов как авиационные базы на Тихом океане. Соединенные Штаты недавно отправили колонистов на Хауленд и Бейкер, чтобы укрепиться там. Среди поселенцев находились молодые гавайцы из мужской школы имени Камехамеха в Гонолулу. Любопытно, что современные полинезийцы стали пионерами в деле вторичного освоения атоллов Тихого океана, бесспорно некогда открытых их же отдаленными предками[1].

Когда европейские суда впервые посетили Экваториальные острова, они были безлюдны. Нет ни мифов, ни преданий, которые могли бы связать их с другими этапами великого полинезийского пути. Таким образом, короткую историю этих островов можно воспроизвести только по материальным памятникам пребывания человека. Яркими следами прошлой жизни на этих необитаемых в настоящее время островах являются кокосовые пальмы и коралловые храмы, воздвигнутые высадившимися полинезийскими мореходами во славу своих богов. На всех Экваториальных островах, за исключением островов Хауленд, Бейкер и Джарвис, найдены один или оба этих следа.

В 1798 г. капитан Фаннинг обнаружил кокосовые пальмы на Вашингтоновых и Фаннинговых островах, а в 1777 г. капитан Кук — на островах Рождества. Оба капитана провели на берегу так мало времени, что не заметили древних развалин, и заключили отсюда, что эти острова всегда были необитаемы. Современные ботаники, однако, придерживаются того мнения, что кокосовая пальма не эндемична для атолловых островов и что, вероятно, ее семена занесены сюда древними полинезийскими мореплавателями. Полинезийцы, которые на какой-то период задержались на северных атоллах, приспособились к новой для

[1] Автор, к сожалению, не решается назвать вещи своими именами и скромно называет «любопытным» тот факт, что гавайские юноши, потомки смелых мореплавателей, ныне помогают американцам захватывать острова Океании.

них среде и использовали все местные возможности, подобно современным тонгаревцам.

Мы никогда не узнаем, как были открыты эти атоллы. Быть может, мореплаватели наткнулись на них во время далеких экспедиций на север, следуя за полетом золотых ржанок, или их ладьи были занесены сюда в бурную погоду ветрами и течениями; возможно, полинезийцы посетили эти острова, переселяясь с одного кораллового архипелага на другой или занимаясь охотой на черепах и ловом рыбы. И в наши дни рыболовы посещают необитаемые острова архипелага Туамоту для ловли черепах, которые считаются большим лакомством. Черепахи в изобилии водятся близ коралловых островов, где нет постоянных поселений.

Древние пришельцы устроились на атоллах настолько удобно, насколько это позволяли условия. Кроме пищи, человек нуждается прежде всего в воде и укрытии. Пищу с избытком поставляли море и лагуны. Водоснабжение не было для древних полинезийцев таким важным вопросом, как для современных европейцев. Западная цивилизация с ее улучшенными санитарными условиями и более утонченным образом жизни требует все больше и больше воды. Вода нужна европейцу для мытья пищи, платья и тела. Ему необходима вода, чтобы приготовить себе еду, и для питья как в чистом виде, так и в виде различных напитков. Вода нужна, чтобы поливать сады и посевы, чтобы устроить канализацию, чтобы мыть улицы. Вода необходима в различных производственных процессах и во множестве других областей, не известных предкам полинезийцев. Поэтому, когда европеец посещает атолл без рек и ручьев, он склонен считать его непригодным для жизни из-за недостатка воды.

После того как я побывал на атоллах и познакомился с повседневной жизнью их коренных обитателей, я, к удивлению своему, обнаружил, что в древности вода не была жизненной необходимостью, как я полагал ранее. Жители коралловых островов мыли рыбу и крабов в морской воде, а кокосовые орехи и плоды панданса совсем не мыли. Когда их несложная одежда загрязнялась, полинезийцы заменяли ее новой. Сами они ежедневно купались в море. На вулканических островах, где очень много ручьев и ключей, жители мылись пресной водой после купанья в море, У верховного вождя обычно был небольшой пруд с пресной водой, предназначенный только для него. О таких прудах упоминалось при перечислении личной собственности вождя. Говорят, что пресная вода уничтожает зуд, вызываемый соленой водой. Однако жители атоллов столько времени проводят в соленой воде, что их кожа, очевидно, привыкает к ней. Когда случаются дожди, туземцы пользуются этим естественным душем. Древние жители иногда вырывали своими черпаками ямы на морском берегу в тех местах, где просачивается пресная вода. Так они заготовляли воду для купанья.

Для приготовления пищи в земляных печах на раскаленных кораллах или раковинах не требовалось воды, а для утоления жажды служило молоко кокосовых орехов. В течение всего пребывания нашей экспедиции на атоллах Ракаханга и Тонгарева мы располагали неистощимыми запасами кокосовых орехов. Они служили нам для утоления жажды, и в этом отношении значительно превосходили тепловатую воду. Если человек просит там «ваи», то есть воды, ему обычно приносят кокосовый орех.

Тем не менее и на атоллах с пышными зарослями кокосовых пальм вода все же была необходима. Чтобы добыть ее, вырывали неглубокие колодцы. Даже если вода в нижних слоях была солоновата, она годилась для питья тем, кто привык к ней. Уже в эпоху европейской колонизации полинезийские рабочие на острове Молден предпочитали колодезную воду дождевой, накопленной в баках. Колодезной воде они приписывали целебные свойства. На этом острове множество мелких колодцев ограждено плитами из кораллового известняка; на дне их были найдены скорлупы орехов, которые использовались в качестве черпаков.

Древние обитатели атоллов при постройке домов вырубали столбы из местных пород деревьев. Кровли они покрывали листьями панданyса или кокосовой пальмы там, где эти пальмы выращивались. Чтобы в доме была ровная поверхность для спанья, пол покрывался слоем кораллового гравия, обкатанного на берегу набегающими волнами. Предохраняя гравий от разбрасывания, туземцы окружали дома низким прямоугольным барьером из плоских коралловых плит или небольших кусков кораллового известняка высотой от 6 до 10 дюймов. Когда временные поселенцы уплывали с острова, каркасы и крыши домов разрушались, а прямоугольный барьер, врытый ребром в землю, сохранился и остался в качестве постоянного свидетельства о древних поселениях.

На Вашингтоновых островах коралловая ограда не имеет определенной формы; что же касается островов Фаннинга, Рождества и Молдена, то барьеры там характеризуются прямоугольной формой. На островах Фаннинга встречается ступенчатая форма внутренней стороны некоторых барьеров из кораллового известняка, а на других обнаружены украшения в виде орнаментальных выступов, которые возвышаются на несколько дюймов над общим уровнем барьера. Два угловых камня имеют форму в виде буквы Г; эта форма встречается еще только на островах Тонга. В своем исследовании по археологии Экваториальных островов Эмори правильно, как мне кажется, приходит к заключению, что строители этих сооружений на острове Фаннинга переселились сюда с островов Тонга.

Поскольку из родословных островов Тонга можно установить, что подобные барьеры строились в XVI в., очевидно, сооружения Фаннинговых островов нельзя относить к более раннему

времени. О том, что это развалины сооружений, некогда поставленных выходцами с Тонга, свидетельствуют также крючки для ловли бонитов, найденные в древнем могильнике. Полинезийские крючки для ловли бонитов с помощью блесны состоят из двух частей: осколка жемчужной раковины, похожего на маленькую рыбку, и выгнутого куска с наконечником, которым поддевают рыбу. В различных областях Полинезии распространены свои особые наконечники крючков. Крючки с острова Фаннинга, хранящиеся ныне в музее Бишопа, ближе всего напоминают тонганские. Кроме того, здесь были найдены базальтовые тесла, по форме напоминающие тесла острова Тонга. В одном могильнике на Экваториальных островах были, правда, найдены также зубы бурого дельфина с просверленными в них отверстиями, которые современная этнография связывает с Маркизскими островами; но не следует быть чересчур догматичным в этом вопросе.

Как на острове Рождества, так и на Молдене обнаружены приподнятые прямоугольные платформы со стенами из коралловых плит высотой от 2 до 3,5 фута, заполненные кусками коралла. Платформы острова Молден напоминают марае на Тонгареве и, очевидно, служили также для отправлений религиозного культа.

На островах Фаннинга, Рождества и Молдена встречаются небольшие прямоугольные огороженные площадки длиной примерно в 6 футов и шириной более 3 футов. Их окаймляют плиты кораллового известняка высотой от 1 до 2 футов, внутри которых насыпан слой кораллового гравия. Подобные сооружения воздвигались на Тонгареве и на других атоллах для погребения покойников. Вместо того чтобы своими несовершенными орудиями вырывать ямы в крошащемся коралловом известняке, обитатели атоллов предпочитали устраивать могильники над землей из доступных им известняковых плит и засыпать покойников слоем кораллового гравия. Такое захоронение является примером прекрасного приспособления к местной обстановке.

Полинезийцы оставили и другие следы своего пребывания на этих островах, а именно — орудия труда. По базальтовым теслам, найденным на островах Фаннинга, и одному орудию с острова Рождества можно судить о том, что древние поселенцы прибыли сюда с вулканических островов. Когда они снимались с места, они обычно забирали с собой свои каменные орудия, но некоторые из них либо забывали, либо умышленно оставляли в качестве погребальных жертвоприношений. Переселенцы, которые оставались на атоллах в течение более долгого срока, были вынуждены пользоваться орудиями из раковин тридакны. Такие орудия из раковин были найдены на островах Рождества и Молдена. Эти находки указывают на то, что здесь в течение некоторого времени было постоянное население. На острове Старбак таких археологических находок не обнаружено.

Европейцы впервые посетили остров Молдена в 1825 г., когда британское судно «Блонд» под командованием лорда Байрона возвращалось в Англию с Гавайских островов: оно отвозило на родину тела гавайских короля и королевы, которые скончались в Лондоне от кори. Атолл был назван в честь лейтенанта Молдена, который вместе с естествоиспытателем Блоксамом сходил на берег, чтобы исследовать острова.

Блоксам довольно тщательно описал археологические остатки, однако на основе этих материалов Дампьер сделал неверный набросок храма, изобразив его в виде усеченной пирамиды. Покойный профессор Макмиллан Браун использовал данные Блоксама и зарисовку Дампьера, создавая свою теорию затонувших архипелагов. Он усмотрел родственную связь между простыми строениями на Молдене и пирамидами солнца и луны на перуанском побережье, между мексиканскими теокалли и постройками в Металании на острове Понапе. Считая, что для постройки этих храмов понадобилась бы целая армия строителей, которые не могли постоянно проживать на Молдене, он сделал предположение, будто бы Молден был священным островом обитателей соседнего плодородного архипелага, который ныне якобы погрузился со всем населением на дно моря.

Достоверные сведения об Экваториальных островах были собраны экспедициями на судах «Уиппурвилл» и «Каимилоа», которые в 1925 г. были направлены музеем Бишопа. Эмори измерил строения на острове Молдена, которые впервые увидел Блоксам. Известняковые плиты оказались по своим размерам не больше плит храма в Тонгареве. Любое сооружение острова Молдена легко могло быть воздвигнуто 50 рабочими. Ведущие к морю «вымощенные дороги», упомянутые Брауном, были, конечно, тропинками рыбаков, аналогичными тонгаревским, и не имели никакого ритуального значения. Я уже упоминал однажды о том, что условия жизни на атолловых островах были весьма примитивны. Эмори утверждает, что в 1914 г. капитан Стенбек с командой из 50 человек прожил на острове Молдена в течение 6 месяцев после того, как их продовольственные запасы были совершенно истощены. Они питались рыбой, яйцами диких птиц и завезенными на остров козами и свиньями. Древние обитатели атолла удовлетворялись, вероятно, рыбой и яйцами. Пищей им, возможно, служил также портулак (Portulaca lutea), единственное съедобное растение, которое они употребляли, и морские водоросли.

Таким образом, чтобы объяснить остатки древних поселений, нет необходимости в гипотезе о затонувшем ныне плодородном архипелаге, откуда якобы на необитаемый коралловый атолл приезжали паломники, чтобы молиться в воздвигнутых ими храмах. По всей Полинезии ритуальные церемонии совершались в храмах, расположенных вблизи деревень. Даже великий межплеменной храм Тапутапу-атеа, куда, привлечен-

ные его славой, собирались жители со всех окружающих островов, был расположен в густонаселенной местности.

История острова Молдена столь же проста, как и других атоллов. Его заселили какие-то полинезийцы, которые построили там храмы для поклонения своим богам, погребали покойников, прокладывали тропинки к морю, рыли колодцы и выделывали необходимые орудия из раковин тридакны. Питались они местными растениями и животными. Условия жизни были здесь очень суровы, и, вероятно, после очередной засухи или сильного урагана древние поселенцы переправились на другой остров.

Весьма соблазнительно, конечно, строить теории об угасшей загадочной цивилизации, которая существовала на затонувших плодородных землях, но подобная игра воображения находится в противоречии со здравым смыслом. Геологи не находят подтверждения теории о том, что после появления человека происходило затопление обширных земель в пределах Полинезийского треугольника. Ничего загадочного нет также и в найденных остатках материальной культуры древних поселений. Все они вполне объясняются временным полинезийским заселением. Отважные предки полинезийцев заплывали на коралловые острова, задерживались там на короткий промежуток времени, а затем либо возвращались на родину, либо отправлялись дальше на поиски более привлекательных земель. Когда же им случалось заблудиться на морских путях Океанской Девы, они доблестно гибли, отправляясь на дно на своих поврежденных судах, а вовсе не на тонущих архипелагах. Гаваики, общая родина полинезийцев, отнюдь не опустилась под воды Тихого океана. Мать земель Гаваи'и спокойно стоит в центре Полинезии и будет стоять там, даже если мы, ее дети, будем преданы забвению.

Глава XII

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ РАДИУС

За моря отправились таке,
Отправились к царству света.

(*Песня с Маркизских островов*)

ВЕТВЬ ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ, называвшая себя таке, мигрировала из Центральной Полинезии на северо-восток. Суда этих мореходов прошли сквозь мрак неизведанных далей и проникли к группе вулканических островов, над которыми сияло яркое солнце; полинезийцы приветствовали новую землю как царство света и назвали вновь открытые острова общим именем Хива. Спустя несколько столетий другой народ переименовал их в Маркизские[1].

Самый западный остров этого архипелага расположен примерно на расстоянии 1000 миль от Ра'иатеи. Архипелаг делится на южную и северную группы островов. В Южной группе населены острова Фату-Хива, Тахуата и Хива-Оа; в северной—'Уапоу, Нукухива[2] и Уахука. До появления людей с Запада, принесших

[1] Маркизские острова названы так первым посетившим их европейцем, испанцем Альваро Менданья (в 1595 г.), в честь маркизы де Мендоса, жены вице-короля Перу. Позже острова посетил Кук (в 1774 г.). Подробное описание быта островитян дали русские моряки Крузенштерн и Лисянский (в 1804 г.) и сопровождавший их Лангсдорф. Белые торговцы миссионеры и агенты европейских держав в течение нескольких десятилетий вели политику разжигания межплеменной розни, натравливая одних маркизанских вождей на других. Численность населения сильно сократилась, хозяйство пришло в упадок. В 1842 г. Франция объявила об аннексии островов, вошедших впоследствии в состав «Французских поселений в Океании» (с центром в Таити). Французская колониальная администрация и католические миссионеры установили режим жестокого гнета, в результате которого численность островитян к настоящему времени сократилась до 2500 человек.

[2] Быт и культура островитян Нукухивы (Нукагивы) были подробно описаны русскими моряками и исследователями, в частности Ю. Лисянским и И. Крузенштерном, еще до начала их разрушения колонизаторами.

с собой множество смертоносных микробов, которые следовали за ними повсюду, был населен также и ряд мелких островов.

В древности население островов Хива достигало нескольких десятков тысяч. В 1813 г., по подсчетам капитана Портера, на Нукухиве было 19 200 воинов. Общее население группы он оценил в 80 000 человек, возможно, несколько преувеличив фактическую численность. В 1904 г. население сократилось до 4000 человек, а перепись 1911 г. показала уже только 2890 человек. В страну, которая действительно некогда была царством света по состоянию здоровья ее обитателей, корабли европейцев занесли венерические болезни, туберкулез и различные эпидемии. Жители Маркизских островов особенно сильно пострадали за доброту и гостеприимство, оказанное европейцам.

Скалистые Маркизские острова изобилуют базальтом, послужившим древним поселенцам в качестве сырья для орудий. С горных хребтов, достигающих на острове 'Уапоу высоты 4000 футов, низвергаются потоки. Они прорезали глубокие долины, где вдоль русла почти нет ровных участков.

Склоны хребтов падают отвесными стенами, изолируя одну долину от другой и круто спускаясь к морю. Для прибрежной равнины почти не остается места. Устья долин образуют бухты, не защищенные коралловыми рифами. Небольшие коралловые островки лишь изредка попадаются в некоторых бухтах.

Легенды называют первых пришельцев таке, что означает источник, корень. И действительно, они были источником человеческой жизни. Человек прибыл сюда из Центральной Полинезии и пустил корни в глубоких изолированных долинах скалистых островов Хива. Корни жизни укрепились здесь так давно, что предания, просочившиеся к нам через многие поколения, утратили с течением времени имена первых мореплавателей и названия их больших лодок. Священные песни представляют собой нечто вроде сокращенных судовых журналов мореплавателей. В них упоминаются названия многочисленных земель юго-западных морей, на которых побывали предки жителей Маркизских островов. Среди этих земель фигурируют Гаваи'и, Уапоу, Вавау и Фити-нуи, то есть древние названия Ра'иатеи, Таха'а, Порапоры и великого Таити. Этими древними названиями маркизанцы обозначили некоторые местности на своей новой родине. Подобно тому как название Новой Англии в восточной части Соединенных Штатов свидетельствует об английском происхождении первых колонистов, так имена, упоминаемые в песнях Маркизских островов, и местная топонимика определенно указывают на то, что острова Общества были той областью, откуда прибыли первые переселенцы.

В центре расселения каждой островной группы следовало бы поставить памятник предводителю первых мореходов. В наши дни многие полинезийцы с волнением возложили бы благоухаю-

щий венок у подножия простого надгробного камня, воздвигнутого в честь неизвестного предка.

Для того чтобы разобраться в заметных различиях между языком Маркизских островов и языком Центральной Полинезии, нужно сказать несколько слов об изменениях согласных. Южная часть Маркизских островов, очевидно, подверглась влиянию позднейших изменений, происшедших в таитянской речи. Точно так же, как и на Таити, Самоа и Гавайских островах, здесь пропал звук «k». В словах, где северные маркизанцы произносят «h», на юге звучит таитянское «f». Как на северных, так и на южных Маркизских островах звук «ng» заменился звуком «n», а в некоторых местностях, например на южном острове Новой Зеландии, «ng» вытеснилось звуком «k». Самым любопытным изменением, однако, является то, что на обеих группах островов пропал согласный звук «r». Он сохранился только в нескольких словах. Опущенные согласные передаются в речи паузой, а в письме — апострофом. Таким образом, маркизанское слово 'a заменило ra (солнце) первоначального языка «'una» — «runga» (над) и «'ao» — raro (под).

Очевидно, древние мифы были частично забыты на Маркизских островах, когда их впервые начали записывать, много времени спустя после появления европейцев. В мифах о сотворении вселенной утрачены многие подробности, которые должны были некогда знать жрецы. Все-таки некоторые основные сюжеты дошли до нас, хотя и в измененном виде. Толкование их возможно, только если восстановить правильную последовательность событий.

Сотворение начинается с прародителей Папа-'уна (Верхний пласт) и Папа-'а'о (Нижний пласт). Они произвели на свет многочисленных отпрысков, среди которых фигурируют Атеа, Тане, Ту 'Оно-тапу (Ронго-тапу), Тонофити, Тики и Аумиа, которые уже известны нам по мифам других островов. Верхний и Нижний пласты находились очень близко друг к другу, поэтому дети их родились в темноте. Дети восстали против родителей и решили заставить их раздвинуться, чтобы свет проник в мир. В маркизанской мифологии отсутствует бог легенд Таити и островов Кука — Ру, подпиравший небо. Его место занимает здесь Тонофити. Он вытолкнул ввысь Верхний пласт, после чего боги, произведенные двумя прародителями, завоевали свое положение в мире света.

От уже рассмотренных нами версий миф Маркизских островов отличается тем, что, согласно ему, один Папа женится на другой Папе и производит на свет Атеа. Тогда как по мифологии других островов Атеа женится на Папе. Поскольку Папа была уже замужем, творцы маркизанских мифов создали новое действующее лицо — Атануа, которая и стала женой Атеа. Те Туму и Фа'ахоту, играющие в этот период важную роль в других преданиях, на Маркизских островах неизвестны. Те Туму (Источник) был заменен здесь другим персонажем — Таке (Ис-

точник), чье имя соответствует названию, применявшемуся к первым людям, которые расселились на островах Хива. Возможно, что к тому времени, когда первые переселенцы покинули Центральную Полинезию, там еще не было мифа о Фа'ахоту. В противном случае маркизанские жрецы не дали бы себе труда создать еще одно божество Атануа.

Как и в Центральной Полинезии, Атеа считается на Маркизских островах прямым предком человека. Вступая брак с различными явлениями природы, олицетворенными в образе женщин, Атеа породил также горы, скалы, землю, различные съедобные растения — кокосовую пальму, хлебное дерево, каштаны, некоторые несъедобные растения и свинью. Этот бог считался также отцом месяцев лунного календаря. Таким образом, Атеа выполняет в мифах Маркизских островов миссию творца, которая мифологией островов Туамоту, Мангаревы, Новой Зеландии и острова Пасхи приписывалась Тики.

Сферой деятельности другого потомка Верхнего и Нижнего пластов — бога Ту — была война. А те, кто принимал особое участие в ритуалах, посвященных Ту, именовались ати-ту, что значит «племя Ту». 'Оно или 'Оно-тапу, который выступает в мифах других островов как Ронго, бог мира и земледелия, здесь является легендарной личностью без божественных атрибутов. Возможно, что маркизанцы были настолько воинственны, что не нуждались в боге мира, а пашни их были так малы, что не за что было благодарить бога земледелия. На то, что Ронго был когда-то могущественным, указывает сообщение о победе над богом Тохетика. Он, подобно Тохетике, нашел себе место в пантеоне островов Кука.

Другой бог, пользовавшийся большими почестями в Опао, — Тане, тоже утратил свою божественность на Маркизских островах. Но все-таки в местных преданиях есть неясные упоминания о его связях с ремесленниками, и он также ассоциируется со священным теслом. Тане считали, кроме того, покровителем людей со светлой кожей и волосами, то есть в исторические времена он выступал в качестве предка белой расы.

Среди местных богов Маркизских островов фигурировали Манату (Мысль) и Пупуке (Источник или Познание, бьющее ключом). Оба эти божества считались покровителями священных песен. Пупуке, кроме того, был богом единого семейства жрецов-шаманов. В мифах Новой Зеландии Руа-и-те-пупуке выступает так же, как источник мудрости. Я упомянул о Пупуке с целью показать, что некоторые отвлеченные понятия были широко распространены по всей Полинезии и олицетворялись в виде божества.

Одна из самых удивительных особенностей мифологии Маркизских островов заключается в том, что Тана'оа (Тангароа) не считался потомком Папа'уна и Папа'а'о. Но все-таки и здесь он выступает в роли бога ветров, моря и рыболовства. В мифоло-

гии Новой Зеландии Тангароа тоже фигурирует как бог морей и рыболовства. Отсюда следует, что эта сфера деятельности была закреплена за Тангароа мифами Центральной Полинезии к тому времени, когда предки жителей Маркизских островов и Новой Зеландии отправлялись в свои плавания; до роли создателя он возвысился уже на более поздней ступени развития культуры Центральной Полинезии.

Некоторые маркизанские мифы возводят в ранг прародителя людей Тики, который якобы жил на Гаваики, когда еще был холост. Однажды бог сделал из песка холмик, напоминавший по форме ребенка. Вернувшись через три дня, он обнаружил, что холмик ожил и превратился в девушку. Тики назвал ее Хинату-на-оне (Девушка, стоящая на песках) и взял себе в жены. От этой пары родились Верхний пласт и Нижний пласт, которые в свою очередь произвели на свет Атеа и Атануа. С помощью заклинания Тики сотворил остров Нукухива и поселил здесь Атеа и Атануа. Жители Нукухива делали каменные изображения Тики и поклонялись им.

Я полагаю, что эта версия сотворения человека возникла на Маркизских островах позднее из несвязных обрывков древних мифов. Возможно, что ее придумали специально для современных охотников за древней мудростью. В более отдаленные времена вряд ли какой-нибудь жрец или сказитель отклонился бы столь сильно от версий, распространенных на других островах.

В другом мифе рассказывается о том, что Тики сотворил женщину из песка или земли и назвал ее Хина-мата-оне (Девушка из земли). Став женой Тики, она родила ему дочь. Чтобы можно было тайно посещать дочь, с которой бог вступил в кровосмесительную связь, Тики выстроил для нее отдельный дом. Этот вариант мифа известен также на островах Туамоту и Мангареве и перекликается с более распространенной версией. Очевидно, сказителям Маркизских островов был известен и первоначальный миф, согласно которому Тики являлся прямым предком человека. Современные сказители грубо ошибаются, заменяя Тики богом Атеа.

В родословной, записанной Хэнди, насчитывается 159 поколений, начиная с 'Ани-мотуа (Ранги-матуа), Неба-отца. Ватеа (Атеа) и его жена Атануа относятся к 50-му поколению, считая от Неба-отца. Тики относится к 71-му поколению. Число поколений, отделяющих Ватеа от Тики, соответствует принятому в большинстве генеалогий. Однако если считать среднюю продолжительность жизни одного поколения в 25 лет, то получается, что родословная восходит к 2000-му году до нашей эры. Сохранить память о предках за такой период, конечно, невозможно. В этой родословной в качестве предков перечисляются явления природы, представления о сотворении мира и развитии природы, названия морей, земель и ветров. Все это олицетворялось в образах мужчин и женщин, которые вступали в браки между

собой. Генеалогия представляет собой запутанный перечень эволюционных процессов и не поддается расшифровке, потому что уже давно нет в живых людей, которые смогли бы истолковать миропонимание древних жителей Маркизских островов. Мы можем только восхищаться силой человеческой памяти, которая донесла до нас этот длинный перечень понятий уже после того, как были безвозвратно забыты их значение и смысл.

Особые специалисты, называемые о'оно (оронго), изучали и запоминали родословные, обучая своему искусству молодежь. Они пользовались при этом та'о мата — переплетенными волокнами кокосовой пальмы, к которым прикреплялись длинные веревки с узелками, представлявшими различные поколения родословной. Они напоминают quipus — узловатые веревки, при помощи которых перуанцы вели свои деловые расчеты[1]. Считается, что древние жители Маркизских островов использовали свое изобретение для запоминания генеалогий. С рождением каждого ребенка на веревку родословной добавляется новый узелок. Однако сами по себе узелки не могли служить ключом для запоминания собственных имен. Как узловатые веревки, так и новозеландские генеалогические деревянные палочки с шишками, покрытыми резьбой, были рассчитаны скорее на эффект, который они производили на слушателей. Количество узлов на веревке и шишек на палочке, указывающих число поколений в родословной, поражало аудиторию. Напряжение достигало предела, когда рассказчик, касаясь последнего узла или шишки, заканчивал рассказ о последнем поколении.

Среди легендарных героев мы снова встречаемся с братьями Мауи. В сказаниях Маркизских островов их насчитывалось семеро. Старшего звали Мауи-муа, а младшего — Мауи-тикитики. Среди средних братьев перечисляются Мауи-му'и, Мауипае, Мауи-таха. Если вместо Мауи-му' и поставить Мауи-рото, то имена братьев полностью совпадут с новозеландскими, где их насчитывалось 5 человек. Лишними оказываются Мауи-вавека и Мауи-хакатата-маи. Возможно, что в исходном сказании двое из 5 братьев имели по 2 альтернативных имени, которые с течением времени превратились в отдельных субъектов, увеличив численность семейства до 7 человек.

По преданиям Маркизских островов, младший брат Мауи-тикитики также вылавливает из воды различные острова при помощи удочки. Он достает огонь под землей у своего деда Махуике и, чтобы успеть просушить свою одежду, задерживает продвижение солнца по небу, поймав его в петлю из человеческих волос. Решив вернуть свою жену, он оборачивается голубем ('упе). По новозеландскому преданию, младший Мауи превратился в голубя (рупе), чтобы найти свою сестру.

[1] «Узелковое письмо» («кипу») применялось древними перуанцами для передачи различных сообщений, главным образом связанных с управлением отдельными областями государства.

Переходя к эпохе легендарных полинезийских героев, мы встречаем целый ряд имен предков, которым приписывается первое заселение 6 обитаемых островов. Полагают, что эти предки прибывали на острова Хиву между X и XII вв., однако никаких сведений о названиях их судов не сохранилось. Среди мореплавателей упоминается Махута, который встречается также в легендах Ракаханги и Тонгаревы.

Маркизанцы, у которых Хэнди собирал сведения, считали, что в Стране света первой была заселена древняя местность Вевау на острове Хива-Оа. В настоящее время она включает в себя долины Атуона, Те Хуту, Таоа и Тахаука. В этой наиболее плодородной части самого привлекательного острова и поселились таке. Здесь они объединились и образовали свой культурный центр, здесь их мифология и мифологические традиционные понятия отлились в виде определенных образцов.

Население стало расти; в узких долинах Вевау формировались новые племена. Некоторые жители переселялись на соседние острова и стали предками новых племен. На северном острове Нукухива Таипиваи приобрел значение второго культурного центра. Тем не менее Вевау сохранил преобладающее влияние в качестве первого поселения. По преданиям, души умерших собирались с окружающих островов на мыс Киукиу в Вевау, прежде чем отправиться в свое долгое путешествие на запад. Жители Вевау называли себя на-ики. Это сокращенная форма от на-'ки, что на первоначальном наречии звучало как нга-арики и означало «верховные вожди». Так, маркизанские на-ики, как и потомки первых поселенцев на Мангайа, именовавшие себя нгарики, уже одним названием своего племени утверждали первородство и превосходство над всеми остальными племенами. Их могли разбить на войне другие, менее древние племена, но никто не мог лишить их ни доблестного имени, ни славы прошлых деяний, которая крылась за ними.

На основе культуры, занесенной из Центральной Полинезии, маркизанские туземцы создали свою особую цивилизацию на островах Хива. Хива-Оа прославилась резьбой по дереву и камню, а Нукухива стала знаменита искусством каменной кладки. Однако техника ремесла распространилась по всей островной группе. Совершая морские походы, жители Маркизских островов проникали на Туамоту и архипелаг Кука, а в восточном направлении заплывали еще дальше, оказав влияние на культуру Мангаревы и острова Пасхи. Возможно, что некоторые мореплаватели посещали Маркизские острова по пути на Север, к Гавайям. Таким образом, Маркизские острова превратились в центр распространения полинезийской культуры на восток. В этом отношении они играли ту же роль, что и Гаваи'и в центре Полинезии.

Туземцы Маркизских островов, переселившиеся с Гаваи'и, перевезли с собой свиней и домашнюю птицу; собак же у них не было: либо их не взяли с собой, либо они вымерли. Пересе-

ленцы также привезли с Гаваи'и бумажную шелковицу и семена различных съедобных растений. Особенным предпочтением пользовалось у них хлебное дерево. Излишки урожая хранили в ямах, выложенных банановыми листьями, в которых плоды заквашивались и хранились в течение довольно долгого времени. Хлебное дерево приносило большие урожаи, которые обеспечивали постоянные запасы пищи: заквашенные плоды хлебного дерева (ма) месили руками, завертывали в листья и пекли в земляных печах. После этого их толкли каменными пестиками и разводили в воде, чтобы получить тестообразную массу (попои).

Этот способ приготовления пищи привел к употреблению каменного пестика с выпуклым круглым основанием, которое переходило в круглую шейку пестика и увенчивалось шишкой, чтобы рука не соскальзывала вверх. Охотники за диковинками так расхватывали впоследствии эти пестики, что на островах они стали редкостью[1]. Немецкие торговцы сумели заработать на коллекционерах древностей. Они начали ввозить в Германию породу с Маркизских островов и выделывать из нее большое количество пестиков, которые затем ввозили снова на острова и продавали туземцам. Современные жители Маркизских островов быстро восприняли торговые приемы западной цивилизации: они стали продавать ввозимые предметы туристам и торговцам, выдавая их за древние оригинальные образцы. Мы храним несколько подобных пестиков в музее Бишопа, чтобы продемонстрировать достижения западной культуры в Полинезии.

Наряду с новозеландцами жители Маркизских островов были лучшими резчиками по дереву во всей Полинезии. Древние мастера вызывают восхищение богатством и сложностью рисунков, украшавших утварь и оружие. Но они не ограничивались деревом и костью как материалами для художественного произведения; самые лучшие рисунки они воспроизводили на человеческом теле в виде татуировок. Тело туземца было полностью покрыто татуировкой: от волос до ногтей на ногах, как будто древние художники боялись потерять хотя бы кусочек человеческого тела, являвшегося для них своеобразным полотном. В резьбе по дереву и татуировке развились самобытные мотивы, для которых характерны завитки и простые спирали.

Что касается архитектуры жилищ, то и в этом направлении маркизанцы выработали своеобразные формы. Крыша полого спускалась к земле в задней части дома, тогда как передняя его стена была нормальной высоты. Горизонтальные балки, скрепляющие стропила, располагались внутри, а не снаружи стропил, как на Таити. Жилища размещались на горизонтальных каменных площадках, выступающих со склонов глубоко врезанных долин. Дома строились на приподнятом участке в конце

[1] Один из таких пестиков, привезенный Лисянским, хранится в Этнографическом музее народов СССР в Ленинграде.

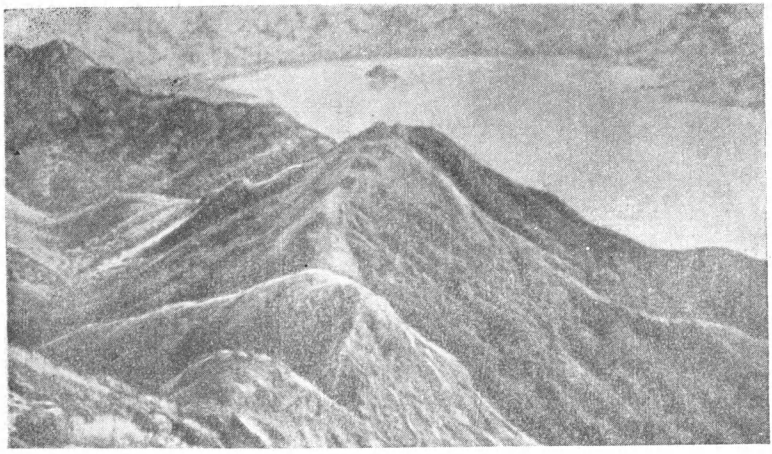
площадки; перед ними на несколько более низком уровне разбивался открытый двор. Во дворе в наклонном положении устанавливалось несколько больших камней, чтобы отец семейства и особо почетные гости могли удобно располагаться на каменном сиденье, опираясь на каменные спинки. Беседуя, они наблюдали за раскинувшейся перед ними вечерней жизнью долины.

Ремесленники Маркизских островов проявили также большую изобретательность в изготовлении украшений. Их украшения для ушей отличались изысканной формой; изготовляли они и поделки из зубов кашалота. Очень своеобразны были нагрудные и головные украшения. Из человеческих волос, мастерски переплетенных с волокнами кокосовой пальмы, выделывались ручные и ножные браслеты и даже юбочки. Чтобы черные волосы в украшениях оставались постоянно круто завитыми, их туго накручивали на деревянный стержень, завертывали в зеленые листья и подвергали воздействию высокой температуры в земляной печи.

Бороды и усы также шли на украшения, но в этом случае предпочитали седые волосы. Таитяне делали кисточки для нагрудных украшений из серых волос собачьих хвостов. У новозеландских туземцев подобные кисточки украшали плащи и оружие. Поскольку на Маркизских островах собак не было, пожилые люди были там источником этого сырья. Когда старик узнавал, что у него скоро родится внук, он отращивал бороду, чтобы можно было сделать украшения ребенку. Рассматривая музейные экспонаты, украшенные кисточками из волос, которые тщательно перевязаны волокнами из кожуры кокосовой пальмы, я не мог удержаться от мысли о том, с какой любовью, должно быть, расчесывал старый дед свою бороду и какое удовольствие он испытывал, когда она была достаточно длинной, чтобы ее можно было обрезать для внука.

Одним из специфических головных украшений Маркизских островов были налобные кольца. Они представляли собой ряд вырезанных из черепашьих щитов дисков, чередовавшихся с изогнутыми морскими раковинами. Все это подвешивалось на ленту, сплетенную из волокон кокосовой пальмы, к которой еще прикреплялись круглые кусочки перламутровых раковин. После того как установились связи с европейцами, на подобные головные украшения возник очень большой спрос. Однако черепашьи щиты — вещь редкая, а резьба по ним представляет трудности. Жемчужным раковинам также нелегко придать круглую форму и высверлить в них отверстия. Поэтому европейские торговцы завезли на Маркизские острова разные эбонитовые кружки и пуговицы для рубашек, из которых маркизанцы изготовляли головные украшения; некоторые из них хранятся в настоящее время в мировых музеях, ни в ком не вызывая подозрений в своем древнем происхождении.

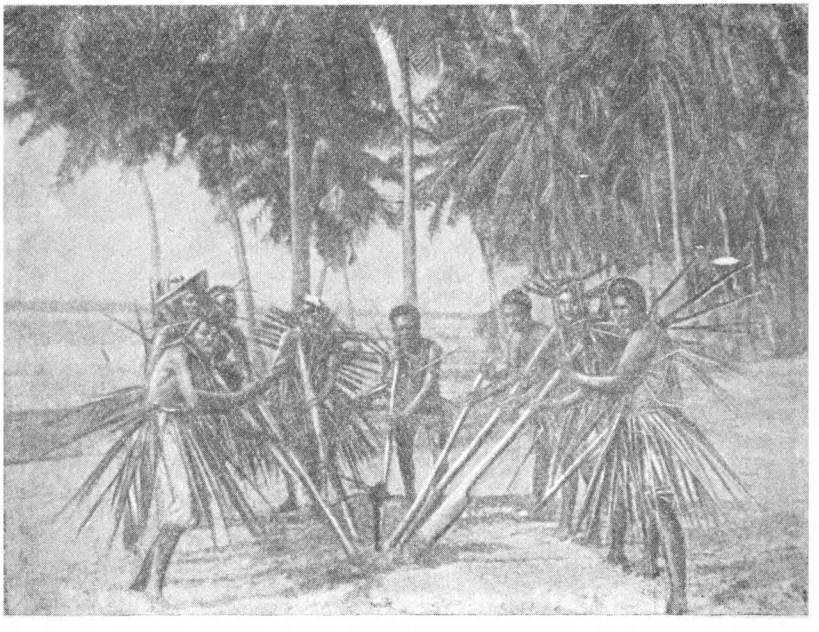
Для совершения религиозных обрядов на Маркизских островах сооружали каменные террасы, так называемые ме'ае. Здесь



Укрепление Те Ваитау (*остров Рапа*)

Западная дуга атолла Хао

Столб для посвятительных обрядов в храме Рамапохиа
(*атолл Фагатиу*)



Ритуальная церемония, совершаемая для обеспечения изобилия
(*Вахи-тахи, острова Туамоту*)

выставлялись деревянные и каменные изображения богов, которым приносились человеческие жертвы. Местные скульпторы выработали и закрепили традиционный самобытный облик подобных статуй. Подогнутые ноги и руки, сложенные на животе, характерны и для других районов Полинезии. Но большие глаза, ограниченные низким круглым выступом, напоминающим очки, нос с широкими ноздрями, широкий прямой рот, очерченный параллельными линиями, которые загибаются по краям, мочки ушей, оттянутые спиралями, две пятипалые руки, вырезанные так, что они соприкасаются средними пальцами, — все это является особенностями местного мастерства. Некоторые авторы

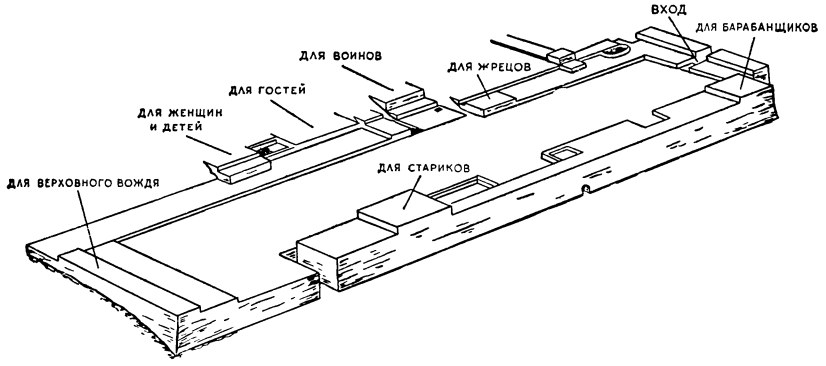


Схема стадиона для общественных сборищ в Нанаухи (Маркизские острова).

рассматривали условные изображения богов как грубую попытку воспроизвести человеческое тело. Однако ни один полинезийский художник, за исключением только, может быть, жителей Мангаревы, не пытался реалистически высечь человеческую фигуру. Они создавали символические изображения в субъективной интерпретации и не стремились к анатомической точности.

Когда я изучил по плану Линтона место сборищ Нанаухи в долине Хатихеу на острове Нукухива, мне приснился сон, в котором смешалось то, что я читал, и то, что я чувствовал. Мне приснилось, что я нахожусь на террасе для посетителей, поднимающейся примерно на 4 фута над серединой большой танцевальной площадки. Пологий холм возвышался за моей спиной. Ровная прямоугольная площадка для плясок достигала 300 футов в длину и 60 футов в ширину. Со всех сторон ее окружали широкие террасы, высотой от 1 до 2 футов. Толпы народа заполняли их. За террасами были расположены более высокие площадки, предназначенные для различных социальных групп. Слева от меня находилась длинная терраса с продолговатым сиденьем для воинов племени. Она была на 7 футов выше, чем площадка для плясок. Здесь ряд за рядом сидели воины с прекрасно

отполированными и украшенными резьбой палицами из железного дерева. Ни одна женщина не смела приблизиться к террасе, где сидели воины, потому что это было для нее «табу». За воинами на краю площадки помещалась каменная платформа высотой в 3 фута. На ней стояло своеобразное высокое здание, где собирались жрецы. Левая часть площадки для плясок была ограничена открытыми террасами; дальше за ними располагались террасы домов. В центре находился проход с крутыми ступеньками, по которым я вошел. Направо протягивалась низкая терраса. Рядом с ней находилась площадка высотой в 7 футов. На террасе был выстроен дом с открытым пространством перед ним. Это место было переполнено женщинами и детьми.

На правом конце располагалась открытая терраса высотой в 1 фут, а позади нее — еще одна — на 3 фута выше первой, где стоял большой длинный дом, принадлежавший верховному вождю племени. Окруженный подчиненными ему вождями и родственниками, вождь сидел на открытой платформе, откинувшись на наклонную каменную спинку.

На противоположной стороне, напротив нас, помещалась низкая платформа с террасой на конце, возвышавшейся на 1 фут. И платформа, и терраса были заполнены людьми. Справа на платформе высотой в 4 фута находились только старики. В левом углу была еще одна платформа высотой в 4 фута. Всю ее заполняли большие деревянные барабаны. Они были так высоки, что ударявшие в них молодые люди, чтобы достать до верха барабана, вынуждены были стоять на подставках.

Я с восхищением смотрел на окружавших меня людей. Тела их были смазаны благоухающим кокосовым маслом. Сложные рисунки татуировки покрывали их тела с ног до головы, оставляя нетатуированным лишь столько места на коже, чтобы были видны синие линии рисунка. На всех мужчинах были надеты набедренные повязки из луба, пропущенные между ногами и перевязанные вокруг талии. Кончики повязки свисали впереди и сзади. На многих поверх повязок были еще надеты юбочки из человеческих волос. Некоторые носили наплечные накидки, сделанные из волос, как и юбочки. На других были накинуты плащи из луба, которые завязывались спереди большим узлом. Браслеты из человеческих волос были надеты как на ногах, так и на руках. На груди красовались отполированные жемчужные раковины, скрепленные нашейным шнуром. На некоторых были надеты деревянные полумесяцы, покрытые красными семенами, на других — ожерелья из зубов кашалота. В уши мужчины вставляли кружки, вырезанные из китового уса. Они закрывали переднюю часть уха и прикреплялись к нему с помощью коралловых штифтов, которые вставлялись в отверстия ушных мочек. Женские украшения были изящнее: они представляли собой миниатюрные человеческие фигурки, вырезанные из китового уса.

Самое большое внимание все же привлекали головные уборы. У жрецов они были сделаны из листьев пандануса, и им придавалась форма, напоминающая спереди епископскую митру. Молодежь носила на лбу переплетенные ленты, на которых были привешены изогнутые пластинки из белых раковин, перемежавшиеся с покрытыми резьбой черепашьими щитками. Самые великолепные головные уборы были украшены длинными черными перьями из петушиных хвостов. Они торчали вверх и колыхались над головами. Их скреплял переплетенный шнур, концы которого завязывались под подбородком. На лбу у некоторых мужчин была широкая повязка в форме полумесяца, покрытая радужными голубиными перьями; закреплялась она на затылке. Другие носили широкие переплетенные ленты с целыми жемчужными раковинами посредине и арабесками над ними, вырезанными из черепашьих щитков. Разнообразие в праздничные одежды вносили также лобные украшения из седых бород стариков.

Еще более разнообразны были прически. Пожилые мужчины выбривали по бокам голову с помощью зуба акулы, а оставшиеся посреди волосы связывались на макушке в пучок белой лубяной лентой. Более молодые мужчины оставляли спереди два пучка волос, завертывая их в белую кору, что напоминало рога.

Каждый знатный мужчина держал в правой руке длинный жезл, украшенный на конце волнистыми человеческими волосами, а в левой — изящный веер из сплетенных листьев пандануса с красивой резной рукояткой.

Барабаны гремели беспрерывно; как только один из барабанщиков уставал и сходил с платформы, тотчас же его место занимал другой. Внизу под барабанами расположилась группа певцов. Они пели в такт барабанного боя.

В правом углу площадки для плясок находился длинный открытый навес. Под ним были большие печи, из которых только что вынули приготовленную пищу. Вынесли большие деревянные чаши, наполненные перебродившими выпеченными плодами хлебного дерева. Их поместили в ряд на площадке для плясок и прикрыли банановыми листьями. Рядом на банановые листья положили целиком зажаренные свиные туши. Сырые плоды хлебного дерева были сложены в пирамиды. Ямс и прочие местные припасы громоздились в кучах, свидетельствуя о щедром гостеприимстве. Вперед вышли мужчины с бамбуковыми ножами и быстро разрезали свиные туши. Их помощники разделили куски свинины и остальную еду на доли. После этого распределитель начал выкликать имена, указывая при этом на какую-нибудь долю. Вызванный в сопровождении друзей спускался с террасы или платформы и забирал свою долю пищи, и так, пока все не получили, что им причиталось.

Во сне мне слышался голос распределителя: «То ха'афити иа Те 'Ани Хи'оа» (Вот доля Те Ранги Хироа). Увы, это был только

сон. Когда все было разделено, началось пиршество. Барабанный бой, пение, разговор и веселый смех—все слилось в сплошной гул. Жить стало радостнее.

Внезапно барабаны переменили ритм, а рев трубы из раковины остановил нестройные звуки. На центральную площадку для плясок впорхнула группа девушек, грациозных и прекрасных. Благоухающие листья и цветы покрывали их тела. К указательным пальцам каждой руки кольцами из лент были прикреплены длинные красивые перья птицы босун. Гибкие тела ритмично плыли под звуки барабанов и песни; ноги отбивали такт, а трепещущие перья на тонких пальцах словно приводили в колыхание воздух.

За девушками следовали юноши — ка'иои. На них были желтые набедренные повязки, а татуированные тела были до блеска намазаны маслом кокосовой пальмы и шафрановой куркумой. Это была золотая плеяда молодости и мужской красоты. Грохот барабанов и топот ног слились в единый ритм. Может ли быть более совершенная картина, чем большая площадка для плясок с ритмично двигающимися телами и окружающие ее террасы, заполненные безмолвными, затаившими дыхание зрителями, которые с восторгом смотрят на сцену? Сооружения из камня, строения, наряды, украшения, обряды и пляски — все это было проявлением культуры одного из наиболее мужественных полинезийских племен.

Где, кроме как во сне, можем мы еще ощутить биение прошлого? Мне не хочется просыпаться; наяву я увижу только карандашный рисунок в книжке; он изображает безлюдную заброшенную террасу, поросшую южными сорняками, и унылые каменные стены, уже почти сровнявшиеся с землей[1].

---

[1] Воображаемый «сон», в котором перед автором встают картины отошедших в прошлое культуры и быта маркизанцев,—не более как литературный прием, помогающий оживить изложение материала, собранного по Маркизским островам, где Хироа не удалось побывать. Но этот литературный прием позволяет ему еще и еще раз выразить свою печаль по поводу разрушения старой культуры колонизаторами. И в самом деле, на Маркизских островах, более чем где-либо в Полинезии, гнетущая лапа капиталистической колонизации подавила все проявления самобытной культуры. Жизнь туземного населения, лишенного земли, «опекаемого» миссионерами и колониальными чиновниками,—убогое, полунищее прозябание.

Маркизанцы вместо прежних легких и удобных хижин живут в неуклюжих дощатых бараках, крытых толем, где ночью холодно, а днем невыносимо жарко; хлопчатобумажная одежда, носить которую заставляют миссионеры, ведет к простудам; плохое питание усилило распространение туберкулеза. Чиновники и миссионеры запрещают петь старинные песни и исполнять маркизанские пляски. «Скука, смертельная скука царит повсюду среди этого населения, некогда столь жизнерадостного»,—пишет французский исследователь Роллен (L. R o l l i n. Les îles Marquises, Paris, 1929, p. 294).

Глава XIII

ЮГ И ЮГО-ВОСТОК

Разве мы с тобой можем знать,
Что думали об этом язычники?

(*Полинезийский информатор*)

Я СПРОСИЛ седоволосого старца с морщинистым лицом о том, как представляют себе полинезийцы сотворение мира. Он дал мне современный ответ, основанный на Книге бытия. Я хотел, чтобы он отрешился от мешающей мне современности, и спросил его: «Ну да, так думаешь ты и так думаю я, но что думали твои предки еще до того, как сюда проникла Библия?» Презрительно пожав плечами, он ответил: «Разве мы с тобой можем знать, что думали об этом язычники?»

Первые миссионеры стремились разрушить в полинезийцах их представления о сотворении мира и их веру в могущество местных богов. Часто, если вождь обращался в христианство, те, кто был недоволен его светской властью, сохраняли приверженность к старой вере. Жестокие войны вспыхивали по политическим причинам не реже, чем по религиозным, и новообращенные с особым наслаждением разрушали вражеские храмы и сокрушали богов. Жрецы и сказители, принявшие новую веру, отказывались сообщать кому-либо представления древнего культа и предания. Так оборвалась традиционная нить передачи. Когда спустя многие годы после принятия христианства исследователи стали расспрашивать о древней религии и мифах, то в ответ они получали только разрозненные, не связанные между собой отрывки. Миссионеры Эллис и Орсмонд на Таити, Гилл на Мангайе и Лаваль на Мангареве собрали бесценные сведения, которые были бы безвозвратно потеряны. Что же касается новообращенных коренных жителей и местных пасторов, то они безжалостно уничтожали преследуемую веру и ее материальные проявления, которые не представляли для них интереса. Поэтому-то на тех островах, где жителей в христианство обращали миссионеры и проповедники

из числа полинезийцев, сохранилось так мало сведений о прошлом[1].

Мы исключительно плохо осведомлены о мифологии и устных исторических преданиях Южных островов. Возможно, что это было вызвано полнейшим перерывом в преемственности, который наступил в первый период обращения в христианство.

Южные (Аустральные) острова вулканического происхождения — Риматара, Руруту, Тупуа'и (Тубуаи) и Раивавае[2] — лежат на 400 миль к югу от Таити и представляют собой юго-восточное продолжение архипелага Кука. Между самым восточным островом архипелага Кука — Мангайей — и Риматарой расположен маленький необитаемый атолл Мария (остров Халл). Он мог служить ориентиром и местом отдыха для древних мореходов при плаваниях между островами Кука и Южными. На этих островах с довольно высокими горными хребтами и плодородными долинами начала развиваться культура, занесенная первыми переселенцами. Они завезли сюда все съедобные растения, включая хлебное дерево и кокосовую пальму. По тем немногим сведениям, которые имеются в нашем распоряжении, мы можем судить о том, что западные острова Риматара и Руруту испытывали культурное влияние архипелага Кука, а восточные острова Тупуа'и и Раивавае были теснее связаны с Таити, расположенными к северу от них.

Европейские мореплаватели, впервые посетившие эти острова в конце XVIII в., сообщают, что там было многочисленное и здоровое население. Они видели большие двойные ладьи из сшитых досок, а также лодки с балансиром и высокой кормой, покрытой резьбой; резьбой покрывали и верхнюю часть борта. Ладьи были украшены перьями морских птиц, прикрепленными к прошивке верхнего ряда досок приблизительно так же, как на древних новозеландских военных ладьях. С кормы и носа свисали, кроме того, гирлянды из перьев.

Оружие местных жителей было хорошо выделано и покрыто более искусной резьбой, чем на Таити.

Позднее моряки жадно охотились за диковинками южных морей: покрытыми резьбой веслами, отполированными палицами с ромбовидными лезвиями и каменными пестиками из Раивавае. Многие из этих предметов попали в музеи, и их приписывают

---

[1] Лишь отдельные единицы миссионеров оказались культурными и любознательными людьми и своими наблюдениями обогатили науку. К числу этих немногих миссионеров-исследователей надо отнести еще Лоримера Файсона — прогрессивного деятеля, друга и единомышленника Моргана, действовавшего на островах Фиджи. Подавляющую же массу миссионеров составляли и составляют мракобесы, беспощадно уничтожающие все ценное в самобытной культуре островитян. Нечего и говорить о их политической роли разведчиков и пособников колониальных захватчиков.

[2] Южные (Аустральные) острова входят в состав «Французских поселений в Океании», центр которых Таити.

обычно Раивавае (Высокий остров). К сожалению, мы не знаем ничего определенного о палицах и веслах трех остальных островов.

Многие этнографы заблуждаются относительно происхождения раиваваеиских весел, считая их заимствованными с острова Мангайа в архипелаге Кука. Это заблуждение возникло из-за сходства некоторых орнаментальных сюжетов на веслах острова Раивавае с рисунками на мангайанских церемониальных веслах. Между тем весла на Мангайе совершенно другой формы, и мангайанские резчики не воспроизводили кружков, завитков и женских фигур, украшающих весла Раивавае.

В числе древних «диковинок» во многих музеях показывается деревянный, сплошь покрытый резьбой разливной черпак. Он изготовлен из цельного куска дерева и напоминает вытянутую чашу, длинная ручка которой по форме и по резьбе похожа на рукоять весла. Однако производство этих черпаков, вероятно, относится уже к эпохе, последовавшей за европейским проникновением, потому что у древних полинезийцев не было необходимости в подобной утвари, которая, кстати сказать, не обнаружена на других полинезийских островах.

Пользуясь земляными печами, нельзя сварить ни супа, ни другого жидкого блюда. Один из моих коллег высказал предположение, что местные жители познакомились с черпаками на иностранных судах, которые они посещали. Комбинация чаши и рукояти весла породила предмет, столь популярный среди европейских коллекционеров.

О Южных островах собрано меньше сведений, чем о каком-либо другом населенном архипелаге Полинезии.

Музей Бишопа в 1920—1922 гг. включил Южные острова и остров Рапа в план своих исследований. Из-за отсутствия регулярного пароходного сообщения членам экспедиции не удалось проникнуть на два западных острова; на восточных островах высадились Эткен и Стокс (первый — на Тубуаи, а второй — на Раивавае). Несмотря на то что оба этнографа собрали ценные сведения, материал, касающийся мифов о сотворении и древнем заселении островов, оказался скудным.

Мореплаватель Хиро, широко известный на Таити, архипелаге Кука и в Новой Зеландии, считается на Тубуаи первым посетителем острова и предком его жителей. На Раивавае Хиро выступает как предок, именуемый Хиро-мата-атуа (Хиро с божественным ликом), который женился на Эвари'и — дочери бога Тане. У них родился сын по имени Мауи.

Чтобы проследить родственную связь между богами и героями Южных островов, с одной стороны, и богами и героями остальной Полинезии — с другой, необходимо сделать отступление и упомянуть об изменениях в языке и местных особенностях произношения гортанных звуков. На Южных островах, как и на Таити, пропадают согласные «k» и «ng». На Руруту, так же как и на островах Кука, выпадает звук «h». Имя Эвари'и

до выпадения двух гласных и согласного «k» произносилось как Эва-арики, то есть Эва — верховная правительница. Эва—это южноостровная форма от имени Ева. Я допускаю, что это имя было заимствовано из Книги бытия[1] и вытеснило полинезийскую героиню, чье имя было забыто. То, что великий полинезийский полубог Мауи получил здесь таких необычайных родителей, свидетельствует о духовной растерянности, наступившей в Полинезии после того, как были заброшены старые боги.

Несмотря на новую родословную, все же Мауи и на Южных островах приписывается несколько деяний, фигурирующих в полном перечне его подвигов. В одном предании с острова Тубуаи рассказывается о том, как Мауи воздвигнул храм, выловил удочкой различные острова и добыл огонь. Как и в легендах других островов, здесь рассказывается, что герой поймал в петлю солнце, хотя последний подвиг излагается в местном варианте.

У Мауи и его матери не было иной возможности испечь таро, как только выставив его на солнце. Однако солнце двигалось по небу так быстро, что, когда наступил вечер, таро было еще сырым. Съев недопеченную пищу, Мауи и мать повредили себе горло и рот. Современные химики разъяснили нам, что в таро содержатся кристаллы щавелевой кислоты, которая раздражает слизистую оболочку пищеварительного тракта. Действие кислоты парализуется варкой пищи.

Испытывая физическую боль и досаду, Мауи задумал поймать солнце в петлю из крепкой веревки и держать его до тех пор, пока пища не будет готова. Мать посоветовала ему обсудить задуманное с ее отцом Тане, который обитал где-то в верхних сферах.

Мауи навестил деда и поведал ему о своих злоключениях и о затее поймать солнце, чтобы сварить пищу. Следует отметить, что в мифах многих других островов рассказ ведется в обратном порядке. Естественно, что у нас вызывает удивление, откуда Мауи знал, что после варки пища становится более съедобной. Возможно, в длинные летние дни пищу готовили на солнечных лучах, а зимой, с ее короткими днями, этого сделать не удавалось. Однако такая догадка высказывается лишь мной, в мифе нет на это указаний[2].

Тане, узурпировавший положение Махуика, бога огня, сказал своему внуку: «Твои намерения неосуществимы, потому что солнце нельзя поймать в петлю. Но задачу можно разрешить другим путем, не пытаясь совершить невозможное. Я покажу тебе как».

[1] То есть от миссионеров.

[2] В этом предположении нет никакой необходимости. В мифологии всех народов можно найти немало мифов, объясняющих те или иные явления одним и тем же примитивным способом: допущением, что «некогда было наоборот». В данном случае в мифе объясняется медленное движение солнца по небу: оно двигалось-де раньше быстро, но некто (герой мифа Мауи) замедлил ход солнца.

Тане взял кусок сухого дерева и разломил его надвое. Один кусок «'ауноти» он неподвижно закрепил на земле. Затем он начал водить по нему острым концом второго обломка, «'аурима», до тех пор, пока на нижнем куске дерева не образовалась от трения ложбинка. По мере того как ложбинка углублялась, на переднем конце ее собралась кучка измельченного дерева. Быстрота движений возрастала. От теплоты, вызванной трением кучка древесной пыли начала тлеть и дымиться. Тане быстро сунул тлеющую пыль в пучок сухого волокна, который был у него приготовлен заранее, и начал размахивать им взад и вперед. Огонь вспыхнул и разгорелся пламенем. Горящее волокно Тане положил на землю для растопки, а вокруг искусно разместил мелкие щепки. Постепенно он подкладывал все более крупные ветки. Мауи вытаращил глаза при виде весело заполыхавшего огня. Впервые в жизни смотрел он на костер. Тане взял своего внука за руку и быстро простер ее над огнем, чтобы познакомить его со свойствами новой стихии, которую солнце заковало в стволы деревьев.

Так, пройдя через ритуал «обожжения пальцев», Мауи познакомился с добыванием огня путем «выпахивания». Этот способ распространен в Полинезии[1].

Тане не ограничился этим уроком. Он вырыл в земле неглубокую ямку и зажег в ней огонь, а над ним положил камни величиной с сжатый кулак. Когда дрова догорели, жар сохранился в раскаленных докрасна камнях. Камни он разровнял таким образом, чтобы на них было удобнее положить пищу, и прикрыл листьями. Через некоторое время, когда бог отодвинул листья пища под ними была готова. Так Тане показал простейшее устройство печи для приготовления пищи, которое распространилось по всей Полинезии. Задача приготовления пищи для Мауи была разрешена.

Тане сказал: «Спустись обратно в нижний мир и объясни своей матери, как надо добывать огонь и готовить пищу».

Тане пожалел Мауи, которому предстоял долгий путь. Поэтому он поместил внука в священный кокосовый орех и сбросил его из верхней сферы в нижнюю. Кокосовый орех легко пронесся через пространство и упал у Те Махара на острове Раивавае. Он раскололся, и Мауи благополучно выбрался наружу. Возвратившись к своей матери, герой поделился с нею своими новыми познаниями. Если кому-нибудь придет в голову спросить, почему же мать Мауи сама не научилась добывать огонь непосредственно от своего отца Тане, то он получит от нас простой ответ: в связи с гибелью древней культуры имена некоторых легендарных героев перепутались; по другим преданиям о Мауи, мать

[1] У отдельных народов известны разные способы добывания огня «сверление», «пиление» и др. Господствовавший у полинезийцев и в некоторых других частях Океании способ «выпахивания», названный так по сходству с действием плуга, описан в приведенном автором мифе.

его вовсе не была дочерью Тане, и поэтому Мауи не мог узнать тайну огня от этого великого бога.

В другом предании с острова Раиваваe упоминается о Тихауоне, который женился на Хинахуоне, дочери царя подземного мира Тоарева. Имя Тихауоне произошло от Ти'и-аху-оне, то есть Тики-аху-оне, и указывает на искаженное воспоминание о Тики. В более развитых преданиях имя Тики связывается с сотворением из земли первой женщины Хины. Ее имя употребляется обычно с определительными словами: аху, то есть нагромождать, и оне, то есть земля. Имя жены Тики Хина-аху-оне служит положительным доказательством того, что когда-то древний миф о сотворении человека был известен на острове Раиваваe в более полном виде, чем в сохранившихся и записанных обрывках. В самом начале родословных списков встречаются имена Та'ароа, Тане и Ро'о, но Ту, как это ни странно, не упоминается.

Раиваваенские храмы, описанные Стоксом, многочисленны и своеобразны по своей архитектуре. Им свойственны обычные прямоугольные участки дворов, однако границы отмечались одним рядом высоких базальтовых плит, тесно приставленных друг к другу. Средние плиты по концам площадки достигали в высоту 10—12 футов. С внешней стороны стены, выложенной из плит, сооружался низкий барьер, обычно из красного туфа. Между барьером и стеной на землю ставились скульптуры из красного туфа, обращенные лицом к барьеру.

К главному двору пристраивали дополнительные дворики меньших размеров. К самым крупным храмам вели длинные вымощенные аллеи, по сторонам которых устанавливались через равные промежутки базальтовые столбы. Аллея заканчивалась у среднего входа в переднюю часть главного двора.

Когда в храмах отправлялось богослужение, они, вероятно, производили внушительное впечатление. К сожалению, мы не располагаем сведениями о ритуальных обрядах; не сохранились также имена богов, которым здесь поклонялись.

Ни в одном храме на этом острове Стокс не обнаружил остатков высоких алтарей на платформе, характерных для ритуальных сооружений других районов Полинезии; исключение составил лишь древний храм в Те Махара, сооруженный, по преданию, на том месте, где опустился Мауи после своего полета в скорлупе ореха. Возможно, что в этом древнем храме еще сохранились особенности старинной архитектуры, которая с течением времени была забыта и заменена описанной выше местной формой. Если местные жители смогли изобрести новый стиль рисунков на веслах и резьбы, то почему бы им не изменить и архитектуры своих храмов?

На трех Аустральных островах храмов значительно меньше, и они, по-видимому, уступали по архитектуре храмам Раиваваe. Каменные идолы из красного туфа были найдены только в Раиваваe, на остальных островах они не обнаружены. Эти фигуры

женщин по технике их выполнения напоминают изображения, вырезанные на веслах, и, вероятно, имели скорее декоративное, чем религиозное значение. В уже упоминавшейся работе Макмиллан Браун описывает две такие большие скульптуры, когда они еще стояли на своем первоначальном месте. Высота одной из них доходила до 12 футов, а другой — до 9 футов. Скульптуры пытались снять и увезти на французском военном корабле «Зеле», но этого сделать не удалось. Позднее они были переправлены на Таити и поставлены по обеим сторонам аллеи, ведущей к музею в Папеэте, где я их обследовал в 1936 г.

То обстоятельство, что на Риматаре, Руруту и Тупуа и подобные скульптуры не обнаружены, вовсе не означает, что их там никогда не было. В 1826 г. миссионерское судно, снаряженное раиатеанским отделением Лондонского миссионерского общества, возвратилось с Руруту нагруженное «богами язычников», которые выставили на церковной кафедре для публичного обозревания. В числе скульптур находилось изображение главного бога острова Нуруту, называемого Аа (Ха). Фигура из полого дерева достигала 4 футов в высоту. На спине статуи было обнаружено отверстие с крышкой, а середина оказалась заполненной маленькими божками. Миссионер Джон Вилльямс утверждает, что из статуи извлекли одного за другим не меньше 24 божков, которые были выставлены на обозрение публики. Можно легко догадаться, какая судьба постигла эти произведения древнего полинезийского искусства; если души грешников, согласно новой религии, горели в подземном мире, то тела их деревянных божков предали огню на земле. Насколько мне известно, сохранилась только одна большая скульптура Аа. Она нашла убежище в Британском музее, где известна под именем Тангароа-упаоваху. Скульптура украшена маленькими человеческими фигурками, вырезанными непосредственно на лице, туловище, конечностях и крышке. Некоторые фигурки обращены вниз головой и представляют собой довольно нелепое зрелище. Они напомнили мне два высоких каменных панно по обеим сторонам входа в Батский монастырь в Англии. На панно изображена лестница святого Иакова, по которой взбираются и спускаются ангелы. Спускающиеся ангелы повернуты вниз головой, как и фигурки на Аа.

В юго-восточном направлении Рапа является самым южным островом тропической Полинезии. Его иногда относят к Южному архипелагу[1]. Точно так же, как и Южные острова, Рапа был забыт исследователями, а Стоксу, который переехал туда с Раиавае, удалось только собрать спутанные отрывки мифов и преданий. Собранные незначительные отрывки интересны как остатки более богатой устной литературы, которую не удосужились записать первые миссионеры, занятые распространением новой веры.

[1] Политически и административно Рапа тоже причисляется к Южному архипелагу.

Миссионер Девис, посетивший остров Рапа в 1826 г., утверждал, что там была распространена та же религия, что и на Таити, но без пышного ритуального оформления. На Рапе не было архитектурных сооружений. Несколько камней считалось жителями святыней, обладающей магической силой. На острове не обнаружено никаких каменных или деревянных скульптур. Боги Папаруа и Поере олицетворялись в виде различных предметов. Папаруа изображался из волокна кокосового ореха в виде небольшого бочонка длиной в 2—3 дюйма. С ним советовались во время войн и болезней и обращались за помощью при охоте на черепах. Поере олицетворялся камнем длиной в 1 фут, установленным на земле. Этот бог содействовал изобилию пищи и задерживал весенние воды. Вероятно, он был также богом-покровителем ремесленников, потому что к его помощи обращались обычно при спуске на воду лодок и при постройке домов. Поере приписывалось также исцеление больных, для чего ему приносилась в жертву рыба.

Возможно, что Папаруа отражал воспоминание о Папа—великой матери-земле: рапаанцы из двух Папа составили одного бога Папаруа (двойной Папа). Диалект острова Рапа отличается от других диалектов южных островов тем, что там сохранились звуки «k» и «ng», тогда как звук «h» пропал. Рапаанский диалект подвергся позднее такому влиянию со стороны Таити, что возникает вопрос, не означает ли бог Поере то же самое, что и Покере (Темная ночь). Если это так, то имя Поере отражает воспоминание о Вечной ночи, которая на других островах описывается в мифах о сотворении мира. В мифологии Рапа не встречаются Те Туму, Атеа, Фа'ахоту и великие старшие боги — Тане, Ронго и Тангароа.

На острове Рапа известен целый ряд младших семейных богов. Эти боги — обычного полинезийского типа: выражаемые ими пожелания, вернее пожелания их толкователей, также обычны для полинезийцев. Очевидно, здесь не было организованного жречества, чем и объясняется такая скудная мифология. Широко распространенные термины «тохунга» и «таура»[1], обозначавшие жрецов, отсутствуют в диалекте Рапа; местный термин «тангата-каи-пуре», то есть человек, который ел молитвы, свидетельствует о какой-то жалкой замене этого сословия.

Легенды о происхождении человека сильно сокращены, но любопытны. По преданию, первым человеком на острове Рапа был Тики, приплывший сюда с 'Аваики. Он вступил в брак с

---

[1] У большинства полинезийских племен было две категории жрецов: официальные служители богов — тохунга, состоявшие при храмах, святилищах и т. п., и «вольно практикующие» жрецы — таура, тауа, каула, применявшие шаманские приемы приведения себя в экстаз, чтобы боги ниспослали им «вдохновение». Для религии периода перехода от доклассового к классовому строю общества подобное явление очень характерно. Оно наблюдалось также среди народов Африки.

рапаанской женщиной, и она родила ему двух дочерей. Из библейского предания о сотворении человека мы узнаем, что у первой супружеской пары было два сына — Каин и Авель. Когда Каин убил Авеля, своего брата, казалось, что человечеству пришел конец. Но Каин взял себе в жены женщину из земли Нод, и человеческий род продолжался.

Я не могу объяснить появление женщины на необитаемом острове Рапа, если не считать этот остров полинезийским вариантом земли Нод.

Две дочери Тики, собирая моллюсков, натолкнулись на щупальце моллюска, представлявшее собой фаллус Тики. Обе они забеременели, и одна из них родила сына, а другая — дочь. Сын одной из них по имени Тама-тики (Сын Тики) женился на своей двоюродной сестре. От них и произошли все жители острова Рапа. Во всяком мифе о сотворении, где фигурируют один мужчина и одна женщина, неизбежно происходит кровосмешение. Полинезийцы осознали эту биологическую необходимость, и на большинстве островов в мифах о сотворении Тики совершает кровосмешение непосредственно со своей дочерью. В отличие от распространенного образца кровосмешение на Рапе прикрывается моллюском.

На рапе, так же как на Раротонге и на Южных островах, естественно было бы найти упоминание о великом мореплавателе Хиро. Но хотя здесь действительно известна местная форма этого имени 'Иро, с ним не связано никаких воспоминаний. Между тем предания других островов не оставляют никакого сомнения, что Хиро был действительно одним из выдающихся мореплавателей XIII в. и что он с архипелага Общества предпринимал путешествия к различным островам на востоке, юго-востоке, юге и на юго-западе. Хотя Хиро и не достиг Новой Зеландии, слава о нем была занесена на этот отдаленный остров его потомками, которые в XIV в. переселились сюда из Центральной Полинезии.

Мифы и предания острова Рапа дошли до нас уже в сокращенном, упрощенном виде. Однако Ванкувер, вторично открывший этот остров в 1791 г., с восторгом отзывался о местной материальной культуре. Он был поражен, увидев ладьи, вмещавшие по 25—30 человек. Местные скульпторы покрывали резьбой ту часть кормы, которая возвышалась над поверхностью воды.

Ванкувер писал по этому поводу: «Их изобретательность и упорный труд приводят в восторг». Такая похвала — редкость в устах неполинезийца.

На Рапе слишком холодно для выращивания хлебных деревьев, кокосовых пальм и пизангов. Древние открыватели этого острова почему-то не завезли с собой ни свиней, ни собак, ни домашней птицы, но вездесущие крысы пробрались сюда на каком-то старинном судне.

Из продовольственных культур здесь разводятся таро, бананы, сладкий картофель, ямс и горные яблоки. Таро заквашивается в ямах, как плоды хлебного дерева на Маркизских островах, и составляет основную пищу жителей. Его завертывают в листья и пекут в земляных печах, а затем превращают в тестообразную массу с помощью каменных пестиков. Хорошо размешанное тесто заворачивается в листья и развешивается на деревьях.

Женщины численно превосходят мужчин и выполняют бóльшую часть тяжелой работы. Они работают в поле, переносят в дом запасы продовольствия и готовят еду. Они даже прислуживают мужчинам в обеденное время и кладут им пищу в рот. Наблюдавший этот обычай Макмиллан Браун пришел к заключению, что на мужчин налагалось табу, и они не имели права прикасаться к еде собственными руками. Очевидно, к этому истолкованию его привело знакомство с новозеландским обычаем, заключавшемся в том, что отдельные лица, следуя религиозным предписаниям, подвергали себя действию табу на некоторый срок. В течение этого времени они не могли касаться пищи своими руками потому, что еда была мирской (ноа). Им приходилось питаться из рук прислужников, мужчин или женщин, до тех пор, пока не истекал срок табу.

На острове Рапа мужчины не подвергались табуации, как это утверждал Браун. Женщины просто прислуживали своим мужьям согласно местному обычаю. Сходный обычай существовал на Мангареве.

От сношений с европейцами жители острова Рапа пострадали, если это возможно, не меньше, чем маркизанцы. Это небольшой островок протяжением с севера на юг только в 5,7 мили, а с востока на запад 5 миль. Береговая линия изрезана 15 заливами. Один из восточных заливов Таирирау врезается в глубь острова почти до его середины. В 1791 г. Ванкувер определял население приблизительно в 1500 человек, а в 1826 г. миссионер Дэвис оценивал его в 2000 человек. Корабль, доставивший сюда в 1826 г. миссионеров, завез вместе с ними и эпидемические заболевания. Моренхаут, посетивший Рапу в 1834 г., сообщил, что население сократилось до 300 человек; таков был результат появления на острове венерических и эпидемических заболеваний. Но, видимо, чаша горести рапаанцев не наполнилась еще до краев. В 1863 г. зафрахтованный корабль развозил на родину жителей Тонго, Токелау и Манихики, которые были завербованы перуанскими работорговцами. На борту судна вспыхнула эпидемия оспы и холеры. Капитан и матросы, спасая свои жалкие жизни, высадили больных на острове Рапа. Рапаанцы мерли, как мухи. Когда спустя год Холл посетил этот остров, в живых осталось только 130 человек.

В безмятежные дни, когда в Полинезии еще не было европейцев, жители Рапы успешно приспособлялись к своеобраз-

ным местным условиям. Все пригодные для обработки земли использовались для выращивания таро. Заквашивание таро в ямах обеспечивало жителям постоянные запасы продовольствия. Древние семьи развились в группы, а затем превратились в племена, которые еще позднее распались на более мелкие племенные группы. Племена назывались по имени своих предков. К имени прибавлялась приставка нгате (нгати) и нгаи, точно так же как в Новой Зеландии. С ростом населения начали возникать столкновения между племенами. На господствующих горных вершинах начали строить укрепления, которые служили не только для обороны, но и для охраны посевов и наблюдения за соседними племенами. Самыми удобными местами для укреплений были острые горные вершины с крутыми склонами. Такое расположение гарантировало невозможность массовой атаки широким фронтом. Для крепости обычно выбирали острую вершину; ее выравнивали и устраивали наверху площадку. Склоны стесывали при помощи заостренных роющих орудий из дерева и грубых тесел из базальтовой дайки до тех пор, пока не образовывалась вторая терраса, достаточно широкая для размещения жилищ.

Военные строители тех времен сооружали целую систему террас с неизменной задней стеной. Самые острые части горы у вершины выравнивались, а склоны стесывались, чтобы увеличить крутизну над пропастью. Для усиления обороны по обе стороны от крепости прорывались глубокие канавы. Террасы устраивались также на отрогах, которые подводили к крепости. Там располагались дома и аванпосты для обороны. Задние стены подобных террас, особенно если они были расположены вблизи от крепости, для большей прочности тщательно облицовывали каменными плитами. Они защищали поверхность земли от разрушительной силы ветра и дождя. На выступающих камнях вытесывали ступени, по которым защитники могли отступать с террасы на террасу. Внутри самого укрепления на случай осады вырывали ямы, где скапливались запасы дождевой воды. Кроме того, поблизости от укрепления в нижней части склона находился охраняемый источник.

На верхней террасе укрепленной вершины была резиденция верховного вождя, который во время войны становился главнокомандующим. Нападающие могли атаковать крепость только с одной стороны. Находясь на господствующем пункте, вождь мог перебросить силы обороняющихся в угрожаемое место. В условиях рукопашной борьбы укрепление, господствующее над всей округой, было идеальной позицией для командующего обороной.

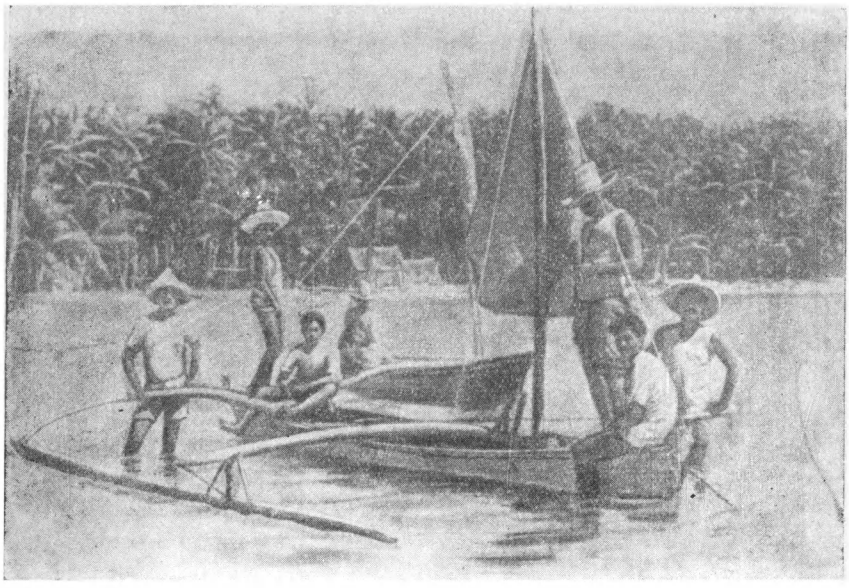
Горные укрепления острова Рапа носили названия паре или па. К этому добавляли еще маунга (гора) или тамаки (война). Возможно, что фортификация получила такое необычайное развитие на Рапе благодаря географическим особенностям острова.

В общих чертах рапаанские крепости напоминают новозеландские па (укрепления). Если бы мне удалось побывать на Рапе, возможно, я уловил бы связь между укреплениями Рапы и Новой Зеландии; при личном ознакомлении всегда удается заметить подробности, которые ускользают при чтении чужих книг.

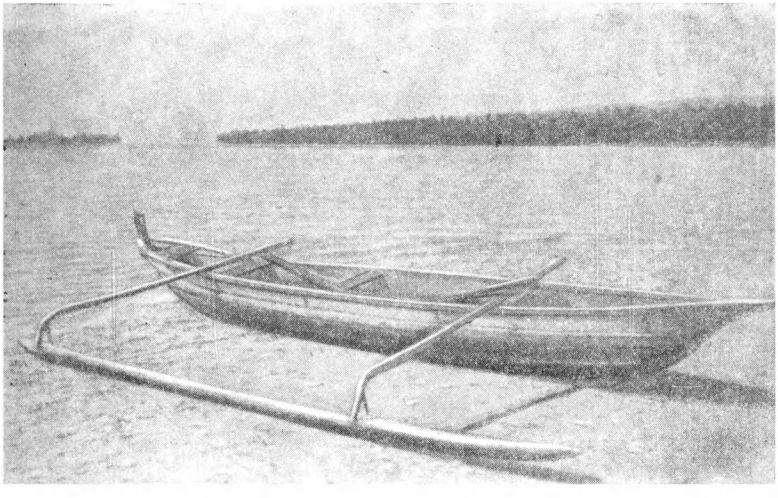
Горные укрепления острова Рапа — вещественное свидетельство былой воинственности населявшего его народа.

Самая высокая крепость острова Карере находилась на высоте 1460 футов. Великолепным образцом оборонительных сооружений была крепость Те Ваитау, расположенная на высоте 840 футов. Я позволил себе размечтаться над развалинами каменного стадиона на Маркизских островах; снова отдаться мечтам я не решаюсь.

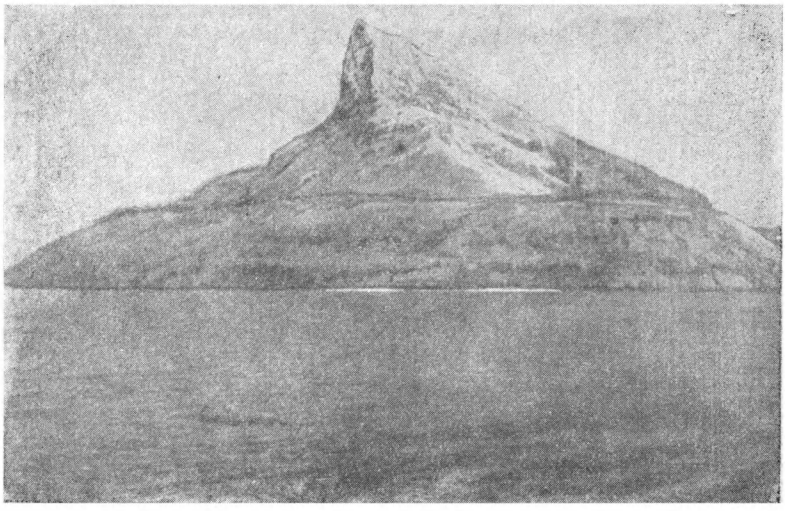
Взгляните на изображение крепости Те Ваитау (фото 18); представьте себе, что на террасах толпятся вооруженные воины, прислушайтесь, как трубные звуки раковин созывают людей на битву, и помечтайте сами о прошлом Рапы.



Лагуна атолла Напука; каноэ с балансиром и парусом из циновок



Рыболовное каноэ из досок (*Татакоку, острова Туамоту*).
Видны внутренняя лагуна и островок, поросший кокосовыми пальмами



Остров Мангарева. Видна вершина Маунт-Дафф

Развалины храма, построенного на атолле Темое беглецами с Мангаревы

Глава XIV

ВОСТОЧНЫЕ АТОЛЛЫ

Сначала возникла земля Гаваики
Со своим царем Ронгонуи;
Потом возникла земля Вавау
Со своим царем Тои-ане.
А потом появилась на свет земля
Хити-нуи
Со своим царем Тангароа-манахуне.

(*Песня жителей Туамоту*)

Я РОДИЛСЯ в Южной Полинезии, живал на севере, работал на западе и в центральной области, но мне никогда не доводилось бывать на островах, расположенных к востоку от Таити. В 1934 г., после того как в течение двух лет я занимал должность профессора-лектора музея Бишопа по антропологии в Иельском университете, мой музей послал меня в составе экспедиции на остров Мангарева. Для поездки на различные архипелаги к востоку от Таити были наняты мощный моторный сампан «Айлендер» («Островитянин») и небольшая шхуна «Тиаре Таити» («Таитянская гардения»). Партия ботаников, разместившаяся на сампане, работала под руководством доктора Кука — младшего сотрудника музея Бишопа.

Острова, куда они направились, не были еще до тех пор никем изучены. Участники экспедиции собрали там коллекции растений, насекомых и сухопутных раковин, представлявшие большой и новый научный материал.

«Тиаре Таити» была предоставлена этнографам: Стимсону, Эмори и мне. Шхуна поджидала меня в августе на Таити. Поскольку судно должно было еще отправиться на ремонт в сухой док, я сел на торговую шхуну «Моана», чтобы встретиться на восточном Туамоту со своими коллегами.

На второй день после нашего выезда из Папеэте, мы миновали Каукура, первый атолл из архипелага Туамоту[1]. На гори-

[1] Архипелаг Туамоту (Паумоту) входит в состав «Французских поселений в Океании». Этот архипелаг состоит из огромного количества коралловых атоллов. В открытии и первом исследовании островов архипелага видную роль сыграли русские моряки. Многие острова впервые были открыты ими (Коцебу в 1816 г., Беллинсгаузен и Лазарев в 1820 г.) и полу-

зонте вырисовывались вершины кокосовых пальм. Пока мы приближались к берегу, деревья, казалось, постепенно вырастали из воды. Наконец, они предстали перед нами во весь рост на ослепительно белом коралловом пляже. На горизонте появлялись другие острова. Все они вытянулись вдоль дуги большого рифа, служившего им основанием. За противоположным берегом ближайших к нам островов виднелась тихая зеленоватая вода лагуны, резко контрастировавшая с глубоким пурпуром открытого моря. За зелеными водами неясно виднелись точки, пятнышки и сплошные линии кокосовых пальм. Они указывали на наличие других островов, замыкающих кольцо атолла.

На следующий день наш капитан указал на какие-то облака на юго-востоке и сказал: «Анаа». Я глядел на облака и на поверхность моря, — там не было никакого намека на землю.

Я не мог понять, как капитан увидел остров на небе, когда его не было видно на море, и каким образом тучи могли уподобиться привязанному аэростату и указывать на местоположение атолла.

— Как вы различаете остров?—спросил я.

— Посмотрите на этот зеленоватый оттенок облака,—ответил он.—Это отражение зеленой воды лагуны острова Анаа. Лагуна там мельче, чем на других островах, и вода более зеленая. Анаа всегда можно опознать по зеленому отсвету, если над лагуной светит солнце, а сверху собираются облака.

Я посмотрел на облако. У него действительно был зеленоватый оттенок. Может быть, остроглазые полинезийские мореплаватели могли различать и более слабые отражения других лагун даже тогда, когда небо было безоблачно. К сожалению, до нас не дошли сведения о наблюдениях, которые обеспечили успех древних странствований полинезийцев.

Спустя пять часов мы плыли уже вдоль Анаа. На берег мы переправились на корабельной шлюпке, потому что в рифе не было пролива, по которому шхуна могла бы проникнуть в лагуну. Нас довольно прохладно встретили несколько туземцев и двое китайцев. Капитан занялся своими делами, а мы с одним попутчиком направились по расчищенной дороге. Она соединяла внешний берег острова с побережьем лагуны, которые находились друг от друга на расстоянии полумили. По обеим сторонам дороги были расположены дома небольшой деревеньки Тукухора. Почти все они были сделаны из обломков ящиков и крыты ржавым гофрированным железом. Только несколько домов были покрыты переплетенными листьями кокосовой пальмы, которые прикреплялись гвоздями, вбитыми в среднюю жилку листьев,

---

чили русские названия: острова Румянцева, Спиридова, Крузенштерна, цепь Рюрика, острова Кутузова, Раевского, Чичагова, Волконского, остров Восток и ряд других. Некоторые из этих названий сохранились до сих пор.

к ряду стропил. Со вздохом, я сунул свою записную книжку обратно в карман.

Когда мы вышли на берег лагуны, глаза мои заблестели при виде нескольких лодок с балансиром. Однако надежды почерпнуть что-то новое быстро рассеялись. В носовой части лодки имелись две прямые перемычки, соединявшиеся с поплавком при помощи подпорок. Эта техника была заимствована с Таити, даже способ прикрепления передней перемычки был аналогичен образцу, который я зарисовал на Таити четыре года тому назад. Местная техника острова Анаа совершенно исчезла.

Жители острова хотя и не были слишком угрюмыми, но все же не проявляли сердечности, столь характерной для полинезийцев. Позднее я узнал, что жители других островов архипелага Туамоту считали эту сдержанность типичной особенностью населения Анаа.

Один из моряков сказал мне: «Птичка тореа утром и вечером поднимает шум, когда кто-либо проходит поблизости от нее».

— Ну и что же?—спросил я.

— А вот на Анаа нет тореа,—ответил он.

По пути на Хикуеру мы были приглашены на необитаемый атолл Реитору. Атолл причисляется к Хикуеру; вождь этого острова, находившийся в качестве пассажира на нашем судне, разрешил капитану набрать топлива для паровой машины.

Мы не только раздобыли на острове достаточное количество дров, но также наловили рыбы, изобиловавшей в лагуне, и вытащили из гнезд в невысоком кустарнике множество еще не оперившихся птенцов морских птиц. При старой системе хозяйствования один из атоллов архипелага Туамоту периодически забрасывался и все его жители переселялись на другой остров, чтобы пищевые запасы восстановились в море и на суше.

Когда мы высадились на Хикуеру, жители острова выстроились на берегу, чтобы приветствовать нас по традиции словами «Иа орана» и пожать нам руки. Это были хорошо сложенные, опрятные и красивые люди. Очевидно, на Хикуеру птица тореа водилась в изобилии. Однако здешние дома и лодки вызывали у этнолога не меньшее разочарование, чем на Анаа. Даже местная речь была вытеснена таитянским диалектом, проникшим сюда в значительной степени благодаря торговле и широкому распространению таитянской Библии. Характерные для древнего языка звуки «k» и «ng» исчезли. Я пробудил довольно большой интерес у местных жителей, употребляя в разговоре с ними маорийский диалект, который оказался похожим на язык их дедов, уже сошедших в могилу.

Мы посетили Маро-кау и высадили в безлюдной деревушке китайского торговца с грудой товаров. Очевидно, жители временно переселились на другой остров, чтобы заготовить запас копры. Товары, привезенные купцом, были очень разнообразны: среди них были и куски мыла с Новой Зеландии и банки, на-

полненные имбирем, на которых был ярлык «Сделано в Китае».

На Тауере жилища и лодки строились также по современному образцу. Один молодой человек проводил меня к марае Рангихоа, где когда-то поклонялись богу Тахири. Только несколько камней указывали на прежнее местонахождение храма; мой проводник разрыл там песок и извлек череп. По тому как быстро туземец нашел череп, я решил, что храм был достопримечательностью, которую показывали всем туристам.

В лагуну Хао ведет глубокий пролив Каки (Шея). Течение там настолько сильное, что «Моана» с трудом преодолела его. Сюда собираются стаи морских птиц для охоты за рыбой; высоко в небе, подобно вражеским самолетам, парят тропические ястребы. Когда морские птицы, выловив рыбу, возвращаются с добычей в свои гнезда, на них обрушиваются сверху воздушные пираты. Перепуганные птицы выпускают рыбу, а быстрые тропические ястребы подхватывают ее на лету. Старик Те Уира пропел мне песню пролива Каки:

Каки! Да, я Каки,
Горло с узкой глоткой,
Бесформенно вытянувшееся от голода.
Пусто чрево нашей прародительницы Тиаки.
Дыхание мое прерывисто,
Увы, так мало времени у меня для отдыха.
Нутро море пенится, как беспокойный прибой,
И будит вздымающиеся волны в моем проливе,
Мои рыбы играют на водной ряби
По обеим сторонам течения.
С голодными выпученными глазами
Они ждут обломков перевернувшихся лодок,
Которые плывут из лагуны в море
По моей волнистой поверхности.
Но что это там за птица
Напряженно поджидает наверху?
Берегись ее! Это тропический ястреб,
Хищная птица со сверкающей грудью.

Лагуна Хао — одна из самых больших на Туамоту. Когда мы плыли к главной деревне Отепа, островки в самом отдаленном конце лагуны были едва различимы. Издали деревня с красными крышами домов создавала впечатление приморского курорта, однако при более близком рассмотрении обнаружилось, что краснеет не черепица, а проржавевшее гофрированное железо. Жители Хао оказались приветливыми и общительными людьми; их заинтересовал диалект, на котором я разговаривал, потому что в нем произносились звуки «k» и «ng», пропавшие в местном наречии.

В Татакото мы взяли на борт Эмори и Стимсона и по пути на Реао, предполагаемое место нашей полевой работы, посетили

остров Пукеруа. Дома здесь строят из местного материала. Лодки выделывают по туземному образцу — с помощью сплетенного шнура сшивают друг с другом маленькие кусочки досок. Лодки получаются глубокими и узкими, а вместо обычного толстого бревна для поплавка-балансира здесь используют доску. Жители Пукеруа и Реао находятся между собой в тесном родстве и по своему физическому типу отличаются от остальных туамотуанцев. Они ниже ростом, у них широкие лица и широкие носы. Возможно, что в этом сказался результат смешения с какой-то чужой народностью. Впрочем, разрешение этого вопроса следует предоставить специалистам по антропологии.

Еще до того, как мы достигли Реао, я получил радиограмму с Таити, где сообщалось, что «Тиаре Таити» пробудет в доке довольно долгое время. Если бы мы стали дожидаться судна на Реао, полевая работа на Мангареве не была бы выполнена, потому что наступало неблагоприятное для обследования время года. Мы изменили план и поплыли на Мангареву.

Хотя атоллы, которые мы посетили, не представляли интереса в отношении материальной культуры, все же Эмори и Стимсону удалось записать множество мифов, песен и легенд. Они собрали здесь, пожалуй, самый богатый материал по полинезийской мифологии и эпосу. Туамотуанцы, так же как и жители других коралловых островов, страдают от недостаточного разнообразия съедобных и волокнистых растений, которые произрастают только на плодородных почвах вулканических островов. Поэтому жители атоллов меньше интересовали белых торговцев, чем их сородичи на вулканических островах. Бедные в экономическом отношении коралловые архипелаги оказались в пренебрежении и значительно дольше сохраняли многие так называемые «языческие обычаи». Однако в конечном счете миссионеры и купцы в погоне за копрой и перламутровыми раковинами заполнили и эти острова и вовлекли местных жителей в те перемены, которые охватили всю Полинезию. Тем не менее некоторые старики, с которыми беседовали Эмори и Стимсон, некогда сами принимали участие в древних ритуалах, совершавшихся в храмах, и могли подробно рассказать о многих обрядах.

Туамотуанцы не создали высокой материальной культуры, что было связано с отсутствием сырья на коралловых островах, но они обладали поэтическим чутьем и даром выражать свои мысли в образах. Наблюдая беспрерывное набегание волн на коралловые острова и прислушиваясь к шуму валов, разбивавшихся о внешний край рифа, они олицетворяли вечную музыку моря в образе Оровару (Могучий шум воды).

Одним из самых распространенных развлечений в Полинезии было хоровое пение; оно было принято не только во время общественных торжеств, но и в будничные вечера, когда вся семья собиралась вместе. Пение не прекращалось обычно до тех пор, пока хор не исполнял весь свой репертуар; взрослые вспоминали

старые песни, а молодежь, желая присоединиться к поющим, постепенно разучивала их. Когда дети подрастали, старшие разъясняли им непонятные места. Так от поколения к поколению передавался древний фольклор. Сношения с европейцами и обращение туземцев в христианскую веру нарушили эту преемственность, но древние песни все еще сохранились в памяти музыкальных туамотуанцев. Хотя храмовый ритуал и прозаические поучения жрецов были забыты, старинные песни «фагу» звучат и поныне, являясь прекрасным и довольно точным отражением мифов и представлений о сотворении мира, которые были распространены на архипелаге Туамоту в доевропейское время. Помимо главных богов, характерных для всей Полинезии, на каждом атолле почитались также местные боги, представлявшие собой обожествленных предков.

Мифы восходят ко времени Коре, что значит Пустота, а период Космической ночи носит знакомое нам название Потанготанго[1]. Великий Источник (Туму-нуи) захватил с Гаваики, лежащей на дне моря, немного песку и поднял его на поверхность. Этот песок превратился в скалу, которая постепенно разрослась в остров. При помощи английской прозы я не в состоянии точно передать ритм туамотуанской песни «о растущем песке, вздымающемся песке, поднимающемся песке, рассеивающемся песке, о песке, превратившемся в целую землю».

В мифах архипелага Туамоту богато представлены великие опоанские боги природы. Многие песни, повествующие о сотворении мира, начинаются с Те Туму-нуи (Великого источника) и рассказывают о том, как Те Туму воплощался в различные формы. Он выступает как Туму-по (Источник тьмы) и противопоставляется Туму-ао (Источник света). С Те Туму ассоциируется и Папа (Основание земли). Атеа (Пространство) выступает здесь как Атеа-ранги (Небесное пространство), который живет наверху, в то время как внизу находится Факахоту (Плодородие земли). Один из мифов повествует о том, как Атеа-ранги вступает в брак с Атеа и порождает Тане (Правителя вещей, находящихся наверху), Тангароа (Повелителя океана) и Ронго (Покровителя ораторского искусства и красноречия). Подобное распределение ролей между богами заимствовано из древней опоанской религии; отступление проявляется только в том, что Атеа вступает в брак с Атеа-ранги и занимает тем самым место Папы и Факахоту. Составное имя Атеа-ранги представляет собой сочетание центральнополинезийского Атеа с ново-

[1] Характерная особенность полинезийской мифологии состоит в том, что в ней олицетворяются чрезвычайно абстрактные понятия, которые с трудом поддаются переводу на европейские языки. В этом сказывается творчество профессионалов-жрецов. Однако мифология не составляла жреческой тайны и была известна всему народу, что свидетельствует о сравнительно очень высоком уровне умственного развития полинезийцев.

зеландским Ранги, которые оба выступают в качестве мужей Папы, Матери-земли.

По мифологии Туамоту, в период тьмы боги призвали ремесленников, которым поручили приподнять Атеа-ранги, Небесный свод, и закрепить его на большой высоте. За это дело взялись Нгати-Ру, из рода Ру; среди них упоминаются Длинный Ру, Короткий Ру и Горбатый Ру. Мы видели уже, что в мифах островов Общества за эту задачу взялся сам Ру, но от усилий у него образовался горб, и он вынужден был отступить. Согласно мифам островов Кука, Ру действовал успешно и обошелся без физических увечий.

В некоторых «фагу» (песнях) подробно рассказывается о вражде между Тане и Атеа, закончившейся поражением последнего. О борьбе между этими богами повествуют также и мифы островов Общества; этот сюжет является отголоском новозеландского мифа, приписывающего Тане активное участие в поднятии Ранги (Небесного свода) до его современного положения.

Стимсон собрал из различных источников материал, свидетельствующий о попытке превратить Кихо-туму в верховного творца. Мы уже отмечали такую борьбу за господство между отдельными богами в мифологии Таити, где она была связана с возвышением Та'ароа, и еще встретимся с ней на Новой Зеландии, когда познакомимся с богословской школой Ио.

На архипелаге Туамоту известно также широко распространенное в Полинезии предание о Тики. Согласно аоанскому варианту предания, смертный человек по имени Аху-роа женился на девушке Оне-руа; у них родился мальчик Тики, который вступил в брак с Оне-кура, дочерью смертных людей—Мати и Оне-ура. По преданиям других островных групп, как мы уже отмечали, жена Тики была создана из земли и потому носила обычно имя Хина-аху-оне или какой-либо другой вариант имени Хина.

Однако следы древнего исходного предания обнаруживаются в именах родителей Тики, в которые включены частицы Аху, что значит «приподнять», и Оне, то есть «Земля» и в имени жены Тики — Оне-кура, то есть «Красная земля». В остальном действие в предании развертывается по общему образцу. Тики соблазняет свою дочь и вступает с ней в кровосмесительную связь. У них рождаются дети, которые и становятся предками местных жителей; особенность туамотуанского предания заключается в том, что Тики выступает только как легендарная личность и его не считают отцом человечества.

С многочисленными подробностями и большим числом местных вариантов сохранено на Туамоту предание о Мауи. Атаранга женился на Хава, и у них родились сыновья Мауи-муа, Мауи-рото, Мауи-мури и Мауи-таха. От второго брака Атаранги с Хуахенге родился сын по имени Мауи-тикитики-а-Атаранга, хитроумный и коварный герой Полинезии, которому приписы-

вается создание ее культуры. На Туамоту Мауи выступает в своем обычном репертуаре: он поймал солнце в петлю, перехитрил Махуика, бога огня, убил Туна (угря, из головы которого выросла кокосовая пальма), чтобы отнять у него женщину по имени Хина, и сотворил первую собаку.

Подробность о собаке интересна тем, что она указывает на какое-то воспоминание об этом животном у жителей островов Туамоту, у которых не было ни свиней, ни домашней птицы. Изложим вкратце это предание о Мауи. Мауи был женат на Хине, но она изменила ему с красивым чужестранцем Ри. Это стало известно Мауи, который предложил Ри поискать друг у друга в голове. Удобно растянувшись на земле и положив голову на колени Мауи, Ри уснул. Воспользовавшись этим, Мауи начал пальцами вытягивать нос, уши и позвоночник спящего. Когда Ри проснулся, он был уже четвероногим существом. Очевидно, превращению подверглось не только тело, но и сознание Ри, который стал предком собак. В мифе далее наивно повествуется о том, как совершенное Мауи чудо привлекло толпу любопытных.

Однажды Мауи вместе с четырьмя своими старшими братьями отправился на рыбную ловлю в лодке с балансиром, называвшейся «Таитаи-арохиа». На свой крючок Мауи насадил красные перья, которые, как известно, считаются атрибутом верховных вождей и богов. Неудивительно, что Мауи поймал чудесную рыбку. Вытягивая свою удочку из воды, Мауи распевал хвастливую песню, в которой подробно перечислялись все рыболовные принадлежности и все снаряжение лодки. Вынимая удочки из воды, он пропел последний стих.

Моя рыбка попалась на крючок,
Она поднимается в мир света.
Наконец, моя рыбка
Показалась над волнами.
Это — Таити.

Туамотуанское и новозеландское предания о Мауи имеют общие черты и в том отношении, что по обоим вариантам сюжета о бессмертии Мауи решил добыть его людям после того, как с огорчением заметил седые волосы своей жены. Герой узнал, что для предотвращения смерти нужно обменяться желудками с Рори, морским слизняком. В мелких прибрежных водах Мауи разыскал слизняка, но упрямый Рори отказался от обмена. Тогда Мауи схватил слизняка и сжал с такой силой, что выдавил желудок. После этого Мауи выплюнул свои внутренности и начал заглатывать желудок морского чудовища. Когда ему осталось только проглотить пищевод, братья, тайно следовавшие за ним, воскликнули: «Посмотри, что делает Мауи!». Желудок морского слизняка был извлечен, а желудок Мауи вложен на свое прежнее место. Так последнее приключение Мауи, совершившего тысячу подвигов, не увенчалось успехом.

Родословные самых знатных правящих семейств начинаются с «нанао арики»—разыскания начала рода вождей. В одном из них поется:

О царь мой!
Я проникну
В тайники древней мудрости и знаний,
До самого Великого Источника, Тумунуи,
До Малого Источника и до всех остальных.
Пусть же юг повернется ко мне!
Пусть же север склонится ко мне!
Папа, Основание, было разбито,
Основание было очищено,
От основания началась родословная.
Но чья это родословная?
Родословная моего знатного предка,
Моего предка Хиро.

Славным предком туамотуанцев считается Хиро, великий мореплаватель XIII в. От него вплоть до нашего времени в родословной легко прослеживаются 26 поколений.

Некоторые старинные песни, посвященные отдельным атоллам, свидетельствуют о горячей привязанности жителей к своей родине. Ниже приводится песня об атолле Рароиа:

Что это за ладья плывет сюда,
Ладья, над которой перекинулась радуга?
Вокруг ладьи снуют белые морские ласточки.
Земля Рароиа открыта!
Рароиа, страна нежных ветерков,
Откуда доносятся звуки жалобы Мареренуи.
Мягко шуршат листья кокосовой пальмы.
О, какую любовь внушает моя земля!

Стимсон перевел много подобных песен, но размер книги не позволяет приводить дальнейшие примеры.

Среди многочисленных мифов и песен встречаются различные варианты одного сюжета и различное толкование неясных мест. Уже древние мудрецы понимали, что старинное учение ванага может не совпадать с его позднейшим толкованием кореро. Сомнения, испытываемые по этому поводу, нашли выражение в следующих стихах.

Правильно толкование, неверно учение.
Верно учение, неправильно толкование.
Верно, верно учение!
О, нет,
Оно неверно,— увы! — неверно.

Из песни, приведенной в качестве эпиграфа к настоящей главе, мы видим, что жители архипелага Туамоту знали о существовании островов Гаваики, Вавау и Хити-нуи. С Хити-нуи связывают имя Тангароа-манахуне, с которым мы уже встречались в преданиях Таити, где оно произносится как Та'ароа-манахуне. Отсюда ясно, что под островом Хити-нуи подразумевался вовсе не Фиджи, а Великий Таити в архипелаге Общества.

Религиозные обряды совершались на открытых площадках. На одном краю устраивалась обычно приподнятая каменная платформа; за ней находился ряд широких известняковых плит, напоминающий детали архитектуры культовых сооружений острова Тонгарева. На площадке обычно воздвигались известняковые плиты, служившие спинками кресел главного вождя и жреца. В противоположность строениям Тонгаревы, туамотуанские площадки не обносились оградой.

Главные церемонии, совершавшиеся в храмах, были связаны с приношением в жертву черепах. Когда на море удавалось поймать черепаху, у нее немедленно вынимали кусок грудного щитка и с заклинаниями жертвовали его богу Тангароа. Из этого видно, что здесь, так же как и на Маркизских островах и в Новой Зеландии, Тангароа сохранил свое положение бога моря и рыболовства. Черепаху вносили на площадку и, совершая жертвенный обряд, перерезали ей горло.

Перед платформой воздвигался шест, который заканчивался развилкой. На нее привешивался кусок сырого мяса, вырезанный из черепашьего бока. Оставшуюся часть черепахи зажаривали в печи, расположенной поблизости, и опять приносили на площадку. Ее разрезали на куски, после чего верховный вождь и жрец съедали тут же в марае сердце и плавательную перепонку. Разрезанную черепаху подвергали вторичному обжариванию, и уже после этого мужское население острова начинало пировать около площадки. Женщинам запрещалось есть черепашье мясо. Поскольку черепашье мясо считалось табу, его нельзя было вносить в жилой дом, и все куски, оставшиеся от пиршества, складывались около печи на деревянную подставку. Если мяса было столько, что оно оставалось недоеденным, мужчины приходили на следующий день и лакомились остатками.

Закончив полевую работу на Мангареве, я сел на пароход «Тоиа» и возвратился на Таити. Мы очень удачно пересекли архипелаг Туамоту в его северной части, и я смог познакомиться с новыми островами. Архипелаг Туамоту занимает большое пространство. С запада на восток от Рангироа до атоллов вблизи Мангаревы он протянулся более чем на 1000 миль. Острова Мангарева обычно также относят к архипелагу Туамоту, хотя они имеют вулканическое происхождение и в культурном отношении отличаются от туамотуанских атоллов.

На Фагатау со мной произошел случай, который, хотя и не имеет прямого отношения к рассказу, может служить хорошим примером искреннего радушия полинезийцев и доброжелательного отношения к людям одной с ними расы. Когда мы пристали к берегу, я пожал руку туземцам, ожидавшим нас, как обычно, на берегу. Среди них было несколько стариков, но я не осмелился произнести речь, ограничившись таитянским приветствием «Иа орана». Торговый агент с судна отправился в деревню, расположенную на расстоянии нескольких сот ярдов от

берега, и я последовал за ним. Меня догнал высокий красивый туамотуанец средних лет, во время пути он с удивлением искоса разглядывал меня. Он пытался определить мою национальность, но не решался задать мне прямой вопрос, так как я мог оказаться полинезийцем, а ни один полинезиец, каково бы ни было его происхождение, не осмелится спросить у своего соплеменника «кто ты такой?» Ведь человек, к которому относится этот вопрос, может оказаться верховным вождем, и тогда любопытному остается только сгореть от стыда за свое невежество. На островах Туамоту старикам разрешается в качестве вопроса произнести следующий стих, за которым в прежние времена обязательно последовало бы описание родословной.

Манука — это место, где задаются
вопросы.
Гости направляются к Матахоа-а-Тане.
Я задаю вопрос тебе,
О мой верховный вождь,
От кого мы ведем свое происхождение?

Чтобы рассеять сомнения туамотуанца, я спросил, указывая на дерево: «Хе аха те ингоа о тера ракау?» (Как называется это дерево?) Эти слова произвели на моего спутника неожиданно сильное впечатление. Он вздрогнул, произнес название дерева и так и остался стоять с открытым ртом и вытаращенными глазами. Что же поразило его так сильно? Как бы хорошо ни овладел иностранец полинезийским диалектом, он всегда неправильно произносит гласные или не так интонирует согласные звуки. По заданному мной вопросу мой спутник догадался, что я принадлежу к его племени. Невыясненным оставался еще вопрос о том, откуда я родом и кто я такой. Насладившись вволю его изумлением, я сказал: «Меня зовут Те Ранги Хироа». Я знал, что Эмори и Стимсон рассказывали обо мне некоторым из своих туамотуанских собеседников, и надеялся, что мой спутник слышал мое имя. Он схватил мою руку, с силой сжал ее и с криком: «Фариуа, о Фариуа, здесь Те Ранги Хироа», бросился к какому-то старику, оставшемуся на берегу.

От толпы отделился и заспешил к нам старик с умным лицом. Он сердечно пожал мне руку и сказал: «Почему же ты не предупредил нас о своем приезде?» Я не сознался, что забыл, на каком именно атолле он живет, хотя и помнил, что Фариуа сообщил Эмори и Стимсону много ценных сведений во время их прошлых посещений архипелага. Мы направились к дому Фариуа, устроились на террасе и стали беседовать. Дочь хозяина, которая также была для моих коллег ценным информатором, сидела вместе с нами. Когда пришло время распрощаться, Фариуа отдал какое-то распоряжение. Маленький мальчик исчез, затем снова появился, неся двух живых кур. Это был подарок Фариуа своему сородичу с отдаленного острова. К месту причала мы направились в сопровождении мальчика, который нес за нами птиц.

Я обратился к Фариуа: «Проедемся вместе по морю».

Я знал, что наше судно везло с Мангаревы ящики с бананами и плодами мангового дерева. Эти фрукты продавали на различных коралловых островах, где не росло ничего, кроме кокосовых орехов. Фариуа покинул судно с последней лодкой, увозя с собой ящик с плодами хлебного дерева и бананами, моим ответным подарком в благодарность за оказанное гостеприимство. В Полинезии обычно не принято рассказывать о таких вещах, и я надеюсь, что Фариуа никогда не увидит эту книгу. Мне кажется, что этот маленький эпизод отчетливо характеризует дух полинезийского гостеприимства: дарить и получать, получать и дарить не в интересах материальной выгоды, а для удовлетворения чувства чести.

Глава XV

ПО ПУТИ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Подымем паруса с двумя шпринтовами крест-накрест,
Паруса с двумя шпринтовами понесут нас вдаль,
Направим свое судно к далеким островам;
Поплывем по течению и с попутным ветром.

(*Мангаревская прощальная песенка*)

НА ТРЕТИЙ день после того, как мы отплыли от Реао, капитан судна «Моана», таитянин, указал на восток и провозгласил: «Мангарева». До этого мы миновали атоллы архипелага Туамоту, по своему интересные, но утомительно однообразные. Мы почувствовали, как изменяется природа, когда с волнением наблюдали за горной вершиной, все выше и выше вставшей над горизонтом. Это была вершина Маунт-Даф, названная так в 1797 г. капитаном Вильсоном в честь его судна, которое везло на Таити первую партию сотрудников Лондонского миссионерского общества[1]. Гора словно всплывала из моря, и можно было понять чувства полинезийских открывателей новых земель, когда они дали острову имя Мангарева, что значит Плавучая гора[2].

---

[1] Экспедиция миссионеров на корабле «Даф» («Пудинг») представляет интереснейший эпизод в истории колонизации Океании. Это была первая попытка британского правительства использовать в широких размерах проповедников-миссионеров как своих агентов-разведчиков. Попытка не удалась. Миссионеры расселились на ряде островов Центральной Полинезии, устроив свою штаб-квартиру на Таити. Но они оказались совершенно неподготовленными к жизни в непривычной обстановке, а коренные жители встретили их враждебно; миссионеры вынуждены были вскоре уехать. Некоторые из них сумели, однако, составить интересные описания островов и быта их жителей. Последующие лучше организованные попытки христианизации островов Океании были более успешны.

[2] В 1871 г. Мангареву посетил (проездом на Новую Гвинею) известный русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай, проведший на острове четыре дня. Он описал главным образом антропологический тип островитян (см. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. II, 1941, стр. 148, 151; Собрание сочинений, т. I, 1950, стр. 58—68).

Мы проплыли по западному проливу через окаймляющий его риф, и перед нами открылись отдельные острова этой группы. Слева мы оставили за собой Тараваи, около которого приютился маленький остров Ангакау-и-таи. К югу лежала группа небольших скалистых островов, среди которых самым крупным был Камака.

Акамару и Аукена, когда мы к ним приблизились, оказались двумя отдельными островами. Мы поплыли вдоль южного берега самого крупного острова, Мангаревы; над ним возвышалась вершина Маунт-Даф. Для этих островов, представляющих собой остатки кратерного кольца, характерны отвесные и оголенные склоны холмов, поросшие тростником. На Мангареве отроги главного горного хребта спускаются к морю и ограничивают небольшие заливы. От залива до склонов гор простираются крошечные участки плодородных земель; поэтому кокосовые пальмы растут маленькими разрозненными рощицами. На плоскогорье к югу от Маунт-Дафа расположено кладбище. Там находится гробница Те Ма-путеоа, последнего мангаревского короля. Мы обогнули кладбище, и нашему взору открылась главная деревня острова, Рикитеа, и две башни ее собора, возвышающиеся над деревьями.

Шхуна бросила якорь недалеко от пристани.

Встречая прибывшее судно, туземцы выходили с вытянутыми вперед руками и произносили приветствие: «Эна кое» (А вот и вы), точно соответствующее новозеландскому приветствию: «Тена кое». Правила вежливости требуют произнести в ответ: «А кое ноти» (Действительно вы). Речь мангаревцев звучала приятно, потому что напоминала смешение маорийского и раротонганского диалектов. Звук «h» отсутствует, и ему соответствует пауза. Согласные «k» и «ng» здесь произносятся. К сожалению, французские священники, записывая туземные языки, передавали звук «ng» буквой «g» — такая система записи распространена сейчас по всей французской Океании и на Самоа. Владея маорийским и раротонганским диалектами, я за короткое время научился разговаривать по-мангаревски.

Человек, который утверждает, что, зная язык одного полинезийского архипелага, он сразу может понять все слова другой островной группы, приписывает себе необыкновенные способности. Мой родной язык — маорийский, между тем откровенно признаюсь, что я никогда не мог дословно разобрать речь жителей тех полинезийских островов, куда попадал впервые. Купец для заключения торговых сделок удовлетворяется маленьким запасом слов; журналист может в достаточной степени овладеть языком, «впитывая» его от окружающих. Этнолог же обязан глубоко изучить грамматику, разбираться в идиоматических выражениях и в различных значениях слов. Многие слова имеют одинаковое значение по всей Полинезии, но наряду с этим встречаются и значительные отклонения. Они-то и поколебали

мою самоуверенность. Разрешите мне в качестве примера рассказать вам отрывок из народной сказки.

Особенностью народных сказок на Мангареве является та легкость, с которой их герои переселяются из нашего мира в подземное царство По и возвращаются оттуда обратно. Одна из сказок повествует о том, как земной человек усыновил своего племянника из царства По, которого звали Тонга. Он возрастил его в одиночестве — как по мангаревскому обычаю и должен воспитываться любимый ребенок. Приемный отец сам варил пищу племяннику и так охранял его одиночество, что не показывал мальчика даже своей жене. Тонга откармливали лучшей едой, чтобы по достижении юношеского возраста он мог бы, не ударив лицом в грязь, появиться на каком-либо общественном празднестве. Когда приблизилось это время, его приемный отец сказал своей жене Ирутеа: «Я собираюсь на ловлю в отдаленное место, чтобы наловить там отборной рыбы. Если я задержусь, приготовь еду и накорми мальчика».

Едва дождавшись, пока муж скрылся из виду, Ирутеа принялась приготовлять еду. Ей не терпелось бросить хотя бы один взгляд на Тонга еще до того, как его выпустят на волю. Она поспешно сдернула листья, покрывавшие яму с заквашенными плодами хлебного дерева, и торопливо замесила из них хлебцы, едва дав им испечься. Затем быстрыми ударами каменного пестика она начала толочь пищу в деревянном корытце. Тонга из дому услышал эти поспешные приготовления, которые так сильно отличались от медленных, осторожных движений отца, и, по словам сказителя, стал «коа». На маорийском и многих других знакомых мне диалектах «коа» означает радоваться, быть счастливым. Я, конечно, решил, что Тонга стал радоваться, слыша торопливые приготовления, потому что был голоден.

Когда Ирутеа внесла приготовленную пищу, Тонга был «коа». Тонга кончил есть, и Ирутеа, любуясь вблизи его красивым телом, сказала: «Юноша, разве случится что-нибудь плохое, если мы с тобой приляжем на ложе из благоухающих листьев?»

Услышав эти слова, Тонга стал очень «коа»; Ирутеа заметила внешнее проявление «коа» и сказала: «Когда возвратится твой отец и спросит, отчего ты «коа», скажи ему, что ты соскучился по своим близким в Подземном царстве».

Когда вернулся отец, Тонга ответил так, как его научила Ирутеа. Отец сказал: «Если ты стремишься туда так сильно, что становишься «коа», завтра утром я проведу тебя ко входу в Подземное царство».

На следующее утро они пустились в путь. Путники пересекли три хребта, и, пока они отдыхали на вершине каждого из них, старик спрашивал у юноши: «Мой сын, почему ты был «коа»? тонга отвечал: «Я скучал по своим близким в Подземном царстве».

На вершине четвертого, последнего горного хребта отец сказал: «Сын мой, скоро мы расстанемся с тобой. Откройся мне, почему вчера, когда я вернулся, ты был таким «коа»?

Наконец, Тонга сознался. Он сказал: «Вчера я слышал, как Ирутеа поспешно приготовляла пищу; это было так не похоже на твой образ действий. Она вошла в дом, куда никто не заходил, кроме тебя. Она положила еду не на то место, куда ты ее кладешь. Пища не была приготовлена должным образом и имела непривычный вкус. Ирутеа внимательно оглядела меня и затем предложила мне лечь вместе с ней. Из-за всего этого я и был «коа».

Отец вздохнул с облегчением и сказал: «Мой сын, если бы ты рассказал мне все на первом хребте, мы вернулись бы домой, но теперь уже слишком поздно. Мы находимся вблизи границы Подземного царства, и ты обречен идти дальше. Твоя приемная мать не близка тебе по крови. Она хотела только дать тебе величайший в жизни урок. Скоро настанет время, когда ты горько пожалеешь о том, что отказался от ее предложения».

Так оно и случилось, но об этом уже повествует другая сказка.

По мере того как развертывался рассказ, я начинал осознавать, что мое толкование слова «коа» не соответствует его значению в сказке. В конце концов я спросил: «А что такое «коа»?

Рассказчик ответил: «Это значит — чувствовать себя неловко, бояться, тревожиться, печалиться».

«О,—воскликнул я,—на Новой Зеландии и на других островах «коа» означает радость, удовольствие».

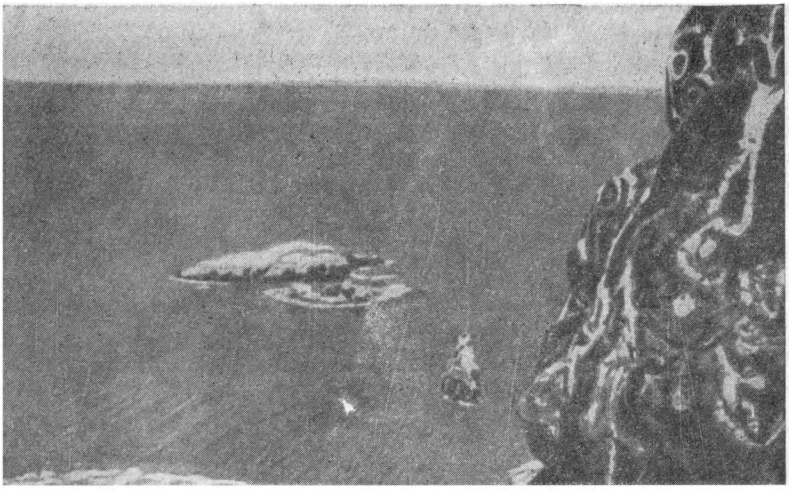
«Возможно,—ответил он,—но на Мангареве оно означает как раз противоположное. У нас радость обозначается совсем другим словом—«коакоа».

«Да, совершенно другим»,—согласился я.

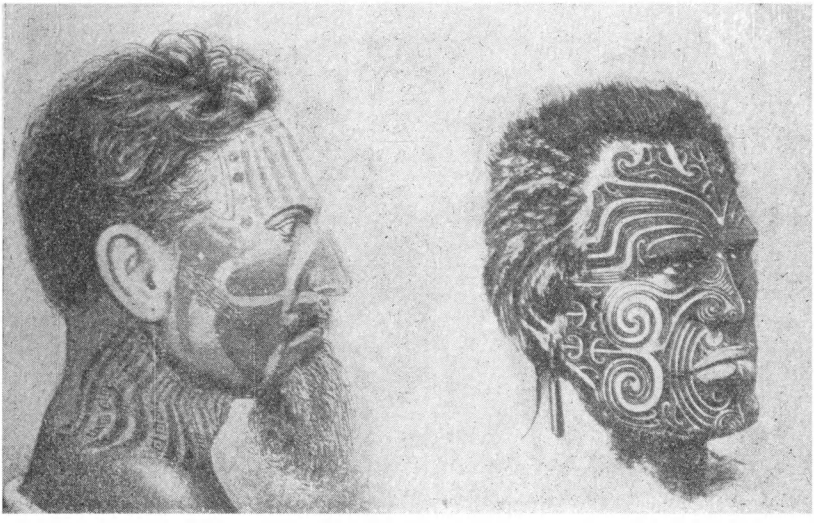
Я надеялся, что на вулканических островах, выдвинутых на восток подобно Мангареве, население было более консервативным и сохранило свою местную культуру. Но, увы! Здесь произошли даже бóльшие изменения, чем на архипелаге Туамоту. Дощатые постройки, крытые гофрированным железом, совершенно вытеснили дома старинного типа; даже глубокие старики не застали уже самобытных форм построек.

Плоты, которых было здесь так много в 1824 г., когда острова посетил Бичи, были заменены маленькими лодками с балансиром таитянского образца. Изобиловавшие в период старой культуры сети и верши давно исчезли, и в домах переселенцев из Туамоту были только ручные сачки. Надежды наши были обмануты, потому что мы приехали в бесплодную страну.

Изменения в культуре населения связаны с деятельностью французских католических миссионеров, отца Лаваля и отца Каре, которые приехали на Мангареву в 1834 г. Сначала они встретили сопротивление, но после того как король Те Ма-путеоа и его вожди были обращены в христианство, все население по-



Птичий островок Моту-нуи. Вид со стороны деревни Оронго, расположенной на кратере



Татуированный житель острова Пасхи

Татуированный маориец; показан орнамент из завитков, который встречается только в Новой Зеландии

Покрытые резьбой скалы в Оранго с изображением человека-птицы, который держит яйцо

Гавайский верховный вождь Поки и его жена Лилиха в туземных нарядах
(*с гравюры по рисунку Хейтера, 1824 г.*)

следовало их примеру. Открытые храмы были заброшены, а деревянные изображения богов сожжены, за исключением лишь нескольких, отосланных в Европу. На месте большого общественного дома в Рикитеа был построен неуклюжий каменный собор, а вырезанные коралловые плиты, которые раньше составляли барельеф вдоль передней части общественного дома, вошли в новую постройку. Жители становились мастерами-каменщиками, и вожди построили для себя каменные дома. Камень — вполне подходящий материал для храмов и церквей, но не для полинезийских жилых домов. В соборе до сих пор отправляются службы, но в наши дни каменный дворец Те Ма-путеоа и каменные дома вождей в разных деревнях уже лишены крыш и покинуты жителями.

Лаваля порицали, может быть и несправедливо, за то, что на островах возросла смертность; таковы были последствия проникновения цивилизации. Однако все исследователи Полинезии должны быть благодарны ему за то описание мангаревских традиций и древней истории, которое он оставил нам. Обучив туземцев письму, он заставил их записать на родном языке свою историю, мифологию, ритуалы и обычаи. Исторические рассказы передавались крещеными туземными жрецами и вождями, которые были непосредственными участниками описываемых событий. Лаваль перевел туземный текст на французский язык, добавив к нему свои личные наблюдения. Эта ценная рукопись долгие годы лежала в архивах Ордена Священного Сердца (Пикпюс); главное помещение Ордена находилось в Брэн-ле-Конт, в Бельгии. В результате сотрудничества между Орденом и музеем Бишопа рукопись Лаваля была напечатана. Она содержит богатейший материал, который иначе был бы потерян для человечества.

Когда я занимался в Йельском университете, я узнал, что в Соединенных Штатах индейцы получают вознаграждение за сообщение этнографических сведений полевым исследователям. В Новой Зеландии я получал такие сведения от старых людей, не принадлежавших даже к моему племени; они были горды своими знаниями и безвозмездно делились ими с тем, кто проявлял к этому интерес. Приезжая на острова, где меня не знали, я созывал собрание и публично объяснял цель моего посещения. Местные жители охотно оказывали мне содействие; если бы я предложил оплачивать своих информаторов, они были бы оскорблены. Получать деньги за повествование традиционных преданий казалось им равноценным продаже собственных предков как обыкновенного товара.

На Мангареве люди достаточно свободно ориентировались в событиях, произошедших на их глазах, но когда я спросил о некоторых подробностях древней истории, мне ответили: «Не знаю, спросите Карару. Эта женщина знает». Последовав совету, я побеседовал с Карарой, умной женщиной в возрасте около 60 лет. Когда я пришел к ней еще раз, то не застал ее дома, так как

она была занята другими делами. Карара была «поу-кала», то есть сказительница, и у нее был богатый репертуар. Узнав, что в древние времена певцам платили вожди, которые пользовались их услугами, я при следующем посещении сказал Караре: «Я хотел бы, чтобы вы спели мне песни, которые знаете. Сколько вы хотите получать в день?»

Она ответила: «Когда здесь была миссис Раутледж, она платила мне по 5 долларов в день».

Я пришел в ужас, но скоро узнал, что доллар на Мангареве равняется 5 франкам, а так как по курсу, установившемуся при господствовавшем тогда мировом кризисе, американский доллар соответствовал 15 франкам, мы легко пришли к финансовому соглашению.

Мы с Карарой встречались каждый день, кроме воскресений. Она всегда ожидала меня на веранде своего дома и была очень довольна, что может проявить свою ученость. Я записал свыше 130 песен, которые она знала по памяти. С ней была другая старуха, игравшая роль суфлера в тех случаях, когда какая-нибудь строчка ускользала из памяти Карары. Большинство песен составляло часть легенд и сказок, прозаический текст которых она передавала очень подробно.

Утром того дня, когда уходил мой корабль, я пошел расплатиться с ней и спросил ее довольно грубо: «Сколько я должен заплатить?»

Она печально посмотрела на меня и, опустив голову, прошептала: «Столько, сколько вы сочтете нужным». Она была искренне огорчена, что курс обучения кончился; не меньше был огорчен и ее ученик.

Мангаревская мифология бедна преданиями о сотворении мира. Вначале царской родословной стоят боги Ату-мотуа (Отец-повелитель), Атуа-моана (Океан-повелитель), Атеа (Пространство) и Тангароа. Первые два божества имеют местное значение, но Атеа, олицетворяющий собой широко распространенное понятие о Пространстве, уже встречался нам в упоминавшихся ранее мифологиях. Атеа, по мангаревской мифологии, вступил в брак с Атануа; об этом браке упоминается только в мифах Маркизских островов, в чем я и усматриваю знаменательную близость между Маркизскими островами и Мангаревой. Бог Тангароа широко известен по всей Полинезии; по местному варианту, он был отцом 8 сыновей, среди которых фигурируют Ту, Ронго и Те Пари, младший из братьев, который приходится отцом Тики. Тане выступает здесь как рыбак; его дочь стала второй женой Тангароа. Тангароа считался творцом всех вещей, но это представление, по-видимому, позднее заимствовано с Таити. В местных мифах нет никаких подтверждений этой его роли. Самым почитаемым богом, которому воздвигались здесь храмы, был Ту — бог плодородия хлебных деревьев. Ронго посылал дожди на посевы, и соответственно с этим его символом была радуга. Что же

касается обожествленных предков, то они были разными у различных групп населения.

От главных храмов на Мангареве не осталось ничего, кроме одного-двух камней. Однако на коралловом атолле Темое (остров Полумесяца), расположенном в 30 милях к востоку, еще сохранились храмы, лишь в незначительной степени расхищенные искателями сокровищ. Храмы эти были построены беглецами из Мангаревы, и поэтому, естественно, отражают черты мангаревского стиля. Те храмы, которые осмотрел Эмори, состояли из открытого двора с приподнятой каменной платформой; передняя часть ее спускалась вниз ступенями. На каждом конце платформы была камера. Жители Темое после их обращения в христианство были переселены на Мангареву. Когда через несколько лет мангаревцы вновь посетили Темое, чтобы развести там кокосовые пальмы, рвение к разрушению храмов уже остыло, и, таким образом, каменные сооружения Темое сохранились до наших дней.

Миф о Тики известен здесь в общераспространенном варианте. Тики вылепил из земли женщину, которую назвал Хинаоне (Дева Земли). Он вступил с ней в брак и некоторое время спустя совершил кровосмешение с собственной дочерью. Тики построил для себя в отдалении дом и стал посещать дочь ночью под видом какого-то другого лица. Так он обманул ее. Этот рассказ похож на вариант, записанный на Маркизских островах.

Мауи выступает на Мангареве как младший в семье, состоящей из 8 братьев; его называют здесь Мауи-Матавару (Мауи Восьмой); вероятно, и здесь альтернативные имена братьев Мауи стали позднее олицетворяться в отдельные персонажи; возможно, что позднее было прибавлено еще одно имя, а имя самого героя заимствовано из предания о Мауи о восьми головах. По местному преданию, Мауи Восьмой поймал в петлю солнце и выудил остров, употребив свое ухо в качестве приманки. Эпизод с добыванием огня стал сюжетом местной народной сказки.

Цикл легенд о Тахаки известен здесь в различных вариантах. Тахаки отличался красноватой кожей. В соревновании по нырянию с внутреннего рифа враги заставили Тахаки нырнуть последним. Между тем каждый из ранее нырнувших пловцов временно оборачивался рыбой и поджидал героя внизу. Когда, наконец, нырнул Тахаки, ожидавшие его рыбы-оборотни бросились на героя и содрали с него чудесную кожу. Тахаки выскочил на поверхность ободранным. На счастье Тахаки, его волшебница бабушка присутствовала на состязании. Как только рыба откусывала кусок кожи, старуха быстро вынимала этот кусок из пасти рыбы и клала его в волшебную корзинку. Затем она вернулась в подземный мир с кожей Тахаки. Позже лишенный кожного покрова Тахаки и его двоюродный брат Карихи отправились в подземный мир, где бабушка вновь одела его в кожу, приложив ка-

ждый отодранный кусочек к соответствующему месту. Однако насекомые с кокосовой пальмы, которая росла неподалеку, украли немного кожи для украшения своих подмышек. Они отказались вернуть эту кожу, но бабушка Тахаки утешила его, говоря: «Не беда, у них кусок от твоих пяток; недостаток будет незаметен». С тех пор у этих насекомых Мангаревы красные подмышки.

Рата, великий строитель лодок, известен здесь как уроженец Мангаревы, и его разнообразные приключения, рассказываемые с большими подробностями, имеют чисто местный характер, потому что действие в них происходит всегда около побережья Мангаревы. Его отец и мать в молодости были захвачены в плен неким Матуху-такотако из Рикатеа, который сделал его мать служанкой в кухне, а отца — очистителем отхожих мест на берегу. Рата по местной версии убил Матуху-такотако и освободил своих родителей.

Сказание об Апакуре, которое известно также на Самоа и на Новой Зеландии, подверглось здесь заметной переработке. Апакура жила на Мангареве, когда ее сын Тинаку-те-маку, красивый юноша, отправился на Рангиатеа, чтобы посвататься там к знатной женщине. Сватовство было успешным, но юношу убили неудачливые соперники. Два ястреба-фрегата принесли печальное известие в Мангареву, где стали парить в воздухе над домом Апакуры. Заметив птиц, мать обратилась к ним с вопросом, не видели ли они ее сына живым. Птицы не дали ответа. Апакура спросила тогда, не видели ли они ее сына мертвым, и ястребы вытянули ноги, опустили крылья и повесили головы в знак утвердительного ответа. Среди многих песен в этом сказании есть плач Апакуры по мертвом сыне; сравнивая сына с луной, которая умирает каждый месяц, но, падая в живые воды Тане, вновь возрождается, Апакура заканчивает свой плач словами:

Ты —месяц, который никогда не взойдет опять,
О сын мой!
Холодный рассвет наступает без тебя,
О сын! О сын мой! О сын!

Слова песни просты, и, вероятно, только полинезийцы да ирландцы способны почувствовать всю глубину острого горя, скрытого за этими простыми словами.

Согласно местному преданию, первыми людьми, поселившимися на Мангареве, были простые рыбаки. Без сомнения, эти ранние поселенцы приплывали небольшими группами с Туамотуанских атоллов; среди них не было знатных вождей. Первые поселенцы не брали с собой семена растений, которые давали бы им пищу. Только около XIII в. прославленные вожди со своими командами прибыли на Мангареву с западных островов. Эти острова называются обычно Гаваики и Хива. Хотя Хива употребляется как собирательное имя, я думаю, что оно относится к Мар-

кизским островам, где в названия некоторых островов включена частица Хива, например Хива-оа и Нуку-хива. Во многих песнях упоминается о Руапоу — мангаревской форме названия острова 'Уапоу из группы Маркизских островов. Одним из наиболее прославленных поселенцев считается Тупа, который построил до тех пор не известные здесь храмы для поклонения богу Ту и начал разводить на острове культурные растения — хлебное дерево, кокосовые пальмы и другие. Мангаревские названия хлебного дерева — меи и кокосовой пальмы — ере'и совпадают с маркизскими названиями меи и е'ехи; жители других полинезийских островов употребляют слова куру ('уру) и ниу. Тупа, по мангаревскому преданию, вернулся на свою родину. На Маркизских островах он фигурирует среди других богов. Мы можем предположить поэтому, что Тупа привез хлебное дерево, кокосовую пальму и другие растения с Маркизских островов на Мангареву, а затем вернулся в свою страну и был там обожествлен после смерти.

Среди мореплавателей, последовавших за Тупой, перечисляются прославленные предки Кеке, Тарахати и Ануа-мотуа, которые прибыли в больших ладьях из Гаваики и Хивы. Тарахати отплыл из Мангаревы на остров Мата-ки-те-ранги, а его сын, Ануа-мотуа, остался на Мангареве со своей большой семьей и стал правителем всех жителей этой группы. Позднее Ануа разделил острова и округа среди членов семьи, а сам по совету своего сына, жреца Те Агианги, отправился на Мата-ки-те-ранги на двойной ладье. Современные жители, памятуя о позднейших связях с населением острова Пасхи, считают, что легендарный Мата-ки-те-ранги был именно этим островом. Более вероятно, что этим островом был Питкэрн.

С ростом населения начали складываться племена; они стали называться по именам своих предков с приставкой ати, точно так же, как в Центральной Полинезии, на Маркизских островах, островах Туамоту и в Новой Зеландии. С течением времени после межплеменных раздоров более мелкие округа и отдаленные острова объединились в два больших округа: Рикитеа, находившийся под властью Апе-ити, и Таку, возглавлявшийся вождем Тупоу-эрики. В результате великой войны жители Рикитеа покорили Таку и Апе-ити стал правителем всей земли. Апе-ити считался прямым потомком ветви Ануа-мотуа по старшей линии и поэтому стал основоположником царской династии Мангаревы. Тупоу-эрики и оставшиеся в живых его приверженцы, покинув Мангареву, отправились искать новую родину.

Во времена Те Манги-ту-таваке, потомка Апе-ити, народ восстал против своего короля, потому что он отбирал в качестве подати заквашенные плоды хлебного дерева и хранил их только для личного употребления. Те Манги, поняв, что общественное мнение резко настроено против него, отправился в изгнание и погиб в море. Мангаревой стал править король из простонародья по имени Теити-а-туоу. Но власть наследованной аристокра-

тии слишком сильно укоренилась, чтобы народное правление могло долго продлиться. Приверженцы королевского рода восстали на защиту прав двух сыновей Те Манги-ту-таваке, и плебейский король был убит.

Королевская династия была восстановлена, и два сына Те Манги правили совместно под именами Акарики-теа (Белый король) и Акарики-пангу (Черный король). Из-за раздоров между потомками двух братьев вспыхнула война, и в конце концов старшая ветвь потомков Белого короля захватила всю полноту власти. Последним из этой династии был Те Ма-путеоа, который правил Мангаревой, когда французские священники высадились здесь на берег в 1834 г. После смерти Белого и Черного королей, правление которых было отмечено важными событиями, они были погребены на маленьком острове Ангакау-и-таи в пещере Тетеа у подножия высокого утеса, обращенного к солнечному восходу. Согласно древнему обычаю, рядом с телами грудой было сложено большое количество лубяной ткани.

Мы с Эмори решили посетить островок Ангакау-и-таи; нас провел к могиле королей Стив, местный белый поселенец. Мы обнаружили, что пещера представляла собой только углубление в подножии величественного утеса, который в воображении своем я олицетворил. Подножие было покрыто обломками скал; их пришлось удалить, чтобы получить для музея Бишопа образцы лубяной ткани. Предварительно мы получили на это согласие местного населения. Стив сказал: «Когда мы с Эскриджем были здесь в последний раз, камни падали вниз с утеса. Это жуткое место; здесь полно привидений. Не будем здесь долго задерживаться». Я взглянул наверх. Был прекрасный день, и ни одно дуновение ветра не искажало облика утеса. Он благосклонно смотрел вниз на меня, как бы подавая знак дружеского расположения.

Я сказал: «Души умерших знали, что вы чужие. Теперь другое дело. Они знают, что я свой и что сведения, полученные здесь, послужат для их прославления. Запомните мои слова. За все время, пока мы здесь, ни один камень не упадет с утеса».

Мы нашли здесь очень много белой тапы и захватили с собой ее образцы, а также череп и несколько костей. Измерив череп толстотным циркулем, мы завернули его в лубяную ткань и с уважением покрыли обломками скал. Я плохой музеевед и поэтому не решился увезти полинезийские черепа с родины. Мне показалось — почудилось, если вам угодно, что если я сделаю это, то разрушу тесную связь, которая установилась между прошлым и мной.

После того как мы отошли в сторону и нам больше не грозила каменная лавина, я обратился к Стиву: «Ну, что я говорил вам? Упал ли хоть один камень?»

Стив взглянул на меня, и в глазах его мелькнуло уважение: «Вы были правы».

На прощание я с благодарностью помахал утесу рукой, и мне показалось, что он улыбается мне. Утес понял меня.

Белый король и Черный король были погребены в пещере после того, как их тела высушило солнце, под лучи которого они были подставлены на деревянных похоронных носилках. Эта форма наземного погребения была распространена на вулканических островах, таких, как Маркизские и острова Общества. Однако наряду с этим на Мангареве сохранился обычай погребения в море. У каждого племени было свое место, куда с погребального плота опускали в воду покойника, завернутого в темную ткань, с тяжелым камнем, привязанным к ногам. Женщины собирались поблизости на середине горного хребта и оглашали воздух причитаниями, пока тело погружалось к месту своего вечного успокоения[1].

Такое погребение описывается в народной сказке о Тонге. После многих приключений в подземном мире Тонга вернулся в надземный мир и, став рыбаком, начал заниматься ловлей рыб в открытом море. У него была любимая дочь, которую он назвал Царевна, сплетающая прекрасные вещи. Она сопровождала его в одном из его плаваний и серьезно заболела. Тонга повернул свою ладью к берегу, но сильный шторм помешал ему причалить. Дочь Тонги умерла и была погребена в море. В порыве горя Тонга сложил погребальную песнь с повторяющимся припевом: «Я опустил тебя в пучину». Последний стих звучит так:

---

[1] Способы погребения у полинезийцев были довольно разнообразны, в зависимости не только от местных обычаев, но и от социального положения умершего: в этом отчетливо сказывался кастовый строй старой Полинезии. Тела умерших вождей и людей из высших сословий хоронили с особыми сложными обрядами, и обычно самый способ погребения был иным. Наиболее распространенными способами погребения в Полинезии были: зарывание в землю (в вытянутом или сидячем положении), водяное погребение и бальзамирование с положением в склеп. Воздушное погребение, широко распространенное у более отсталых народов, встречалось редко, кремация — еще реже. Местами было распространено пещерное погребение. Так, например, простое зарывание в землю применялось к телам рядовых общинников на островах Тонга, Самоа, Таити и др. На Самоа трупы иногда оставляли на подмостках в лесу, а после сгнивания кости зарывали. Водяное погребение (опускание трупов в море) практиковалось на острове Ниуе и, как один из наименее почетных способов, на Новой Зеландии; на Гавайях так поступали с телами рыбаков; разновидностью того же способа было отправление тела умершего на лодке в море (Самоа). Обычай водяного погребения, видимо, возник в эпоху великих переселений и был связан с воспоминанием о стране предков. Покойника как бы отправляли на его прародину. На Маркизских островах тела простых общинников прятали в пещерах или на деревьях; на Гавайях их хоронили в пещерах или в жилом доме. Тела вождей на Маркизских островах бальзамировали и погребали в особых усыпальницах. Так же поступали на Самоа, Тонга и Таити. На Мангареве вождей погребали в священных марае, на Гавайях — в особых тайниках, в пещерах или в святилищах. В настоящее время все эти разнообразные способы погребения умерших вышли из обычая и заменены европейским способом зарывания в землю.

Рыбак открытых морей,
Я был застигнут бурей далеко от берега,
А расстояние было слишком велико,
Чтобы боги родины услышали меня.
И вот твое тело, моя дорогая,
Я опустил в пучину.

Для общественного строя Мангаревы характерно, что наследственная аристократия (того'ити) владела обрабатываемой землей, на которой трудились общинники ('уруману)[1].

Во время многочисленных войн у побежденных отнимали земли, которые делились между предводителями победивших. Доблестные воины, не принадлежавшие к роду вождей, получали участки земли в награду за свою службу и образовывали богатый средний класс, так называемый «пакаора». Обычной пищей были заготовлявшиеся впрок плоды хлебного дерева и рыба. В так называемые «королевские ямы» обычно складывались не только плоды хлебного дерева, выращиваемые в королевских владениях, но и часть плодов, собираемых на землях знати и средних классов. Ямы эти служили хранилищем. Из них черпали запасы в случае торжеств, которыми отмечались религиозные обряды, похороны и события общественного значения. Некоторые из этих празднеств были весьма пышными и продолжались от трех до пяти дней. Жрецы («таура») руководили религиозными церемониями с помощью «ронгоронго», певцов из аристократических родов, знатоков древней истории. Песнопения ронгоронго сопровождались ударами в барабаны из полых древесных стволов с мембраной из кожи акулы. Кроме того, выступали группы обученных певцов под руководством «поу-капа». Они исполняли «капа» и другие песни, носящие специальные названия, соответствующие теме произведения. Искусные плотники («таура ракау») тоже принимали видное участие в празднествах, для которых нужно было подготовить помещения, помосты и столы. Жрецы, певцы, певицы и ремесленники вознаграждались за свой труд порцией заготовленных впрок плодов хлебного дерева, завернутых в листья. На более торжественных празднествах пища из королевской «житницы» распределялась между всеми жителями. Даже грудные младенцы и неродившиеся дети получали свою

[1] Автор лишь изредка и вскользь упоминает о тех формах собственности и отношениях эксплуатации, которые существовали у полинезийцев до прихода белых. Буржуазная наука вообще уделяет этим вопросам мало внимания, а иногда и сознательно их затушевывает. В действительности на большинстве островов Полинезии разложение первобытнообщинных отношений к началу XIX в. зашло уже так далеко, что выделилась крупная родо-племенная знать, захватившая в свои руки землю и принуждавшая массу населения нести за право пользования его известные повинности. На основе этого классового (сословного) расслоения намечались уже зародышевые формы государственной власти. Разумеется, эти формы туземной эксплуатации были довольно мягкими сравнительно с жестоким колониально-капиталистическим гнетом, который установили здесь в XIX в. европейские и американские завоеватели.

долю в виде добавочной порции матерям и беременным женщинам.

Многие песни капа сохранились и до наших дней, так как местные жители и сейчас любят их слушать и исполнять. Одна из этих песен напоминает «Семь возрастов человека» Шекспира. В этой песне старик вспоминает различные периоды жизни, прожитые им с женой. Последняя строфа гласит:

Мы вдвоем, о любимая,
Когда наши мутные глаза видят лишь туманное небо
И зрение уже не позволяет нам различить его сияние,
О, куда же божество ведет нас?

Мангаревцы были покрыты татуировкой с головы до лодыжек. У членов королевской семьи татуировка была даже на ступнях, а у наиболее отличившихся воинов широкая полоса татуировки проходила от уха до уха через переносицу. Сплошная татуировка на теле и лице указывает на родство с Маркизскими островами, откуда заимствована значительная часть мангаревской культуры; съедобные растения тоже были, очевидно, завезены сюда путешественниками, приплывшими с Хивы.

Из трех пород домашних животных, разводимых в Полинезии,—свиней, собак и кур—на Мангареве распространились только свиньи, но и они все вымерли во время господства плебейских королей. Если мы предположим, что животные, точно так же, как и съедобные растения и бумажная шелковица, завезены на Мангареву с Маркизских островов, то отсутствие собак находит себе объяснение, так как их не было и на Маркизских островах. Странно, что на Мангареве нет домашней птицы, которая завезена даже на отдаленный остров Пасхи. Морская птица «карако» выполняет здесь обязанности петуха, возвещая по утрам рассвет.

История Мангаревы, вероятно, лучше, чем история какого-либо другого острова, иллюстрирует побудительные причины, которые толкали полинезийцев к далеким исследовательским путешествиям; она показывает также и тот неустрашимый дух, которым были проникнуты участники этих предприятий. Главной причиной переселения была проигранная война. После битвы победители охотились за побежденными, как за дичью, и съедали их. Шанс на жизнь в открытом море побежденные предпочитали почти верной смерти на берегу. Иногда побежденное племя оставалось жить благодаря защите могущественных родственников в стане победителей; тем не менее оно было обречено на позор и рабство. Ни одна семья, сохранившая чувство собственного достоинства, не могла согласиться на такой позор. С течением времени переселение стало рассматриваться как средство сохранить свою честь.

В мангаревском языке существуют два термина, обозначающие два вида переселений. Слово «теи» (изгонять) указывает,

что побежденные должны были немедленно бежать на плоту или на любой другой посудине, которую им удавалось достать, потому что победители не давали им времени для приготовления к бегству. Изгнанный король Те Манги-ту-таваке был вынужден уехать на наскоро сколоченном плоту, так как неумолимый враг гнался за ним по пятам. Король из простонародья Теити-а-туоу, очевидно, сожалея о действиях своих приверженцев, разрешил члену королевского рода по имени Те Ма-хакахема приготовиться к отъезду как подобает. Такое переселение носило название «туку» (разрешение уйти) и соответствовало старому европейскому обычаю, разрешавшему гарнизону крепости уходить, сохраняя воинскую честь. Те Ма-хакахема снарядил двойную ладью на острове Акамару, взял с собой запасы продовольствия и собрал свою семью и приверженцев для путешествия. Король-плебей полюбил жену одного из уезжавших вождей. Он просил ее бросить мужа и стать его женой, на это последовал презрительный ответ: «Я скорее умру в открытом море с моим мужем, в жилах которого течет кровь вождей, чем соглашусь жить в благополучии с простолюдином». Этот ответ так подействовал на Теити-а-туоу, что он разрешил жене беспрепятственно уехать с мужем. И простые люди знали, что такое честь.

День отъезда был возвещен, и победители, включая народного короля, собрались у Акамару посмотреть на отплытие. Вся команда и пассажиры были одеты в лучшие одежды из лубяной материи, украшены драгоценностями и венками из цветов и ароматных листьев. Длинные ленты «марокура» развевались на мачте ладьи. Барабаны на корабле отбивали такт песен и танцев уезжавших изгнанников; так, храня веселье на лице и отвагу в сердце, команда отчалила, чтобы «плыть по течению с отливом и попутным ветром».

Судно в конце концов пристало к атоллу Хао, где Те Ма-хакахема поселился и стал жить в мире и почете. Уже долго спустя после прихода европейцев его потомки вновь посетили свою родную Мангареву, и там стало известно о благополучном окончании плавания.

Когда капитан Бичи посетил Мангареву в 1824 г., он увидел, что там пользовались только плотами; отсутствие ладей привело к созданию разных теорий об упадке мангаревской культуры. Многие европейские ученые приняли на веру, что мангаревцы якобы совершали свои дальние морские путешествия на плотах, хотя местные исторические предания и рукопись Лаваля ясно свидетельствуют о том, что жители этого острова совершали путешествия за пределы архипелага на двойных лодках, как и другие полинезийцы. Однако в пределах своей островной группы они применяли плоты как для транспорта, так и для рыболовства. Плоты вполне удобны для этих целей, их было легко построить. Только вожди владели двойными лодками, так как они могли приказать привезти лес из своих владений и нанять искус-

ных ремесленников. В древних войнах, которые велись между соседними островами, на двойных ладьях перевозились также воины. Беременные дочери вождей плавали на двойных лодках на различные острова, чтобы проделать там церемонию срезания локона в храмах бога Ту. Последние двойные лодки были уничтожены в начале XIX в. во время войны между Матаира и Те Ма-теоа, дедом последнего короля Те Ма-путеоа. Те Ма-теоа, добившись верховной власти, запретил строить какие-либо новые лодки, так как строительство двойной ладьи считалось подготовкой к войне. С тех пор прекратилось пользование лодками для войны или дальних путешествий, а переезды между островами внутри архипелага и рыболовство стали совершать на плотах. Строительством плотов, вероятно, объясняется большое количество каменных топоров, найденных на Мангареве. Края топоров заострены с обеих сторон, в противоположность теслам, заостренным только с одной стороны, и представляют собой уникальную местную особенность. Спустя многие годы под влиянием массового переселения с Таити и Туамоту началась постройка рыбацких лодок по таитянскому образцу, и пользоваться плотами перестали.

По преданию, когда Тупоу-эрики был окончательно разбит Апе-ити, он попросил разрешения уехать с оставшимися в живых приверженцами. По какой-то причине они уехали на 7 плотах; один из вождей, у которого была двойная лодка, задержался на острове со своей матерью и приверженцами. Он все откладывал свой отъезд, и его мать встревожилась, что он может поплатиться честью, не отплыв в открытое море. Она сложила песнь об изгнанном короле и стала печально причитать:

О Тупоу, мой король!
Волны ревут за внешним рифом,
И свирепые ветры вторят им.
Они плачут и стонут о тебе,
О Тупоу, мой король!
Ты ищешь открытого моря
На своих семи плотах,
О Тупоу, мой король,
Но двойная ладья моего сына
медлит.
Что будет он делать,
О Тупоу, мой король?

Услышав песнь, сын, пристыженный словами матери, быстро снарядил судно, поднял парус и с бодро развевающимся вымпелом поплыл следом за своим королем Тупоу навстречу смерти.

Глава XVI

ЗАГАДКА ОСТРОВА ПИТКЭРН

Эти люди вымерли, как Моа.
(*Маорийская пословица*)

ОСТРОВ Питкэрн расположен на расстоянии около 350 миль к юго-востоку от Мангаревы. Этот остров вулканического происхождения достигает 3 миль в длину и 2 мили в ширину. Самая высокая вершина острова немного превосходит 1000 футов. Ни один коралловый риф не защищает его от больших волн, которые разбиваются об опоясанный скалами берег. На неровной береговой линии есть только одна бухта, и требуются большое искусство и храбрость, чтобы преодолеть бурное море и зубчатые утесы, которые загораживают вход.

Остров был вторично открыт в 1767 г. Филиппом Картеретом, командиром британского шлюпа «Суоллоу» («Ласточка»), и назван островом Питкэрн по имени сына морского офицера, который первый заметил землю. Вследствие сильного прибоя Картерет не сделал попытки высадиться, но он заметил ручей, падающий с утеса, и богатую растительность на возвышенностях. Картерет предполагал, что остров обитаем.

После мятежа на «Баунти» Флетчер Кристиен и его сторонники вместе с их таитянскими женами и слугами попытались поселиться на острове Тупуа'и в Южном архипелаге. Но между вновь прибывшими и местными жителями начался раздор, и мятежники были вынуждены отплыть на корабле в поисках другого убежища. Судьба и осведомленность об открытии Картерета привели их к острову Питкэрн. Здесь в 1789 г. они потопили злополучный «Баунти» у единственного удобного места высадки, называемого теперь бухтой Баунти[1].

[1] Автор лишь вскользь касается мятежа команды «Баунти» в 1789 г., с которым связано начало новой, чрезвычайно интересной истории острова Питкэрн. Покинутый древними полинезийскими колонистами, остров

Воспоминания о враждебной встрече обитателей Тупуа'и были еще свежи, и мятежники проявили большую осторожность, взбираясь по крутому склону от места высадки к более ровной поверхности наверху. Они не видели ни лодок, ни очагов, но среди богатой растительности заметили хлебные деревья, свидетельствовавшие о том, что остров населен. На вершине, у края утеса, обращенного к бухте Баунти, они увидели сооружение, привлекшее их внимание. Камни были тщательно сложены, образуя четырехугольную платформу, на каждом углу которой стояли каменные изваяния; обращенные спиной к морю, они неодобрительно смотрели на смельчаков, вторгшихся в их священные владения. Но храм и боги были немы, потому что люди, создавшие их, таинственно исчезли.

Мятежники или их потомки разорили храм над бухтой Баунти и некоторые другие храмы, воздвигнутые в различных частях острова. Беспомощные каменные боги были сброшены с близлежащих утесов и унесли свою тайну на дно бухты Баунти. Когда мятежники разрушили храм близ бухты Баунти, они нашли человеческий скелет, погребенный под постройкой, череп которого покоился на большой жемчужной раковине. Жемчужная раковина указывает на связь с Мангаревой или каким-нибудь атоллом из архипелага Туамоту.

Раскапывая фундаменты домов и подготовляя землю для обработки, мятежники находили человеческие кости, погребенные неглубоко под поверхностью. Время от времени они находили также каменные тесла и долота; эти находки были отправлены в различные музеи. Некоторые орудия обладают красивой формой и хорошо наточены, другие отличаются большим размером.

был вновь заселен взбунтовавшейся командой английского корабля «Баунти». Матросы этого корабля, не стерпев жестокостей капитана Блая, посадили его с приверженцами в шлюпку (с большими трудностями он впоследствии добрался до острова Тимор), а сами высадились сначала на острове Таити; потом же, опасаясь преследования, перебрались оттуда на необитаемый и малоизвестный островок Питкэрн; с собой они при этом захватили несколько таитянских мужчин и женщин. После нескольких лет смут и кровавой вражды в оставшейся части маленькой колонии водворился мир. Потомство этих английских матросов и полинезийских женщин долгое время жило на своем уединенном острове без всяких сношений с окружающим миром. Никто не знал о судьбе скрывшихся мятежников, пока о них в 1813 г. не сообщил попавший случайно на остров капитан Фольгер, а в 1825 г.—более подробно капитан Бичи. После этого связь маленькой колонии с внешним миром возобновилась, хотя оставалась очень нерегулярной. В 1871 г. остров Питкэрн посетил русский корвет «Витязь», и ехавший на нем Н. Н. Миклухо-Маклай сделал некоторые наблюдения над островитянами (см. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. 2, М.—Л., 1941, стр. 147—148; его же, Собр. соч. т. I, 1950, стр. 54—58). Колония на острове Питкэрн существует и сейчас. Наиболее подробно обследовал ее в 1934—1935 гг. антрополог Шапиро, давший интересное описание этой своеобразной англо-полинезийской метисной группы (см. H. L. Shapiro. The heritage of the Bounty. The Story of Pitcairn through 6 generations, L., 1936).

Они выделаны лучше, чем такие же орудия с соседней Мангаревы. На утесах были обнаружены петроглифы, изображавшие людей, животных, птиц и геометрические фигуры, в том числе круги и звезды. Неглубокие ямы с камнями и пеплом свидетельствуют о том, что древним поселенцам были известны полинезийские земляные печи.

Франко-бельгийская экспедиция, отправившаяся на остров Пасхи, посетила Питкэрн в 1935 г. Разбросанные свидетельства о древнем поселении были обобщены участником экспедиции Лавашери. Он обнаружил, что одна из скульптур храма бухты Баунти была подобрана у подножия утеса и послужила столбом для веранды дома. Эта скульптура, извлеченная для осмотра, была вырезана из желтоватого местного вулканического туфа и представляла собой туловище без ног. Голова оказалась отбитой, а две пятипалые руки были сложены на животе в положении, характерном для полинезийского искусства. Археологические находки частей храмов, изваяний и каменных орудий показывают, что древними исчезнувшими поселенцами острова Питкэрн были полинезийцы.

Распространение на острове хлебных деревьев доказывает, что древние поселенцы прибыли сюда с какого-нибудь вулканического острова. Хлебного дерева на Рапе нет, поэтому вероятно, что мореплаватели прибыли с Южных островов, лежащих дальше к западу, или с Мангаревы.

Питкэрн был известен мангаревцам под названием Хераги, а в новые времена как Петания (Британия). Хераги упоминается в местном варианте широко распространенной легенды о Тинирау и Хине. Мать приказала Хине-поутунуи просушить на солнце одежду из лубяной материи и проследить, чтобы ее не вымочил дождь. Хина отнеслась невнимательно к поручению, и одежда была испорчена ливнем. За это Хину изгнали из дому, и она пошла к берегу искать переправы на какой-нибудь другой остров. Но лодки нельзя было достать, и Хина стала спрашивать у различных рыб лагуны, в состоянии ли они пересечь море. Все они ответили отрицательно. Когда же Хина спросила глубоководную черепаху, она ответила: «Да! Садись ко мне на спину, и я отвезу тебя куда хочешь». Хина взгромоздилась на черепаху, которая доставила ее на Хераги. Когда Хина вышла на берег, она увидела бананы и пизанги, покрытые плодами, и наклонила гроздь бананов, которые с тех пор свисают вниз, тогда как нетронутые плоды пизанга торчат кверху. Тинирау, вождь острова, женился на Хине. У них родилась дочь по имени Тоа-тутеа. Она отправилась на Таити и после различных приключений вернулась на Мангареву, где была погребена на Камаке, на той стороне острова, которая была обращена к месту ее рождения — Хераги.

Местное мангаревское историческое предание повествует о том, как надменный вождь по имени Тарахати был вынужден покинуть Мангареву; он поплыл к острову, называвшемуся

Мата-ки-те-ранги. Его внуку, жрецу Те Агиаги, явилось видение, что дед его убит своим народом Мерири, а хлебные деревья уничтожены. Чтобы проверить видение Те Агиаги, его отец Ануамотуа и несколько братьев отплыли к Мата-ки-те-ранги в двойной ладье. После того как они посетили несколько атоллов, мореплаватели прибыли на Мата-ки-те-ранги, где было трудно высадиться на берег. По предположению, высказанному в местной рукописи, этим островом была Петания (Питкэрн). Те Агиаги вышел на берег и нашел в сухом русле труп своего деда. «В те дни мертвые могли разговаривать с живыми», повествует предание. Те Агиаги попросил у мертвеца плодов хлебного дерева, и тот ответил: «Ты найдешь небольшой росток около моего уха». Дальше идет описание посадки хлебного дерева и соответствующего ему ритуала. Ануа-мотуа передал власть над этой землей своим сыновьям Пунига и Маро-кура, а для Те Агиаги обещал создать новую землю Момона-муа. Ануа-мотуа умер; его положили на погребальный плот и пустили по течению. Но Те Агиаги видел, как его отец сотворил землю Момона-муа, нагромоздив при помощи палки-копалки песок в пустынном океане. Позднее Те Агиаги вместе со своими спутниками отправился заселять мифическую землю. Два его брата со своими людьми остались владеть островом Мата-те-ранги.

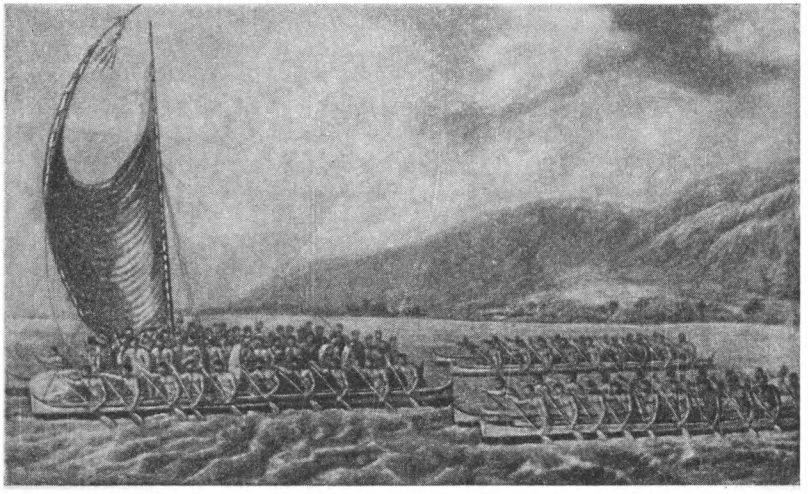
В конце XIV в. мореплаватель по имени Рагахенуа приплыл на Мангареву в сопровождении воинов. После короткого отдыха он построил новую ладью и отплыл на Мата-ки-те-ранги. Там у Рагахенуа произошла ссора с местными властителями, во время которой как Пунига, так и Маро-кура были убиты, а их люди, потерпев разгром, подверглись ужасной резне. Четыре беглеца спаслись и достигли Мангаревы. Один из них — Ипо, сын Ануа-мотуа, приехал в ладье независимо от других и поселился в Акамару. Прибыв в округ Таку на Мангареве, где правил его брат Хои, он рассказал о бедствии, происшедшем на Мата-ки-те-ранги. Дальнейших упоминаний о Мата-ки-те-ранги в мангаревской истории нет.

Когда в эпоху, последовавшую за европейскими открытиями, мангаревцы установили торговые сношения с жителями острова Пасхи, они, как уже отмечалось, стали рассматривать этот остров как легендарный Мата-ки-те-ранги. Однако вполне определенные упоминания о посадках хлебного дерева говорят против такого предположения, ибо это дерево на острове Пасхи не росло. Упоминание о том, что бежавшие с поля битвы воины приплыли на Мангареву, не имея возможности захватить продовольствие для долгого путешествия, заставляет предполагать, что Мата-ки-те-ранги был гораздо ближе к Мангареве, чем остров Пасхи. Единственный вулканический остров, который напоминает описание легенды, это остров Питкэрн.

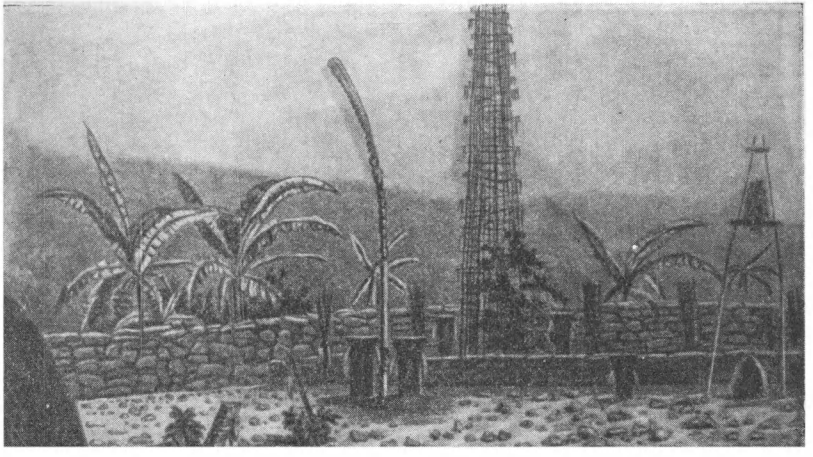
Рагахенуа, очевидно, овладел Питкэрном прежде, чем плоты вошли в обиход у мангаревцев, и поэтому здесь не было найдено

топоров, столь характерных для Мангаревы и употреблявшихся для постройки плотов. Возможно также, что Рагахенуа, который был на Мангареве только гостем, не захватил с собой эти орудия. Можно предполагать, что этот мореплаватель прибыл на Мангареву с Южных островов или оттуда явились позднейшие переселенцы. Это объяснило бы сходство между некоторыми орудиями острова Питкэрн и каменными орудиями Южного архипелага, а также находку каменных изваяний над бухтой Баунти. Отсутствующая голова изваяния, если бы она была поднята со дна моря, возможно, рассказала бы нам кое-что о тайне Питкэрна, но волны поглотили ее и помогли скрыть загадку острова.

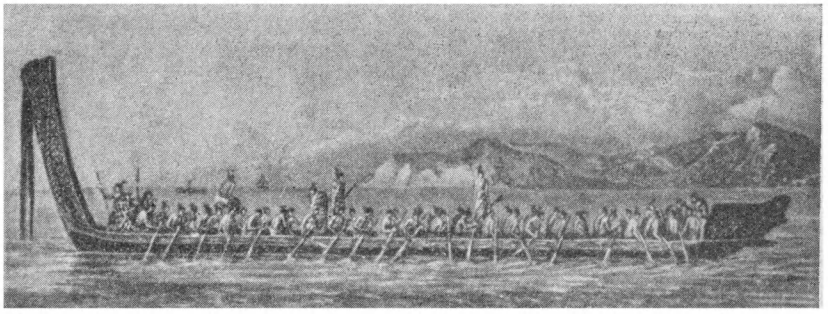
Загадка острова Питкэрн остается неразгаданной. Мы можем легко понять, почему некоторые атоллы были заселены лишь на время, а потом покинуты ради более привлекательных островов. Но на Питкэрне есть все, что недостает атоллу. Там есть и базальтовые скалы, и обильная растительность; там много свежей воды и плодородной почвы, на которой произрастают хлебное дерево, бананы и другие съедобные растения. Форма и количество обнаруженных на Питкэрне каменных орудий свидетельствуют о том, что на острове долгое время жили достаточно культурные полинезийцы. Все же, когда в 1879 г. «мятежники с «Баунти» высадились на острове, древние поселенцы исчезли, как исчезли и птицы моа в Новой Зеландии. Может быть, они умерли от какой-то неизвестной болезни или покинули остров по какой-нибудь неразгаданной причине. Возможно, они были уничтожены ватагой пиратов, которая позднее вернулась домой? Что с ними случилось, пока никто не знает.



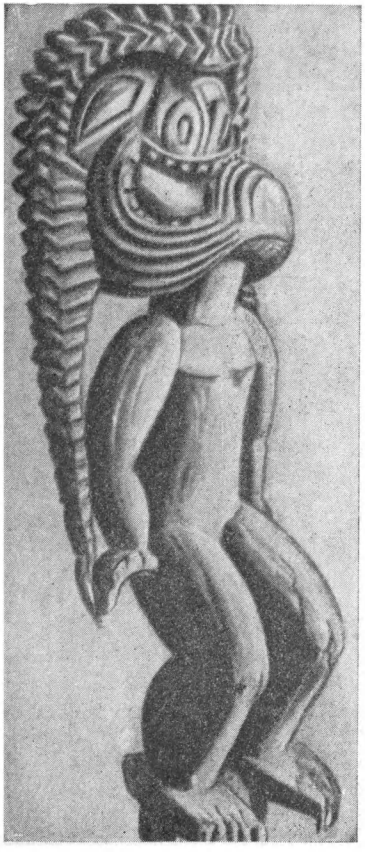
Гавайские каноэ, плывущие навстречу капитану Д. Куку
(*Третье путешествие Д. Кука*)



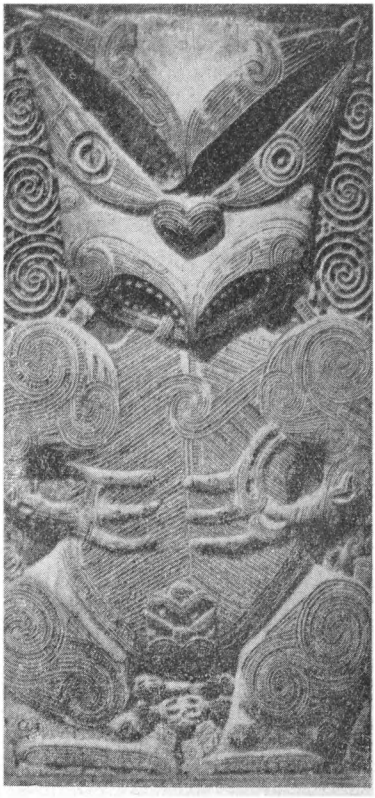
Стена храма у Ваимеа; Кауаи, Гавайские острова
(*Третье путешествие Д. Кука; по рисунку Веббера*)



Новозеландская военная ладья; нос и корма покрыты резьбой
(*Первое путешествие Д. Кука*)



Гавайская храмовая скульптура
из дерева



Образец художественной резьбы
маорийцев

Глава XVII

ВЕРШИНА ТРЕУГОЛЬНИКА

Поезжай на остров моей мечты
И поищи прекрасный берег,
Который был бы достоин короля.

(*Легенда о Хоту-матуа*)

КОРОЛЬ Хоту-матуа, как повествует предание, жил в стране Марае-ренга и мечтал об острове с прекрасными берегами, который лежал где-то за восточным горизонтом. Он отправил мореходов в ладье «Ораора-миро», чтобы они нашли остров его мечты. Вскоре король сам последовал за ними в большой двойной ладье, достигавшей 90 футов в длину и 6 футов в глубину. Один корпус носил имя Отека, другой — Оуа. Короля сопровождал искусный ремесленник Ту-коиху, плывший в отдельной ладье. После многодневного плавания команды обеих лодок увидели землю, в которой Хоту-матуа узнал остров своей мечты. Когда они приблизились к западной части острова, суда разошлись; король отправился осматривать южный берег, а Тукоиху — северный. Ладья короля шла очень быстро, но гребцы все сильнее налегали на весла, чтобы увеличить скорость. Судно обогнуло восточную часть острова, однако король не увидел здесь ровного берега, который он искал. У северного берега он заметил лодку Ту-коиху, приближавшуюся к отмели, и узнал побережье, о котором так долго мечтал. Ту-коиху не полагалось высаживаться на берег раньше короля, поэтому ремесленник обратился к богам с магическим заклинанием «Ка хакамау те конеконе!» (остановите греблю). Весла команды Ту-коиху замерли в воде, а море успокоилось; тогда гребцы короля быстро пригнали ладьи к берегу. Двойной нос королевского судна врезался в песок Анакены, и Хоту-матуа ступил на прекрасный берег, который был достоин стать резиденцией короля. Так имя Хоту-матуа удлинило собой список прославленных мореплавателей, после того как он открыл восточный предел Полинезии, образующий вершину треугольника.

Остров Пасхи находится в 1500 милях от Мангаревы в 1100 милях от острова Питкэрн и в 2030 милях от Южной Америки. Максимальная длина острова доходит до 13 миль, а площадь его составляет 67 кв. миль. Это вулканический остров с сухой, бесплодной почвой. Рек здесь нет, дожди выпадают редко. На острове несколько потухших вулканов; один из них, Рано Арои, достигает высоты 1600 футов.

Первым европейцем, увидевшим остров в пасхальное воскресенье 1722 г., был голландский мореплаватель Роггевеен. В то время на нем жили люди полинезийского происхождения, говорившие на полинезийском языке. Позже европейские мореплаватели, включая Гонсалеса и Кука, останавливались на острове Пасхи и завезли сюда болезни, которые производили страшное опустошение среди населения всех Тихоокеанских островов. В 1862 г. перуанцы увезли в рабство большое число жителей острова Пасхи. Из 100 человек, оставшихся и отосланных обратно по представлению британского и французского правительств, 85 умерло от оспы в море, а 15 вернулись домой и разнесли болезнь по всему острову; от оспы погибли тысячи коренных жителей острова. По скромному подсчету, до сношения с европейцами численность населения составляла 3000—4000 человек. Пятнадцать лет спустя после первого опустошения, произведенного работорговцами, население сократилось до 111 человек, среди которых было только 26 женщин. Перепись 1934 г. определила общую численность жителей острова в 456 человек.

В 1870 г. на острове поселился французский авантюрист Дютру-Борнье; он повел себя так, что католический миссионер и его паства сбежали на Мангареву[1]. Уехали бы и другие жители, но шхуна была переполнена до пределов. Оставшиеся на острове расправились, наконец, с тираном, как он того заслуживал. Изгнанные жители вернулись на родину после смерти Борнье, однако трудно предположить, чтобы многие из 111 человек, оставшихся в живых, смогли сохранить и передать знания древней истории своим потомкам. Нигде в Полинезии туземное население не подвергалось такому жестокому обращению и такому разлагающему воздействию, как на острове Пасхи. Неудивительно, что местная культура была так сильно разрушена и записи, произведенные со слов оставшихся в живых, дают самые скудные во всей обитаемой Полинезии материалы. К несчастью, ранние миссионеры, поселившиеся на острове Пасхи, также не проявили никакой любознательности и не заставили своих учеников записать историю, легенды и обычаи острова[2].

[1] О грабительской деятельности авантюриста Дютру-Борнье более подробно рассказывает Н. Н. Миклухо-Маклай, побывавший у берегов острова Пасхи как раз в то время (Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I, 1940, стр. 142—143; его же, Собрание сочинений, т. I, 1950, стр. 46).

[2] Автор ограничивается мягким упреком по адресу «ранних миссионеров», которые «не проявили любознательности» в отношении преданий

Ранние европейские путешественники, коллекционируя различные диковинки, описывали часто не только то, что видели, но и то, чего не видели. Беренс, сопровождавший Роггевеена, утверждал, например, будто местные жители были такими великанами, что матросы могли не сгибаясь пройти между их ног. Он якобы видел даже здесь гончарные изделия, хотя известно, что на острове не было глины. Томсон, казначей с американского корабля «Могикан», описал предметы материальной культуры, которые ему удалось видеть в 1886 г., однако уже и тогда было слишком поздно собирать достоверные сведения о древних нравах и обычаях. В 1914 г. Раутледж произвела обследование острова Пасхи; собранные ею сведения об изваяниях, каменоломнях и платформах очень ценны. Позднее остров Пасхи посетил Макмиллан Браун, возбудивший интерес многих ученых своей теорией затонувшего архипелага. В 1934 г. остров посетила франко-бельгийская экспедиция; член этой экспедиции доктор Метро обрабатывал полевой материал, сотрудничая с музеем Бишопа. Мы с ним часто беседовали по этому поводу, и значительная часть сведений, заключающихся в настоящей главе, почерпнута из его рукописи, которая будет издана музеем Бишопа[1].

По обрывкам местной мифологии, которыми мы располагаем, можно восстановить лишь немногое. Древние боги Атеа и Папа здесь неизвестны. Тангароа выступает на острове Пасхи в виде тюленя с человеческим лицом и голосом. По местному преданию, тюлень был убит, но хотя его зажаривали в земляной печи столько времени, сколько полагается, он все же оставался сырым. Тогда люди поняли, что это не простой тюлень, а могучий вождь Тангароа. Имя Тангароа встречается также в королевской родословной, где Ронго выступает в качестве его сына. Эти скудные сведения важны как отзвук мифологии Центральной Полинезии.

Тане и Ту отсутствуют в пантеоне местных богов, а Ту-коиху выступает как древний предок. Он считается искусным ремесленником, и это напоминает нам первоначальные функции бога Ту в таитянском мифе о мироздании. Имя Хиро, славного мореплавателя в Центральной Полинезии, упоминается в заклинании, якобы обеспечивающем выпадение дождя. В первой строчке заклинания говорится:

и истории туземцев острова Пасхи. Он умалчивает о том, что эти миссионеры вместо «любознательности» проявили отвратительный вандализм, предав уничтожению ценнейшие памятники письменности на острове: по приказанию миссионера Эжена Эйро крещеные туземцы сожгли почти все дощечки с драгоценными надписями (1868); лишь несколько случайно уцелевших экземпляров хранится сейчас в музеях Европы и Америки.

[1] Первое издание книги А. Метро вышло в свет в 1940 г. (Alfred Métraux Ethnology of T. Easter Island, Honolulu, 1940). См. С. А. Токарев. Новая книга о культуре острова Пасхи («Советская этнография», № 4, 1946).

Э те уа, матаваи роа
а Хиро е!
(О дождь, долгая слеза
Хиро!)

Имя Руануку, божества, широко известного в Полинезии, также встречается в местной генеалогии. Весьма любопытно отметить, что в песнопении о сотворении мира упоминается Атуа-метуа — имя, похожее на имя Ату-мотуа, одного из древних богов Мангаревы. Правда, Ату означает господин, а Атуа — бог. Однако замена одного слова другим могла произойти позднее уже на острове Пасхи. Эпитеты «мотуа» и «метуа» представляют собой лингвистические варианты одного и того же слова, означающего «отец».

Атуа-метуа сошелся с Рири-туна-реи и породил «ниу». Широко распространенное в Полинезии слово «ниу» означает кокосовый орех. Но кокосовых пальм нет на острове Пасхи, и слово «ниу» означает здесь плод дерева—«миро». Слово «туна» в составном имени Рири-туна-реи означает «угорь». Это указывает на сохранившееся в отрывке воспоминание о хорошо известном мифе, согласно которому кокосовое дерево появилось из головы угря.

Главным богом острова Пасхи считался Макемаке. Подобное имя ни в одном из полинезийских мифов не присваивается могущественному богу. Метро считает, что под этой местной личиной выступал важнейший полинезийский бог Тане. Предположение подтверждается местным мифом о том, как Макемаке создал первого мужчину на острове Пасхи. Способ сотворения очень похож на тот, которым, по мифам других частей Полинезии, пользовались Тане и Тики, создавая первую женщину. Макемаке взял красную мякоть из водяной тыквы, насыпал немного земли и слепил трех мужчин и одну женщину. Процесс насыпания земли на местном диалекте выражен словами «попо и те оне»; в этом выражении встречается общий полинезийский термин для обозначения земли — «оне» и местное слово «попо» («насыпание»), которому в других диалектах соответствует слово «аху».

Песнь о сотворении мира, впервые записанная на острове Пасхи Томсоном в 1886 г. и проверенная позднее Метро, в исполнении туземцев очень напоминает образцы подобных песен, записанные в других частях Полинезии. Различные пары соединяются, чтобы произвести на свет растения, насекомых, птиц, рыб и т. д. Как и на Маркизских островах, Мангареве и Туамоту, Тики, называющийся здесь Тике-те-хату (Тики-господин), сходится с различными женами и производит многочисленное потомство. Среди жен Тики фигурирует Руруа, которая родила Ририкатеа, отца Хоту-мотуа, первого короля острова Пасхи. От другой жены по имени Хина-попоиа (Хина-собранная) у Тики родилась дочь, Хина-каухара. Образ Хина-попоиа связан, вероятно, с воспоминанием о первой женщине, известной на других островах Полинезии как Хина-аху-оне (Девушка, созданная из

земли). Таким образом, обломки мифологии острова Пасхи содержат основные элементы мифов, созданных в Центральной Полинезии.

По древним мифам, люди обязаны Макемаке изобилием съедобных растений, домашней птицы и бумажной шелковицы, из которой вырабатывалась материя. Когда приступали к посадке растения, на землю клали череп, изображавший Макемаке, и произносили заклинание, начинавшееся словами: «Ка то ма Хауа, ма Макемаке» (Сажай для Хауа, для Макемаке). Макемаке почитался в образе морских птиц, в которых он по древним мифам, вероятно, воплощался. Изображение этого бога в виде человека с птичьей головой вырезано на скалах у деревни Оронго. Деревянные изображения Макемаке несли на руках участники праздничных процессий. В честь этого бога приносились человеческие жертвы, значительная часть которых поедалась жрецами. Различные обряды по описанию совпадают с полинезийскими, но олицетворение бога в виде человека с птичьей головой является особенностью местного искусства.

О формах религиозного ритуала почти ничего неизвестно. Жрецы руководили празднествами в честь рождения, изгоняли демонов болезни и организовывали погребальные церемонии, для которых сочиняли похоронные песнопения. Жрецы назывались здесь «иви-атуа» (люди бога); этот термин родствен мангаревскому обозначению жреческих песнопений. Человеческие жертвы назывались «ика» (рыба). Такое обозначение широко распространено по всей Полинезии и, вероятно, восходит к раннему периоду, когда религиозные жертвоприношения состояли главным образом из рыб. Колдуны и жрецы, выдававшие себя за посредников между духами умерших и их живыми родственниками, применяли те же магические приемы, что их коллеги на других полинезийских островах.

Духи умерших назывались здесь «акуаку» и изображались в виде вырезанных из дерева фигурок с выступающими ребрами и впалыми животами. По местным преданиям, духи обучили местных жителей татуировке, ознакомили с употреблением куркумовых красок и развели разновидность ямса, которую они, вероятно, принесли из страны мертвых, расположенной далеко на западе. Жители острова Пасхи разделяли общее полинезийское представление о стране духов не как о месте, где мертвецов ожидают награды или наказания за прошлые деяния, но как о загробном мире, куда возвращаются бессмертные души людей.

Традиционные исторические предания сохранились почти так же плохо, как и мифология. Вскоре после поселения Хоту-матуа в Анакене его жена Ваикаи-а-хива родила мальчика. Ту-коиху перерезал пуповину и совершил ритуал, нарисовав вокруг головы ребенка царское сияние («ата арики») в знак его высокого происхождения. Мальчик был назван Ту-махеке, и от него вел свое

происхождение королевский род острова Пасхи. Изучая отрывки королевских генеалогий, Метро высчитал, что Хоту-матуа высадился на острове около 1150 г. нашей эры.

Как и в других частях Полинезии, с увеличением населения складывались новые племена, принимавшие имена предков и расселявшиеся в определенных районах острова. Верховный вождь, который выполнял также обязанности жреца, принадлежал к старшей ветви рода, происходившего от Хоту-матуа. Возглавлявшееся им племя миру пользовалось особыми привилегиями.

Войны между племенами возникали часто. Из предания о войне между Длинноухими и Короткоухими следует, что на острове были две группы древних поселенцев. Поселенцы одной из групп прокалывали ушные мочки и носили тяжелые украшения, оттягивавшие уши; судя по этому указанию, Длинноухие были выходцами с Маркизских островов, где в ходу тяжелые ушные украшения. Жители другой группы не прокалывали ушей, они приплыли с Мангаревы. Длинноухие жили на восточной стороне острова, и им приписывается создание каменных изваяний с длинными ушами и сооружение каменных храмов. Короткоухие жили на западной стороне острова и владели более плодородными землями. Выходцы с Маркизских островов воздвигали большие каменные скульптуры и строили каменные подпорные стены, тогда как мангаревцы не делали этого. Конфликт между двумя группами на острове Пасхи возник из-за того, что Короткоухие отказались носить камни и помогать Длинноухим при постройке храма. По преданию, в войне, которая последовала за конфликтом, Длинноухие были почти уничтожены. Этим можно объяснить внезапное прекращение работ в каменоломне, а также низвержение статуй с их пьедесталов.

Куры, единственное одомашненное животное, известное древним жителям острова Пасхи, могли быть завезены только с Маркизских островов, так как на Мангареве их не было. Домашняя птица была окружена здесь большей заботой, чем в какой-либо другой части Полинезии. Куры стали символом богатства; на торжествах их раздавали в виде праздничного подарка. Чтобы защитить кур от воров, строили каменные птичники, куда их загоняли по ночам. Вход задвигался грудой камней, и шум падающих булыжников служил для хозяина сигналом тревоги. Чтобы увеличить яйценосность, в птичники клали черепа, покрытые резьбой, которые якобы вселяли в кур чудесную силу Макемаке.

Хотя, как известно, между курицей и черной морской ласточкой существует большая разница, однако обе эти птицы приносят яйца. Черные морские ласточки («ману тара») в большом количестве прилетают для кладки яиц в июле или в августе на три скалистых острова, из которых только Моту-нуи доступен для пловцов. Островки расположены у юго-западной оконечности, образуемой вулканом Рано-као. Из охоты за яйцами ласточек развился

обычай ежегодного состязания за право получения первого яйца в сезоне. Рядовые воины («мата тао») господствующего племени выступали как слуги знатных участников соревнования, членам же побежденных племен не разрешалось принимать в нем участия. Отобранные для участия в соревновании слуги переплывали на Моту-нуи, где, сидя в пещерах, ждали прилета птиц. Знатные воины со своими семьями собирались на губе Рано-као, откуда наблюдали за перелетом птиц. Для защиты от ветра строились каменные дома в деревне Оронго (Место слушания). Прислушиваясь к перелету птиц и ожидая возгласа удачливого слуги, нашедшего первое яйцо, участники состязания развлекались пением и пиршествами, а также вырезали на находящихся неподалеку скалах фигуры с птичьими головами и человеческими телами, изображавшие Макемаке, бога домашней и морской птицы. Со временем это ежегодное соревнование обросло ритуальными церемониями и стало важнейшим общественным событием в жизни обитателей острова. Удачливый слуга прыгал на скалистый мыс, откуда через разделявшее острова водное пространство слышался возглас, обращенный к хозяину: «Брей голову. Яйцо твое!».

Наблюдатель в пещере под Оронго, так называемый хакаронго-ману (слушающий птицу), передавал весть ожидающим. Счастливому хозяину присваивалось имя тангата-ману (человек-птица). После того как ему вручалось яйцо, народ провожал тангата-ману на Матавери, где в честь него устраивался пир. Затем тангата-ману уединялся на год в дома на Рано-рараку. Подробности об обязанностях и привилегиях тангата-ману до нас не дошли, известно только, что его весьма почитали и кормили за общий счет до следующего ежегодного состязания. Порядок чередования людей-птиц запоминался и передавался от поколения к поколению, как родословная царей. Культ птицы нигде в Полинезии больше не встречается; очевидно, он развился на этом острове в связи с местными особенностями. Большое значение курицы как единственного домашнего животного, ежегодный прилет черной морской ласточки для кладки яиц на ближний островок, удачное расположение деревни Оронго с ее покрытыми резьбой скалами, с которых виден прилет ласточек,— все это, естественно, привело к развитию культа птиц, который отмечается только на острове Пасхи.

На этом острове мало плодородной земли и нет лесов из высоких деревьев, которые дали бы материал для постройки домов и лодок. Каркас жилищ делался обычно из тонких согнутых шестов, в связи с чем строения были очень узки, низки и длинны. Чтобы не потерять лишнего дюйма, шесты не врывали в землю, а устанавливали в отверстиях, выдолбленных в подставках из каменных глыб. Эти каменные подставки с выдолбленными отверстиями, как и культ птиц, являются местной особенностью острова Пасхи и вызваны недостатком строевого леса.

Плохие непрочные лодки достигали в длину не более 10—12 футов. Их сшивали из большого числа мелких кусков дерева. Даже весла состояли из двух частей: короткой узкой лопасти и привязанной к ней рукоятки. Весло, составленное из двух частей, не встречается нигде в Полинезии; как и тип лодки, оно было местным изобретением, продиктованным недостатком материала. Следовавшие друг за другом европейские путешественники констатировали уменьшение количества лодок на острове Пасхи; оно объяснялось, однако, не деградацией населения, а истощением запасов дерева. Иногда местные жители подплывали к кораблям на конусообразных плотах, связанных из камыша.

Дерево на острове было такой же драгоценностью, как золото в Европе или в Новой Зеландии. Для удовлетворения неотложных нужд употреблялось минимальное количество дерева, а из обрезков делались нагрудные украшения, ритуальные принадлежности и покрытые резьбой дощечки, свидетельствовавшие о богатстве их владельцев.

Макмиллан Браун в своей работе «Народы и проблемы Тихого океана» пренебрежительно оценивал искусство и ремесла аборигенов острова Пасхи как самые примитивные в Полинезии. Это явно неверно и несправедливо. По-видимому, он не учел огромного влияния окружающей среды на все формы материальной культуры острова. Головные уборы из перьев жителей острова Пасхи значительно красивее причесок маркизанцев, таитян и жителей Самоа и Тонга.

Замечательна также местная лубяная ткань; недостаток сырья заставил прибегнуть к сшиванию одежды костяной иглой. Резные деревянные украшения, каменные изваяния с их декоративной техникой (изображение радужной оболочки глаз с помощью кольца из раковины, а зрачка—с помощью черного обсидиана) — все это ставит местные изделия наравне с самой замечательной продукцией Полинезии. Браун порицал также жителей острова Пасхи за недостаточное использование кости, щитков черепах и обсидиана для инкрустации их деревянной резьбы. Но ведь инкрустация была неизвестна и другим крупным ветвям полинезийского племени. Наиболее несправедливой критике подверглись орудия труда, которые он объявил детскими игрушками. Тесло, или «токи», описывается Брауном как тупой круглый камень, изредка отточенный с одного края или гладко отесанный. Очевидно, это описание относится к орудиям, употреблявшимся для первоначальной обработки глыб, из которых вырезались каменные скульптуры. Браун совершенно не заметил тесел, применявшихся здесь при работах по дереву, и выделанных лучше, чем на Мангареве и Самоа. Некоторые из них красивой формы, но с тупым краем, вероятно, использовались как тесла для отделки каменных изваяний после того, как их переносили из каменоломни.

Каменные статуи острова Пасхи поразили воображение многих ученых, и вокруг них создалась атмосфера тайны. Некоторые ученые считают даже, что они являются произведением какой-то вымершей расы, обитавшей на исчезнувшем материке. Однако разгадка тайны лежит у ног этих скульптур. Большие каменные изваяния встречаются и на Маркизских островах и на острове Раиваваe, а более мелкие — на островах Общества, Гавайских и в Новой Зеландии. Жители острова Пасхи принесли искусство резьбы по камню с Маркизских островов на свою новую родину, где они выработали местный стиль, приспособленный к новому материалу — мягкому, легко поддающемуся обработке вулканическому туфу, добывавшемуся в погасшем кратере Рано-рараку.

У изваяний — продолговатые лица, длинные тела и руки, но нет ног. Фактически это бюсты. Некоторые скульптуры расставлены на каменных платформах около берега, другие — рассеяны по всему острову. У статуй, которые воздвигались на площадках, были широкие основания для большей устойчивости. У других фигур основания сделаны в форме кольев, которые вбивались в землю.

Процесс вырезывания этих статуй можно проследить по незаконченным образцам, еще лежащим в каменоломне кратера Рано-рараку. Вначале фигурам придавался общий контур с лицом, обращенным вверх. Затем подрезались и округлялись бока, причем оставлялся узкий гребень вдоль спины, чтобы статуи оставались неподвижными. Наконец, и эта кромка вырубалась, готовая фигура передвигалась к тому месту, где ее хотели установить. Здесь окончательно стесывался спинной гребень. Около некоторых фигур в каменоломнях найдены грубые каменные орудия, сделанные из твердых кусков туфа и, по-видимому, оставленные мастерами-ремесленниками, когда прекратились работы в этой древней мастерской.

Макмиллан Браун высказал мнение, что статуи изображают своих таинственных творцов, жителей погрузившегося ныне в океан архипелага —сильных и властных людей с выдающимися подбородками и презрительно надутыми губами. От такого утверждения антрополог может прийти в ужас: если изваяния острова Пасхи похожи на их создателей, тогда и изваяния Маркизских островов с их круглыми, совиными глазами, с широкими крыльями носов, ртами во всю ширь лица должны тоже, по-видимому, изображать своих творцов. Какими кошмарными чудовищами предстали бы перед нами скульпторы Полинезии, если бы их можно было вызвать из загробного мира и они действительно оказались бы похожими на свои творения!

Говорили о трудности переноски изваяний. Это считалось аргументом в пользу предположения, будто многочисленное население стекалось отовсюду в каменоломни с канатами и механическими приспособлениями для перетаскивания тяжестей. Современные жители острова Пасхи считались слишком сла-

быми и ленивыми, чтобы происходить от предков, способных выполнить такую тяжелую работу. Но ведь тонганцы, гавайцы, таитяне и жители Маркизских островов, как известно, передвигали большие каменные глыбы и устанавливали их на месте при помощи канатов, деревянных рычагов, балок и подпорок и строили также наклонные плоскости из земли и камня. Предположение Брауна, что изваяния могли быть передвинуты только тысячами рабов с воображаемого архипелага, основано главным образом на том, что одно из изваяний достигает 50 футов в вышину. Но оно и не было передвинуто из каменоломни. В среднем же высота скульптур колеблется от 10 до 15 футов, а вес— от 4 до 5 тонн. Я сомневаюсь, чтобы эти изваяния были тяжелее, чем бревна, которые маорийцы приносили из леса для строительства своих военных лодок или для цельных коньковых балок больших общественных домов. Люди могут совершить многое, объединив свои усилия, особенно если общественные работы производятся по случаю празднества и сопровождаются пиром, согласно полинезийскому обычаю.

Вероятно, первоначально каменные изваяния изображали богов и обожествленных предков, но с течением времени они приобрели декоративный характер. Изваяния с основаниями в виде кольев не предназначались к установке на каменных площадках храмов и врывались в землю для украшения или как межевые знаки округов и дорог. Так как у всех изваяний, оставшихся в каменоломне, основания сделаны в виде кольев, можно предположить, что заказы для платформы были уже все выполнены и осталось только украсить дороги, когда война или вторжение белых чужеземцев заставили навсегда прекратить работы по строительству.

Каменные храмы на острове Пасхи, как и на других полинезийских островах, строились около береговой линии, однако теория, связывающая такое размещение с желанием оказать магическое влияние на море и предотвратить его вторжение, необоснованна. Близ берега строилась обычно каменная подпорная стена; с внутренней стороны к ней примыкала насыпь, благодаря чему создавалась наклонная поверхность, заканчивающаяся низкой, иногда ступенчатой оградой. Средняя часть подпорной стены была выше, чем боковые крылья, и образовывала приподнятую платформу, на которой размещался целый ряд скульптур, обращенных лицом ко внутренней части острова и установленных на плоских каменных пьедесталах. За низкой внутренней оградой была расположена грубо вымощенная площадка, напоминавшая мощеные площадки марае других архипелагов. Все отгороженное место в целом носило название «аху», которое обычно употребляется в Полинезии для обозначения приподнятой платформы в конце двора марае. Для погребения умерших в толще камня делались ниши или склепы. Этот обычай существовал не только на острове Пасхи. Позднее, когда были забыты религиозные

ассоциации и ритуал, аху стали использовать как кладбище. Такова была вторичная функция древних строений.

Деревянные дощечки с вырезанными на них знаками представляли собой величайшую проблему при попытках разрешения так называемой «загадки» острова Пасхи. Согласно легенде, король Хоту-матуа привез с собой 67 таких дощечек с острова Марае-ренга. Если это так, то употребление дощечек должно было быть распространено на родине короля. Но культурные и мифологические источники указывают на Маркизские острова и на Мангареву как на места происхождения предков населения острова Пасхи; между тем ни на одном из этих островов, как и нигде в Полинезии, не сохранилось даже воспоминания о подобных дощечках. Завезены ли они на остров Пасхи из какой-нибудь другой страны за пределами Полинезии или созданы местными жителями?

Исследователи Полинезии были поражены, узнав, что иероглифы, подобные начертанным на дощечках острова Пасхи, были обнаружены на древних печатях, найденных при раскопках в Мохенджо-Даро в долине Инда (Индия). Один из европейских ученых расположил в параллельные колонки несколько знаков с печатей и с дощечек острова Пасхи; иероглифы оказались сходными или даже идентичными[1]. Однако тщательное сравнение, произведенное Метро, показало, что некоторые мотивы казались схожими лишь из-за неточности воспроизведения рисунка. Во всяком случае совпадение знаков должно скорее вызвать сомнение в их общем происхождении, чем подтвердить его. Не раз уже отмечалось, что изображения не остаются идентичными в течение длительных заимствований. Остров Пасхи расположен на расстоянии свыше 13 000 миль от Мохенджо-Даро, цивилизация которого восходит к 2000 году до нашей эры. Как могли эти знаки сохраниться, пока люди в борьбе со стихиями осваивали расстояние, превосходящее 13 000 миль, на протяжении 3000 лет? Как могли они прибыть на одинокий остров Пасхи, не оставив следа даже в Марае-ренга, откуда, по преданию, Хоту-матуа привез деревянные дощечки?

Мы не можем согласиться с предположением, что эти дощечки были завезены из Мохенджо-Даро, также и потому, что на дощечках острова Пасхи отмечено расположение «бустрофедон», при котором правильно расположенные строчки чередуются с перевернутыми верхом вниз. Такое расположение иероглифов не обнаружено на печатях Мохенджо-Даро. Кроме того, дощечки острова Пасхи вырезаны из местного или принесенного течением

[1] Имеется в виду венгерский лингвист Хевеши. Против его теории наличия связи между письменами острова Пасхи и древней письменностью Мохенджо-Даро энергично выступил Метро. В возникшей между ними полемике Хевеши был поддержан видным венским ученым Хейне-Гельдерном и некоторыми другими исследователями. Те Ранги Хироа примкнул к точке зрения Метро.

дерева, причем самые большие из них сделаны из лопасти ясеневого весла, которое могло быть прибито течением к острову Пасхи лишь в начале XVIII в. Нет сомнений в том, что дощечки вырезаны на острове Пасхи значительно позже времен Хоту-матуа и были связаны с этим королем легендой для придания им большей древности, которая так почитается всеми полинезийцами.

Дощечки из местного дерева представляют собой плоские продолговатые куски с округленными краями и аккуратно вырезанными мелкими параллельными желобками, которые разграничены отчетливыми гребнями. Начиная с нижнего желобка, на одной стороне дощечки гравер работал слева направо; когда он достигал правого края, он повертывал дощечку верхом вниз, для того чтобы и второй ряд вырезать слева направо. Обе стороны дощечки и даже боковые ребра полностью покрыты рядами знаков. Так как трудно предположить, что записанный текст религиозных гимнов или преданий всегда мог точно соответствовать размеру дощечки и полностью заполнять ее во всех случаях, приходится допустить, что эти знаки были чисто рисуночными и не представляют собой особой формы письменного языка.

Эти дощечки назывались «коухау», что на диалектах жителей острова Пасхи, Мангаревы и Маркизских островов означает прут из дерева хибискус (хау). На Маркизских островах связки прутьев из хибискуса расставлялись в вертикальном положении по углам священных платформ, как особые храмовые регалии. На Мангареве термином «коухау» обозначали хибискусовые прутья, которыми отбивали такт при исполнении некоторых ритуальных песен и танцев. Судя по употреблению термина «коухау» на острове Пасхи, возможно, что художественные мотивы, вырезались первоначально на жезле из хибискуса, причем необходимость вырезать вдоль стержня может объяснить расположение знаков в виде длинных рядов. Возможно, что в связи с необходимостью использовать длинные куски дерева для других целей резьба была перенесена с жезлов на более короткие куски, имевшие форму дощечек, которые, однако, сохранили первоначальное название «коухау».

Дощечки употреблялись на различных празднествах так называемыми «ронгоронго», исполнителями старинных песен. На Мангареве певцы, выступавшие на празднествах и во время религиозных обрядов, также назывались ронгоронго. На Маркизских островах жрецы-шаманы, исполнявшие религиозные песни, назывались о'оно, что является диалектологическим вариантом слова оронго. Во время песнопений ронгоронго острова Пасхи держали обычно дощечку в руках. Когда позднее одному жителю острова Пасхи показали такую дощечку, он взял ее в руки и начал петь. Связь между песнопением и дощечкой казалась очевидной. Европейцы никогда не сомневались в том, что разные знаки, вырезанные на дощечке, определенно соответствуют словам песнопений и являются, следовательно, формой письменности.

Когда епископ Тепано Жоссен услышал песнопение острова Пасхи, исполнявшееся якобы по дощечке, он записал слова, произносившиеся певцом, сличая их с различными знаками дощечки. На основе анализа записанного текста им были определены короткие названия отдельных знаков (некоторые из них очевидны, но многие сомнительны). Но несмотря на то что вся композиция преподносилась как песнопение, в ней не было связного смысла; очевидно, она была сымпровизирована на месте, чтобы удовлетворить желание белого человека услышать обрядовое пение по знакам на дощечке. Любой полинезиец умеет импровизировать. Однажды я сам, растягивая нараспев свое повествование, сымпровизировал песнопение для европейской аудитории, которая не понимала языка. Ни певец, выступавший перед епископом, ни я не имели ни малейшего желания мистифицировать слушателей, обоими нами руководило желание доставить им удовольствие.

Рассматривая вопрос о дощечках с точки зрения их полинезийского происхождения, я склоняюсь к предположению, что исполнители песнопений ронгоронго первоначально вырезали фигуры, изображавшие Макемаке, и художественные мотивы, связанные с культом птиц на жезлах «коухау», которые они, выступая, держали в руках. Позже эти мотивы стали изображать на деревянных дощечках, которые полностью покрывались резьбой из-за естественного желания сэкономить место. Для полного использования материала на дощечках вытесывались или вырезались желобки, чтобы резьба образовывала правильные ряды. Обычная техника работы слева направо сочеталась с желанием поставить первый знак последующего ряда близко к последнему знаку предыдущего ряда. Это вело к расположению последовательных рядов по способу «бустрофедон». Художественное стремление избежать монотонного повторения небольшого числа знаков приводило к тому, что основные мотивы, заимствованные из культа птиц, стали разнообразить и добавлять новые, чисто декоративные изображения. Так дощечки стали произведением местного искусства и, подобно другим ценным вещам, получали собственные имена; то же самое происходило с нефритовыми украшениями в Новой Зеландии. Подобно другим полинезийцам, жители острова Пасхи знали свои песнопения и родословные наизусть. Они держали дощечки в руках, как ораторский жезл[1].

Авторы псевдонаучных книг с пренебрежением отзывались о жителях острова Пасхи. Они нагромождали одно ошибочное утверждение на другое, изображая местное искусство и ремесла

[1] Излагаемая здесь автором гипотеза происхождения письменности острова Пасхи, совпадающая со взглядами Метро, заслуживает серьезного внимания, но она не может считаться окончательным разрешением вопроса. В последние годы советскими учеными Б. Г. Кудрявцевым, Ю. В. Кнорозовым и Н. А. Бутиновым сделан крупный шаг вперед к решению данной проблемы.

такими бедными и бездарными, что задача создания каменных изваяний стала казаться непосильным делом для предков современного населения острова.

«Загадка» острова Пасхи была запутана трактовкой декоративных дощечек как формы письменности, которая, как известно, чужда полинезийской культуре. Культура жителей острова Пасхи была приписана никогда не существовавшему мифическому народу только потому, что западная цивилизация в настоящее время не в состоянии производить каменные скульптуры без стальных орудий и перевозить их без помощи машин. Бесспорным, однако, остается тот факт, что потомки Хоту-матуа использовали сырье своего маленького острова с такой изобретательностью, которая поставила в тупик западных ученых. Попытки откопать вымершую цивилизацию потонувшего материка, чтобы объяснить памятники, созданные силами жителей острова Пасхи, — это величайший из комплиментов, который когда-либо высказывали по адресу энергичного народа каменного века.

Глава XVIII

СЕВЕРНЫЙ УГОЛ

Вот Гавайи, остров, люди!
Народ Гавайев — потомки таитян.

(*Песнь сказителя Кама-хуа-леле*

ОТПРАВЛЯЯСЬ в свой путь с Гаваи'и, матери островов, находящейся в центре Полинезии, отважные мореплаватели держали курс на созвездие Меремере (Пояс Ориона), там они открыли и заселили новые Гавайи[1], расположенные на 2400 миль к северу. Этот северный архипелаг тянется лентой с юго-востока на северо-запад и состоит из островов Гавайи, Мауи, Кахулави, Ланаи, Молокаи, Оаху, Кауаи и Ниихау. За Ниихау расположилось несколько скалистых островков и рифов. Когда на сцену выступили европейские мореплаватели, эти

[1] Гавайские острова были открыты капитаном Куком в 1778 г., хотя есть гипотеза о посещении их испанскими моряками еще в XVI в. Кук назвал их Сандвичевыми островами (в честь лорда Сандвича), и это название сохранялось очень долго. С конца XVIII в. у берегов архипелага стали появляться европейские и американские корабли. В числе их были и русские: «Надежда» и «Нева» (1804), «Рюрик» (1815), «Предприятие» (1824—1825) и др. Русские моряки оставили чрезвычайно ценные описания Гавайских островов и быта их жителей. Богатая природа островов и их удобное положение посреди Тихого океана привлекали множество торговцев и разного морского сброда. В 1790—1820 гг. с островов усиленно вывозили ценное сандаловое дерево; его истребили за эти годы полностью, а население от непосильной повинности (перетаскивание тяжелых бревен на руках) во множестве гибло. С 1820 г. на островах стали все чаще появляться китобои, для которых Гавайи представляли удобную стоянку. Торговля с европейцами и американцами была выгодна гавайской правящей верхушке, но на массу населения ложились лишь новые, дополнительные повинности. Из-за эпидемий и падения рождаемости население сильно сокращалось в численности. Вследствие соперничества великих держав ни одной из них не удалось захватить Гавайские острова. Этим соперничеством искусно пользовались местные короли из династии Камехамехи, объединившей под своей властью еще в начале XIX в. весь архипелаг. Однако к концу XIX в. власть американского капитала на

внешние островки не были населены, но Нихоа и Неккер с их скалистыми террасами, каменными изваяниями богов и оставшимися орудиями были молчаливыми, но красноречивыми свидетелями предшествующих посещений их полинезийцами.

Различные местные мифы о происхождении островов указывают на то, что древними учеными разных школ были созданы противоречивые теории. Хотя знаменитому Мауи на Гавайях также приписывают честь открытия огня и то, что он поймал солнце в петлю, все же местный рыбак отнял у него изобретение рыболовства, которое на других островах приписывается этому герою. Процесс вылавливания островов из моря описывается в песне мореплавателей, которые приглашали Лоно-каехо вернуться с ними с Таити на Гавайские острова.

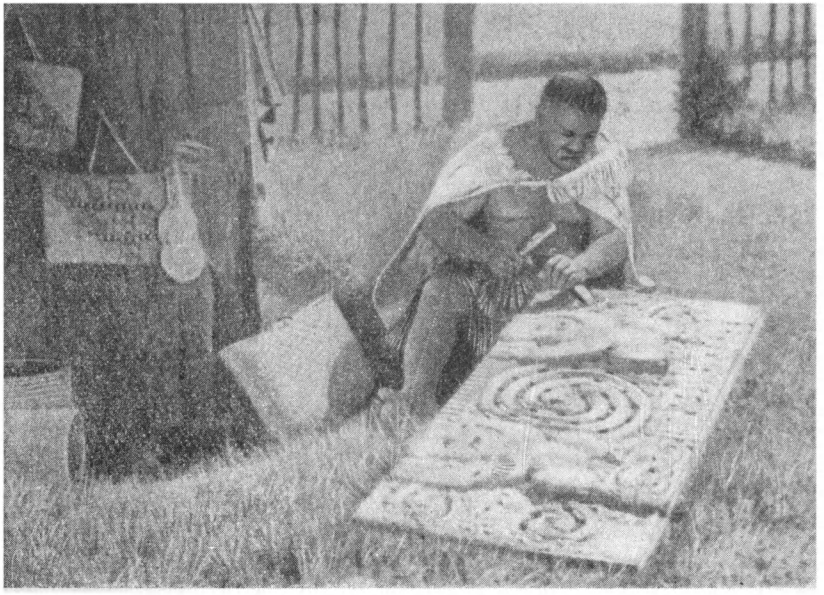
Возвращайся и живи на зеленохолмистых Гавайях,
На земле, которая возникла из океана,
Которая была извлечена из моря,
Из самых глубин Каналоа;
Белый коралл океанских пещер был пойман на крючок рыбака,
Великого рыбака из Капааху,
Великого рыбака Капу-хе'е-уа-нуи.

Согласно мифу, Капу, обладатель такого длинного прозвища, ловил рыбу в Капааху и вытащил на своем крючке кусок коралла. Он собирался отбросить ненужную добычу в сторону, когда один жрец посоветовал ему принести в жертву богам свинью и прочесть соответствующую молитву, чтобы коралл мог вырасти в целый остров. Капу так и поступил, и коралл превратился в большой остров Гавайи. Воодушевленный своим успехом, Капу продолжал вылавливать из океана куски коралла; одну за другой приносил он в жертву свиней, а кораллы превращались в Мауи, Оаху и другие острова архипелага.

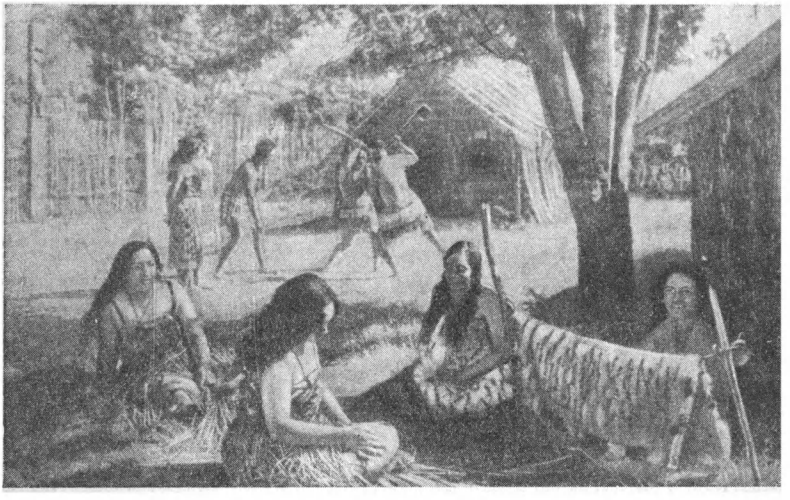
Другой миф повествует о самопроизвольном возникновении островов, явно отражая влияние теологии древнего Гаваи'и из архипелага Общества:

И вот появляется Гаваи'и-нуи-акеа,
Великий Гаваи'и открытых просторов,
Возникший из полной темноты.

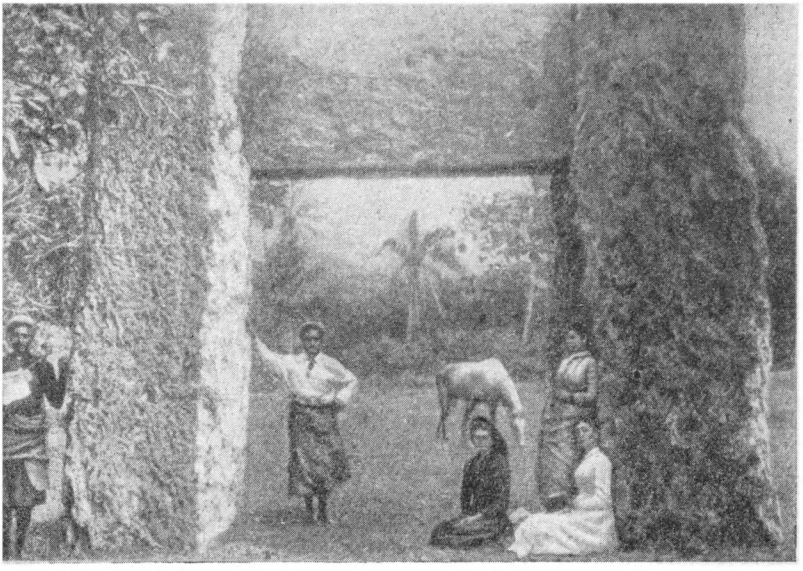
островах чрезвычайно усилилась. Лучшие земли были захвачены американскими монопольными компаниями, которые стали разводить на островах товарные культуры—сахарный тростник и ананасы. Для работы на плантациях стали ввозить китайцев, японцев и филиппинцев, которые постепенно составили значительную прослойку, а позднее даже большинство населения Гавайев. В конце XIX в. агенты американского империализма свергли власть местной королевской династии (в 1893 г.), и после нескольких лет фиктивной «республики» США объявили об аннексии Гавайских островов (в 1898 г.). В настоящее время туземцев на островах осталось очень мало: около 22 000 человек из общей численности населения примерно в 425 000. Туземная культура и старый общественный строй целиком разрушены. Господствует чисто капиталистическая система хозяйства с жестокой эксплуатацией как туземных, так и ввезенных рабочих.



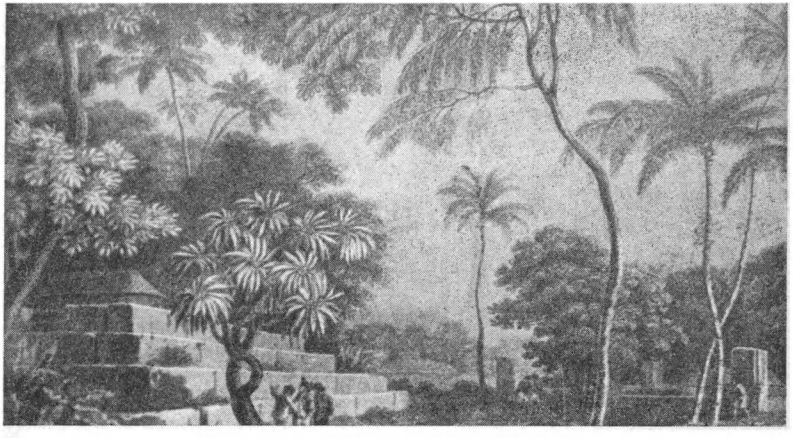
Маорийский резчик за работой



Маорийские женщины за плетением. На заднем плане показана национальная спортивная борьба, схватка на специальных клюшках



«Великий трилитон» (Тонгатабу)



Гробницы тонганских королей (Тонгатабу)

Остров — земля рождается,
Ряд островов, тянущихся вдаль от
Ну'умеа,
Группа островов за горизонтом Таити.

Единственный в своем роде местный миф приписывает прародителю Уакеа (Пространство) сотворение островов при помощи брака с разными женщинами. Уакеа — гавайская форма таитянского Атеа; он также соответствует богу Ватеа на архипелаге Кука и новозеландскому Ранги (Небесное пространство). В гавайском мифе, точно так же как и в мифах архипелага Кука и Новой Зеландии, Уакеа женится на Папе, которая в дальнейшем именуется Папа-ханау-моку (Папа, которая породила остров).

Папа родила острова Гавайи и Мауи и дочь по имени Хо' охоку-ка-лани. После этого, чтобы восстановить свои силы, она отправилась на юг, на Таити. За время ее отсутствия Уакеа сошелся с Каулой, которая родила ему Ланаи, названную позднее Ланаи Каулы. Затем Уакеа сошелся с женщиной по имени Хина, и та родила остров Молокаи. После рождения этих островов золотая ржанка Лаукаула, совершая свой ежегодный перелет с Аляски на юг, залетела на Гавайи, где услышала о неверности Уакеа. Прилетев на Таити, Лаукаула, которую песня называет «порхающей ржанкой», рассказала Папе о новых женах Уакеа. Папа пришла в страшную ярость и поспешно вернулась на Гавайи; там она отомстила Уакеа, сойдясь с Луа и родив остров Оаху, который носит почетное название Оахунуи-а-Луа (Великий Оаху, сын Луа). Затем Папа простила Уакеа и, вернувшись к нему, родила остальные острова: Кауаи, Ниихау и Кахулави.

В другой песне о сотворении мира Кумулипо, созданной в честь предка короля Калакауа, дается новая трактовка мироздания. Сестра этого короля, Лилиуокалани, которую ее политические противники заключили во дворце Иолани, а позже в Гонолулу[1], перевела эту песнь, изданную в Бостоне. Песнь разделяется на 16 эпох; из них первые семь охватывают период темноты, на что указывают заключительные строчки каждой эпохи: «Это ночь». Продолжительный период ночи характеризуется различными терминами, По-'еле-'еле (Глубочайшая темнота), По-канокано (Непроницаемая темнота) и По-киникини (Мириады ночей).

В гавайском диалекте, как и в таитянском, пропал звук «k», свойственный древнему полинезийскому языку; «k» заменил теперь первоначальное «t». Вместо «ng» употребляется «n», вместо «r» стало «l», а «w» заменило «v». Поэтому гавайское По-'еле-'еле

[1] В 1893 г. гавайские агенты американского империализма свергли последнюю королеву Гавайев — Лилиуокалани, которая пыталась проводить самостоятельную политику, и провозгласили «республику». Эта «республика» была лишь подготовкой прямого захвата Гавайских островов Соединенными Штатами, который и произошел в 1898 г. Королева Лилиуокалани была одновременно талантливой поэтессой и композитором.

соответствует таитянскому По-'ере-'ере и новозеландскому Покерекере. По-канокано соответствует таитянскому По-та'ота'о и новозеландскому По-танготанго. По-киникини соответствует По-тинитини — термину, распространенному на других островах. Буквы гавайского алфавита были установлены в 1826 г. комитетом миссионеров, которые пользовались ими для изображения звуков полинезийской речи. В этот период на Гавайях уже началась замена «t» на «k», но эта замена еще не наблюдалась на острове Кауаи, где «t» употреблялось до сравнительно недавнего времени. Полковник Сполдинг на основании материалов Американского совета миссий в Бостоне написал реферат, прочитанный в Гавайском историческом обществе в 1930 г., в котором объясняется, как был составлен гавайский алфавит. Комитет из 9 миссионеров брал по очереди разные буквы и путем голосования решал вопрос об их необходимости. Окончательный доклад с шутливым названием «Доклад комиссии врачебных экспертов о состоянии гавайского языка» содержал выводы, написанные в стиле, оправдывавшем название. Наибольшая трудность заключалась в выборе между «l» и «r», «k» и «t», «w» и «v». Установлено, что «k» в состоянии выполнять свои собственные функции, а также обязанности своего двойника «t». Хотя были прописаны две пилюли, чтобы изгнать «l», эта буква должна была остаться для выполнения не только своих обязанностей, но и функций своего сотоварища по ярму «r». «R», тесно связанное с жизненными отправлениями, было изгнано пятью или шестью голосами или порциями слабительного, хотя для его сохранения было прописано почти столько же укрепляющих средств. «T» хотя и претендовало на роль полноправного члена организма, претерпело ампутацию при помощи ножа и пилы большинством голосов; «v», смежный член, претендовавший на ту же роль, разделил судьбу соседа, а мягкий (неразборчиво)[1] был применен для исцеления ран после ампутации».

Таким образом, «Комиссия врачебных экспертов» выбрала буквы «l», «k» и «w», между тем как на Таити, откуда расселились полинезийцы, на их месте употреблялись согласные «r», «t» и «w». Мне кажется, то слабительные и нож были применены не к тому пациенту из каждой пары, к какому следовало бы их применить[2].

Одна моя родственница полинезийка спросила меня, когда я выходил из здания музея Бишопа: «Хеле'ое и ке каона?» («Вы идете в каону?»). «Что такое каона?» — притворно удивился я, хотя хорошо это знал. «Город по-гавайски»,—ответила она.

---

[1] Вероятно, в тексте стоит буква «w» заменившая букву «v».

[2] В этой несколько неудачной юмористической форме автор хочет выразить довольно простую мысль: по его мнению, при выработке полинезийской письменности следовало исходить из принципа единой общеполинезийской графики, придерживаясь этимологической (а не фонетической) орфографии, которая больше всего соответствует таитянскому и частью— новозеландскому произношению.

«Почему вы не говорите таоне?»— спросил я. (Так говорят маорийцы, и таоне ближе в звуковом отношении к английскому «town» (город), чем каона.) «Как могу я произнести это слово, если в гавайском алфавите нет буквы «т»?—возразила она.

Согласно песне «Кумулипо», в течение долгого периода непроницаемой тьмы, который длился бесчисленное количество ночей, появились последовательно моллюски, водоросли, травы, растения, рыбы, насекомые, птицы, мыши, собаки и летучие мыши. В восьмую эпоху Мириады ночей погрузились в Ночные далеко отступающие волны, и День заменил Ночь. В этот период появились Ки'и (Маорийский Тики), женщина Ла'ила'и и боги Кане (Тане) и Каналоа (Та'ароа, или Тангароа).

Упоминается также о сотворении Великого осьминога, который фигурирует в мифах других островов.

Девятая и десятая эпохи посвящены главным образом Ки'и и Ла'ила'и, которые увеличили население мира, положив начало священному акту рождения потомства.

В следующих эпохах перечисляются супружеские пары в форме генеалогии и даются длинные списки разного рода Ночей. Здесь выступают боги Кане и Каналоа, Уакеа и его жены, братья Мауи и их отец Акалана; однако боги Ку и Лоно не упоминаются.

В четырнадцатую эпоху звезды были развешаны по своим местам, причем в песне перечисляется название 81 звезды. Сказитель заканчивает описание этой эпохи словами:

Небеса подвешены,
И Земля подвешивается
В звездном пространстве...

Повествование, дойдя, наконец, до предков человека, заканчивается рассказом о Лоно-и-ка-макахики, великом вожде, в честь которого была сочинена песнь. Сказители совершили замечательный подвиг, собрав по порядку свыше 2000 собственных имен и заучивая наизусть длинное повествование. Тот факт, что песнь передавалась из уст в уста свыше ста лет, пока созданный алфавит не дал возможности ее записать, свидетельствует о необычайно развитой памяти гавайцев.

Главные боги Гавайских островов Кане (Тане), Ку (Ту), Лоно (Ро'о, Ронго) и Каналоа (Та'ароа, Тангароа) происходят непосредственно с Таити. Сокращение пантеона до четырех богов привело к тому, что некоторые современные гавайцы склонны толковать древнюю религию в свете христианского вероучения. Кане, Ку и Лоно якобы олицетворяют Троицу, а Каналоа без дальних размышлений отводится роль дьявола. Выбор дьявола, однако, весьма неудачен, ибо, по представлениям жителей прародины Таити, Та'ароа — Высший Творец. Современной рационализации противоречит также и древний миф, согласно которому подземным миром правит Милу (Миру Центральной Полинезии и Южного острова Новой Зеландии).

Происхождение богов в гавайских генеалогиях сильно запутано. Согласно «Кумулипо», Кане и Каналоа родились одновременно и были детьми Куму-хонуа (Основание земли) и Халоихо (Смотрящий вниз). Через 19 пар в том же списке появляется Уакеа. Такому хронологическому порядку противоречит песнь жреца Пакуи, который считается прямым потомком историков самых отдаленных веков. В этой песне утверждается, что Уакеа вступил в брак с Папой, и у них родились дети Кане и Каналоа. В новозеландском мифе, где Ранги (Небо) занимает место Уакеа. (Пространство), он также вступает в брак с Папой, и от этого союза рождаются Тане и Тангароа. Вопрос о происхождении богов Ку и Лоно, по-видимому, не вдохновлял гавайских сказителей на литературные усилия, но все они соглашаются на том, что Уакеа был сыном Кахико (Древнего) и его жены Купуланаке-хау (Рост власти).

В представлениях о происхождении человека в преданиях тоже много путаницы и противоречий. В песне «Кумулипо» Ки'и (Ти'и, Тики) — мужчина и Ла'ила'и — женщина появляются на сцену в восьмую эпоху, когда День сменил долгий период глубокой Ночи. Уакеа, отец островов и богов Кане и Каналоа, появляется только в двенадцатую эпоху. Таким образом, согласно этой песне, человек родился раньше богов, что вообще соответствует действительности, но противоречит мифам других островов Полинезии.

В длинной генеалогии Опу'у-ка-хонуа рассказывается, как этот предок приплыл на Гавайи из Таити с двумя младшими братьями и одной женщиной и застал эти острова уже населенными людьми. При подсчете поколений от Опу'у-ка-хонуа до Камехамеха I, умершего в 1819 г., получается, что Опу'у-ка-хонуа высадился на острове около 225 г. до нашей эры и что Уакеа родился от человеческих предков в 125 г. нашей эры. Таким образом, выходит, что Опу'у-ка-хонуа прибыл на уже населенные Гавайи за 350 лет до того, как по другим генеалогиям сами острова родились от Уакеа и Папы. В одном из гавайских мифов утверждается, что Уакеа совершил кровосмешение со своей дочерью Хо'охоку-ка-лани и породил Халоа, от которого и произошел человеческий род. Этот миф родствен центральнополинезийскому, где Хо'охоку выступает под именем Фа'ахоту, или Хакахоту. На Тангареве Атеа также вступает в брак с Хакахоту и порождает предков важнейших родов этого атолла.

Еще большую путаницу внес гавайский историк Кепелино, который после перехода в христианскую веру пересмотрел гавайскую мифологию под новым углом зрения. Он утверждает, что главные боги Кане, Ку и Лоно считались вечными богами, сотворившими землю, небо, небесные тела и живые существа на земле, в том числе человека, который должен был управлять созданным богами миром. Они вылепили мужчину из земли, вдохнули в него жизнь и назвали Куму-хону (Основание земли). Из

бока мужчины они создали женщину по имени Лало-хонуа. Эту пару боги поселили на плодородной земле и запретили есть плоды священной горной яблони Кане (охиа капу а Кане). Морская птица соблазнила женщину съесть яблоко; ее примеру последовал и муж. Когда Кане узнал о случившемся, он изгнал супругов. Деревья расступались, чтобы дать им пройти, а затем смыкались за ними, навеки закрывая путь к плодородной земле. Нет необходимости вдаваться здесь в дальнейшие подробности о потопе, которым люди были наказаны за их грехи, и о построении ковчега единственным праведным человеком по имени Ну'у. Этот новоиспеченный миф не связан с мифологией других областей Полинезии и очевидно заимствован из Книги бытия, которой явно вдохновлялся Кепелино, когда писал «Предания Гавайских островов».

Руководители ранних европейских экспедиций записывали в судовые журналы свои впечатления и после возвращения на родину опубликовывали их. Рассказы этих мореплавателей представляют интерес описаниями того, что они действительно видели, но их толкования туземной культуры неверны. Вслед за исследователями пришли китобои и торговцы; эти неграмотные люди не могли оценить устного творчества людей, которые казались невежественными «дикарями». За китобоями явились миссионеры, слишком озабоченные внедрением новой мифологии, чтобы проявить интерес к подробностям мифологии, которую они старались уничтожить.

Гавайцам внушали новые меры оценки, в свете которых древние мифы и предания не имели ни коммерческой, ни культурной ценности. Непрерывность передачи вероучений была нарушена.

Позднее, когда людям вроде Дэвида Мало, Кепелино и Камакау поручили записывать местные мифы и предания, они перенесли в гавайскую мифологию христианское учение о сотворении мира и потопе. Самое неудачное толкование туземного фольклора в христианском духе допустил гавайский историк Камакау. В гавайском цикле 30 названий ночей лунного месяца имя бога Кане было присвоено 27-й ночи, считая от новолуния, а ряд из четырех ночей, названных по имени бога Ку, начинался с третьей ночи от новолуния. Гавайцы установили четыре периода табу в каждом месяце, и один из них был периодом табу Ку. Камакау утверждает, что по гавайской мифологии мир был сотворен Кане, который начал работу с 27-й ночи, названной по его имени. Он работал 27, 28, 29, 30, 1 и 2 следующего месяца. За эти 6 дней он закончил сотворение мира и отдохнул на седьмой день, который был третьим днем в месяце или первым днем Ку. Он освятил этот день и объявил его «первой Субботой, великой Субботой бога Ку». Камакау, очевидно, так перестарался, приспосабливая гавайскую космогонию к библейской, что заставил Кане работать в его собственный период табу, который начинался ночью 27-го и кончался только утром 29-го дня. Эбрехем Фор-

нандер, записав эти позднейшие версии, говорит: «Полинезийская легенда о сотворении человека обнаруживает слишком много общего с еврейским преданием, чтобы можно было просто пройти мимо этого». Будучи человеком простодушным, Форнандер связывал полинезийскую цивилизацию с еврейской, возникшей в далекой Азии. Между тем для неверующего исследователя нашего времени ясно, что подобные легенды были местной версией Книги бытия, которую усиленно проповедовали на Гавайях.

Несмотря на то что в гавайской мифологии встречаются противоречия, что в нее позднее вклинилось библейское учение, а в хронологической последовательности богов, героев и предков произошли перемещения,— все же она сохранила некоторые элементы, широко распространенные по всей Полинезии. К ним следует отнести длинные периоды тьмы, сменяющейся светом, упоминание об Уакеа и Папе, как о родителях богов, почитание Кане, Ку, Каналоа и Лоно как главных богов, признание Ки'и первым мужчиной и появление культурных героев Полинезии Мауи, Каха'и и Лака в 16-й эпохе песни «Кумулипо».

Первым поселенцем на Гавайских островах, согласно древней легенде, был Гаваи'и-лоа, который жил ранее на восточном берегу земли Капакапа-уа-а-Кане. Его дедом и отцом были Аниани-ку и Аниани-ка-лани. Я упоминаю эти имена потому, что мы встретимся с ними как с названиями земель в Новой Зеландии, где Гаваи-'и-лоа произносится как Гаваики-роа, что означает Древняя земля. Гаваи'и-лоа и его штурман Макали'и (Плеяды) совершили много рыболовных плаваний на восток, по «Морю, где плавают рыбы». Во время одного из этих длительных путешествий штурман уговорил Гаваи'и-лоа заплыть дальше, чем обычно. Они поплыли, держа курс на Плеяды и Иао-утреннюю звезду (планету Юпитер). Мореплаватели вошли в другое море, называвшееся Многоцветный океан Кане. Доплыв до Темноокрашенного моря, они достигли острова, который открыватель земель назвал в свою честь Гавайями. Довольный своим открытием, Гаваи'и-лоа вернулся домой за семьей и свитой и отплыл вторично на Гавайи, где и остался жить в качестве первого поселенца.

Современные ученые дают различные толкования этой легенде. Некоторые считают, что плавание Гаваи'и на восток ознаменовалось открытием Гаваи'и — острова в архипелаге Общества. Другие полагают, что земля Капакапа-уа-а-Кане находилась в Индонезии и что Гаваи'и-лоа плыл оттуда на северо-восток через Каролинские острова по Многоцветному океану Кане, усеянному мелями коралловых атоллов и лагун. Миновав Маршалловы острова, мореплаватель проплыл 2100 миль по Темноокрашенному морю до Гавайев. Высказывалось также предположение, что Гаваи'и-лоа жил со своим братом Ки на островах Общества, откуда он отплыл на Гавайи. Дата его поселения отнесена к 450 г. нашей эры и, пока никто не отважился предложить иной даты, мы можем принять ее с оговорками. Достоверным

можно считать, что какой-то полинезийский вождь в глубокой древности действительно прибыл на Гавайи со своей свитой, и за неимением лучшего мы можем согласиться с именем Гаваи'и-лоа, хотя оно представляет собой широко распространенное топонимическое название. Не следует доверять легенде, что остров был назван по имени первого поселенца. Более вероятно, что имя его было забыто, а сказители исторических преданий присвоили ему имя по острову, чтобы подкрепить свое утверждение, что этот герой был действительно первым поселенцем.

Когда мы подходим к более позднему периоду прибытия поселенцев с Таити, легенды сменяются преданиями. Исследовательские плавания и заселение, о которых они повествуют, совершались под руководством вождей, ставших прославленными предками гавайских знатных родов. Во всех преданиях отмечается, что до прибытия новых открывателей земель здесь уже жили потомки мореплавателей, прибывших вместе с Гаваи'и-лоа. Их называют народом менехуне (ка пое менехуне). Согласно одному преданию, это были потомки Менехуне, сына Луа-ну'у, который в генеалогиях вождей других островов известен как Руануку.

Вероятно, народ менехуне равномерно расселился по всем Гавайским островам, но мифы и предания особенно тесно связывают его с островом Кауаи. Вполне возможно, что вторгшиеся позднее племена постепенно оттеснили менехуне на Кауаи, последний большой остров на северо-западном конце цепи. Затем менехуне, по-видимому, были вынуждены переселиться на бесплодные и скалистые островки Нихоа и Неккер, о чем свидетельствуют многочисленные террасы, каменные орудия и каменные изваяния. Нихоа, ближайший из двух островков, был известен более поздним гавайским переселенцам в связи с рыболовными экспедициями, а Неккер с его каменными изваяниями в позднейших преданиях уже не упоминается. Стиль террас с приподнятыми площадками и прямыми каменными столбами отражает архитектурное влияние храмов внутренних областей Таити, где эти сооружения также приписываются древнему народу манахуне. Архитектурное сходство подтверждает теорию о том, что гавайские менехуне приплыли с Таити, а не через Маршалловы острова. Должно быть, первые поселенцы вели жалкое существование на Нихоа и Неккере, где им не хватало воды и растительной пищи. То обстоятельство, что при раскопках не было обнаружено скелетов, говорит о кратковременном пребывании менехуне на этих островах. По морским дорогам они исчезли неизвестно куда.

В сказках острова Кауаи менехуне фигурируют как искусные ремесленники, которые построили много знаменитых открытых храмов и соорудили рыбные пруды. Работали они якобы только под покровом темноты, причем некоторые храмы были выстроены за одну ночь. Рабочие выстраивались в непрерывную линию от каменоломни до строительной площадки и передавали огромные камни из рук в руки. Вождь более поздних поселенцев

нанял для строительства партию менехуне, а когда работа была закончена, расплатился с ними одной-единственной пресноводной креветкой. Поэтому соседний холм был назван холмом Креветки, так он и стоит до сих пор как свидетель скупости древних нанимателей. Возможно, что этот эпизод был введен в сказку, чтобы подчеркнуть магическую силу менехуне, которых можно было накормить одной маленькой креветкой. Искусным древним мастерам приписывается также сооружение рва Менехуне в Уаимеа на острове Кауаи. Ров, по которому текла вода для орошения большой равнины, засеянной таро, проведен за отвесным утесом; стена и русло из ровно отесанных каменных глыб — это единственное в своем роде сооружение, не встречающееся нигде в Полинезии.

Согласно легенде, ко времени появления менехуне единственной пригодной пищей на Гавайях были плоды пандануса, сердцевина папоротника, корень Cordyline (ти) и ягоды охело и акала. На Кауаи, этом оплоте менехуне, обнаружены два вида каменных ступок, которые не встречаются ни на каком другом острове Гавайского архипелага. Из-за своей формы они называются «кольцевыми», или «стременными», ступками. У этих ступок сравнительно узкие эллиптические поверхности, в противоположность ступкам с большими выпуклыми, закругленными поверхностями, которые употребляются на других островах для приготовления тестовидной массы пои из клубня таро. Пои составляла основную пищу более поздних обитателей. Нам кажется возможным связать большие ступки с круглой поверхностью с появлением более поздних поселенцев, которые начали разводить здесь таро и другие культурные съедобные растения, а употребление кольцевых, или стременных, ступок из Кауаи приписать менехуне, которые изготовляли пищу из плодов пандануса или какой-нибудь полудикой разновидности таро.

Более поздний фольклор превратил менехуне в гномов и фей или называл их расой карликов. Эти сведения не вернее тех, которые распространяли таитянские сказители о родственниках менехуне — манахуне, обитавших на Таити. Для полинезийцев характерно превозносить своих непосредственных предков и умалять значение их предшественников по открытию и заселению островов. Менехуне были простыми смертными людьми, полинезийцами, которые имеют полное право на честь считаться первыми мореплавателями, пересекшими океанские просторы до самых Гавайских островов.

Примерно к началу XII в. нашей эры на Гавайи прибыло много предприимчивых вождей. Пуна-нуи поселился на Кауаи, Неуа-Лани и Мауеке — на Оаху, Калана-ну'у, Хуа и другие — на Мауи, а Хика-пэ-лоа — на острове Гавайи. Предания изображают некоторых из них как современников, которые прибыли на Гавайи вместе, но поселились врозь, во избежание столкновений. Возможно, что некий мореплаватель, искатель приключе-

ний, поплыв к северу от центрального Гаваи'и, вновь открыл землю, первоначально обнаруженную Гаваи'и-лоа. Этот мореплаватель, вероятно, вернулся на родину и дал навигационные указания тем, кто прибыл сюда позднее как поселенцы и привез с собой своих жен, семена культурных растений и домашних животных.

Страну, откуда прибыли поселенцы, сказители называли Кахики, что представляет собой гавайскую форму от Таити. В песне упоминаются разные области прежней родины и, в частности, Пали-ули:

О Пали-ули, скрытая земля Кане,
Земля в Калана-и-кауола,
В Кахики-ку, в Капакапа-уа-а-Кане,
Земля с источниками воды, влажная и обильная,
Земля, любимая богами.

Однако местным подробностям, введенным позднее в легенду, нельзя особенно доверять. Подобные местные добавления были внесены народными певцами каждого архипелага в сказания о Мауи и других культурных героях. Гавайская сказка о замечательной красавице Лу'укиа лишний раз подтверждает, что нельзя принимать на веру названия местностей, упоминающихся в легенде.

Как повествует сказка, Лу'укиа была внучкой Хика-по-лоа, поселившегося на острове Гавайи. Она вышла замуж за юношу по имени Олопана, с которым жила в долине Уаипио на Гавайях. Большое наводнение затопило долину Уаипио, и Олопана с Лу'-укиа отплыли на Таити, где и поселились. В сказаниях Таити Олопана известен как Оропа'а; этот могучий вождь считается родоначальником таитянского племени Оропа'а. Имя его жены Ру'утиа является таитянской формой слова Лу'укиа. Среди предков маорийцев далекого Южного острова Новой Зеландии также числится Ту-те-Коропанга и его жена Рукутиа. Коропанга и Рукутиа — маорийские формы имен Олопана и Лу'укиа. Из этого мы должны заключить, что упомянутые два предка действительно жили на Таити, а их потомки приплыли как на Новую Зеландию, так и на Гавайи из Центральной Полинезии. Однако если Лу'укиа была таитянкой, то интересно, жил ли когда-нибудь на Гавайях ее дед Хика-по-лоа? Скорее всего, гавайские сказители перенесли Лу'укиа в Гавайи на крыльях своей фантазии, а затем для удобства повествования вернули ее на Таити, чтобы продолжить сказку следующими эпизодами.

Лу'укиа была так прекрасна, что пленила сердце могучего таитянского вождя Моикеха. Подчинившись желаниям Моикеха, красавица стала его любовницей. Гавайское сказание повествует о том, что Моикеха был старшим братом Олопана, который согласился делить с ним жену. Этот вариант основан на гавайском обычае «пуналуа», согласно которому два друга по обоюдному

соглашению могут обладать одной женой[1]. Такой обычай, вопреки европейским представлениям, вполне согласуется с местным понятием о нравственности. Все шло хорошо до тех пор, пока другой вождь, чьи притязания были отвергнуты Лу'укией, не посеял семена раздора, солгав ей, что Моикеха поносил красавицу при посторонних. Отказав Моикеха в своей благосклонности, Лу'укиа надела пояс целомудрия, сделанный из плетеного шнура. Он охватывал ее от талии до бедер, причем концы были так искусно связаны, что одежда не могла быть снята никем, кроме самой изобретательницы узла. Эта одежда позднее называлась «па'у-о-Лу'укиа» (юбка Лу'укиа), а сложный узел применялся для прикрепления поплавка балансира к корпусу ладьи. Один туземный рыбак, показав мне искусный узел на перламутровом крючке, сказал, что он называется «па'у-о-Лу'укиа». Узел в виде восьмерки явно свидетельствовал о том, что невозможность развязать шнур была сильно преувеличена.

После того как Лу'укиа отвернулась от него, Моикеха решил отправиться в дальнее плавание, чтобы забыть красавицу. Он приказал своему приемному сыну и штурману Кама-хуа-леле снарядить ладью для плавания и сказал: «Поплывем на Гавайи, ибо я страдаю от любви к этой женщине. Когда конек крыши моего дома Ланикеха скроется за горизонтом, я перестану думать о Таити».

Кама-хуа-леле направил судно на север под Пояс Ориона, и в одно прекрасное утро мореплаватели опустили свой парус из циновок в бухте Хило. Тогда штурман стал поэтом и, стоя на палубе двойной ладьи, приветствовал новую землю песней, первые строки которой приведены в качестве эпиграфа к настоящей главе. Моикеха поселился на острове Кауаи, где женился на двух правнучках Пунануи. У него родился сын по имени Кила, которого он послал на Таити, чтобы пригласить другого своего сына от таитянской жены Ла'а посетить его на Гавайях. Кила со старым штурманом Кама-хуа-леле благополучно совершил путешествие и вернулся с Ла'а, которого прозвали Ла'а-маи-Кахики (Рака с Таити). Ла'а привез с собой знаменитый таитянский барабан, по звуку которого Моикеха узнал, что судно его сына приблизилось к Кауаи. Пробыв несколько времени со своим отцом, Ла'а посетил Мауи и возвратился на Таити. Он вышел в море через пролив между Мауи и маленьким островом Кахолауе, который в память этого отбытия был назван Ке-Ала-и-Кахики (Путь в Таити). По преданию, по смерти Моикеха Ла'а-маи-Кахики снова прибыл на Кауаи за останками своего отца, которые должны были покоиться рядом с прахом предков на родине — Таити.

[1] О гавайском обычае «пуналуа» как форме группового брака см. Л. Г. Морган. Древнее общество, 1934, стр. 246—247 и Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1934, стр. 34—45.

Легенды, относящиеся к этому периоду, рассказывают о многочисленных плаваниях на Таити и обратно. При плавании к югу от Кe-Ала-и-Кахики курс держали так, что Хокупа (Полярная звезда) находилась прямо за кормой. Когда мореплаватели достигали Пико-о-уакеа (Пуп пространства), Полярная звезда погружалась за кормой в море, звезда Неуе указывала путь на юг, а созвездие Хуму становилось в зените. Важное значение имело плавание Каха'и; он посетил Таити и вернулся оттуда с хлебным деревом, которое стали разводить в Куалоа на Оаху.

Последним мореплавателем, упомянутым в гавайских преданиях, был жрец Паао, приплывший из Гаваи'и (Ра'иатеа) около 1275 г. нашей эры. Прибыв на Гавайи, он обнаружил, что престиж главного вождя Канауа был сильно поколеблен. Тогда Паао вернулся на Ра'иатеа за вождем, достаточно мудрым, чтобы восстановить уважение к этому сану. Сначала выбор жреца пал на Лоно-каехо, которого он пригласил с собой на «Гавайи с зелеными холмами». Однако Лоно отказался, после чего Паао уговорил поселиться на Гавайях Пили-кааиеа. Род Пили на основе браков с представителями более древних родов постепенно стал господствовать на островах. Паао, жрецу Гаваи'и (Ра'иатеа), имевшему владения на Вавау (Порапора), приписывается введение на Гавайских островах новых архитектурных форм храмов («хеиау»), а также человеческих жертвоприношений и пояса из красных перьев, надевавшегося при посвящении королей. Многие ученые придерживались мнения, что Паао приехал из Саваи'и на Самоа и что его владения были расположены на Вавау в архипелаге Тонга. Однако все три нововведения, которые ему приписываются, характерны для культуры Центральной Полинезии и не распространены на Западных островах. Поэтому теория о самоанском происхождении Паао должна быть отброшена.

При Паао плавания между Гавайями и Таити прекратились. На Гавайских островах было уже достаточно съедобных растений, свиней, собак и домашней птицы. Таро стало основной пищей населения; клубни разминали каменными пестиками с округлыми шишками наверху (не похожими на украшения таитянских пестиков). Размятое таро разбавлялось водой и превращалось в тестообразную массу — пои, эту ежедневную пищу населения. В других частях Полинезии блюда из таро могли подаваться на тарелках из листьев, но гавайское пои требовало непротекающих сосудов. Бутыли из больших тыкв со срезанными верхушками употреблялись при сервировке пиров для подачи блюда, маленькие тыквы служили в качестве индивидуальной посуды, а срезанные верхушки тыквы заменяли крышки. Резчики по дереву, очевидно, находились под влиянием форм, которые придавались тыквенным сосудам. Поэтому для Гавайев более характерны круглые деревянные чаши с крышками, чем кубки с ножками, которые распространены в Центральной Полинезии. На некоторых гавайских чашах вырезался внут-

ренний выступающий гребень, служивший для вытирания пальцев.

Для переноски больших чаш с пои возникла нужда в плетеных сумках. Гавайские плетеные сумки и шесты для их переноски отделаны с такой тщательностью, как нигде в остальной Полинезии. На некоторых шестах выступы на концах вырезаны в виде человеческих голов. Таким образом, сосуды, в которых подавалась пища, дали толчок к развитию ремесел и появлению местного стиля.

Бумажная шелковица была завезена с Таити, но техника выработки лубяной ткани отличается местными особенностями. Вместо обычных параллельных линий гавайцы вырезали на колотушках для выделки лубяной ткани различные узоры, которые отпечатывались на материи в виде затейливых водяных знаков. Кроме того, различные узоры вырезали также на кусочках бамбука, которые погружали затем в краску и прикладывали к ткани для ее разрисовки. Плащи и мантии из сети тонкого плетения, украшенные красными перьями, были одеждой всех полинезийских вождей. Позднее в узоры стали вплетать желтые перья, а так как последние реже встречались на Гавайях, то желтый цвет стал цветом гавайских вождей. Сложные узоры из золотых треугольников, полумесяцев и кружков на ярко-красном фоне царских одежд являются образцами высокого искусства в сочетании красок. Гавайские шлемы с гребнем посередине, похожие на древнегреческие, также украшались перьями и являются уникальными как по рисунку отделки, так и по технике выполнения. Перья венчали и плетеные головы с перламутровыми глазами и ртами со вставленными собачьими зубами, которые характерны для скульптур, изображавших богов войны.

Наследственные вожди, правившие отдельными областями, приобретали все бóльшую власть. Они владели землей и через покоренных вождей собирали дань с населения в определенные периоды времени, в основном на празднестве Макахики, происходившем после сбора основного урожая в ноябре. В отдельных знатных семьях братья, преисполненные высокомерным чванством, женились на своих сестрах, считая, что нет другой достаточно высокопоставленной семьи, достойной дать им супругу. Этот обычай нигде в Полинезии больше не встречался. К отпрыскам таких браков относились с глубочайшим уважением. Гавайцы установили огромное количество различных табу. Опасаясь, что боги не уследят за их нарушением и своевременно не накажут виновных, вожди возлагали эти функции на специальных должностных лиц.

После того как могущественный вождь приобретал власть над целым островом, его население начинало группироваться семьями по округам, а не по племенам. Мужчины сами готовили себе пищу, людям различных полов не разрешалось разделять трапезу. Святость этого табу была впервые нарушена не известными

нам белыми мужчинами с первых же дней посещения островов иностранными судами. Белые, живя с гавайскими женщинами, не только сами не соблюдали табу, но и, вероятно, открыто насмехались над ним. Табу было окончательно отменено вдовствующей королевой Каахуману, которая публично разделяла трапезу со своим сыном. Так Каахуману добилась на Гавайях равноправия полов за столетие до начала суфражистского движения в Англии.

Служение богам, завезенным с Таити, совершалось на площадках, окруженных каменными стенами, которые получили название «хеиау» вместо таитянского «марае». Характерной чертой местной архитектуры была трехэтажная башня, с которой верховный вождь возвещал волю богов. Храмы украшались большими деревянными и каменными изображениями главных и второстепенных богов и мелких местных божков. Храмовые ритуалы отличались пышностью и сложностью, а ритуальные песнопения — богатой поэтической фантазией. Гавайцы были любителями как светских, так и обрядовых «хула» (плясок), и Лака, божество плясок, получало богатые жертвоприношения. Человеческие жертвы приносились только богу войны Ку, однако человеческое мясо не съедалось жрецами.

Сильные и энергичные гавайцы создали свою культуру, основанную на культурных достижениях Центральной Полинезии. Они прекрасно приспособились к среде и одинаково умело пользовались землей и морем. Свиньи, собаки и домашняя птица служили пищей богатым гавайцам, рыба же составляла основное питание народа. Земля доставляла батат и таро в качестве добавления к рыбе, а также сырье для лодок, сетей и лесок; границы округов проходили не только по водоразделам суши, но и по морю; ибо суша и море дополняли друг друга, поставляя все необходимое для существования человека.

Появились легенды и предания о холмах и долинах Гавайи. Потребность в дальних морских странствиях отпала; интересы населения ограничились прибрежными водами. Ладьи для дальних плаваний уже не выплывали больше из пролива Ке-Ала-и-Кахики, чтобы направить курс к экватору. Долгие морские странствия северных скитальцев прекратились. Гавайи стали обжитым домом.

Глава XIX

ЮЖНЫЙ УГОЛ ТРЕУГОЛЬНИКА

Я нашел большую землю, окутанную густыми туманами.
В Тиритири-о-те-Моана — открытом море, что лежит к югу.

(*Открытия Купе*)

МОЯ МАТЬ была чистокровной маорийкой из племени нгатимутунга в Северном Таранаки на Новой Зеландии. У нее было необычайное имя — Нгаронго-ки-туа (то есть «Вести, которые уходят в далекие края»). Дорожа ее памятью, я надеюсь, что те вести, которые я собрал в далеких краях, делают меня достойным чести быть ее сыном. Мать моя была первым ребенком в старшей линии племенной группы нгати-уруту; от нее я научился гордиться своей расой. Единственного брата матери назвали Те Ранги Хироа в честь предка, жившего двумя веками раньше. Мне сообщили, что Хироа представляет собой сокращенную форму от Ихи-Роа, что означает «Небеса, пронизанные длинными лучами солнца». Мой дядя тяжело заболел во время посещения одной отдаленной деревни, но все же приказал тронуться в обратный путь, желая умереть дома. К несчастью, он скончался по дороге, и в память этого печального события мне дали первое имя Те Мате Рори (смерть в дороге). Я испытал большое облегчение, когда, достигнув совершеннолетия (13 лет), получил новое имя взрослого Те Ранги Хироа. Так была соблюдена классическая традиция воздаяния почести покойному дяде.

Отец мой принадлежал к семье, происходившей из Северной Ирландии и жившей в Армаге (Armagh). Я двуязычен, ношу два имени, в моих жилах текут две крови, но я никогда не согласился бы полностью заменить одну из них другой. Привожу здесь эти краткие биографические сведения для того, чтобы показать, как с самого рождения я получил такую основу для изучения образа жизни и обычаев полинезийцев, какую мне не дал бы ни один университет. Кровь моей матери помогает мне понять куль-

туру моих предков, а язык отца дает возможность передать ее словами, доступными для людей другой расы, хотя мой перевод далеко не безупречен.

Моя бабушка со стороны матери была замечательной женщиной. Бабушка прожила долгую жизнь, и на ее лице собралось больше морщин, чем на любом другом, которое я когда-либо видел. На ее веку умерло много членов нашего племени, и всех их она оплакивала. В старину был обычай во время причитаний по умершим родичам надрезать кожу кусочком обсидиана; слезы, смешавшиеся с кровью, должны были подчеркнуть тяжесть скорби. Иногда в порезы втирали древесный уголь, оставлявший неизгладимые следы. Грудь моей бабушки вся была покрыта этими знаками скорби, а в честь самых дорогих и близких покойников она делала надрезы на щеках. В детстве я особенно гордился ее татуировкой. Кроме обычного узора на губах, искусно сделанный рисунок покрывал также ее подбородок, на каждой ноздре красовалась мастерски выполненная двойная спираль, а от внутренних углов глаз расходились дугой на лоб короткие, изогнутые линии. Когда дома меня наказывали за какую-нибудь провинность, я убегал в маорийскую деревню и прятался у бабушки. Она рассказывала мне о событиях, происходивших в пору ее молодости; от бабушки и от матери я узнал историю нашего племени.

После смерти матери я поступил в колледж Те Ауте[1], но каникулы мне все же иногда удавалось проводить среди своих соплеменников. Несмотря на протесты всех своих родственников, живших в домах из пиленого леса, я спал рядом с бабушкой на земляном полу ее туземной хижины, стены которой были сделаны из древовидного папоротника. Бабушка выращивала около хижины табак, и по вечерам, покуривая трубку перед огнем, рассказывала своему внуку, воспитаннику колледжа, всевозможные истории, которые он слушал с большим наслаждением. Свидетельница многих давно минувших событий, она как бы принадлежала к другому веку. Расставаясь со мной, она каждый раз плакала все более горько, и мы оба сознавали, что конец нашей дружбы близок. Вскоре она ушла из этого мира в полинезийскую страну духов, чтобы встретиться там со своей дочерью. Ради них мне хотелось бы, чтобы наши мифы об этой стране были правдой. Бабушку звали Капуа-коре, что значит «Безоблачная». Это имя очень подходит для той, которая за всю свою долгую жизнь не навеяла облака печали ни на одно живое существо.

Окончив в 1904 г. медицинский факультет и проработав год в больнице в качестве интерна, я повиновался голосу крови и поступил на государственную службу в качестве санитарного врача по обслуживанию маорийцев. Мне довелось посетить много различных деревень, и всюду меня принимали с учтивостью, которая

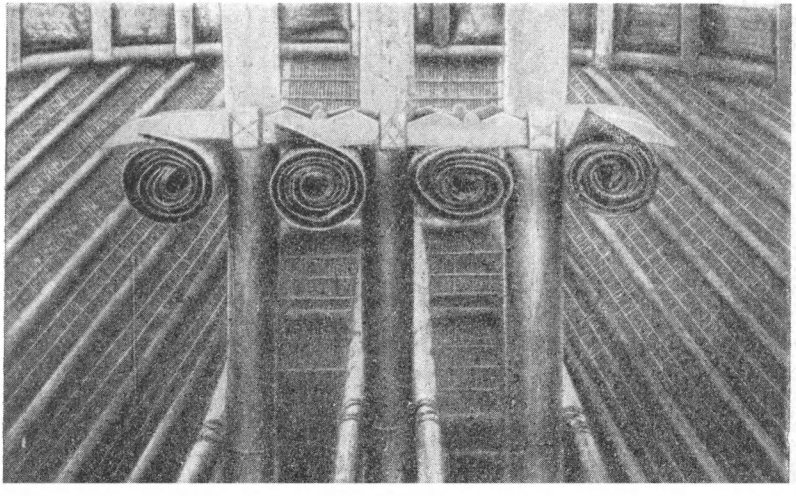
[1] Колледж Те Ауте был тогда единственным маорийским средним учебным заведением; позднее он был закрыт правительством.

воспроизводила старинные церемонии. Я видел, как жители собирались на открытой площадке перед деревенским общественным домом и проливали слезы по своим близким, недавно ушедшим из жизни. Маорийские «танги» (плачи) и ирландские поминальные причитания («уэйк») в основном почти сходны, и поэтому, слушая их, я ощущал, что две мои национальные половины как бы соединялись в одно целое. Когда местные вожди произносили приветственные речи, архаичные по своей форме, я прилагал все усилия, чтобы ответить на них должным образом. После пятилетнего обучения на медицинском факультете и целого года работы в больнице я почувствовал серьезные пробелы в своих познаниях по маорийской культуре. Моя маорийская речь невольно следовала законам английской грамматики, и я с ужасом замечал, что разговариваю со своими соплеменниками, как иностранец. За речами обычно следовала церемония соприкосновения носами со всеми собравшимися. Эта форма приветствия, некогда распространенная по всей Полинезии, теперь соблюдается только в Новой Зеландии. Молодежь никогда не пыталась избежать этого приветствия, не желая огорчать старших, что говорит в пользу нашего поколения. После этой церемонии с пришельца снималось табу, и он мог свободно без всяких церемоний общаться с кем угодно.

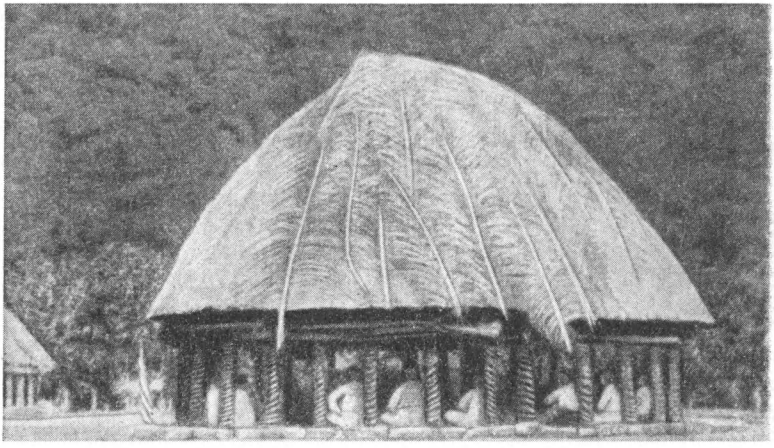
Посетитель считается гостем деревни, и в течение всего времени пребывания для него приготовляется в доме для гостей самая лучшая еда. В различных частях Полинезии имеются свои излюбленные блюда, которые особо ценятся жителями и которыми угощают гостей. Так, в прибрежных местностях потчуют рыбой, крабами, устрицами, в долинах рек — угрями и мальгой, в лесных районах — мясом голубей и попугаев. В каждой местности излюбленная пища изобилует в определенное время года. Моя родная деревня славилась своими угрями, которых было особенно много в июне и июле. Морские ежи (эхинодермы) в Те Аароа особенно жирны весной, когда распускаются золотистые цветы коуаи. Акулы появляются на рыболовных участках у побережья Таранаки, когда молодые папоротники начинают выпускать свои закрученные побеги. Я запомнил, когда наступают такие сезоны в различных частях острова, и, отправляясь на инспекцию, обычно согласовывал ее срок с местным календарем пищи. Делал я это не только потому, что мне нравились туземные блюда, но и чтобы доставить истинное удовольствие хозяевам, которые могли предложить гостю пищу, славившуюся в их местности. Исчезала неловкость, связанная с экономическими затруднениями, и хозяин с гостем испытывали взаимное удовлетворение.

Скоро я понял, что смогу заслужить доверие и получить поддержку со стороны вождей и стариков только в том случае, если мой молодой возраст будет компенсирован осведомленностью в области маорийской культуры. Этим я смог бы не только завоевать

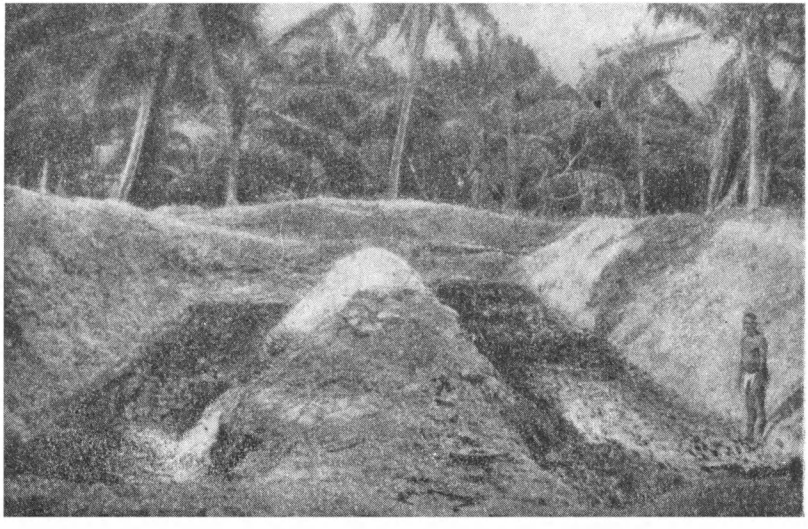
Самоанский праздник; на заднем плане типичные самоанские хижины



Интерьер самоанского жилища; видны три центральных столба и изогнутые стропила с обеих сторон



Самоанский круглый дом. Вожди собрались на совет



Ров для выращивания таро на атолловых островах

их уважение, но и ясно показать, на чьей стороне мои симпатии. Я принялся усиленно изучать маорийскую мифологию, легенды, предания и начал детально знакомиться с образом жизни и этикетом местных жителей, постигая особенности торжественной речи, а также традиционные метафоры и поэтические сравнения, которые ее украшают. Чем больше речь расцвечена цитатами из мифов и древних преданий, тем больше она нравится маорийцам. Чтобы речь считалась полноценной, нужно умело вставлять в нее старинные песни и заклинания. Я не добился искусного цитирования песен, но зато собрал и выучил множество культовых песнопений и заклинаний, которыми и украшал свою речь. Просмотрев все, что было напечатано, я стал учиться непосредственно у знатоков из различных племен, которые были счастливы передать свои знания способному их оценить исследователю одной с ними крови. В результате общения с более молодыми вождями я сделался чем-то вроде доморощенного антрополога, но не с целью получения ученой степени, а для того, чтобы лучше понять свой народ и помочь ему преодолеть проблемы и испытания порожденные цивилизацией.

В маорийских школах[1] учение о сотворении мира преподносилось в виде последовательных этапов родословных; особые знатоки декламировали и истолковывали их.

Учение о сотворении мира было озаглавлено Кауаэрунга (Верхняя челюсть) в противоположность науке о событиях земных, называвшейся Кауаэ-раро (Нижняя челюсть). События небесные начинаются с пустоты (Коре), которая переходит в неизвестное, воплощенное в Ночи (По). Бест, излагая учение об этом раннем периоде, пишет: «В течение долгих веков, до того, как были созданы небеса, земля и небесные тела, была По — неосязаемая, неведомая, невидимая, непознаваемая». Эта выдержка сообщает основное содержание мифа, но весь период трудно определить одним общим термином. Он растянут на десять Ночей, которым иногда даются различные описательные названия: По-танготанго, По-керекере, По-тинитини, употреблявшиеся, как уже отмечалось, древними философами храма Тапутапуатеа в Центральной Полинезии.

За Неизвестностью следовали периоды развития природы, которые обозначались названиями, соответствующими стадиям

[1] У маори существовали особые дома-школы (варе-кура), где жрецы и знатоки обычаев и преданий (тохунга) обучали молодежь. Сыновья знати обучались в особых варе-кура, отдельно от простых юношей и девушек. В школах для знати обучали по преимуществу мифологии, священным и генеалогическим преданиям, астрономии и т. п., в варе-кура для простонародья обучали главным образом земледелию и ремеслам. Здание варе-кура (особенно для знати) считалось священным, и постройка его сопровождалась особыми обрядами. Обучение проходили мальчики приблизительно с 12 лет; школьные занятия продолжались по 4—6 месяцев в году и длились до 4—5 лет. Обучение было устным, ибо письменности не было. Оканчивающие школу подвергались особым испытаниям.

развития растений и человека. Стадии развития растений воплощались в образах Главного Корня, Отростков, Корешков, Ствола, Ветвей, Побегов и Листьев. Развитие человека было олицетворено в образах Зачатия, Беременности, Рождения, Рассудка, Мысли и Желания, которые предшествовали двум прародителям, Отцу-Небу и Матери-Земле. Мы уже встречались в мифах других островов с праотцем по имени Пространство (Атеа, Ватеа и Уакеа). В мифологии Новой Зеландии он выступает под именем Ранги (Неба), который одновременно является и Пространством. Праматерь сохранила свое первоначальное имя Папа (Пласт земли) или Папа ту-а-нуку (Пласт земли, принявший форму суши).

Ранги и Папа прильнули друг к другу, и от них родились дети. В мифе приводится список, насчитывающий не менее 70 детей, которые все оставались в заточении между телами своих родителей. Из-за их близости в мире не было ни пространства, ни света. Часть детей под руководством Тане замыслила отделить родителей друг от друга, чтобы получить возможность выпрямиться и впустить свет в мир. Против этого плана резко выступил Уиро, возглавивший первую оппозицию в Южных морях. Однако план Тане был поддержан большинством голосов и проведен в жизнь. По-видимому, в мифологии маорийцев отсутствовал Ру-Подпиратель неба, и задача поднятия Отца-Неба и установки его на место была переложена маорийскими сказителями на Тане. Убедившись в тщетности попыток поднять отца руками, Тане встал на голову и начал толкать Небо ногами. Деревья, дети Тане, как бы воспроизводят положение своего отца, ибо, по маорийскому мифу, они стоят вниз головой, с ногами, протянутыми к небу. Усилиями Тане Отец-Небо был поднят наверх, Мать-Земля осталась внизу, и свет хлынул в образовавшеся между ними пространство. Слезы Ранги упали дождем на лоно Матери-Земли, а скорбь самой Папы от разлуки с Небом туманом поднялась вверх.

Некоторые дети Ранги и Папы стали главными богами маорийского пантеона, так же как и в мифах других островов Полинезии. Самый могущественный из богов, Тане, правил лесами и птицами. Тангароа стал богом моря и рыб, Ту получил портфель военного министра, а в ведение Ронго перешли садоводство и мир. Пост властителя ветров и дождя Рака уступил местному богу Тауириматеа. Во главе департамента дикорастущих плодов, в том числе папоротников, был поставлен Хаумеа. Уиро, который возглавлял оппозицию, выступавшую против отделения Неба от Земли, в припадке раздражения ушел в подземное царство, чтобы пребывать там в темноте, которую он так любил. Боги Те Туму и Фа'ахоту, выступающие в других мифах о сотворении мира, в Новой Зеландии неизвестны. Так же как и их островные соплеменники, маорийцы обожествляли некоторых предков и по мере необходимости создавали низшие божества из недоношенных богов.

Сотворение человека связано в маорийской мифологии с именами богов Тане и Тики. По некоторым мифам, Тики был первым человеком, по другим он олицетворял созидательную силу Тане. После того как Тане развесил по местам все звезды и пустил солнце и луну по должным направлениям, он стал искать способы создания людей, чтобы заселить мир. По совету некоторых богов, Тане вылепил из красной земли местности Куравака фигуру, которой придал форму женщины. Боги оживили ее и назвали первую женщину Хине-аху-оне (Девушка, сделанная из земли). Древние религиозные песнопения повествуют о первоначальном неведении полового акта, которое в конце концов было преодолено. Тане взял Девушку, сделанную из земли, себе в жены и у них родилась дочь Девушка-Заря. Затем произошло неизбежное кровосмешение, и когда Девушка-Заря узнала, что Тане ее отец, она удалилась в подземный мир, где проявляла благотворную заботу о душах, стремившихся к этому последнему прибежищу.

Приведенный образец учения о развитии мира прост и прямолинеен. Он был разработан жрецами религиозных школ в Опоа на Ра'иатеа к тому времени, когда предки маорийцев переселялись из центральных областей. Но точно так же, как и жрецы Опоа, которые впоследствии изменили свое первоначальное учение, превратив Та'ароа в творца, некоторые новозеландские школы изменили древние мифы, включив в них понятие Создателя всех вещей — Ио. Верховному богу давались различные имена, из которых имя Ио-матуа-коре (Ио, не имеющий родителей) указывает, что этот бог считается началом начал. По старым вариантам, небо состояло из десяти последовательных слоев, к которым позднее пришлось добавить еще два слоя, чтобы поместить Ио на самое высокое небо. Его резиденция была названа «Рангиатеа», а место общественных сборищ перед ним — «Те Рауроха». Жрецы подобрали для бога штат Небесных дев (Мареикура) и Стражу (Поу-тириао), разместившуюся на различных слоях неба, причем каждому слою было присвоено особое название. Послы поддерживали связь между высшей сферой и главными богами.

Так как имя Ио несколько напоминает древнееврейского Иегову, существует мнение, что культ Ио возник после знакомства с христианским учением. Однако мы находим упоминание об Ио и в местных источниках, созданных еще до того, как Ветхий завет стал известен на Новой Зеландии[1]. В качестве примера можно привести плач старого вождя, сочиненный более 200 лет тому

[1] Учение о едином верховном боге Ио было выработано маорийскими жрецами, вероятно не без влияния со стороны христианских миссионеров, хотя, конечно, имя еврейского бога Иеговы тут ни при чем. Возражение автора против этого предположения неубедительно, ибо даже старинные туземные песни могли подвергаться изменениям и в них могли вставляться новые имена. Сам Хирoа приводит многочисленные примеры этого. Цитируемый им здесь отрывок старинного текста не содержит в себе имени Ио.

назад, где упоминается о дороге, которую предстоит пройти душе его любимой внучки.

Рукой схвати лозу,
По которой бог Тане взобрался на самое высокое
из небес.
И тебя радостно встретят Небесные девы,
Собравшиеся во дворце Те Рауроха.
И ты войдешь во вдворец Рангиатеа.
Тогда, и только тогда, исчезнут все мирские желанья,
О девочка моя!

В одном из таитянских мифов повествуется о войне между Тане и Хиро. Маорийские теологи перенесли это единоборство в миф об Ио.

Тане отправляется на двенадцатое небо, чтобы получить от Ио познания, хранившиеся в трех корзинах. Хиро в союзе с Тауириматеа напустил на Тане Дождь, Град, Ветры, Сильный холод и различные болезни (известные под именем «маики»). Тане победил всех врагов, и, таким образом, познания Добра, Зла и Обрядов были принесены им в наш мир и возвещены людям древними школами толкователей легенд и преданий.

В мифах, посвященных легендарным героям, мы снова встречаемся с семьей Мауи и сказанием о выуживании островов. Пять братьев Мауи отправились, как полагается, в дальнее плавание на лов рыбы. Самый младший из братьев с помощью магических заклинаний зацепил свой крючок за землю, находившуюся под водой. Несмотря на возражения братьев, Мауи вытащил огромную Рыбу-остров. Эта Рыба стала Северным островом Новой Зеландии, а лодка была высоко поднята волной, превратившейся в гору Хикуранги, Крючок Мауи превратился в изгиб береговой линии залива Хаукс, между полуостровом Махиа и мысом Похитителя. Остров, названный Рыбой Мауи (Те-Ика-а-Мауи), напоминает по форме ската: южная оконечность острова — голова рыбы, западная часть (Таранаки) и восточная (Ист-Кейп)— два крыла, или плавника, а узкая полоса, образующая полуостров Северный Окленд,— хвост. Резиденция британского правительства по курьезному совпадению находится в Веллингтоне, то есть на голове рыбы. Старинные названия отдельных местностей до сих пор еще употребляются маорийцами как риторический прием. Поскольку я принадлежу к племени из Таранаки, племя восточного побережья нгати-пороу обычно приветствует меня как пришельца с другого плавника рыбы Мауи. Мне приходилось слышать, как членам парламента в виде комплимента говорилось: «Вы пришли с головы Рыбы, оттуда, где сосредоточена вся мудрость». Согласно мифу, Мауи оставил братьев на Рыбе, а сам вернулся домой, чтобы найти жреца для совершения необходимых обрядов над Новой Землей. Братья разрезали Рыбу и во время этой хирургической операции, когда рыба извивалась от боли, возникли холмы и долины. Многие считают, что древнейшим населением Новой Зеландии были потомки братьев Мауи.

Но не говоря уже о том, что весь этот эпизод является мифом, трудно предположить, чтобы древнее население могло произойти от рыболовов, среди которых не было ни одной женщины.

Так же как и на других архипелагах, Мауи приписывается добыча огня из подземного мира и поимка солнца в петлю.

В новозеландской мифологии стремление к бессмертию запечатлено в сказании, отличающемся от приведенного выше туамотуанского мифа о морском слизняке. Мауи, решив уничтожить смерть, стал разыскивать Хине-нуи-те-по (Великую богиню ночи), чтобы убить ее в пещере, где она спала. Он взял себе в спутники птиц и велел им хранить абсолютное молчание, когда он войдет в тело богини, чтобы похитить ее сердце и этим уничтожить причину Смерти. К несчастью, Мауи совершил ошибку, включив в свою свиту мухоловку. Эта птица нигде не может вести себя спокойно, и, когда она увидела Мауи, входящего в тело богини, она захихикала. Богиня проснулась и задушила Мауи. В старой песне поется:

Смерть сразила вождей,
Когда Мауи был задушен богиней Смерти,
И, увы, так Смерть и осталась в этом мире.

Я не решусь бросить камнем в потомков мухоловки; если бы она не рассмеялась, нам пришлось бы столкнуться с проблемой перенаселения.

Местные историки связывают открытие Новой Зеландии с именем Купе и относят его примерно к середине X в. Легенда рассказывает о том, как Купе, рассердившись на кальмаров, которые унесли его приманку во время лова рыбы, поклялся убить их вожака, известного под именем Уеке-а-Муту-ранги. Он гнался за стаей кальмаров до тех пор, пока не очутился далеко к югу от родного острова и не увидел земли с высокими холмами, окутанными туманом.

Наконец Купе догнал вожака кальмаров в узком проливе между двумя главными островами Новой Зеландии и сразил его. Возвратившись в Центральную Полинезию, рыболов рассказал, что он открыл Землю, населенную одними птицами. Направление, по которому совершались морские плавания в лунном месяце, соответствующем ноябрю—декабрю, проходило немного левее заходящего солнца. Различные предания почти не оставляют сомнения в том, что последующие плавания совершались по путям древних мореходов,—предания, о которых жители Центральной Полинезии передавали из рода в род.

Вскоре после открытия Купе группа его соплеменников, плавая между островами центральной Океании, была отнесена штормом к Новой Зеландии. Так здесь обосновались первые поселенцы, которые мало-помалу превратились в сухопутных жителей (тангата уенуа). С ними были и женщины. Однако культурные растения и домашние животные, которых они, вероятно,

захватили с собой, были съедены во время неожиданно затянувшегося путешествия.

В XII в. один из предков по имени Тои отплыл к югу от Центральной Полинезии в поисках своего внука Уатонга, ладью которого отнесло ветром во время лодочных гонок. Тои добрался до Новой Зеландии и поселился в Уакатане в заливе Изобилия. Уатонга, который благополучно пристал к другому острову Тихого океана, возвратился домой и в свою очередь отправился на поиски деда. Он также добрался до Новой Зеландии и нашел там Тои. И Тои и Уатонга, отправляясь на поиски, брали с собой большие запасы пищи. Но с ними не было ни женщин, ни семян растений, которые можно было бы выращивать на новой родине, ни домашних животных. Они выбрали себе жен среди более ранних поселенцев, положив начало смешанным племенам.

В XIV в., в результате межплеменных войн, на старой родине Гаваики (маорийская форма Гаваи'и), несколько больших лодок отправились по пути, впервые пройденному Купе, с определенным намерением колонизовать землю, лежащую к югу. Большинство путешественников пристало в заливе Изобилия около мыса Беглеца в ноябре или в декабре, когда цветут рождественские деревья (похутукава). Один из вождей, увидев эти деревья, покрытые алыми цветами, снял свой красный головной убор из перьев и бросил его в море со словами: «Цвет вождей Гаваики отброшен ради цвета новой земли, приветствующей нас».

Командиры ладей и их спутники поделили между собой землю на побережье и расселились на некотором расстоянии друг от друга, чтобы избежать раздоров, вынудивших их покинуть родину. Из этих пунктов, как из центров, шло дальнейшее расселение, и по мере того как семьи разрастались и вступали в соприкосновение с соседями, возникала необходимость в установлении границ. Новые поселенцы враждовали со старыми жителями и с потомками Тои. После многих войн древние поселенцы были ассимилированы многолюдными группами вновь прибывших колонистов. Маорийцы живут племенами, которые ведут свое происхождение и называются в честь предков, чьи ладьи прибыли на Новую Зеландию в XIV в. Некоторые из вождей утверждают, что свое звание они наследуют от более поздних пришельцев, но право на владение землей получили от первых поселенцев. Исторические предания о древних мореплавателях заслонены рассказами о деяниях позднейших пришельцев. Но чувство гордости за отважных предков, прибывших некогда на Новую Зеландию в своих чудесных ладьях, отражено во многих песнях. Привожу один особенно характерный в этом отношении отрывок:

Смотри, как «Таинуи», «Те Арава», «Матаатуа», «Курахаупо»
и «Токомару»—
Все плывут по огромному океану.
Ствол дерева был выдолблен на Гаваики,
И так была построена «Такитуму».
Одну ночь провели на Рангипо,

И на заре «Аотеа» отправилась в море.
Вот челны Уенунку,
Чьи имена отдаются в небесах.
Разве можно забыть их славу,
Если они вечно плывут в волнах нашей памяти!

О вера поэта! И в самом деле, разве можем мы их забыть, если только наша кровь не стала такой холодной, что уже не вскипает более при звуках родных песен?

Имена всех семи ладей, перечисленных в этой песне, пользуются широкой известностью среди маорийцев, но и остальным, таким, как «Хороута», следует воздать должную хвалу! Слава ладей зависела от того, попали ли их имена в песню народного певца или сказание историка.

Чтобы довести историю расселения до наших дней, рассмотрим последовательно предания о наиболее известных вождях и их сподвижниках[1].

Хотуроа, водитель ладьи «Таинуи», готовился отплыть из Гаваики в ночь Оронго, 27-ю ночь лунного месяца, соответствующего октябрю—ноябрю. Старики советовали Хотуроа отложить плавание до следующего месяца, когда пройдут бурные дни таматеа (с 6-й по 9-ю ночь), но Хотуроа гордо ответил им: «Я отправлюсь в путь немедленно и встречу дни таматеа в открытом море». И действительно, мореплаватель, преодолев все штормы и испытания, благополучно подошел к мысу Беглеца. Затем ладья «Таинуи» поплыла к северу, к заливу, известному сейчас как Оклендская бухта, и поднялась вверх по течению Тамаки. Разведчики сообщили, что залив тянется к западу. Тогда ладью «Таинуи» волоком перетащили через водораздел в залив Манакау и по Западному морю поплыли на юг к Кауиа. Потомки мореплавателей с ладьи «Таинуи» расселились на территории, протянувшейся от Манакау до реки Мокау на юге, а

---

[1] Старый социальный строй маори был основан на родо-племенных началах. Когда-то в древности маори делились на племенные группы, ведшие свое происхождение от первых поселенцев, прибывших на отдельных лодках «вака»; племенные группы так и назывались «вака», и следы этих древних делений сохранились доныне. Но в XIX в. основной социальной ячейкой стала более мелкая племенная группа «иви». Каждое «иви» занимало определенную область, имело своего вождя и было совершенно независимо. Межплеменные связи были развиты слабо. Каждое племя делилось на родственные группы «хапу»; «хапу» не были настоящими родами, ибо в них счет происхождения велся и по материнской и по отцовской линии, и они не были экзогамны. Каждое «хапу» обычно занимало особую деревню. Наиболее мелкой общественной единицей была большая патриархальная семья «ванау». Собственность на землю была общинной. Между семейно-родственными коллективами не было равенства: более знатные фамилии составляли группу вождей—«арики», младшие фамилии составляли средний слой — «рангатира». Низший слой образовывали рабы. Однако рабство было сравнительно мягким, патриархальным, и вообще классовые противоречия на Новой Зеландии не были так развиты, как на других островах Полинезии. Весь социальный строй маори сохранял отпечаток некоторого архаизма.

остальные переселенцы продвинулись на восток до Темзы[1].

Один из вождей Гаваики по имени Тама-те-капуа и его младший брат похищали по ночам плоды с дерева, которое росло за домом главного вождя Уенуку. Когда преступники были обнаружены, Тама-те-капуа со своей семьей был вынужден покинуть Гаваики. Он отплыл на ладье «Арава» в страну густых туманов, лежавшую на юге. Однако фруктовое дерево попоро, упоминаемое в легенде, представляет собой одну из разновидностей Solanum, встречающуюся в Новой Зеландии, и плоды его не съедобны. Противоречие устраняет древняя погребальная песнь, сохранившая подлинное название дерева:

Священное дерево Гаваики,
Которое росло в отдаленном уголке Великого Таити,—
Куру, вот то дерево, под сенью которого стоял дом Уенуку.

Очевидно, маорийцы при передаче широко распространенных преданий заменили название плодового дерева «куру» местным «попоро», так как никто из маорийцев не мог объяснить, что такое куру. В Центральной Полинезии, однако, слово куру и его диалектические варианты означают хлебное дерево. Плоды хлебного дерева, которое не растет в Новой Зеландии, представляют основную пищу жителей Центральной Полинезии.

Тама-те-капуа, отправляясь в странствие, похитил ученого жреца Нгаторои-ранги, и, плывя по его указаниям, ладья «Арава» достигла мыса Беглеца в Новой Зеландии. Обогнув этот мыс, путешественники высадились в Макету и проникли в глубь острова. Племена, населяющие побережье и район Роторуа с его более теплым климатом, ведут свое происхождение от Тама-текапуа, а потомки тех, которые проникли дальше, к озеру Таупо, считают своим предком Нгаторои-ранги. Племена потомков экипажа ладьи «Арава» утверждают, что покрытый резьбой нос этой ладьи покоится в Макету, а кусок кормы превратился в гору Тонгариро.

Ладья «Матаатуа», которую вел мореплаватель Тороа, прошла из залива Изобилия вверх по реке. Измученный экипаж вытащил лодку на берег и рассеялся по острову, чтобы осмотреть новую землю. На берегу осталась только больная дочь Тороа; она прилегла неподалеку от извлеченной из воды ладьи. Когда отлив стал уносить лодку, дочь вождя воскликнула: «Я должна вести себя, как подобает мужчине». Напрягая последние силы, девушка не позволила волнам похитить ладью. В память о том эпизоде река была названа Уакатане (Вести себя, как подобает мужчине). Постепенно спутники Тароа расселились вдоль побережья до того самого места у мыса Беглеца, где когда-то пристала их лодка, и, продвигаясь в глубь острова, заселили страну Уревера.

Ладья «Курахаупо» под командой нескольких вождей продвинулась на север; прибывшие на ней поселенцы заняли не толь-

[1] Река Темза впадает в одноименную бухту в северной части Северного острова Новой Зеландии.

ко северную часть Окленда, но также Таранаки и район между Вангануи и озером Хороуенуа.

Ладья «Токомару» привезла моих предков, которые оставили Гаваики из-за постоянных войн. По одному из вариантов предания, она совершила плавание под водительством Манаиа. Однако в другой старой песне говорится, что ладья «Токомару» принадлежала Уата, капитаном ее был Тама-арики, а штурманом — жрец Ракеиора. Ладья достигла мыса Беглеца, обогнула Северный мыс и пристала к берегу реки Мохакагино в северной части Таранаки. На берегу реки был выстроен общественный дом «Марае-ротухиа».

Расселение шло на территории, протянувшейся от реки Мокау на севере до границы Онуку-таипаре, проходящей в нескольких километрах от того места, где теперь расположен Нью-Плимут. На юге владения потомков поселенцев с ладьи «Токомару» граничили с территорией племени, предки которого прибыли на ладье «Курахаупо» и заимствовали свое племенное имя таранаки от маорийского названия горы Эгмонт. Поселенцы с «Токомару» объединились в конфедерацию племен под названием Ати-ава, в которую вошли два племени моих предков — нгати-мутунга и нгати-тама

Поселенцы, прибывшие на ладье «Такитуму» и возглавляемые Таматеа, заселили восточное побережье Северного острова от Гисборна до Веллингтона. Некоторые из них пересекли пролив Кука и поселились на Южном острове.

Мореплаватели с ладьи «Хороута» заселили восточное побережье от мыса Беглеца до Гисборна. Главное племя нгати-пороу получило название по имени предка Пороу-ранги, а племя нгатитаху с Южного острова ведет свое начало от Таху, младшего брата Пороу-ранги.

Ладья «Аотеа» пришла с острова Гаваики, известного теперь своим обитателям как Ра'иатеа, а маорийцам, в языке которых сохранился звук «ng», как Рангиатеа.

Племена аотеа гордятся своей прежней родиной, что нашло отражение в поговорке: «Мы никогда не погибнем, ибо мы взошли из семян, посеянных Рангиатеа». «Аотеа» отплыла в неблагоприятное время года, и ее отнесло к Кермадекским островам, которые назывались некогда Рангитахуа. В настоящее время Кермадекские острова необитаемы, но найденные на них поломанные тесла и метательные камни свидетельствуют о том, что некогда они посещались полинезийцами. «Аотеа», по всей вероятности, пристала к Кермадекским островам в марте, когда дерево карака (Carynocarpus laevigata) покрывается золотистыми ягодами, ибо, по преданию, на этой ладье дерево было завезено в Новую Зеландию. Истощенная команда ладьи «Аотеа», насладившись спелыми ягодами, вероятно, захватила их с собой в Новую Зеландию, но оказалось, что это дерево уже произрастает и в Новой Зеландии. Ладья пристала к берегу в небольшой

бухте на западном побережье Северного острова, названной в честь ладьи Аотеа. Прибывшие отправились на юг по течению реки Патеа, а позднее их потомки распространились и на север, образовав племя нгати-руануи. Жители южной территории составили племя побережья нга-рауру. Плавание «Аотеа» воспевается в «Песне гребцов ладьи «Аотеа», где приводится имя вождя, а также названия ладьи и рулевого весла:

Аотеа — имя ладьи,
Тури — имя вождя,
Те-Року-о-уити — имя весла.
Взгляни на мое весло!
Его кладут у борта ладьи,
У самого борта ладьи,
Вот оно поднято кверху — весло!
Готовое погрузиться в воду — весло!
И вот мы рванулись вперед,
Взгляни на мое весло — Те-року-о-уити!
Оно трепещет, как крыло птицы,—
Мое весло.
Ах, как оно стремительно взлетает и опускается!
Быстро погружается в воду и отбрасывает ее назад!
Шумный всплеск! Вскипает волна за кормой,
Запенился белый след за ладьей,
И брызги летят с весла!

Мореплаватели XIV в., заселяя новые места, вероятно, привезли с собой из Центральной Полинезии семена всевозможных культурных растений. Однако они прибыли в более холодные страны, где кокосовые орехи, плоды хлебного дерева и бананы не вызревали. Направляясь на юг, переселенцы, вероятно, учли вредное влияние, которое может оказать холод на семена растений. В одной из легенд об «Аотеа» упоминается, что Ронгоронго, жена Тури, хранила клубни сладкого картофеля в двойном поясе, который она носила вокруг талии, чтобы согревать их теплом своего тела. Поэтому сладкий картофель получил почетное название «Пояс Ронгоронго».

Хотя сладкий картофель, таро, ямс и тыква прижились на новой земле, они давали здесь только один урожай в год. Почву приходилось ежегодно тщательно обрабатывать. Хранилища начали устраивать в ямах или в полуподземных помещениях, засыпанных сверху землей. Таких хранилищ нет в Центральной Полинезии, где в них не ощущалось необходимости благодаря жаркому климату, позволявшему собирать многократный урожай. Сладкий картофель оказался в новых условиях самой урожайной из всех завезенных культур, и его большое хозяйственное значение вызвало к жизни новый обряд, совершавшийся во время посадки картофеля. Новый бог, способствующий урожаю сладкого картофеля, был введен в маорийский пантеон, и его изображения высекались из камня. Обычная копалка была усовершенствована: к ней стали привязывать резную подножку, а рукоятку начали покрывать резьбой.

Для выделки лубяной одежды была завезена бумажная шелковица. Однако это растение не прижилось в Новой Зеландии, да и лубяная одежда не годилась в условиях более холодного климата. Потребность в теплой одежде привела к испробованию новой техники плетения ткани, напоминавшей плетение рыболовных снастей, но с применением нового материала — волокна, обнаруженного в местном льне. Плащи и накидки выделывались из внешней оболочки льняных стеблей, и вода стекала по ним как по кровельной дранке. Изобретательный женский ум и умелые руки внесли ряд усовершенствований, в результате которых появились разнообразные одеяния. В качестве народной одежды сохранились древние соломенные плащи, но для племенной знати начали изготовлять платья с отделкой из выкрашенных шнуров, перьев и разноцветной тесьмы. Женщины изобрели способ ручного тканья и тем самым проложили дорожку, которая уводила переселенцев все дальше и дальше от искусства и ремесел их тропической родины.

Нужно впитать в себя культуру тропической Полинезии, чтобы до конца понять, чего лишились первые маорийские переселенцы и что они приобрели на своей новой родине. Они не только лишились некоторых продовольственных культур, которые обеспечивали обильные урожаи на тропических островах, но и почему-то не захватили с собой свиней и домашней птицы, если только не считать, что животные погибли по пути. Из трех видов домашних животных, распространенных в Полинезии, только собака попала в Новую Зеландию. Полинезийское слово «моа», означавшее домашнюю птицу, послужило здесь именем большой бескрылой птице, ныне вымершей. Леса Новой Зеландии изобиловали пернатыми, в связи с чем были изобретены новые способы ловли птиц и их приручения. Корыта с водой для приманки, резной силок, копье из заостренной кости для метания в птиц, голубятни — все эти местные изобретения неизвестны в других частях Полинезии. Реки, озера, побережье, рифы и море стали источниками продовольствия и с лихвой возместили отсутствие культурных съедобных растений, которые не могли прижиться в условиях более холодного климата.

Более всего поразили переселенцев местные леса: нигде в Полинезии не встречали они деревьев таких размеров. С трепетом взирали строители лодок на огромные стволы тотара и сосны каури. Я как будто вижу, как они совершали ритуальный обряд в честь Тане и с восторгом обнимали стволы великолепных деревьев. Геологи-практики, они, вероятно, до тех пор продолжали раскалывать и испытывать камни, пока не нашли месторождения базальта, где и устроили каменоломни, чтобы добывать материал для тесел.

Вооруженные большими и тяжелыми теслами, маорийцы валили лесных гигантов и изготовляли из них долбленые кор-

пуса лодок. Долбленые челноки благодаря гигантским размерам деревьев получались такими широкими, что они, подобно ладьям, не нуждались в дополнительной опоре, и поселенцы перестали прибегать к балансиру.

Маорийцам пришлось приспособить к климату Новой Зеландии и архитектуру своих жилищ. Здесь нужна была защита от холодных ветров, и примитивные строения тропической Полинезии оказались непригодными в новых условиях. Чтобы утеплить дома, маорийцы опустили пол ниже уровня земли и стали строить стены из толстых соломенных пластов. При сооружении больших общинных домов вместо обычных круглых столбов стали применять обтесанный строевой лес. В Центральной Полинезии художественный вкус строителей проявлялся в плетеных узорах. В Новой Зеландии маорийские ремесленники начали вырезать на главных опорных столбах и на стенных столбах условные изображения человеческих фигур. Обладая чувством симметрии, они покрывали верхние деревянные части стропил и конек раскрашенной плоской резьбой, чем достигали ритма в рисунке. Декоративные украшения маорийских общественных домов — результат развития местной архитектуры, для которого первоначальным толчком послужил холод.

В добавление к богатым запасам базальта Новая Зеландия одарила переселенцев жадеитом (нефритом). Он встречался в виде гальки в реках западного побережья Южного острова, который поэтому и назвали Те Ваи-поу-наму (Вода, содержащая жадеит). Из жадеита делались украшения и короткие военные палицы, передававшиеся по наследству как драгоценность. Однако самыми замечательными изделиями из этого материала были резцы и тесла с острыми, словно стальными, лезвиями.

Дерево тотара давало прочную, но мягкую древесину. Располагая хорошим строевым материалом и превосходными орудиями, маорийские резчики превратили ремесло в искусство, равного которому не было не только в Полинезии, но и на всем Тихом океане.

Специалисты, изучавшие маорийское искусство, находились под сильным влиянием теории о том, что его тематика зародилась еще где-то на отдельных этапах пути, пройденного переселенцами столетия тому назад. При этом недостаточно учитывали, что отсутствие дерева и камня на промежуточных островах могло прервать древние мотивы и вызвать развитие новых. Воспоминания о древнем искусстве должны были изгладиться из памяти переселенцев за тот долгий период, пока они пребывали на коралловых атоллах Микронезии. Очевидно также, что в тот период, когда происходило расселение из Центральной Полинезии, искусство резьбы по дереву стояло там еще на низком уровне; в противном случае мотивы рисунков, подобно мифам, легендам, религии и социальной организации, распро-

странились бы на различных островах. Единственный мотив, занесенный маорийцами с Гаваики, — это, кажется, человеческая фигура со скрещенными ногами и руками, сложенными на животе.

Много предположений по поводу своего происхождения вызвала фигура «манаиа», которая в профиль напоминает человека с птичьей головой. На острове Пасхи изображение человека-птицы навеяно черной морской ласточкой. На Соломоновых островах тема птицы с сомкнутым клювом, образующим витой узор, была продиктована изображением сокола на носу корабля. На Новой Зеландии не сохранилось мифа, который помог бы установить, какую птицу изображает «манаиа». Я считаю, что в трудах Арчи, директора Оклендского музея, убедительно доказано, каким образом маорийцы придавали птичий облик своим изображениям. Это достигалось тем, что половина человеческой головы, включая и среднюю часть верхней губы, непомерно удлинялась резчиками. Таким образом, «манаиа» ведет свое происхождение вовсе не от птицы, а от человека. Арчи привел также доказательства в пользу теории о местном происхождении двойных спиралей, играющих в маорийском орнаменте выдающуюся роль. Развитие резных узоров оказало влияние и на форму татуировки: вместо прямых линий, свойственных татуировке Центральной Полинезии, здесь распространялись изогнутые линии. В Новой Зеландии даже верховные вожди не считали унизительным для себя работать молотком и резцом. Представьте себе древнего мастера перед большим куском дерева, на котором он высек своим каменным теслом человеческую фигуру. В левой руке он держит резец из жадеита, а в правой — молоток из китовой кости. Разве удивительно, что при таком материале и с такими орудиями мастер мог выполнить работу, о которой не смел мечтать на своей старой родине?

Племена сложили сказания о войнах и сохранили воспоминания о военных подвигах. Победы чередовались с поражениями, но каждое племя стремилось выправить счет в свою пользу. Не было больше ни кокосовых пальм, ни хлебных деревьев, которые нужно было сторожить, живя в рощах, а для обороны от воинственных соседей безопаснее было селиться деревнями. Однако селения на открытой низине чаще подвергались нападению, поэтому маорийские строители предпочитали холмы или другие возвышенности, где сама природа помогала обороне. Большинство полинезийцев, поселившихся на вулканических островах, отступали для обороны в заранее намеченные и созданные природой убежища, куда трудно было забраться. Жители островов Тонга, где нет холмов, копали вокруг укрепленных деревень рвы и воздвигали изгороди. Островитяне Рапы террасировали горные вершины, господствующие над местностью, и превращали их в крепости. Маорийцы, со своей стороны, использовали для обороны и террасы, и рвы, и часто-

колы, причем они постоянно жили в своих крепостях. В смутные времена на наблюдательных вышках выставлялись дозоры. Ночью часовые несколько раз громко объявляли тревогу не столько для того, чтобы повысить бдительность своих воинов, сколько для предупреждения неприятеля о том, что крепость и ночью находится в состоянии боевой готовности. В кратком и загадочном тексте боевой тревоги можно, однако, обнаружить образы, навеянные окружающей природой. Ниже приводится текст боевой тревоги крепости, выстроенной на скалистом выступе побережья Кауиа:

О воины крепости, поднимайтесь,
Иначе вы погибнете!
Высоко, высоко громовой прибой
Звучит на скалах Харихари,
А внизу стонущее море
Напевает у побережья Мокау.
Но я здесь, на страже,
Стерегу, высматриваю, пронизываю даль взором,
Подобно тому, как на зазубренных скалах
Сидит морской ястреб
И высматривает свою добычу.
Скоро солнце
Поднимется, пылая, над миром.

Скалы Харихари, к северу от крепости, выдавались в море и принимали на себя всю силу ударов морских бурунов. Треск и грохот воспроизводили звуки войны: возгласы сражающихся предводителей и душераздирающие вопли раненых и умирающих. К югу в изгибе береговой линии образовалась защищенная бухта с песчаным дном, куда впадала река Мокау. Однако и в спокойной бухте бесконечные стоны волн, разбивающихся о песок, напоминали причитания женщин, которые оплакивали убитых. Последние две строки тревоги — это мольба и пожелание. Нападения чаще всего совершались на заре, когда было уже достаточно светло, чтобы можно было разглядеть стены крепости. С восходом солнца заканчивалось бдение часового и начинался мирный день.

В укрепленных деревнях Новой Зеландии пришлось отступить от традиционной архитектуры храмов, принятой на Гаваики. Священная приподнятая платформа «аху» переместилась с открытой площадки марае в иное место, расположенное вне крепости. В уединенной роще жрец обычно воздвигал каменную колонну или деревянный столб и там, вместе с несколькими помощниками, испрашивал совета у своих богов. Число лиц, присутствовавших при этой церемонии, было очень ограничено; платформа «аху» сократилась до святилища, часто представлявшего собой простую скалу, за которой, однако, сохранялось древнее название «аху» в маорийской форме «ту-аху».

Площадка марае превратилась в деревне в место сборищ племени. Платформу «аху» заменил дом, покрытый резьбой,

который служил для собраний и для приема гостей. Такой дом обычно назывался по имени какого-нибудь предка. Это должно было означать, что жители, собираясь в его стенах, как бы соединялись в лоне предка. Площадка перед общественным домом в крупных деревнях также получала особое имя и была центром общественной жизни. Там происходил прием посетителей, проводились все важные церемонии, воздавались последние торжественные почести мертвым. Обряды начинались на марае днем, а вечером они продолжались в доме племенных собраний. Как и на Туамоту, где большие прямые столбы из известняка, расположенные на храмовой площадке марае, назывались именами предков, также и в маорийском общественном доме имена предков присваивались большим стенным столбам, вырезанным в форме человеческих фигур.

В Центральной и Восточной Полинезии после обращения населения в христианство марае были разрушены и покинуты, потому что они служили как для отправления культовых обрядов, так и для светских церемоний. В Новой Зеландии марае все еще являются центрами общественной жизни. В наши дни, несмотря на разрушение племенного быта, ибо маорийское население занимается теперь сельским хозяйством и разведением молочного скота, — дом для собраний, или марае остается племенным центром. Здесь собирается рассеившееся племя, чтобы приветствовать гостей, оплакивать мертвых и обсуждать различные дела племени. Пусть же марае продолжает существовать, ибо, как только они будут покинуты, маорийское племя потеряет свою индивидуальность[1].

Племена, которые происходили от мореплавателей, прибывших на различных лодках, вероятно, еще сохраняли в течение некоторого времени различия в культуре, свойственные разным островам Центральной Полинезии. Однако постепенно мореходы Тихого океана, поселившиеся в Новой Зеландии, стали сухопутным народом. По мере того как развивались местные традиции, навсегда отрезались морские пути в Гаваики. Но память о прошлой жизни долго сохранялась в словах приветствий, с которыми обращались в прежние времена к гостям, приходившим пешком, и еще поныне звучит в обращениях к посетителям, хотя бы приезжающим на автомобилях:

---

[1] Разрушение племенного быта маори вызвано не только переходом к новым формам хозяйства, но и радикальной ломкой условий жизни. Маори в настоящее время вопреки уверениям буржуазной официальной печати — угнетенное национальное меньшинство. Хотя почти все маори живут в сельских местностях, но 80% маорийского населения не обеспечено землей; она отнята колонизаторами. Часть маорийской национальной буржуазии и интеллигенции — так называемая «старомаорийская» партия — пытается сохранить или восстановить хотя бы видимость старых форм быта.

Подтягивай сюда ладью!
Тащи сюда ладью!
К пристани — ладью!
К тому месту, где она отдохнет!
Добро пожаловать, трижды добро пожаловать!

Проводив маорийскую ветвь полинезийцев до страны высоких туманов и указав на некоторые проблемы, которые они сумели разрешить, предоставим теперь их потомкам работать над созданием своего будущего в твердом убеждении, что благодаря запасу жизненных сил и уму, унаследованным ими от предков каменного века, они смогут устоять в изменяющемся мире. Прощаюсь со страной, где я родился[1], словами старинной погребальной песни:

Увы, тяжкая скорбь гложет меня
По погибшей ладье, по потерянному другу.
Мое драгоценное перо цапли выброшено на берег океана,
И молния, сверкая в небесах,
Приветствует мертвеца.
Где же сила в этом мире, если ты ушел
Скользкою тропой в царство смерти?
Одиноко высится вдали гора Вакааху,
Ибо ты ушел, опора твоего народа.
Улетела певчая птица моя, которая пела о древнем знании.
Корабль «Таинуи», лодка «Аотеа»,
Оплакиваемая потоками женских слез.
Прекрасное тело твое лежит, покрытое плащом из собачьих шкур,
Но дух твой ушел, подобно облаку, плывущему по небу.
Хорошо тебе, лежащему на торжественно убранном
похоронном ложе вождей.
О, мой драгоценный зеленый нефрит, эмблема ушедших воинов!
Дракон вышел из скалы-крепости
И спит в доме смерти.

---

[1] История Новой Зеландии за последние 150 лет полна глубокого драматизма. Первым из европейцев побывал в Новой Зеландии голландец Тасман (в 1643 г.). С конца XVIII в. Новую Зеландию начинают посещать суда европейских торговцев, и там появляются первые поселенцы— англичане. Европейские, главным образом английские, торговцы беззастенчиво обирали и этих поселенцев и туземцев маори. Они снабжали маорийских вождей огнестрельным оружием, и это вело к обострению межплеменных войн. Усиливалась также враждебность между маори и колонистами, которых становилось все больше и больше. Поселенцы обманом занимали земли, подкупая отдельных вождей. В 1840 г. британские власти подписали с маорийскими представителями особое соглашение («Договор в Ваитанги»), в котором туземцам гарантировалась неприкосновенность их земель, а они в свою очередь признавали суверенитет британской короны. Но этот договор был цинично нарушен английскими властями, которые начали еще более бесцеремонно отбирать землю у маори. Последние ответили вооруженным сопротивлением. Начались кровопролитные «маорийские войны» (в 1843—1872 гг.). Храбрые маори мужественно защищали свою землю от захватчиков. Война кончилась поражением маори. Но победители-англичане вынуждены были пойти на некоторые уступки и вновь торжественно гарантировали сохранение за туземцами тех земель, которые у них фактически остались. Однако расхищение земли маори продолжается и поныне. В настоящее время маори составляют лишь небольшую часть населения Новой Зеландии.

Глава XX

ОСНОВАНИЕ ТРЕУГОЛЬНИКА

Небеса, качаясь,
Касаются земли.
(*Самоанская поговорка*)

ВОСЬМОЙ и последний путь от центрального Гаваи'и ведет нас на запад к заходящему солнцу, к большим группам островов Самоа[1] и Тонга[2], которые расположены в середине основания Полинезийского треугольника. Эти два архипелага благодаря своей величине и многочисленному населению оказывают господствующее влияние на культуру Западной Полинезии. Здесь развились местные особенности, резко отличающие Самоа и Тонга от островов, лежащих на семи путях, которыми мы до сих пор занимались. Самоа

[1] Архипелаг Самоа был вовлечен в орбиту колониальной политики капиталистических держав позже, чем другие острова Океании. Лишь около середины XIX в. там начали появляться белые торговцы и агенты европейских правительств, а также и миссионеры. Они интриговали друг против друга и разжигали междоусобные войны между областными вождями.

В 1899 г. главные конкурирующие державы поделили между собой архипелаг Самоа: Германия захватила западную часть архипелага, а США—восточную. Британия отступила, получив компенсацию на других островах. После 1918 г. «германская» часть Самоа досталась по мандату Лиги наций Новой Зеландии.

[2] Острова Тонга, открытые впервые голландцами (Лемер и Шоутен в 1616 г. и Тасман в 1643 г.), позднее попали в орбиту английского влияния. Проводниками его были вначале веслеянские миссионеры, а позднее — торговцы и колонисты. Около 1845 г. один из местных вождей, опираясь на поддержку английских миссионеров, объединил весь архипелаг и объявил себя королем под именем Георга Тубоу I. В 1862 г. на островах был введен конституционный режим с парламентом и кабинетом министров. Однако фактическая власть все более попадала в руки британских советников и консулов. В 1900 г. формальная независимость Тонга прекратилась; острова были объявлены британским «протекторатом». Но туземная династия марионеточных «королей» продолжает царствовать на Тонга и поныне.

и Тонга рассматривались многими учеными как культурный центр Полинезии или ее ядро. Однако ни по своему географическому положению, ни по своему культурному влиянию они не оправдывают этой теории. Их роль как культурного центра ограничивается Западной Полинезией.

Западная область Полинезии включает также атолловый архипелаг Токелау и атолл Пукапука, расположенные соответственно к востоку и к северо-востоку от Самоа. К востоку от Тонга находится Ниуе, или остров Савидж (Дикий), на котором я однажды провел 6 месяцев, работая в качестве военного врача. Мирные и трудолюбивые жители Ниуе решительно возражают против того, чтобы их остров называли Диким островом только потому, что какой-то предок бросил копье в капитана Джемса Кука. Копье, как известно, пролетело мимо, — и непонятно, почему из-за одного неловкого метателя копья должны быть навек заклеймены его потомки. Между Тонга и Самоа находятся острова Ниуатобутабу (остров Кеппеля) и Ниуафу, колонизованные с Тонга. Ниуафу широко известен под именем острова Жестяной банки. Это название произошло от применявшегося здесь некогда способа переправлять почту на берег с проходящих мимо пароходов в запечатанной банке из-под керосина. Жестянка олицетворяла западную цивилизацию, а пловец, доставлявший почту на берег, пробиваясь через кишащие акулами воды, был полинезийцем. К западу и к северу от Самоа расположены вулканические острова Футуна, Алофи, Увеа и атоллы островов Эллис. Еще далее к западу, в Меланезии, находится несколько островов, по которым, как уже упоминалось, проходит граница распространения полинезийского языка.

Вулканические острова Самоа делятся на две группы: Западное, или Британское, Самоа управляется по мандату Лиги Наций[1], а Восточное, или Американское, Самоа находится во владении Соединенных Штатов. Западное Самоа включает в себя большие острова Уполу и Саваи'и и небольшие острова в проливах между ними — Маноно и Аполима. Восточные острова включают Большой остров Тутуила с лежащим несколько поодаль Ауну'у и архипелаг Ману'а с островами Офу, Олосега и Тау. Тау, самый большой и самый восточный остров в архипелаге Мануа, поднимается до высоты в 3000 футов. Когда в легендах упоминается Мануа, то подразумевается Тау.

Свою первую исследовательскую работу в полевых условиях для музея Бишопа я провел в 1927 г. на островах Тутуила и Ауну'у. После того как мои коллеги возвратились в Гонолулу, я посетил острова Ману'а, Уполу и Саваи'и, сосредоточив свое внимание на изучение материальной культуры. Социальной организации Мануа посвящена работа Маргарет Мид, опубликованная музеем Бишопа.

---

[1] После второй мировой войны это «подопечные» острова

Прежде чем приступить к изложению мифологии, следует сказать несколько слов о самоанском диалекте. Звук «k» вытеснен в нем гортанным взрывным звуком, который в письме передается апострофом, согласный «g» заменяет звук «ng», а «s»и «f» произносятся вместо «h» других диалектов. Что касается взаимозаменяемых согласных, то «v» и «l» употребляются вместо «w» и «r».

Самоанская космогония начинается с Леаи (Ничто), которое соответствует новозеландской Коре (Пустоте). За ним следуют олицетворения скал, ветра, облаков и неба, и, наконец, появляется Тагалоа. Тагалоа-лаги (Тагалоа с небес) обитал в пространстве, не зная, как и откуда он произошел. Бог сбросил вниз камни, которые превратились в различные острова Самоанского архипелага. Прежде чем образовалась суша, он послал вниз свою дочь в образе бекаса (тули), но она не смогла найти себе пристанища. По приказанию Тагалоа она еще несколько раз опускалась вниз и последовательно сообщала о брызгах, волнении моря, земле, поднимающейся над его поверхностью, и, наконец, о появлении суши, на которую она смогла опуститься. Затем дочь сообщила отцу, что поверхность суши увеличилась и что на ней выросла виноградная лоза. Если бы она захватила с собой виноградную ветку, то сходство с голубем, которого Ной посылал на разведку из своего ковчега, было бы еще более поразительным. Виноград увядал, гнил и закишел личинками и червями, от которых затем произошли мужчины и женщины. Некоторые мифы сообщают, что это превращение червей в людей совершалось на Ману'а.

Под влиянием мифологии и местных преданий жители островов Сомоа считают себя настоящими автохтонами. На церемонии кава в Тау местный вождь приветствовал меня напыщенной речью, соответствующей его сану. В своей ответной речи я упомянул об общем происхождении полинезийцев, предки которых прибыли из Азии, и о тех замечательных плаваниях по океану, которые совершили наши предки, заселяя Полинезию.

Вождь ответил: «Мы благодарим вас за вашу интересную речь. Может быть, полинезийцы и пришли из Азии, но самоанцы — нет. Мы происходим из Самоа». Он гордо окинул взглядом присутствующих, уверенный в своей непогрешимости, и ученые соплеменники выразили ему свое одобрение. Тогда, защищая свою точку зрения, я стал фундаменталистом[1] и сказал:

[1] «Фундаменталистами» в США называют сторонников буквального, строго ортодоксального толкования библейских сказаний и догматов в отличие от «модернистов», допускающих в виде уступки современной науке вольное, аллегорическое их понимание. Спор между твердолобыми мракобесами («фундаменталистами») и приспособленцами («модернистами») разгорелся в американских церковных кругах с 1920 г. Победили фундаменталисты. Это воинствующее мракобесие проявило себя в известном «обезьяньем процессе» 1925 г. и в почти повсеместном (в южных штатах) запрещени преподавать в школах эволюционную теорию. Хироа называет здесь иронически «фундаментализмом» свою ссылку на библию.

«Та хорошая книга, которую, как я видел, вы трижды по воскресеньям носите в церковь, говорит, что первыми прародителями человеческого рода были Адам и Ева, сотворенные в райском саду».

Нисколько не смутившись, вождь-оратор возразил: «Все это так, но самоанцы были сотворены здесь, в Ману'а». Тогда слегка раздраженный я ответил: «Ах, в таком случае я, должно быть, нахожусь в райском саду».

Молчание, которое последовало за этими словами, я принял за знак согласия.

Однако возвратимся к Тагалоа. Он выступает в мифологии под разными именами: Тагалоа-с небес, Тагалоа-творец человека, Тагалоа-исследователь и Тагалоа-населяющий земли. В этой последовательности явно отражается традиционная полинезийская форма исторического повествования, обрастающая вымыслами и превращающаяся в миф. Тагалоа или потомок Тагалоа появился из-за далекого горизонта, который метафорически назывался у древних сказителей небесами (лаги), с целью открытия новых стран и поселился на островах Самоа. Впервые он сошел на землю на острове Тау (из архипелага Ману'а), где столкнулся с более ранними переселенцами. Род вождей Самоа произошел от Тагалоа, а историки этих вождей украли славу первых поселенцев, превратив их в низменных потомков червей. С течением времени мореплаватель превратился в бога, сошедшего с небес, а самоанцы уверились, что они сотворены на Самоа[1].

Согласно мифологической трактовке истории заселения, первый дом вождя был построен на Тау и назван «Фале-ула». Благодаря тому, что семья Тагалоа впервые поселилась на Ману'а, эти маленькие острова пользуются почетом, не соответствующим ни их размерам, ни численности населения. Туи Ману'а, или главный вождь Ману'а, первенствовал среди многих вождей, управлявших более обширными территориями. Ничто так не раздражает жителей более крупного острова Тутуила, чем напоминание о мануанском мифе, согласно которому Тагалоа создал их остров позднее, чтобы облегчить переправу с Ману'а к Западным островам.

Переходя к Западному Самоа, мы узнаем, что потомок семьи Тагалоа, по имени Пили, обосновался в Уполу. Пили, по-видимому, обладал большой властью, потому что он разделил Уполу на три области, которые раздал своим трем сыновьям. Эти области

[1] Автор склонен считать Тагалоа исторической личностью, позднее обожествленной потомками. Это весьма спорно. Тагалоа, известный также под именами Тангароа, Та'ароа, Тана'оа и пр., один из самых распространенных богов Полинезии. Есть основания связывать его с образом Тагаро—ястреба тотема одной из фратрий Северной Меланезии (Новая Ирландия); в Южной Меланезии, на одном из Банкосовых островов, есть фратрия, носящая имя А-Теалоа. Вернее всего, происхождение образа Тагалоа (Тангароа) следует искать именно в древней тотемической мифологии.

названы именами трех сыновей Пили. Западную часть острова и копье он дал Ана, среднюю часть и махалку от мух — Сага, а восточную часть и мотыгу — Туа. Копье олицетворяло войну, махалка от мух — ораторское искусство, а мотыга —садоводство. В своем последнем обращении к сыновьям Пили заявил: «Если вы захотите сражаться — сражайтесь, если захотите говорить — говорите, а когда вы захотите работать — работайте». Судя по родословным, Пили жил около тысячного года нашей эры, однако человек начал трудиться на Самоа значительно раньше этой сомнительной даты.

Самоанские мифы содержат несколько рассказов о герое Мауи. Мы встречаем его под именем Мауи-ти'ити'и-а-талага, в котором узнаем новозеландское прозвище Мауи. На Самоа, однако, Талага является отцом героя, в то время как на Новой Зеландии Талага — его мать. Мауи и здесь приписывается похищение огня у Мафуи'е из подземного мира, но его подвиги, связанные с вылавливанием островов, заменены деятельностью бога Тагалоа, который сбрасывал с неба камни.

Обращаясь к преданиям, мы обнаруживаем отсутствие рассказов о дальних морских плаваниях. Перси Смит считал, что полинезийцы достигли Самоа около 450 г. нашей эры. Однако когда бы это ни произошло, самоанцы заселили свои острова так давно, что, подобно таитянам, забыли предания о первых предках, высадившихся с кораблей. Теория происхождения первых поселенцев от червей — миф, заменивший забытую историю.

Предания о странствиях в ладьях заменили легенды о прославленных пловцах. Одна из них повествует о предке по имени Уи, проплывшем от группы Токелау до Тау — расстояние, превышающее 300 миль. Мне показали даже скалу, в которую якобы превратилось его окаменевшее тело. Согласно другой легенде, две женщины Таема и Тилафаига вернулись с Фиджи на Самоа вплавь. На островах Фиджи они познакомились с обычаем татуирования женщин, а не мужчин, как на Самоа. Но вследствие долгого пребывания в море они ступили на берег Самоа, дрожа от холода и стуча зубами, и перепутали сообщение, придав ему обратный смысл:

Когда вырастает мужчина, татуируйте его,
Когда вырастает женщина, пусть она рожает детей.

Прежде чем покинуть мир мифов и легенд, обратимся на юг к островам Тонга. Острова Тонга состоят из трех групп. Вавау — на севере, Тонгатабу — на юге и Хаапаи — между ними. На острове Вавау возвышаются лесистые холмы, достигающие 500—600 футов, и имеется гавань, защищенная со всех сторон сушей и усеянная островками. Хаапаи состоит из нескольких низменных островов, из которых наиболее крупный Лифука. К западу от Хаапаи расположены вулканические конусообразные острова Као и Тофуа. Тонгатабу, местопребывание прави-

тельства, — низменный остров, тогда как Эуа возвышается на 1000 футов над уровнем моря.

В 1912 г. мы с женой проезжали острова Тонга, направляясь в Ниуе. В Тонгатабу премьер-министр Туи Вакано повел меня на прием к королю Георгу Тубоу[1]. Это был человек ростом в 6 футов 8 дюймов; он представлял собой величественный тип полинезийского верховного вождя. На Вавау я встретил Туги, правителя острова, ставшего позднее премьер-министром и мужем королевы Салоте, которая наследовала своему отцу.

У меня было мало времени, и я смог лишь поверхностно познакомиться с условиями жизни на острове Тонга. В тонганском диалекте сохранились согласные «k» и «h», которые выпали из самоанского диалекта; в некоторых словах встречается звук «s», а в некоторых словах «b» употребляется вместо «p», например в слове «табу». Буква «j» употребляется для обозначения звука «ch» перед некоторыми гласными.

Тонганская мифология противоречива, и чтобы дать о ней представление, я произвольно отобрал несколько мифов. Откинув космогонию, обратимся к происхождению островов; здесь мы встречаемся снова с семьей Мауи, состоящей из деда, сына и внука, носящих имена Мауи-мотуа, Мауи-аталага и Мауи-кисикиси. Все они прибыли на остров Манука (Ману'а) с архипелага Самоа, чтобы попросить магический крючок у Тонга — вылавливателя островов. Тонга в этом мифе заменяет Тагалоа. Хотя Тонга не хотел расстаться со своим магическим крючком, он не мог, однако, нарушить обычай, согласно которому посетителям разрешалось осмотреть его крючки и выбрать один в качестве подарка. Все крючки были сделаны из перламутра, однако магический крючок, тусклый и плохо отполированный, был самым непривлекательным на вид. Тонга разложил всю свою коллекцию, в уверенности, что Мауи-кисикиси ошибется в выборе крючка.

Однако Мауи-кисикиси отличался хитростью, которая, как мы убедились, приписывается ему всеми полинезийскими мифами. Мауи стал ухаживать за легкомысленной женой Тонга, и она рассказала ему по секрету, как отличить магический крючок, за что этой женщине присвоено имя Шепот-в Мануке. Мауи безошибочно выбрал нужный крючок и с дедом, отцом и женой Тонга отправился в морское плавание. При помощи магического крючка он выудил острова, образующие архипелаг Тонга. Этот эпизод изложен в мифе следующими стихами:

Ладья, пришедшая с Манука,
Управлялась командой богов:
Мауи-аталаг, Мауи-мотуа
И мудрым Мауи-кисикиси.

---

[1] Георг (Джордж) Тубоу II сменил в 1893 г. своего прадеда Георга Тубоу I, царствовавшего почти полвека. Он умер в 1918 г., после чего началось царствование его падчерицы принцессы Шарлотты (Салоте).

Он привез женщину,
Известную под именем Шепот-в Мануке.
Он привез чудесный крючок.
Он явился и вытащил острова на поверхность.
Так Тонга и Эуа были дарованы людям.

Согласно другим мифам, Мауи выудил также острова Хаапаи, Вавау и Ниуе. Он ступил на них и, разравняв почву ногами, создал плодородные для сельского хозяйства земли.

Другая теория сотворения некоторых островов следует самоанской традиции, но бог Хикулео заменяет в ней Тагалоа. Хикулео обитал на западе Пулоту, но, по-видимому, посетил и более северные острова архипелага Тонга, ибо вулканические острова Као и Тафуа были созданы, согласно мифу, из «земных камней», сброшенных вниз Хикулео. По мифам Вавау, этот остров был выужен Тагалоа-лаги.

Древний миф повествует, что небеса состояли из 10 ярусов. Однако первое небо было расположено так низко, что оно касалось конца палки, с помощью которой Мауи-мотуа раскладывал нагретые камни своей печи. Раздраженный слишком низким потолком, Мауи-мотуа уперся обуглившимся концом палки в небо и оттолкнул его выше. Обугленный конец палки оставил следы на небе.

Этот миф представляет западный вариант сказания о Руподпирателе неба.

Легенды о первых людях на островах Тонга повторяют самоанскую версию о местном происхождении от червей, которые расплодились в гниющей виноградной лозе. Потомками червей были Кохаи (Кто), Коау (Я) и Момо (Крошка) — имена, которые свидетельствуют о попытках человеческого ума отыскать первоначало. Кохаи стал первым королем островов Тонга.

Как и на Самоа, здесь позднее выступает на сцену семья Тагалоа. Тагалоа Эитуматупуа, обитатель высших сфер, проявил интерес к земным делам. Он спустился на землю по железному дереву, корни которого находились в лагуне атолла Тонгатабу, а ветви упирались в небо. Тагалоа увидел женщину Илахеву, удившую поблизости рыбу, и взял ее себе в наложницы, как это обычно делают боги с человеческими дочерьми. Подошел срок, и у Илахевы родился мальчик, которого Тагалоа назвал Ахоеиту («День озарился»).

Когда мальчик Ахоеиту вырос, он спросил у матери, кто его отец и где он живет? Следуя указаниям матери, он поднялся на небо по железному дереву и увидел на холме своего отца, занимающегося ловлей диких голубей. Произошло обоюдное признание, и немедленно вслед за этим родитель взял к себе сына. Ахоеиту был убит своим ревнивым сводным братом, сыном богини. Однако Тагалоа возродил сына к жизни и послал обратно на землю управлять островами Тонга в качестве первого Туи-Тонга (Верховного вождя) новой династии.

Потомки червей, по-видимому, не оказали никакого противодействия новому правителю, и династия Кохаи перестала существовать. Ахоеиту считался лицом божественного происхождения по отцу и земного — по матери. Династия, начало которой он положил около 950 г. нашей эры, правила в течение 35 поколений и кончилась вместе с последним Туи-Тонга — Лауфилитога в 1865 г.[1]

На Тонга и Самоа, как мы видели, полностью исчезли представления о сотворении мира, выработанные в Центральной Полинезии. Прародители — Атеа и Папа — и главные боги — Тане, Ту и Ронго — здесь неизвестны, а их брат Тагалоа выступает не как сын Отца-Неба и Матери-Земли. Он фигурирует скорее как мифический предок, от которого ведет свое происхождение род вождей, чем как бог. Сказание о происхождении человека от червей заменяет миф о сотворении первой женщины из земли богом Тане. Тики, который ассоциируется с первой сотворенной женщиной в других частях Полинезии, на западе неизвестен. В Сомоа и Тонга почитались местные областные боги и более мелкие семейные божки. На западе неизвестны главные общеплеменные боги, которые управляют своими особыми сферами: лесами, морем, сельским хозяйством, миром и войной. Тонганский бог Хикулео и самоанский Си'улео, неизвестные в остальной Полинезии, обитают на западе в Пулоту, куда возвращаются души мертвых. Боги, действовавшие на земле, воплощались в живые существа, а в храмах изображались в виде неодушевленных предметов. На Тонга идолы вырезались из дерева; на Самоа обнаружен только один вырезанный идол. Каменные изваяния, составляющие отличительную черту остальной Полинезии, на западе не были обнаружены[2].

Западнополинезийские храмы представляют собой здания, построенные по тому же плану, что и жилые дома, установленные на приподнятой платформе и окруженные изгородью. Здесь нет вымощенных каменных марае с высокими каменными платформами. Тонганские и самоанские марае — это лужайки, служившие для общественных сборищ. По-видимому, здесь не

[1] Туи-Тонга — священные вожди-жрецы архипелага Тонга. Их власть давно превратилась в фикцию. Уже с начала XIX в. фактическими властителями Тонга были военные вожди-короли. Прекращение династии Туи-Тонга было лишь формальным актом. Но с середины XIX в. и короли постепенно теряют свою власть, которую забирает в руки британский колониальный капитал.

[2] В культуре Западной Полинезии, особенно Самоа, сохранилось много архаизмов, в частности пережитки тотемизма. Самоа—едва ли не единственный архипелаг в Полинезии, где сохранились тотемические верования — почитание семейных и личных покровителей в образе животных. Архаическим мотивом мифологии можно считать рассказ о происхождении людей от червей, а также и тот факт, что божество Тангалоа сохранило свои, видимо более древние, признаки мифического предка знатных родов. О своеобразных архаических чертах в общественном строе Самоа и Тонга см. ниже.

были распространены продолжительные ритуальные церемонии и песнопения. Люди, обращавшиеся за помощью к богам, приносили им дары в виде пищи и вещей и садились перед храмовым зданием. Жрец вынимал из корзины материальное воплощение бога: завернутую в лубяную ткань раковину, камень или оружие, и показывал его верующим. В случае тяжелой болезни родственники больного иногда отрубали сустав пальца и приносили его в дар богам. Этот обычай являлся, вероятно, смягченным вариантом человеческих жертвоприношений[1]. Полинезийцы называли самоанцев «безбожниками» на том основании, что у них отсутствовали ритуальные, обрядовые церемонии, внушавшие благоговение и страх перед божеством.

Самоа и Тонга стали центрами развития и распространения западнополинезийской культуры. Обычаи и культура этих относительно небольших островов Увеа, Футуна, Токелау, Пукапука и Лау (группа Фиджи) говорят о том, что после их раннего заселения они подверглись вторжениям со стороны жителей Самоа и Тонга.

Тонганцы были более отважными мореплавателями и поддерживали сношения со своими близлежащими колониями. О тонганских мореплавателях сложено много сказаний, связанных с династией Туи-Тонга; ее родословная служит хронологией исторических событий. Для дальних плаваний, которые они предпринимали, Туи-Тонга располагали двойными ладьями. Управлялись лодки опытными лоцманами, которые к тому же были и опытными рыболовами. Команда отбиралась из числа физически выносливых людей, проявивших ловкость в играх и владении оружием.

Во время Момо, десятого Туи-Тонга, жившего в конце XII в., тонганцы предприняли вторжение на Самоа. Оккупация Самоа продолжалась до царствования Талакаифаики, пятнадцатого Туи-Тонга, когда самоанские вожди Туна и Фата нанесли поражение тонганцам. Последние отступили к своим лодкам, сохраняя полный порядок, а самоанцы наблюдали, как на больших военных ладьях поднимались паруса для отплытия. Двойная ладья Талакаифаики отчалила последней. Удаляясь от земли, тонганский предводитель, стоя на корме, прокричал

[1] Это очень распространенный в буржуазной этнографии, однако мало обоснованный взгляд. Человеческие жертвоприношения, которые принято было в буржуазной науке считать широко распространенным, чуть не универсальным явлением в первобытную эпоху, в действительности были очень редким обычаем, притом характерным отнюдь не для ранней, а, напротив, для сравнительно поздней ступени развития (человеческие жертвоприношения у древних финикийцев и карфагенян, у древних ацтеков). Обычай же отрубания пальцев в знак траура связан с гораздо более распространенными погребальными обычаями многих отсталых народов, у которых принято в знак горя царапать и резать себе лицо и тело, обмазываться глиной и пр.

слова похвалы своим храбрым противникам, пока водное пространство между ними все расширялось. «Малие тау, малие тоа» (Славно сражались, храбрые воины)[1]. Потомки Туна и Фата, правившие территорией Туамасага, приняли титул Малие-тоа после только что описанного события.

Путешествие Каулулфонуа, предпринятое им с целью отомстить убийце его отца Такалауа, двадцать третьего Туи-Тонга, жившего приблизительно около 1450 г. нашей эры, было одним из тех выдающихся морских походов, которые до сих пор волнуют наше воображение.

Каулулфонуа вместе со своими младшими братьями преследовал двух убийц на островах Хаапаи, Вавау, Ниуатобутабу, Ниуафоу, Футуна и Увеа, где они были, наконец, схвачены и привезены обратно на Тонга для совершения казни. Каулулфонуа, бывший не только вождем, но и воином, ходил в бой, оставляя свою спину под защитой богов, в то время как сам он защищал грудь. В пылу битвы вождь был поранен в спину и воскликнул: «Боги — глупцы!»

Политический строй основывался на общей для всей Полинезии системе: правили вожди, причем звание наследовалось по мужской линии. Население делилось на семьи (аига), которые объединялись в деревни и округа. Вожди различных рангов управляли семейными группами, деревнями или областями. Важные дела решались на советах (фоно), а так как этикет и церемонии все более усложнялись, верховные вожди передавали свои административные прерогативы младшим «говорящим вождям», или ораторам. На Тонга династия Туи-Тонга установила для младших членов семьи, исполнявших административные функции, титул Туи Хаа Такалауа. Позднее Туи Хаа Такалауа в свою очередь установил титул Туи Канакопулу для своих младших братьев, выполнявших административные обязанности. С течением времени титул Туи Канакопулу стал включать в себя оба старших звания, однако фактическая власть осталась в руках верховных вождей.

На Тонга совет (фоно) собирался для того, чтобы «говорящие вожди», ораторы, могли объявлять распоряжения верховных вождей. На Самоа вожди-ораторы достигли такой власти, что на советах они по существу диктовали свою волю стоящим над ними вождям. Они оказывали влияние на раздачу званий, которые присуждались сыну той жены, чья семейная группа платила вождям-ораторам наибольшую дань продуктами и вещами. На Самоа правящая группа называлась пуле (правление), а находящаяся в оппозиции — мау. На Западном Самоа и в настоящее время правительственные чиновники называются пуле,

[1] Одна из форм своеобразной рыцарской военной этики полинезийцев, у которых считалось недостойным воина поносить врагов и насмехаться над ними. Напротив, воин старался превозносить мужество и доблесть врага — этим он косвенно увеличивал и свою военную славу.

а группа оппозиционно настроенного населения составляет мау[1]. В остальной Полинезии верховные вожди тоже имели ораторов и советников, однако никогда не выпускали административной власти из своих собственных рук.

Важным центром общественной жизни на Самоа был дом для гостей. Архитектура этого здания исключительна в своем роде: крыша выпуклой формы от коньковой балки до карниза имеет закругленные концы. Изгиб достигается использованием гибких стропил, которые для сохранения кривизны подпираются рядом поперечных бревен. Закругленные концы образуются косыми дужками из коротких кусков дерева, укрепленных с помощью замыкающих соединений. На знатность вождя указывало число поперечных бревен в доме для гостей. Чем влиятельней был вождь, тем больше было бревен и, следовательно, тем выше был дом и многочисленней дужки в закругленных концах. На Самоа стены были открытыми, однако стенные столбы сохранялись и служили опорной спинкой как для хозяев, так и для гостей; каждому из гостей отводился особый столб, соответственно его рангу. Пиршества, которым предшествовали церемониальные угощения напитком «кава», обычно происходили в доме для гостей; поэтому для поддержания своего престижа все главные вожди должны были иметь такой дом.

Дом для гостей строили искусные плотники, объединенные в союз, который, как говорят мифы, ведет свое начало от совещания, созванного богом Тагалоа для обсуждения проекта первого жилища. Собравшиеся на небесах плотники построили первый дом в высших сферах, а затем повторили этот образец на Ману'а. Союз строителей так и назывался Са-Тагалоа (Семья Тагалоа). Союз образовал общества на различных островах, а последние, в свою очередь, вели происхождение от какого-либо знатного лица.

Я изучал устройство самоанского дома при содействии такого общества, носящего название Аига са-Сао (Семья Сао) в Ману'а. Меня пригласили взойти на подмостки и посмотреть, как прикрепляются опорные столбы с помощью плетеного шнура, завязываемого сложным узлом Ле суму с ле 'ау'ау. Я имел возможность ознакомиться с различными стадиями строительства и присутствовал при связанных с ним общественных церемониях. Мне удалось получить также подробные инструкции от опытных мастеров не только из семьи Сао, но также из семьи Малама с острова Тутуила. Легендарный плотник Малама подал некогда совет Тагалоа, что наиболее подходящим материалом для дома вождя является хлебное дерево, ибо тогда даже ребенок из дома вождя сможет доказать свое превосходство над простым общинником, задав ему вопрос: «Жил ли ты в доме из хлебного дерева?»

[1] Интересно отметить, что национально-революционная партия, образовавшаяся на Самоа после первой мировой войны и добивавшаяся освобождения от империалистического гнета, также была названа «Мау».

Благодаря тому что дома для гостей имеют важное общественное значение, а строить их могут только искусные плотники, «Семья Тагалоа» приобрела большой авторитет. Ее члены организовали своего рода профессиональный союз[1] и выработали условия договоров. Плотники требовали, чтобы их кормили хорошей пищей — птицей и свининой, причем подавали еду через короткие промежутки. В часы работы они пили только кава и сок кокосовых орехов и требовали постоянных забот от семьи владельца дома. На определенных стадиях строительства устраивались пиршества со щедрым угощением. По окончании постройки для мастеров устраивали пир и расплачивались с ними красивыми циновками, утварью и продовольствием. Если во время строительства пища ухудшалась или имело место нарушение этикета со стороны семьи хозяина, плотники немедленно уходили. А союз следил, чтобы другие рабочие не брались за окончание здания. Запасы пищи часто истощались, когда заканчивалась только средняя секция или один округленный конец остова. Владелец дома сам кое-как покрывал крышу соломой и закрывал ею недоделанные концы. Семья поселялась в доме и жила в нем до тех пор, пока накапливались запасы продуктов и вещей, чтобы пригласить прежних плотников. Незаконченный дом называется «фале тала муту» (дом с обрубленными концами). Проходя по деревне на острове Олосега с мастером-плотником, я заметил, что несколько домов имели всего лишь один закругленный конец. Обратившись к своему спутнику, я спросил: «Что, разве все свиньи перемерли в Олосеге?» Он посмотрел на меня, слегка озадаченный, а затем так расхохотался, что другого ответа мне не понадобилось.

Плотники, входящие в союз, строили также сложные суда. Искусство их проявлялось в вырубке планок по краям выступающих внутренних бортов. После того как планки скреплялись между собой, во внутренних бортах просверливались отверстия. Веревки, которые продевались сквозь них, не были видны с внешней стороны корпуса. В других местах веревки продевались сквозь отверстия так, что они проходили через всю толщу обшивки и были видны на внешней стороне корпуса.

Треугольный парус из циновок устанавливался с «латинской» оснасткой[2], так что вершина треугольника находилась внизу на носу. Такая установка отличается от типа треугольного шпринтова, паруса с вершиной у основания мачты, который был распространен повсюду в Полинезии, за исключением Мангаревы.

---

[1] Союз плотников — это, конечно, не «профессиональный союз» (trade union), как называет его автор, а одна из тех характерных цеховых организаций, которые были широко распространены в Полинезии в прошлом. Ремесленники составляли особые цехи или гильдии по профессиям.

[2] «Латинским» называется парус треугольной формы, растянутый между двумя реями, с острым углом между ними, подвижно закрепленный на вертикальной мачте.

Тонганцы специализировались на обработке камня и сооружали гробницы своим вождям. Иногда плиты из кораллового известняка добывались на близлежащих островах и перевозились по воде на сдвоенных ладьях. По приказу Телеа, двадцать девятого Туи-Тонга, была построена замечательная царская гробница в три яруса. Два из ее четырех концов были сделаны из своеобразных угловых камней в форме буквы «Г».

Знаменитый трилитон в Тонгатабу состоит из двух больших вертикальных колонн, сложенных из кораллового известняка, с поперечной перекладиной из того же материала, вставленной в пазы верхних концов. Высота большего из вертикальных столбов —17 футов, ширина у основания —14 футов, у вершины — 12 футов, толщина —4,5 фута. Вертикальные столбы отстоят друг от друга на 12,5 фута; Мак-Керн, который приводит эти размеры, считает, что видимая часть каждой колонны весит от 30 до 40 тонн. Материал был вырублен из скалы, которая находилась недалеко от строительной площадки. Изготовленные плиты подтаскивались на полозьях вверх по наклонному земляному скату, затем устанавливались на место. Трилитон носил имя Хаамонга-а-Мауи (Бремя Мауи), ибо две вертикальные стойки символизировали груз, поддерживаемый на концах коромыслом. Монумент был сооружен Туитатуи, одиннадцатым Туи-Тонга, как памятник двум погибшим сыновьям. Формы и размеры памятника настолько оригинальны, что ученые с богатым воображением выдвинули даже теорию, якобы он был сооружен народом древней культуры, который предшествовал тонганцам.

В качестве ритуальной особенности, отличающей запад от остальной Полинезии, следует отметить большое значение, придававшееся распитию кавы — напитка, приготовлявшегося из корней Piper methysticum. На Самоа и Тонга ни одна общественная церемония не совершалась без предварительного угощения напитком кава. Кава распивался вождями из одной чаши в порядке старшинства. Эта сложная церемония неизвестна на других островах. Для приготовления кавы выделывались специальные круглые чаши с ножками. Каждая чаша имела ручку с внешней стороны под ободком, причем эта ручка всегда поворачивалась в сторону лица, приготовлявшего каву. При церемонии распития кавы у великого Туи-Тонга ему оказывали особую царскую почесть, поворачивая ручку в его сторону.

Следующий случай иллюстрирует излюбленную манеру полинезийцев изъясняться при помощи символов. После смерти последнего Туи-Тонга два главных союзных вождя из этой династии пришли к вождю Георгу Тубоу, который тогда принял бразды светской власти в свои руки, и сообщили, что они хотят сделать для него каву. Они проводили его в дом для гостей и, усевшись за чашу с кавой, стали приготовлять этот напиток. Георг Тубоу сидел напротив и ждал. Взглянув случайно на чашу, он увидел то, что для любого тонганца было волнующим

зрелищем. Подвешенная ручка чаши была направлена к нему. Вожди не произнесли ни слова, однако бессловесная чаша объявила Тубоу королем.

Запад отличается от остальной Полинезии также и способом приготовления ткани из луба тутового дерева. В западных районах отдельные полосы луба тщательно очищались раковинами, затем их разбивали на более узкие полосы и склеивали для получения нужной толщины и ширины. Ткань иногда расписывалась от руки растительными красками, но обычно к слою тонкой материи прикладывали дощечку с нанесенными рисунками, и материя затем натиралась тряпкой, опущенной в краску, чтобы проявить рисунок, вырезанный на дощечке. В остальной Полинезии кора вымывалась, а не выскребывалась, а затем вымачивалась в воде более 20 часов, после чего различные полосы сбивались вместе в сплошной лист с помощью специальных желобчатых колотушек, оставлявших на материи водяные знаки. Материю разрисовывали от руки или печатали на ней рисунок.

По всей Полинезии, за исключением западной области, употреблялся лунный календарь. На каждой группе островов имелся список из 30 наименований различных стадий луны от новолуния до новолуния. Когда в лунном месяце было 29 ночей, одно из 30 имен опускалось. Несмотря на некоторые местные изменения названий, соблюдение этой системы на всех семи путях, ведущих из Центральной Полинезии, было неуклонным, и тем более примечательно ее полное отсутствие на западе. Там дни месяца считались по числам, а иногда по группам. В остальной Полинезии новый год начинался с утреннего или вечерного восхождения Плеяд, и годичный лунный цикл исправлялся время от времени включением тринадцатого месяца. Как календарь исправлялся в Западной Полинезии, точных сведений нет.

Следует отметить также два обычая, которые были распространены только на Самоа и Тонга. Один из них — запрет всякого общения между братом и сестрой. Табу распространяется и на довоюродных братьев и сестер. После десятилетнего возраста братья и сестры воспитывались в отдельных домах и больше не играли вместе. Если брат находился в доме, сестра не могла войти в него или, по крайней мере, не могла сесть поблизости. Этот обычай неизвестен в остальной Полинезии. В Новой Зеландии, наоборот, поощрялся брак довоюродных братьев и сестер, чтобы не выносить домашних раздоров за пределы семьи. На Гавайях, как отмечалось, брак брата и сестры считался для вождя высшей формой брачного союза.

Другим обычаем был огромный почет, который оказывали мужчины своим сестрам, особенно старшим сестрам. На островах Тонга сестра считалась высшей по рангу, чем брат, и это старшинство распространялось и на детей.

На островах Самоа дети сестры были священны («тама са») для дядей; их боялись, потому что верили, что мать обладает

магической силой и может ее использовать во вред обидчику детей. На Тонга дети сестры были «фаху» для дяди и его детей, то есть могли требовать от них дани продуктами и вещами. «Фаху» мог даже взять в наложницы жену дяди. Этот обычай противоречит распространенному во всей Полинезии закону наследования старшинства по мужской линии[1].

Различия между Западной и Восточной Полинезией могут быть объяснены тремя причинами: местными особенностями развития, культурным влиянием островов Фиджи и ранним отделением от Центральной Полинезии.

Местные особенности развития отразились на искусстве и ремеслах, например на строительстве домов и ладей, а также на выделке лубяной ткани. Местные черты отмечаются во всех частях Полинезии, ибо нигде мастера и художники не придерживались полностью старых образцов. Так союз плотников Тагалоа черпал в своем вдохновении стиль новых строений.

Культурное влияние островов Фиджи сказалось в запрете общения братьев и сестер, широко распространенном в Меланезии, и в наделении властью детей сестры. Эта особая власть на Фиджи обозначается термином «вазу», и, очевидно, тонганцы восприняли не только сам обычай, но также и термин, принявший тонганскую форму «фаху». Фиджийский обычай вазу основан на меланезийской системе вести происхождение по матери. Муж там фактически является гостем в доме жены, а о его детях заботится брат жены. Муж в свою очередь заботится о детях своей сестры[2]. Такая система является столь же необычной для остальной Полинезии, как для Европы или Америки. Влияние Фиджи сказывается также в терминах, обозначающих родство,

---

[1] Архаические черты общественного строя самоанцев сказались не только в сохранении некоторых старинных семейных обычаев, но и в более существенных фактах, которые ускользнули от внимания Те Ранги Хироа. Базу социального быта островитян Самоа составляла в прошлом патриархально-семейная община (аинга, фале) совместно живущих родственников четырех-пяти поколений (30—40 человек), во главе со старейшиной—тулафале (он же семейный жрец). Несколько таких патриархальных общин составляли сельскую общину, управлявшуюся советом (фоно) из представителей семейных общин. Земля принадлежала общинам, частной земельной собственности не было. Однако от первобытного демократизма общественный строй самоанцев был уже далек. Общество делилось на сословия: «алии»—вожди; «тулафале»—свободные общинники; безземельные и неимущие люди, отбившиеся от общины; пленные рабы. Сами общины делились на аристократические и простые. Между ними складывались отношения зависимости и эксплуатации. Тем не менее до таких резких классовых противоречий и до примитивных форм государства, какие складывались в других частях Полинезии, самоанцы перед появлением европейцев не дошли.

[2] Обычаи типа «авункулата» (тесная связь племянника с дядей со стороны матери) и им подобные являются несомненными остатками эпохи матриархального рода. Они свидетельствуют о большей архаичности общественного строя Западной Полинезии сравнительно с Восточной; в этом отношении острова Самоа и Тонга действительно близки к Фиджи, где сохранилось еще больше пережитков материнского рода.

особенно в определяющих родство через брак. С Фиджи заимствовано ритуальное значение напитка кава. В области материальной культуры влияние островов Фиджи сказалось в выделке некоторых видов головных скамеек и оружия. Хорнел считает, что тонганцы, как и самоанцы, восприняли фиджийскую форму двойной ладьи, правда, сравнительно недавно. Название страны, куда направляются согласно самоанским мифам души мертвых «Пулоту», известно на Фиджи как «Булоту», но не встречается в мифологии Центральной и Восточной Полинезии.

Раннее отделение запада от центра привело к различиям в мифологии и религии. Широко распространенный миф о Мауи был занесен сюда, вероятно, потомками червей, то есть людьми, жившими до Тагалоа. Именно ранними связями между Самоа и Ра'иатеа можно объяснить распространение здесь съедобных растений и домашних животных Центральной Полинезии, о чем речь пойдет в следующей главе. Мореплаватели, прибывшие на Самоа с востока, по-видимому, были потомками обожествленного Тагалоа, которому они приписали сотворение островов Самоа. Племя Тагалоа, оставшееся в Ра'иатеа, должно было, вероятно, пойти на компромисс с другими племенами и включить их обожествленных предков в более общий пантеон. Позднее, когда на Ра'иатеа потомки Та'ароа (Тагалоа) стали достаточно влиятельными, они сделали своего предка верховным божеством; однако в культе Та'ароа отмечается множество деталей, которых нет на Самоа. Самоанский Тагалоа и ра'иатеанский Та'ароа имеют мало общего, за исключением имени и общих функций творца. Связи между западом и центром Полинезии должно быть прекратились раньше, чем месту общественных собраний (марае) было придано значение храма и прежде чем жрецы из Опоа окончательно систематизировали свою теологию, определив роли— Отца-Неба и Матери-Земли и различных богов Тане, Ту, Ронго и Тангароа, в ведение которых были переданы различные явления природы. Поэтому на островах Самоа и Тонга марае остались простыми деревенскими лужайками, а в Ра'иатеа марае превратились в места отправления культа, где люди сносились с могучими богами, неизвестными в западном пантеоне.

Многие защищают ту точку зрения, что Тагалоа приплыл на восток, в Центральную Полинезию, из Самоа вместе с культурными растениями и животными. Однако я полагаю, что он вместе с другими великими предками направился из Микронезии в Центральную Полинезию. Если бы вулканические острова Самоа, с их богатыми естественными ресурсами, были открыты после длительного путешествия через атолловые острова, они стали бы главным центром развития полинезийской культуры. Религиозный центр образовался бы не в Опоа, а на Самоа, если бы «боги» прошли этим путем.

Глава XXI

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ

Посади мою голову в землю,
И из нее вырастет дерево, плод
Которого напомнит тебе обо мне.

(*Самоанский миф о Туне*)

УГОРЬ ТУНА, возлюбленный Сины, как рассказывает самоанский миф, был убит ревнивыми поклонниками, но во время последнего свидания он предупредил Сину о нависшем над ним роке. Туна попросил возлюбленную отрезать его голову, когда его убьют, и посадить ее в землю. Он обещал, что из его головы вырастет дерево с такими плодами, которые дадут ей пищу и питье, а на самом плоде она увидит два глаза, которые некогда восхищались ею, и рот, который произносил нежные слова любви. Вот почему Сина посадила в землю голову Туны, из которой выросла кокосовая пальма.

Этот миф распространен по всей Полинезии, но вне Самоа вместо имени Сина распространен его диалектологический вариант — Хина. Даже в наши дни полинезиец, очищающий кокосовый орех для чужестранца, показывает на глаза и рот Туны, принявшие форму трех углублений на скорлупе. Углубление, соответствующее рту, проходит через всю толщу скорлупы и покрыто мягкой коркой. Через рот Туны пробивается росток будущего дерева, которое и до сих пор дает пищу и питье потомкам Сины.

Мифы придают романтическую окраску происхождению съедобных растений, игравших такую важную роль в экономической жизни полинезийцев. Однако этнолог не может полагаться на мифы, когда хочет выяснить, из каких мест завезено растение. Он должен проконсультироваться с ботаником, изучившим происхождение и распространение культурных растений Полинезии.

Растения, существовавшие в Полинезии в те времена, когда там впервые появился человек, были мало пригодны для питания. На вулканических островах имелись некоторые виды

ягод, корней, мякоть древовидного папоротника, его вьющиеся молодые побеги, а также побеги и стебли ползучих растений и морская трава. Даже в новейшее время все это употребляется в пищу на различных островах в неурожайные годы. Нельзя сомневаться, что первые поселенцы поедали эти растения до того, как были завезены новые. На атоллах единственным съедобным растением были корни портулака (Portulaca sp.), морская трава и, возможно, панданус на тех островах, куда семена этого растения могли попасть до прихода людей. Панданус, пышно разрастающийся на атоллах, а также на вулканических островах, дает большой плод, разделяющийся на дольки, подобно ананасу. Мякоть дольки составляет съедобную часть плода, а внешняя твердая оболочка содержит семя в водонепроницаемой полости. Высохшие дольки так легки, что могли быть перенесены на большие расстояния океанскими течениями и попасть на острова без участия человека. Профессор Сент-Джон, ботаник музея Бишопа, сообщил мне, что насчитываются десятки видов и разновидностей пандануса на различных тропических островах Тихого океана. Большинство видов встречается только на одном или на нескольких островах, и лишь очень немногие широко распространены. Отсюда можно заключить, что панданус, по-видимому, распространился здесь так давно, что было достаточно времени для образования многих местных видов. Панданус, без сомнения, появился в районе Тихого океана задолго до полинезийцев, хотя последние, несомненно, принесли с собой его культурную длиннолистную разновидность, которую начали выращивать на многих островах. Панданус представлял огромную экономическую ценность для полинезийцев не только благодаря своему съедобному плоду, но и благодаря листьям, идущим на плетение корзин и парусов и для покрытия кровли.

Важными плодовыми деревьями, произраставшими в Полинезии к тому времени, когда европейцы впервые пришли с ней в соприкосновение, были кокосовая пальма, хлебное дерево, бананы и пизанг. Основными клубневыми культурами были таро, ямс, арроурут, куркума и батат. Из прочих растений, используемых человеком, я упомяну лишь бумажное шелковичное дерево, снабжавшее сырьем для изготовления лубяной материи, и кабачок (Lagenaria vulgaris), из которых изготовлялись сосуды. Ботаники утверждают, что все эти растения, за исключением батата, происходят из индомалайского района. Все они переселились в Полинезию до открытия Америки Колумбом и потому не могли быть завезены позднейшими испанскими мореплавателями. Путешествия растений из Индонезии в Полинезию овеяны такой же романтикой, как странствия полинезийских мореплавателей.

Ботаники придерживаются различных мнений по вопросу о первоначальной родине кокосовой пальмы. Некоторые пола-

гают, что ею была Америка, другие утверждают, что Азия, и последние, по-видимому, более правы. Хотя сухой зрелый кокосовый орех может плыть, пока не размокнет, и мог, по-видимому, переноситься течениями и штормами от острова к острову, однако еще не установлено, как долго в состоянии просуществовать живой зародыш внутри ореха. Можно предположить, что кокосовый орех доплывал по течению до соседних островов и укоренялся там, однако нет доказательств, что он мог достичь таким образом и отдаленных островов. Распространение кокосовой пальмы по Полинезии следует приписать человеку. Все съедобные растения и бумажная шелковица, несомненно, ввезены сюда людьми.

Однако переселение растений с одного острова на другой сопровождалось бо́льшими трудностями, чем переселение людей, которые везли эти растения в своих ладьях. Человек обладал волей и вез с собой пищу и воду для удовлетворения своих потребностей. Растения же были беспомощными пассажирами с различной силой сопротивления солнцу, ветру и соленой воде. По прибытии на остров, безразлично коралловый или вулканический, человек мог приспособиться к окружающей среде, но растения, которые уцелели во время морского путешествия, приживались только на почве, соответствующей их специфическим потребностям.

Единственными растениями, которые прижились на атоллах, были кокосовая пальма и стойкая разновидность таро, которая росла в рвах, вырытых до подпочвенной солоноватой воды. Нежные разновидности таро требовали вулканической почвы. Другим съедобным растением атоллов, иногда употреблявшимся в пищу, было «нони» (Morinda citrifolia), и человек мог способствовать ее распространению. Все остальные культурные съедобные растения приживались только на вулканической почве и поэтому не могли переселиться в Полинезию морским путем через усеянное атоллами пространство. Микронезийский путь, следовательно, не годился для растений, ибо вулканические острова кончаются на Кусаие или по крайней мере у островов Банаба и Науру. Расстояние от Кусаие в Каролинском архипелаге до островов Общества составляет свыше 3000 миль, а до Самоа — 2500 миль. Промежуточные атоллы заселялись в течение длительного периода времени. В течение этого времени только кокосовая пальма, грубое таро, пандану и «нони» могли, переносясь с атоллла на атолл, попасть в Центральную Полинезию.

Другие съедобные растения могли распространяться в восточном направлении по Тихому океану только по тому пути, где вулканические острова представляли промежуточные базы, лежавшие на доступном расстоянии друг от друга. Таков южный путь через Меланезию. Я, правда, не ботаник, но предполагаю, что хотя полинезийцы и прибыли в Центральную Полинезию микронезийским путем, такие съедобные растения, как хлеб-

ные растения, хлебное дерево, бананы, ямс и менее грубое таро, были сначала завезены из Индонезии на Новую Гвинею и затем распространены меланезийцами вплоть до их крайнего восточного форпоста — Фиджи.

Древние разведывательные группы полинезийцев, которые прибыли из Микронезии прямо в центр Полинезии, на Ра'иатеа, на ее север, Гавайи, или на Самоа, находящееся в основании треугольника, могли привезти с собой только кокосовую пальму, панданус, «нони» и грубое таро. В Куалоа на острове Оаху (Гавайи) имеется глубокий и широкий ров, столь древний, что сами гавайцы не могут объяснить для чего он был вырыт. Сооружения, которые не могут быть объяснены людьми более поздней культуры, обычно принадлежат к более ранней культуре, умершей так давно, что ее памятники стали загадкой. Нельзя ли предположить, что глубокий ров, прорытый до подпочвенной воды, является свидетельством разведения грубой разновидности таро, ввезенной первыми поселенцами непосредственно с атоллов и заброшенной, когда лучшие сорта достигли Гавайских островов в более позднее время?

Более питательные съедобные растения, которые дошли до островов Фиджи, могли быть перенесены в Центральную Полинезию только через вулканические острова. Первым передаточным пунктом в Западной Полинезии был архипелаг Самоа или Тонга. Гиффорд утверждает, что тонганские мифы о происхождении растений ассоциируют их с Самоа, вернее с мифической страной Пулоту, расположенной где-то за Самоа. Таким образом, первая стадия переселения растений из Фиджи в Полинезию локализуется на Самоа.

Хлебное дерево, завезенное в Полинезию, не имеет семян и размножается только посредством молодых отростков, которые пробиваются из распространившихся корней растущего дерева. Банан также развивается из отростков, вырастающих вокруг материнского ствола. Ни одно из этих растений не могло бы пересечь моря, если бы их не перенес человек. Так как люди не могли взять с собой ростки в качестве запасов пищи на дорогу, то произрастание хлебного дерева и бананов убедительно доказывает, что растения эти были бережно перевезены переселенцами, собиравшимися обосноваться на вулканических островах. И действительно, Хэнди отыскал предания Маркизских островов об экспедиции, направлявшейся в Раротонгу на судне, нагруженном молодыми хлебными деревьями. Таро и ямс, вырастающие из клубней, также не имеют семян, с помощью которых они могли бы преодолевать пространство по воздуху или по морю. Все эти растения могли достичь Самоа из Фиджи только в ладьях человека[1].

[1] Хироа, признавая завоз культурных растений и домашних животных в Полинезию через Меланезию, тем самым невольно ослабляет свою собственную теорию «северного пути» полинезийцев.

Общение населения островов Фиджи и Самоа, по-видимому, началось в очень ранний период. Вероятно, передовые группы, осевшие к югу от острова Гильберта, достигли также некоторых островов Фиджи. Эти первые разведчики были смелыми и отважными людьми, управлявшими судами с величайшим искусством. Жители Фиджи располагали хорошими двойными лодками, которыми они прекрасно управляли в пределах их собственного архипелага. Однако они не предпринимали плаваний на восток, если не считать более поздних случайных путешествий, когда острова Самоа были уже населены полинезийцами. Если бы съедобные растения были завезены на восток фиджийцами, то Самоа превратились бы в меланезийскую колонию.

Из Самоа растения были завезены в полинезийские культурные центры на Ра'иатеа и Таити также в очень ранний период. Как растения, так и животные были насущной необходимостью для дальнейшего социального развития, которое началось в центре Полинезии. Как мы видели, связи между Самоа и Ра'иатеа прекратились, прежде чем жрецы в Опоа выдвинули различных обожествленных предков для создания общего пантеона, и таким образом Тагалоа-лаги завез в Самоа недоразвитую мифологию.

Форест Браун обнаружил много разновидностей хлебного дерева на Маркизских островах и в связи с этим пришел к выводу, что они были населены в течение очень долгого времени, необходимого для образования такого множества разновидностей. На Гавайях также обнаружено много разновидностей батата. Это свидетельствует либо об очень быстром развитии разновидностей в тропиках, либо о более древнем заселении Полинезии, чем мы предполагаем. Одна из разновидностей батата и таро на Гавайях, а также одна из разновидностей хлебного дерева на Таити приносят семена. Развились ли теперешние бессеменные разновидности из растений, приносивших некогда семена, и были ли первые растения перенесены с помощью семян? Эта проблема стоит еще перед ботаниками.

Со съедобными растениями тесно связаны домашние животные. Зоологи также утверждают, что свинья, собака и курица, распространенные в Полинезии, происходят из индо-малайской области. Животные достигли Америки через Атлантический океан задолго до того, как они проникли в Полинезию. Необходимо отметить, что ни одного из этих трех животных не было на коралловых атоллах Полинезии, когда европейцы впервые посетили их. По туамотуанской версии предания о происхождении собаки, она вывезена с Анаа, которая находилась в оживленных сношениях с Таити. Необходимо напомнить, что кокосовая пальма была привезена первыми поселенцами, и до тех пор, пока это растение широко не распространилось на атоллах, там было мало пищи для свиней и птицы. Собаки могли питаться рыбой или превратиться в вегетарианцев, но и для них шансы пережить

засухи и голод были невелики, особенно если иметь в виду, что они служили пищей хозяевам. Животные, распространенные в настоящее время на атоллах, были завезены после появления европейцев, когда кокосовая пальма широко распространилась, а торговые шхуны подвозили продовольствие из внешнего мира. В старину коралловые атоллы представляли собой барьер, препятствовавший распространению домашних животных. Они, по всей вероятности, были перевезены по меланезийскому пути и перешли на Самоа с островов Фиджи.

Одна самоанская легенда сообщает следующее о перевозке свиней. Самоанский мореплаватель посетил острова Фиджи, где его угостили свининой. Он, естественно, захотел взять с собой свиней на родину. Фиджийцы, однако, не разрешили вывезти живую свинью с острова, но не возражали против того, чтобы гость захватил с собой свинину в качестве продовольствия на дорогу. Тогда самоанцы достали двух очень больших свиней, убили и освежевали туши. Затем тайно от хозяев они достали несколько поросят и спрятали их в брюшной полости туш, которые они прикрыли листьями. Неся туши на палках, они обманули бдительность фиджийских таможенников., Так, по словам легенды, свиньи попали на острова Самоа.

Значение островов Фиджи как торгового центра нельзя переоценить. Западный треугольник Самоа—Тонга—Фиджи стал важным районом обмена и диффузии[1]. Развитию торговых отношений способствовали смешанные браки, и фиджийские обычаи, которые были полезны полинезийцам, охотно усваивались последними. Смешанные браки в семьях вождей приводили к тому, что в местах контакта развивалась более высокая фиджийская культура, включавшая в себя некоторые полинезийские элементы. Эта смешанная культура характеризовалась наследованием по мужской линии, усилением власти могущественных вождей и весьма сложными церемониями, которых не знала ранняя меланезийская культура, сохранившаяся на тех островах Фиджи, где не сказалось полинезийское торговое влияние. Жители островов Самоа и Тонга в свою очередь восприняли некоторые фиджийские обычаи, такие, как власть брата матери и запрет общения братьев и сестер. Торговые приемы, усвоенные в сношениях с фиджийцами, оказали влияние на психологический склад западных полинезийцев, ибо как бы они не скрывали это обрядами, жители Самоа были достаточно смышлеными, чтобы научиться торговать и приобрести коммерческую жилку,

[1] «Диффузия» элементов культуры с Фиджи в Полинезию (как и обратно) действительно имела место. Однако автор, следуя буржуазной методологии, не различает распространения культурных растений, домашних животных и некоторых технических навыков от развития основных черт общественного строя; последние (например формы матриархата и его пережитки) отнюдь не составляют предмета «диффузии», а развиваются самостоятельно, по внутренним законам каждого общества.

не свойственную остальным полинезийцам[1]. Изменения в области культуры, которые произошли в западной части треугольника, первоначально были вызваны торговлей и обменом съедобными растениями и домашними животными. Связь продолжалась, ибо как самоанцы, так и тонганцы нуждались в красных перьях фиджийских попугаев для орнаментации своих тонковыделанных циновок и украшений, а тонганцам не хватало стройного леса для лодок и сандалового дерева для воскурений в честь умерших.

Итак, растения и животные были перевезены в Центральную Полинезию, однако фиджийские обычаи укоренились только на западных островах. Из центра растения, животные и политеистическая мифология переносились по радиальным направлениям позднейшими мореплавателями с X по XIV в. По северному пути все растения и животные были завезены на Гавайские острова, а по северо-восточному все они, за исключением собаки, добрались до Маркизских островов. С Маркизских островов все растения были перевезены на Мангареву, но домашняя птица вымерла, и только свинья здесь временно прижилась. На отдаленном острове Пасхи не разводили ни кокосовой пальмы, ни хлебного дерева, а из трех видов животных сохранилась только курица. По южному и юго-восточному путям жителями южных островов завезены все растения и все три вида животных. Однако на южной Рапе не было ни хлебного дерева, ни кокосовых пальм, ни животных. К юго-западу от архипелага Кука встречались все растения, но животные разводились только на отдельных островах. Так, например, свиней, этих ценных домашних животных, распространенных на Раротонге, Атиу, Мауке и Митиаро, не было на Антутаке и Мангайе. У меня нет сведений о разведении собак и домашней птицы на островах Кука. На юге в Новой Зеландии прижились таро, ямс и маленькая тыква. Но из трех видов животных до появления европейцев там была лишь собака.

Бумажная шелковица разводилась на всех вулканических островах, включая Гавайи, остров Пасхи и Новую Зеландию.

Распространение растений и животных на всех островах Полинезии подтверждает тот факт, что ранним разведывательным группам удавалось добираться до отдельных архипелагов по счастливой случайности. Лишь в более поздний период, начавшийся с X в., за пионерами последовали мореплаватели, предпринимавшие путешествие со специальной целью обосноваться на вновь открытых островах. Независимо от свидетельств,

[1] Указывая на «коммерческую жилку» самоанцев, автор имеет в виду следующий факт: в то время как на других полинезийских островах господствовал обычай работы ремесленника на заказчика, только на Самоа, из всей Полинезии, был распространен торговый обмен и туземные деньги. В этом самоанцы были близки к меланезийцам.

имеющихся в древних преданиях, можно сделать логическое заключение, что поселенцы не стали бы переносить нежные отростки хлебного дерева и бананов на расстояние более 2000 миль, отделявших их от Гавайских островов, и банановые отростки на расстояние свыше 1000 миль до острова Пасхи, если бы они не имели некоторого представления о местах, куда направлялись их ладьи.

Распространение на Гавайских островах большой калебассы, которой, кажется, не обнаружено на других островах Полинезии, представляет собой загадку. Благодаря его величине из этого растения изготовлялись отличные короба для одежды(«ипу нуи»). Калебассу использовали также для хранения толченого таро. Ботаники называют это растение Cucurbita maxima и включают его в группу тыкв, которая отличается от группы кабачков (Lagenaria vulgaris), широко распространенной по всей Полинезии.

Первоначальной родиной различных видов тыкв, кабачков и дынь считают Америку. Возникает вопрос, как же большие тыквы попали на Гавайи? Они не могли быть завезены сюда одновременно с бататом, так как в этом случае встречались бы на других островах Полинезии. Гавайцы рассказывают, что большая тыква первоначально также называлась «хулилау», так как листья и цветы нельзя было отличить от листьев и цветов других тыкв, разновидности которых служили для различных целей. Возможно, что большую тыкву ошибочно относят к роду тыкв и что она должна принадлежать к группе кабачков. Если это так, то вопрос становится ясным: она могла быть завезена как обычный кабачок из Центральной Полинезии и развиться в крупноплодную разновидность на Гавайях.

Обратимся к вопросу о появлении батата (Ipomoea batatas), который перенесен в Полинезию с востока, а не из Азии, ибо ботаники установили, что первоначальной родиной его является Южная Америка. Теория одного немецкого ученого[1], согласно которой бататы были завезены в Полинезию испанцами, основана на ложной информации, и ее следует считать несостоятельной. Из преданий мы узнаем, что бататы уже появились на Гавайях к 1250 г. нашей эры, а в Новой Зеландии — самое позднее к 1350 г. Так как не существует преданий о более позднем соприкосновении с внешним миром, очевидно, полинезийцы сами перевезли бататы из Центральной Полинезии в северный и южный углы Полинезийского треугольника. Таким образом, бататы достигли островов Общества еще до последних морских путешествий полинезийцев на север и на юго-запад.

Покойный профессор Роланд Диксон утверждал, что бататы были распространены в Полинезии еще до того, как Колумб

---

[1] Имеется в виду умерший в 1947 г. немецкий этнограф Георг Фридерици.

достиг берегов Америки, и что заявление, будто испанцы распространили это растение, является несостоятельным. «Это растение могло попасть в Полинезию из Америки только с помощью человека, а так как мы не имеем никаких данных о том, что индейцы тихоокеанского побережья Южной Америки, где выращивался батат, обладали когда-либо знаниями и искусством, необходимыми для дальних морских путешествий, — то мы вынуждены заключить, что перенесение растения было осуществлено полинезийцами. Когда-то группа этих бесстрашных мореплавателей достигла перуанского берега и захватила с собой ценное растение, возвращаясь обратно на родные острова».

Перуанский берег назван Диксоном потому, что в кечуанском[1] диалекте северного Перу батат известен как «кумар», а общее для всей Полинезии название этого растения «кумара» свидетельствует о том, что этот корнеплод получен из района, где употребляется родственное название.

Итак, незадолго до начала XIII в. неизвестный полинезийский мореплаватель отправился к востоку в поисках новой земли. Хотя остров Пасхи и является ближайшим к Америке, а расстояние в 2030 миль укладывается в предполагаемый радиус действия полинезийских лодок, однако никакая экспедиция не могла отправиться с этого острова ввиду отсутствия строевого леса, необходимого для сооружения большой лодки. Также невероятно, чтобы остров Пасхи был использован в качестве промежуточной базы, ибо любой путешественник, который проплыл бы по морю более 1000 миль, направляясь с ближайшего острова Восточной Полинезии, поселился бы там и не отправился бы дальше. Я думаю, что экспедиция надеялась обнаружить землю недалеко от отправного пункта и что ввиду почти полного отсутствия островов в восточных морях мореплаватели вынуждены были продвигаться вперед, пока не достигли южноамериканского берега.

Ближайшими островами, с которых такая экспедиция могла отправиться в путь, были острова Мангарева и Маркизские. Атоллы Туамоту исключаются, так как предполагается, что семена качабков (Lagenaria vulgaris) были ввезены в Южную Америку из Полинезии в доколумбовы времена, а такие кабачки не растут на Туамоту. Экспедиция из Мангаревы должна была встретить на своем пути остров Пасхи и обосноваться там. Однако даже в том случае, если бы лодка продолжала свой путь дальше от острова Пасхи, то и тогда она бы достигла американского берега южнее Перу, где название кумар к батату не применяется. Свободное открытое море между Маркизскими

[1] Кечуа — один из самых крупных народов северо-западной части Южной Америки. Кечуа составляли ядро государства инков в древнем Перу, разрушенного испанскими завоевателями в XVI в. Ныне численность кечуа составляет около 5 500 000 человек.

островами и северным Перу не давало возможности остановиться на пути. Поэтому мы предполагаем, что мореплаватели, достигшие Южной Америки, отправились в путь с Маркизских островов.

Расстояние от Маркизских островов до северного побережья Перу составляет более 4000 миль. Диксон считает, что радиус плавания полинезийских судов составлял 2500 миль; однако эта цифра основана на данных о путешествиях, предпринимавшихся в пределах Полинезии. При наличии благоприятного ветра лодки могли плыть со скоростью семи миль в час, то есть путешествие от Маркизских берегов до берегов Южной Америки продолжалось бы в этом случае немногим более трех недель.

Такое плавание вполне могли осуществить люди сильные и стойкие. Однако этот исключительный подвиг мог быть совершен только один раз. Если бы руководитель экспедиции знал заранее, что расстояние до ближайшей земли так велико, он, наверное, подождал бы, пока прекратится западный ветер, и поплыл бы в обратном направлении.

Я не буду описывать переживаний путешественников, которые плыли день за днем, не находя земли, и вдруг, когда надежда уже угасала, увидели на горизонте громадную страну с горами, упиравшимися в небо. Какое необычайное зрелище открылось перед людьми, привыкшими к ландшафту океанических островов! Они высадились на землю, и здесь, вероятно, столкнулись с чужим народом.

Опасаясь дальнейших стычек с более многочисленным противником, мореходы решили возвратиться в свою родную Полинезию.

Контакт был слишком непродолжительным для того, чтобы могло произойти заимствование религиозных идей или общественных обычаев. Но из материальных предметов полинезийцы могли захватить с собой семена тыквы и безусловно заимствовали батат[1].

Полинезийский вождь переобрудовал и снабдил припасами свое судно. Он сложил в него запас молодых корнеплодов и при благоприятном ветре отплыл на запад к родным берегам. Боги были милостивы к храбрецам, о чем свидетельствует появление батата в Полинезии. Если экспедиция и отплыла с каких-либо других островов Полинезии, то возвратилась она, по-видимому, на Маркизские острова, где бататы разводятся издавна. Позднее они распространились на восток до Мангаревы и острова Пасхи, а также на запад до островов Общества.

---

[1] Плавания древних полинезийцев к берегам Америки признаются сейчас всеми учеными. В то же время, как было отмечено в предисловии, культурно-исторические связи между народами Океании и Америки еще далеко не достаточно изучены и точка зрения Хироа может рассматриваться лишь как одно из возможных решений указанной проблемы.

Неизвестный полинезийский путешественник, который привез с собой из Южной Америки батат, внес величайший вклад в достижения полинезийских мореплавателей. Он завершил серию путешествий через обширнейшую часть огромного Тихого океана, разделявшую Азию и Южную Америку. Однако преданий о нем не сохранилось. Мы не знаем ни его имени, ни названия его судна, хотя неизвестный герой, стоит в ряду величайших полинезийских мореплавателей за свой великий подвиг.

ЭПИЛОГ

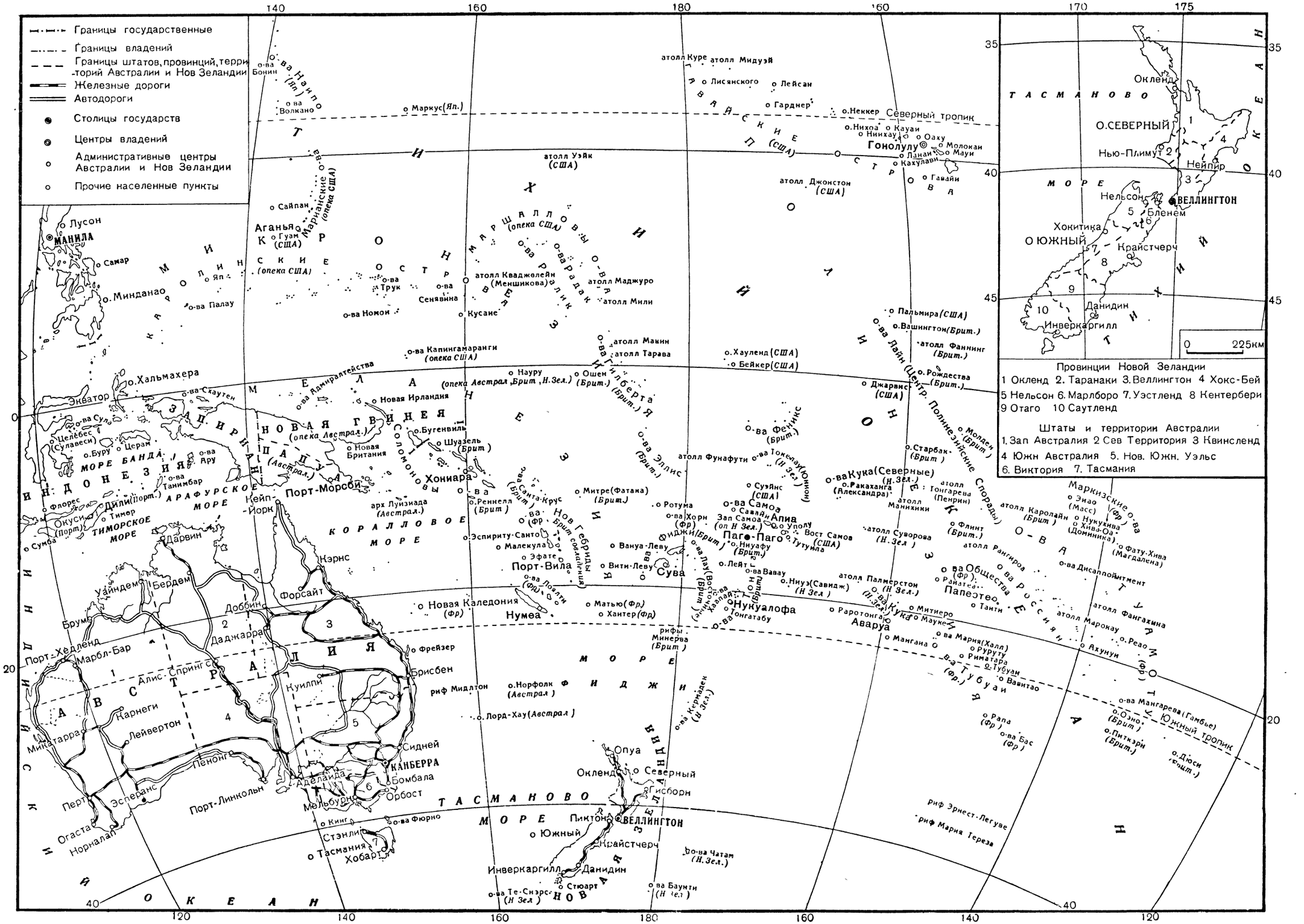
Старая сеть отложена,
Новая сеть идет на ловлю.

(*Маорийская пословица*

СТАРЫЙ мир, созданный нашими полинезийскими предками, ушел в прошлое, а новый мир еще только создается. Каменные храмы разрушены, и давно уже молчат священные барабаны и трубы-раковины. Тане, Ту, Ронго, Тангароа и дру ие потомки божественной семьи отца-Неба и матери-Земли покинули нас. Большие ладьи для дальних плаваний рассыпались в прах, а отважные моряки и искусные судостроители переселились в страну духов. Регалии и символы духовной и светской власти разбросаны по музеям чужеземных народов. Слава Полинезии каменного века померкла.

Старая сеть уже вся в дырах, прогнили ее ячейки, и она отброшена в сторону.

Какую же новую сеть закинем мы в море?


Границы государственные
Границы владений
Границы штатов, провинций, территорий Австралии и Нов Зеландии
Железные дороги
Автодороги
Столицы государств
Центры владений
Административные центры Австралии и Нов Зеландии
Прочие населенные пункты
Провинции Новой Зеландии
1 Окленд 2. Таранаки 3. Веллингтон 4 Хокс-Бей
5 Нельсон 6. Марлборо 7. Уэстленд 8 Кентербери
9 Отаго 10 Саутленд
Штаты и территории Австралии
1. Зап Австралия 2 Сев Территория 3 Квинсленд
4 Южн Австралия 5. Нов. Южн. Уэльс
6. Виктория 7. Тасмания
0 225км
МАНИЛА
Канберра
Веллингтон
Сидней
Мельбурн
Аделаида
Брисбен
Перт
Порт-Морсби
Хониара
Нумеа
Порт-Вила
Сува
Нукуалофа
Апиа
Паго-Паго
Папеэтэ
Гонолулу
Окленд
Нью-Плимут
Нейпир
Нельсон
Бленем
Хокитика
Крайстчерч
Данидин
Инверкаргилл
Дарвин
Кэрнс
Брум
Порт-Хедленд
Марбл-Бар
Карнеги
Лейвертон
Минатарра
Пенонг
Порт-Линкольн
Эсперанс
Огаста
Норналап
Порт-Кэмпбелл
Порт-Фэйри
Стэнли
Хобарт
Тасмания
Южный
Пиктон
Стюарт
Нукуалофа
Сува
Нумеа
Порт-Вила
Хониара
Апиа
Паго-Паго
Папеэтэ
Гонолулу
Окленд
Веллингтон
Крайстчерч
Данидин
Инверкаргилл
Северный
Гисборн
Нейпир
Нью-Плимут
Хокитика
Нельсон
Бленем
Крайстчерч
Данидин
Инверкаргилл
Северный
Южный
Тасмания
Новая Гвинея
Новая Каледония
Новая Зеландия
Новая Ирландия
Новая Британия
Новая Каледония
Новая Зеландия
Северный тропик
Южный тропик
Экватор
Риф Эрнест-Легуве
Риф Мария Тереза
Риф Мидлтон
Риф Минерва
Море Банда
Арафурское море
Тиморское море
Коралловое море
Тасманово море
Море Фиджи
Море Тасмана
Индонезия
Австралия
Океания
Полинезия
Меланезия
Микронезия
Тасманово
Северный
Южный
Новая Зеландия
Новая Гвинея
Новая Каледония
Новая Ирландия
Новая Британ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Те Ранги Хироа и его книга 5
Предисловие автора 11
Глава I. Великий океан 13
Глава II. Антпологические особенности полинезийцев 22
Глава III. Откуда они пришли? 28
Глава IV. Суда и судостроители 33
Глава V. Восточный горизонт 44
Глава VI. Первые мореплаватели и переселенцы 52
Глава VII. Центр треугольника 62
Глава VIII. Сердце Полинезии 76
Глава IX. Юго-западный путь 87
Глава X. Северо-западные атоллы 103
Глава XI. Северные экваториальные острова 113
Глава XII. Северо-восточный радиус 120
Глава XIII. Юг и юго-восток 133
Глава XIV. Восточные атоллы 145
Глава XV. По пути восходящего солнца 157
Глава XVI. Загадка острова Питкэрн 172
Глава XVII. Вершина треугольника 177
Глава XVIII. Северный угол 191
Глава XIX. Южный угол треугольника 206
Глава XX. Основание треугольника 225
Глава XXI. Переселение растений и животных 241
Эпилог 252

Те Ранги Хироа (П. Бак)
МОРЕПЛАВАТЕЛИ СОЛНЕЧНОГО ВОСХОДА
Редактор *С. Н. Кумкес*
Художественный редактор *С. С. Верховский*
Технический редактор *С. М. Кошелева*
Редактор карт *А. В. Голицын*
Корректор *Г. И. Ландратова*

№ Т—00780. Сдано в производство 10/X—58 г. Подписано в печать 17/II—59 г. Формат 60×92/16. Физических листов 17,66 печатных листов 16+1,66 л. вкл. Издательских листов 17,85. Тираж 50.000. Цена 5 р. 60 к. переплет 1 р. 50 к. Зак. 554

Москва, В—71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

16-я типография Московского городского Совнархоза
Москва, Трехпрудный пер., д. 9.

КНИГИ ИЗВЕСТНЫХ ГЕОГРАФОВ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

П. П. Семенов-Тян-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань, 275 стр., ц. 8 руб.

К. Родаль. Север, 248 стр., ц. 6 р. 35 к.

К. Борхгревинк. У Южного полюса, 324 стр., ц. 11 р. 50 к.

Д. Гиавер. Модхейм (два года в Антарктике), 254 стр., ц. 5 р. 50 к.

Г. Стенли. В дебрях Африки, 445 стр., ц. 10 р. 50 к.

Г. Бейтс. Натуралист на реке Амазонке, 428 стр., ц. 11 руб.

А. Э. Брем. Путешествие по северо-восточной Африке. 646 стр., ц. 14 р. 15. к.

Э. Шеклтон. В сердце Антарктики, 446 стр., ц. 16 р. 10 к.

Д. Ливингстон. Путешествие и исследования в Южной Африке, 392 стр., ц. 8 р. 85 к.

Ф. Нансен. «Фрам» в Полярном море, ч. I, 368 стр., ц. 9 р. 65 к.; ч. II, 352 стр., ц. 9. р. 65 к.

Эти книги продаются в местных магазинах. В случае их отсутствия направляйте заказы по адресу:

Москва Е-116, Энергетическая ул., д. 8, корп. 2, Магазин № 104 Москниготорга, отдел «Книга—почтой».

Приобретайте книги популярной серии «Замечательные географы и путешественники», выпускаемой Государственным издательством географической литературы.

Эта серия познакомит Вас с крупнейшими русскими и иностранными учеными и путешественниками.

Антонов А. Е. *Ф. П. Литке*, 1955, 40 стр., ц. 60 коп.

Варшавский А. *Лаперуз*, 1957, 54 стр., ц. 90 коп.

Вязов Е. И. *Васко да Гама*, 1956, 39 стр., ц. 60 коп.

Давыдов Ю. *Джон Франклин*, 1956, 47 стр., ц. 75 коп.

Забелин И. *Чокан Валиханов*, 1956, 51 стр., ц. 80 коп.

Карпов Г. В. *В. К. Арсеньев*, 1955, 46 стр., ц. 75 коп.

Карпов Г. В. *Чарлз Дарвин*, 1957, 46 стр., ц. 70 коп.

Карпов Г. В. *Роберт Пири*, 1956, 39 стр., ц. 60 коп,

Лебедева Н. А. и Лебедев Н. К. *Элизе Реклю*, 1956 49 стр., ц. 60 коп.

Леонов Н. И. *Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский*, 1957, 47 стр., ц. 75 коп.

Магидович И. П, *Христофор Колумб*, 1956, 35 стр., ц, 55 коп.

Мурзаев Э. М. *Н. М. Пржевальский*, 1957, 48 стр., ц. 75 коп.

Пасецкий В. М. *Вилем Баренц*, 1956, 40 стр., ц. 60 коп.

Пасецкий В. М. *Джордж де Лонг*, 1957, 45 стр., ц. 70 коп.

Петухов А. Ф. *П. К. Козлов*, 1954, 38 стр., ц. 60 коп.

Свет Я. М. *Фернандо Магеллан*, 1956, 38 стр., ц. 60 коп.

Трешников А. Ф. и Пасецкий В. М. *Соломон Андре*, 1957, 46 стр., ц. 70 коп.

Фрадкин Н. Г. *С. А. Крашенинников*, 1951, 40 стр., ц. 65 коп.

Модели для сборки из цветной бумаги